

П.А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

РОССИЙСКОЕ
САМОДЕРЖАВИЕ
В КОНЦЕ
XIX
СТОЛЕТИЯ

П. А. ЗАЙОНЧОВСКИЙ

РОССИЙСКОЕ
САМОДЕРЖАВИЕ
В КОНЦЕ
XIX
СТОЛЕТИЯ

(ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ
80-х — НАЧАЛА 90-х ГОДОВ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

МОСКВА • 1970

9(С)16

3-17

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

1-6-4
102-70

ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА
АНДРЕЯ ЧЕСЛАВОВИЧА
ЗАЙОНЧКОВСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга посвящена исследованию внутренней политики российского самодержавия в период политической реакции 80-х — первой половины 90-х годов (1882—1894). Хронологические рамки исследования определяются, с одной стороны, серединой 1882 г. — назначением на пост министра внутренних дел гр. Д. А. Толстого, означавшим утверждение открыто реакционного правительственного курса. С другой — 1895 годом, характеризовавшимся некоторым ослаблением реакции под влиянием нового общественного подъема, который находит свое первоначальное проявление в оживлении общественной деятельности в период голода 1891—1892 гг., а позднее в создании «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса».

С середины 90-х годов начинается также и промышленный подъем. Непосредственным следствием всего этого явились массовые рабочие стачки. Значительно усиливается также и студенческое движение. Все эти процессы влекут за собою, естественно, и некоторые изменения правительственного курса.

Настоящее исследование является непосредственным продолжением книги «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов»¹.

Автор в данной работе концентрирует свое внимание на основных вопросах исследуемой темы: анализе деятельности высших государственных учреждений, а также правительственного аппарата на местах; политике

¹ См. П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964.

правительства в области суда, просвещения, цензуры. Большое место уделяется подготовке проведения контрреформ.

Экономическая и финансовая политика правительства, являющаяся предметом специального исследования, рассматривается в работе лишь в той части, в какой это необходимо для понимания правительственной политики в целом.

Политика правительства по рабочему вопросу, неразрывно связанная с рабочим движением, являясь также предметом специального научного исследования, не рассматривается в данной книге. Этой проблеме посвящена специальная работа И. И. Шелымагина «Фабрично-трудовое законодательство в России (вторая половина XIX в.)»², в которой с достаточной полнотой освещается этот вопрос. К тому же имеется ряд общих работ, посвященных истории рабочего класса в России³.

Ряд вопросов исследуемой темы разработан моими учениками в их кандидатских диссертациях⁴. Поэтому они освещаются в данной работе менее подробно, причем делается ссылка на исследования указанных авторов.

Утверждение политической реакции в рассматриваемый период определяется, естественно, целым рядом объективных обстоятельств (слабостью массового движения, отсутствием революционных партий, недостаточной активностью либеральной оппозиции, инертностью широких слоев интеллигенции), однако конкретные формы правительственной политики зависели от многих причин. «...Имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил,— писал Энгельс в 1890 г. Иосифу Блоху,— и из этого перекрещивания выходит один общий результат —

² См. И. И. Шелымагин. Фабрично-трудовое законодательство в России (вторая половина XIX века). М., 1947.

³ См. К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, I—III. Л., 1924—1925; М. С. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I—II. М., 1926.

⁴ См. Л. Г. Мамулова (Захарова). Земская контрреформа 1890 года, канд. дисс. М., 1962; Г. И. Щетинина. Университетский вопрос в 70—80-х годах XIX века и университетский устав 1884 г., канд. дисс. М., 1965; Е. М. Брусникин. Политика царизма по крестьянскому вопросу в период политической реакции в 80-х — начале 90-х годов XIX века, канд. дисс. М., 1965.

историческое событие»⁵. Среди этих «бесконечных сил» немалую роль играют политические деятели — правители, роль которых, особенно в самодержавном государстве, весьма значительна. Именно в силу этого в работе отводится известное место личным характеристикам тех, кто управлял Россией.

Приношу благодарность студентам моего семинара на историческом факультете Московского университета А. И. Филатову и Н. В. Зейфман за информацию о некоторых архивных материалах.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 2. М., 1955, стр. 469.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

После убийства Александра II на престол вступил его сын Александр III. С его именем связан длительный период политической реакции, долгие годы определявшей внутривнутриполитический курс российского самодержавия.

Однако произошло это не сразу. Несмотря на свои реакционные воззрения, новый император не только не решился тотчас же провести в жизнь какие-либо консервативные меры, но даже провозгласить основные принципы своей политики. Первые недели царствования новый император чувствовал себя буквально в положении затравленного зверя. В конце марта он тайком переезжает в Гатчину, где ведет жизнь полупленника под многочисленной охраной пеших и конных часовых.

Убийство Александра II не вызвало в широких массах народа каких-либо антиправительственных выступлений ни в Петербурге, ни в других городах, на что так рассчитывали народовольцы. У «Исполнительного Комитета» партии «Народная воля» не хватило сил, чтобы поддержать этот акт чем-либо, хотя бы «вторым изданием» Казанской демонстрации 1876 г. или выступлением студентов либо военных. Не хватило сил и для продолжения террористической борьбы. «...Революционеры,— писал В. И. Ленин,— исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым,

что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами»⁶.

Широкие круги интеллигенции, и в первую очередь молодежь, разочаровались не только в народовольчестве, но и в народничестве вообще. Акт убийства царя вызвал общественную реакцию, противоположную той, которую ожидали народовольцы.

Все это и дало возможность новому императору выступить 29 апреля 1881 г. с манифестом об укреплении самодержавия, провозгласившим открыто реакционный курс. Однако и провозглашение нового курса отнюдь не означало его немедленной реализации. «...Правительство Александра III,— писал В. И. Ленин,— даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурочить «общество»»⁷.

Открытый реакционный курс утвердился лишь год спустя, с приходом к власти министра внутренних дел гр. Д. А. Толстого. Реакция, нарастая с каждым годом, продолжалась до середины 90-х годов, когда под влиянием нового общественного подъема она несколько ослабла. Политическая реакция была возможна лишь в условиях определенной общественной обстановки. Массовое народное движение отсутствовало: крестьянские волнения по-прежнему носили локальный характер, рабочие выступления в условиях промышленного кризиса и депрессии не могли получить большого распространения. Морозовская стачка 1885 г. и последовавший за ней некоторый рост рабочих выступлений хотя и испугали правительство, заставив его пойти на издание закона 3 июля 1886 г., касающегося рабочего вопроса, однако все же были недостаточны для изменения правительственного курса.

Революционное движение также было не способно противодействовать реакции. В революционном народничестве происходит глубокий кризис, приведший к распаду организации; социал-демократия, переживая «утробный период» своего развития, естественно, не могла оказать какое-либо противодействие политике реак-

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 44.

⁷ Там же, стр. 46.

ции. Либеральное движение было по-прежнему слабым, и его сопротивление реакции не имело существенного значения. Среди широких слоев интеллигенции получают большое распространение упадническое настроение, «теория малых дел» и идеи о непротивлении злу насилем.

С наступлением 90-х годов начинается новый общественный подъем. Главное свое выражение он находит в деятельности «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», знаменовавших собою новый период в русском освободительном движении. Эта общественная обстановка и заставила правительство если не изменить курс, то во всяком случае ослабить политическую реакцию.

Характеристика исторической обстановки, в которой осуществлялась реакционная политика российского самодержавия, была бы неполной, если не остановиться на экономическом положении страны. Этот период знаменовался быстрым процессом капиталистического развития.

Если внутривнутриполитический курс был рассчитан на сохранение пережитков феодальных отношений, усиление роли дворянства, сохранение патриархальных отношений в деревне, то экономическая политика правительства в основном была направлена на развитие капитализма. Это в первую очередь характеризовалось таможенной политикой, системой запретительных тарифов, способствовавших развитию промышленности, привлечению в Россию иностранных капиталов.

Таким образом, правительственная политика в области экономики была крайне противоречива. С одной стороны, принимались законы, призванные сохранять существующие пережитки феодальных отношений, с другой — интересы страны, а также обороноспособность государства требовали таких мер, которые способствовали бы развитию страны по пути капитализма. Больше того, те меры, которые проводились правительством в целях консервации патриархальных отношений в деревне, в области экономики не достигали своей цели. Задержать процесс экономического развития российское самодержавие было не в силах.

Такова историческая обстановка в 80-х — начале 90-х годов в России.

ИСТОЧНИКИ

Источники настоящего исследования подразделяются на следующие основные группы: материалы официального делопроизводства, т. е. официально-документальные, мемуарные — дневники и воспоминания, эпистолярные и публицистику.

Основная часть использованных источников относится, естественно, к первой группе. Эти источники в свою очередь подразделяются на ряд подгрупп.

К первой из них мы относим источники законодательного характера в широком смысле этого слова, начиная от материалов, относящихся к подготовке того или иного законопроекта до окончательного текста самого законоположения, помещенного в Полном собрании законов.

В рассматриваемый нами период наряду с Государственным советом — высшим законосовещательным органом — большое значение приобрел Комитет министров, наиболее консервативный по своему составу. Именно в нем рассматривались порой наиболее реакционные законопроекты, как, например, «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», «Временные правила о печати» 1882 г.⁸, «Правила об имущественной ответственности отдельных сельских обществ за порубки леса»⁹ и др. Журналы Комитета министров, просмотренные мною целиком за исследуемые годы, представляют большой интерес для изучения правительственной политики. Наряду с обсуждением законопроектов встречаются данные о рассмотрении земских ходатайств, отчеты генерал-губернаторов, что представляет большой интерес, особенно в связи с «высочайшими пометами». В них же рассматриваются различные вопросы, связанные с превышением власти губернаторами, и т. д.

Журналы Комитета министров весьма лаконичны по своему содержанию и, как правило, не содержат происходящих при обсуждении вопроса разногласий (а если в редких случаях это и имеет место, то излагаются они

⁸ Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА), ф. Комитета министров, д. 4251, ст. 675.

⁹ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4544, ст. 1000.

в весьма общей форме). Более того, порой в журналах встречается прямая фальсификация, как это удалось установить благодаря дневнику управляющего Морским министерством Шестакова по делу об ответственности за порубку леса в Уфимской губернии ¹⁰.

Протоколы заседаний, на основе которых составлялись журналы, не сохранились. В приложениях к журналам Комитета министров имеются представления министров или других административных лиц по тому или другому вопросу, а также годовичные губернаторские отчеты, рассматривавшиеся в Комитете министров.

Более полно велось делопроизводство в Государственном совете. Дела, рассматривавшиеся в Государственном совете, состоят из законопроекта, представленного тем или иным министром или главноуправляющим ведомством, с подробным обоснованием необходимости его. Далее, в делах содержатся отзывы лиц, коим рассылался представленный законопроект, замечания по этому отзыву соответствующего министра, журналы или мемории заседания как Соединенных департаментов, так и Общих собраний Государственного совета. В отдельных случаях в приложениях к делам сохранились протоколы заседаний Департамента и Общего собрания, дающие возможность ознакомиться с ходом прений. Однако и эти протоколы не всегда подробно излагали происходившие обсуждения. К такому выводу мы приходим, анализируя запись выступления Победоносцева на заседании Государственного совета 17 декабря 1888 г. в связи с обсуждением проекта закона о земских начальниках. Сопоставляя письмо Победоносцева Александру III, в котором он излагает свое выступление, с протокольной записью, находим, что письмо более подробно сообщает содержание его речи. В письме Победоносцев останавливается на таких сторонах своего выступления, которые не могли быть приятны императору; в силу этого приписывать себе то, что он не говорил, не было никаких оснований ¹¹.

К материалам Государственного совета, представляющим наибольшую важность для нашей темы, отно-

¹⁰ См. стр. 180—182.

¹¹ ЦГИА, ф. Департамента законов 1889 г., д. 44 (приложение); «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. II. М., 1925, стр. 207.

сятся дела Департамента законов: «Об утверждении общего устава и штата императорских российских университетов» (д. 53 за 1889 г.); «Об утверждении положения о земских участковых начальниках, съездах сих начальников и о губернских по сельским делам присутствиях» (д. 44 за 1889 г.); «Об утверждении положения о губернских и уездных земских учреждениях» (д. 23 за 1890 г.); «Об утверждении нового городского положения» (д. 38 за 1892 г.) и ряд других. Все перечисленные дела содержат и протоколы заседаний Соединенных департаментов. Необходимо отметить, что не все законопроекты рассматривались либо в Государственном совете, либо в Комитете министров. Иногда они принимались царем на основе тех или иных докладов того или иного министра либо другого лица. В самодержавном государстве любое решение главы государства считалось законом независимо от формы, в какой оно было изложено.

Ко второй подгруппе официально-документальных материалов необходимо отнести погодные всеподданнейшие отчеты и всеподданнейшие доклады тех или иных министров или главноуправляющих отдельными ведомствами. Необходимо сказать, что за рассматриваемый период погодные министерские отчеты отсутствуют¹², за исключением одного — отчета за 1884 г. министра народного просвещения¹³, представляющего несомненный интерес с точки зрения программы дальнейших мер в области просвещения, намечавшихся Деляновым. Среди источников этой подгруппы большое значение имеет черновой экземпляр (возможно, отпуск) отчета Главного управления печати за 10 лет, с 1882 по 1891 г.¹⁴ Этот отчет содержит разнообразные данные, характеризующие деятельность цензурного ведомства за указанный период. К сожалению, приложения, на которые дается ссылка, в отчете не сохранились. Несомненный интерес также представляют всеподданнейшие доклады мини-

¹² См. статью Р. Ю. Мациной «Министерские отчеты и их особенности как исторического источника» («Проблемы архивоведения и источниковедения». Л., 1964, стр. 209—226).

¹³ ЦГИА, ф. Департамента народного просвещения, оп. 345, д. 69 за 1884 г.

¹⁴ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 20, д. 1441.

стра внутренних дел. Большой интерес вызывает доклад гр. Д. А. Толстого Александру III от 18 декабря 1886 г., содержащий в себе программу контрреформ¹⁵. Наиболее полно сохранились его доклады по цензурному ведомству, содержащие предположения о репрессиях в отношении тех или иных органов периодической печати¹⁶. Из других источников этого типа назовем доклад министра внутренних дел о закрытии Кахановской комиссии¹⁷. К сожалению, фонд Канцелярии министра внутренних дел, как уже говорилось в обзоре источников моей книги «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», сохранился далеко не полностью, вследствие чего многие доклады министра царю не сохранились¹⁸. Из всеподданнейших докладов министра народного просвещения нами использован ряд черновых вариантов их, хранящихся в личном фонде Деянова¹⁹.

К этой подгруппе источников относятся и губернаторские отчеты, представлявшиеся ежегодно на «высочайшее имя». Отчеты сохранились в двух экземплярах: один, представлявшийся царю и содержащий его пометы,— в фонде Комитета министров²⁰, второй, направлявшийся министру внутренних дел,— в фонде Департамента общих дел данного министерства²¹.

Эти отчеты важны для изучения губернской деятельности в целом (с точки зрения общей характеристики действий местной администрации), взаимоотношений коронных властей с земством, городскими органами общественного управления. Особенно большой интерес вызывают отчеты наиболее реакционных губернаторов (пермского, а затем черниговского — Анастасьева, новгородского — Мосолова), так как в них наиболее полно обнаруживается реакционная направленность всей деятельности губернских властей и выражаются чаяния

¹⁵ ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 241, д. 51.

¹⁶ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 19—30.

¹⁷ ЦГИА, ф. Канцелярии Мин. вн. д., оп. 1, д. 1190.

¹⁸ В фонде Канцелярии министра внутренних дел сохранилось с 1802 по 1917 г. только 5 тыс. дел.

¹⁹ ЦГИА, ф. 1604.

²⁰ ЦГИА, ф. Комитета министров. В приложениях к журналам за последующий год.

²¹ ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 223.

местного начальства в смысле «наведения порядков в деревне», ликвидации земств и т. д.

Ко второй же подгруппе официально-документальных источников нужно отнести своеобразный отчет о деятельности Департамента полиции — «Исторический очерк организации и деятельности Департамента полиции», представляющий собою материалы к обзору деятельности Министерства внутренних дел за 100 лет (в связи с подготовкой издания истории этого министерства). Этот очерк, хранящийся в фонде Департамента полиции²², содержит подробные данные о структуре Департамента, результатах его работы за 80-е и 90-е годы. К очерку приложен ряд ведомостей, в которых приводятся цифровые данные, характеризующие те или иные стороны деятельности этого Департамента (число политических заключенных, административно высланных и т. д.).

Третью подгруппу официально-документальных источников представляют собою циркуляры министра внутренних дел и отдельных его департаментов и управлений (Департамент полиции, Главное управление по делам печати), а также циркуляры министра народного просвещения.

Циркуляры министра внутренних дел, частично опубликованные²³, сохранились в фонде Департамента общих дел далеко не полностью. Наиболее полно сохранились циркуляры Департамента полиции в соответствующем фонде, а также циркуляры Главного управления по делам печати. Последние представляют исключительный интерес для изучения цензурной политики правительства. Часть из них сохранилась в фонде Главного управления по делам печати, часть же нами обнаружена в фонде Канцелярии московского генерал-губернатора и московского цензурного комитета²⁴.

²² Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (далее — ЦГАОР), оп. 302, д. 707.

²³ См. «Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел за 1888—1896 гг.». Составил кн. В. П. Урусов. Второе, исправленное и дополненное издание. М., 1896. Наиболее важные циркуляры, имеющие конфиденциальный характер, не публиковались.

²⁴ Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГА г. Москвы).

Четвертую подгруппу официально-документальных источников составляют материалы различных комиссий и совещаний, разнообразная служебная переписка и др.

Прежде всего надо сказать, что многие из весьма важных документов указанной подгруппы, к сожалению, не сохранились. Так, например, мне не удалось обнаружить в различных архивных фондах материалы Комиссии Палена — Плеве по еврейскому вопросу, действовавшей в 80-е годы. Деятельность Комиссии Палена нашла свое отражение в печатных записках, содержащих общие выводы Комиссии²⁵. Последующий же период деятельности этой Комиссии, когда во главе ее стоял товарищ министра внутренних дел Плеве, вовсе не известен ни по каким другим источникам. То же относится и к материалам Особой комиссии для составления проектов местного управления, так называемой Кахановской комиссии. Фонд этой Комиссии, хранящийся в Центральном государственном историческом архиве, состоит лишь из печатного материала (различного рода записок, проектов, журналов заседаний и т. д.). Общее число дел, сохранившихся в фонде, составляет 119. Вполне понятно, что это далеко не все делопроизводство указанной Комиссии. Вообще материалы Министерства внутренних дел сохранились, как уже говорилось выше, далеко не полностью, что подтверждается в первую очередь незначительностью фонда Канцелярии министра этого министерства. Почти не сохранились материалы «Черного кабинета» — данные перлюстрации писем, практиковавшейся довольно широко. Эти данные имеются в фонде Департамента полиции лишь за два года (1883 и 1884), составляя 16 книг in folio²⁶. Многие материалы Министерства внутренних дел, в частности Департамента полиции, были уничтожены. Так, на обложке ряда дел II делопроизводства Департамента полиции, касавшихся выселения евреев из определенных районов России, стоит штамп: «Подлежит уничтожению». По-видимому, это относится ко второму десятилетию настоящего века, и реализации этого мероприятия помешала революция. Ряд документов отложился в личных архивных фондах тех или иных официальных

²⁵ ЦГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок.

²⁶ ЦАГОР, ф. Департамента полиции, оп. 265, д. 1—16.

лиц: Александра III²⁷, Плеве, Делянова и др. В фонде Александра III находится отчет сенатора Н. А. Манасеина о ревизии им Лифляндской и Курляндской губерний в 1882 г. Большое число официально-документальных материалов содержится в фонде В. К. Плеве, в частности материалов по крестьянскому законодательству, о борьбе с голодом в 1891 г. и т. д. В фонде Делянова находится большое число различных докладов его Александру III (черновые экземпляры) по различным вопросам народного просвещения.

Второй группой источников являются мемуары — дневники и воспоминания. Для изучения вопросов внутренней политики данный вид источников имеет огромное значение, давая возможность ознакомиться с закулисной стороной этой политики. Кроме того, мемуары значительно дополняют и уточняют официально-документальные источники: журналы заседаний, протоколы и т. д. Без преувеличения можно сказать, что исследование внутренней политики невозможно без мемуарных источников. В данном исследовании использовано большое число мемуаров, главным образом различных сановных особ. Наибольший интерес для нас представляет собой дневник А. А. Половцова, который велся им без малого полстолетия, с конца 50-х годов прошлого века до его смерти в 1908 г.²⁸ Особое значение эти мемуары имеют за 80-е — начало 90-х годов, когда Половцов являлся государственным секретарем и фактически управлял всеми делами в Государственном совете²⁹. Именно за этот период его дневник является наиболее полным и обстоятельным. Вращаясь в высших правительственных сферах, Половцов, будучи человеком умным и наблюдательным, сообщает много интересных фактов, характеризующих политику правительства, описывает подробно быт и нравы великосветской среды и царской фамилии. Особенно важны записи Половцова о деятельности Государственного совета. Они нередко не только

²⁷ Фонд Александра III, хранящийся в ЦГАОРе, относительно невелик — составляет 1069 единиц хранения, являясь фондом искусственного происхождения.

²⁸ Дневник Половцова хранится в его фонде в ЦГАОРе.

²⁹ Эта часть дневника Половцова издана в 1966 г. в двух томах под названием «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, 1883—1886. М., 1966; т. II, 1887—1892. М., 1966. Под моей редакцией и с моими комментариями.

восполняют отсутствующие протоколы заседаний, но и рассказывают о различных предварительных неофициальных совещаниях членов Государственного совета, которые никогда не фиксировались ни в каких журналах и мемориях. Половцов сообщает много интересных фактов, касающихся характеристики председателя Государственного совета вел. кн. Михаила Николаевича, ряда членов Государственного совета, министров и других лиц. В силу особого положения, которое занимал Половцов в Государственном совете, нередко подменяя собою его председателя, он непосредственно общается с царем, ведет с ним разговоры, главным образом по существу рассматриваемых в Совете дел.

Без преувеличения можно сказать, что рассматриваемый дневник является хорошим, добротным комментарием к внутренней политике правительства и изучение ее без этого дневника было бы затруднительно. Однако необходимо, естественно, помнить, что Половцов рассматривает описываемые им события сквозь призму сановного бюрократа и к тому же записи его в той или иной степени носят апологетический характер. Возможно, что свою роль автор несколько выпячивает, а в характеристике тех или иных лиц сказываются его симпатии и антипатии. Но при всем этом с точки зрения фактических данных дневник весьма точен.

Дневник Половцова является в полном смысле дневником, записи в котором делались тотчас же. (Иногда, впрочем, автор запаздывал на несколько дней и, возможно, в некоторых случаях заносил в дневник события задним числом.) Опубликованный текст представляет собою, по-видимому, беловой экземпляр, так как оригинал не содержит почти никакой правки.

Вторым по значимости является дневник адмирала И. А. Шестакова. Шестаков вел свой дневник с 1882 г., т. е. со времени назначения его управляющим Морским министерством, до смерти в 1888 г.³⁰ Дневник представляет собою большой интерес ввиду довольно подробных записей о заседаниях Комитета министров, о предстоящих реформах. В нем дается характеристика многих лиц, в том числе и самого императора. По своим взглядам Шестаков не принадлежал к представителям край-

³⁰ За более ранние годы сохранились воспоминания, хранящиеся в его фонде в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

ней реакции, довольно критически относясь к подготовляемым контрреформам. Дневник Шестакова сохранился как в подлиннике, состоящем из восьми книг in quarto, находящемся в Отделе рукописей Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, так и в копии (частью машинописной, частью рукописной), хранящейся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота. Эти копии были изготовлены, по-видимому, вскоре после смерти Шестакова для ознакомления с дневником (в связи с трудностью чтения авторского текста) генерал-адмирала вел. кн. Алексея Александровича³¹.

Большое значение для исследуемой темы имеет дневник Е. М. Феокистова, начальника Главного управления по делам печати, а в прошлом редактора «Журнала Министерства народного просвещения». Человек большого и яркого ума, Феокистов проделал за свою жизнь сложный путь от ученика Т. Н. Грановского и друга И. С. Тургенева до подручного гр. Д. А. Толстого. Занимая в последние годы своей жизни пост руководителя цензурного ведомства и расправляясь безжалостно с русской литературой, главным образом с периодической печатью, Феокистов вместе с тем наедине с самим собой был довольно откровенен, давал нередко нелестные характеристики своему начальству и коллегам. Он весьма неодобрительно отзывается о Делянове, Дурново, Мещерском, довольно критически о Толстом, а также о легкомыслии императрицы. Не высказываясь отрицательно об Александре III в прямом смысле этого слова, Феокистов вместе с тем сообщает о нем много фактов, отнюдь не характеризующих его положительно. Довольно подробно освещает в своем дневнике Феокистов административный произвол губернаторов, давая убийственные характеристики орловскому губернатору Неклюдову, черниговскому — Анастасьеву и др.

Все это определяет большую ценность дневника Феокистова³². К сожалению, дневник этот невелик, пред-

³¹ Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (далее — ЦГАВМФ), ф. Шестакова.

³² Дневник хранится в его фонде в Рукописном отделении Института русской литературы (далее — ИРЛИ) (Пушкинский дом). Помимо указанных дневников в его же фонде сохраняется небольшая записная книжка, содержащая в себе отрывочные дневниковые записи за первую половину 70-х годов.

ставляя собою две тетради in quarto, содержащие в себе отрывочные записи за 1886 и 1887 гг. в первой и с 1890 по 1895 г. во второй.

Остановимся вместе с тем и на воспоминаниях того же Феокистова. Эти воспоминания, изданные в 1929 г. Ю. Г. Оксманом³³, охватывая собою полстолетия, представляют также большую ценность. И здесь, несмотря на полную преданность самодержавию, Феокистов чрезвычайно ярко, верно и тонко характеризует сильных мира сего, не щадя даже самого императора. Рассматриваемому нами периоду Феокистов отводит немного места: из 10 глав примерно около полутора. Однако, несмотря на это, воспоминания Феокистова являются весьма ценным источником. Необходимо сказать, что воспоминания не повторяют дневника. Большая часть фактов, сообщаемых в дневнике, не отражена в воспоминаниях.

Надо также добавить, что в некоторой части дневник отличается от воспоминаний не только различием сообщаемых фактов. В дневнике в отдельных случаях характеристики отличаются от тех, которые даются этим же лицам в воспоминаниях. Для примера сопоставим отзывы Феокистова о министре внутренних дел И. Н. Дурново.

ДНЕВНИК

«У Ивана Николаевича очень порядочный запас хитрости и лукавства, но он умеет прикрывать их такою откровенностью и добродушием, что, по мнению многих, это человек, у которого душа нараспашку. Он закадычный друг всех, то есть в сущности никого»³⁴

ВОСПОМИНАНИЯ

«Своими успехами Дурново обязан был исключительно своему необычайно симпатичному и в высшей степени доброжелательному характеру; это был в полном смысле слова хороший человек, который считал себя счастливым, когда мог оказать кому-либо услугу, отзывчивый на всякое горе, не способный ни при каких обстоятельствах покривить совестью»³⁵

³³ См. воспоминания Е. М. Феокистова «За кулисами политики и литературы. 1848—1896». Редакция и примечания Ю. Г. Оксмана. Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. Л., 1929, 428 стр.

³⁴ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феокистова, 9120, ЛII б. 14, л. 2.

³⁵ Воспоминания Е. М. Феокистова «За кулисами политики и литературы», стр. 205.

Для изучаемого нами периода большой интерес представляет дневник генерала Киреева. Неизданный дневник генерала Киреева, состоявшего при вел. кн. Константине Николаевиче, человека, принадлежавшего к консервативно-славянофильским кругам, хранится в Отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина. Дневник охватывает собою период с начала 60-х годов прошлого века до 1910 г., составляя около 3 тыс. листов. Будучи человеком, близко стоящим к верхам, Киреев сообщает в своем дневнике ряд ценных сведений.

Киреев был близок с Катковым, с рядом министров, с членами царской фамилии. Таким образом, он был в курсе всех событий. Будучи человеком монархического образа мыслей, Киреев вместе с тем весьма критически оценивает правительственную политику, нередко осуждая действия Толстого, Победоносцева, Делянова, Дурново и др. Это и придает его дневнику особую ценность.

Так, характеризуя отношение царя и его окружения к 50-летней годовщине гибели А. С. Пушкина, он пишет: «У государя нет никого, кто бы мог дать ему добрый совет в делах, имеющих общественный (иногда весьма важный) характер.

Сегодня вся Россия чествует молитвой несчастный день смерти великого Пушкина, а при Дворе бал! И, как нарочно, Александр Пушкин (генер[ал] свиты)³⁶, вообще не приглашавшийся на балы в концертную, был приглашен именно на этот бал! Итог таких мелочей значителен и остается не без дурного влияния на положение Двора. Конечно,—замечает Киреев,—если бы при Дворе был бы хоть кто-нибудь, могущий напомнить государю о том, что плясать в годовщину смерти Пушкина «неудобно», он бы отложил бал, но *никого* не нашлось, все *безграмотные* (Воронцов, Трубецкой, Долго-руков, Оболенский), все ведь русские, и ни один не сообразил!»³⁷

Дневники А. Н. Мосолова, директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства

³⁶ Сын поэта.

³⁷ Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (далее — ГБЛ), ф. Киреева, к — 10, л. 214.

внутренних дел, а в изучаемый нами период новгородского губернатора, охватывают собою с перерывами период с 1866 по 1904 г., носят отрывочный характер, составляя лишь две тетради in folio. Хранящиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции³⁸, эти дневники не являются первоначальным вариантом, представляя собою машинопись с авторской правкой и вставками. Дневник велся автором нерегулярно, порой с пропусками не только отдельных месяцев, но и ряда лет. В некоторых случаях дневник близок к воспоминаниям. Так, под определенным числом освещаются события нескольких недель, а то и месяцев.

Дневник Мосолова представляет интерес с точки зрения освещения вопроса об отношении губернской администрации к земству; в частности, в нем имеется много сведений о так называемом Череповском деле — ликвидации Череповецкого уездного земства. Здесь же содержатся высказывания Мосолова о положении в губернии, земских начальниках, а также даются характеристики Черевину, Кривошеину, Дурново и ряду других лиц.

Бел. кн. Константин Константинович вел регулярно дневник в течение всей своей жизни, с девятилетнего возраста до самой смерти в 1915 г.³⁹ Этот дневник носит в основном личный характер и посвящен описанию жизни и своих переживаний. Надо сказать, что в отличие от большинства мемуаров этот дневник не только не содержит собственной апологии, но даже занимается самобичеванием, освещая такие стороны интимных переживаний, о которых принято обычно не упоминать. Вместе с тем дневник имеет и общественный интерес. Здесь даются характеристики отдельным представителям царствующего дома, приводятся разговоры с Александром III. Будучи поэтом, а с конца 80-х годов президентом Академии наук, Константин Константинович встречается с писателями, композиторами, учеными. Так, за 1880 г. содержатся записи о Достоевском, за другие годы упоминаются В. В. Стасов, Майков, много раз го-

³⁸ ЦГАОР, ф. Коллекции отдельных документов личного происхождения, д. 1115—1116.

³⁹ Дневник этот хранится в ЦГАОРе в его фонде.

ворится о П. И. Чайковском, о его смерти. Все это придает дневнику известное общественное звучание.

Определенный интерес для характеристики Александра III имеют его краткие дневниковые записи — памятные книжки. Эти записи содержат исключительно описание проведенного дня: состояние погоды, времяпровождение, наличие гостей, время отхода ко сну и т. д. Единственное исключение представляет собою запись о смерти министра внутренних дел Д. А. Толстого. Таким образом, эти памятные книжки напоминают записи в камер-фурьерском журнале.

Необходимо упомянуть также дневники А. В. Богданович, изданные в сокращенном виде под названием «Три последних самодержца»⁴⁰. Дневники эти за изучаемый нами период охватывают время с конца 80-х годов.

Для характеристики отдельных государственных деятелей — Победоносцева, Манасеина, Муравьева, а также деятельности высших судебных органов, в частности Особого присутствия Правительствующего Сената, имеют большое значение интересные воспоминания А. Ф. Кони «Триумвиры»⁴¹. В этих воспоминаниях, написанных автором в начале XX в., с присущей Кони яркостью и талантом характеризуется состояние высших судебных органов, показывается, как на протяжении 80-х годов происходит постепенный процесс нравственного растрепывания ряда крупных судебных деятелей — сенаторов, что особенно обнаружилось в работе Особого присутствия Сената, в частности в процессе 1 марта 1887 г.

Большой интерес для характеристики общественных настроений в 80-е годы имеют мемуары А. А. Кизеветтера «На рубеже двух столетий»⁴². Необходимо назвать также воспоминания кн. В. П. Мещерского⁴³, освещающие изучаемый нами период, но они требуют к себе сверхкритического отношения.

В данной работе использованы также отдельные

⁴⁰ А. В. Богданович. Три последних самодержца. М. — Л., 1924.

⁴¹ См. А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2. М., 1966, стр. 253—328.

⁴² См. А. А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881—1914). Прага, 1929.

⁴³ См. В. П. Мещерский. Мои воспоминания, т. I—III. СПб., 1897—1912.

записи, содержащиеся в различных дневниках, воспоминаниях Д. А. Милютина⁴⁴, Б. Н. Чичерина⁴⁵ и др.

Обратимся к третьему типу источников — эпистолярному. Этот тип источника для изучения закулисной стороны изучаемых нами событий имеет еще большее значение, нежели мемуары. Письма, как правило, более искренни, они не содержат в себе тех наслоений, которые свойственны дневникам, а тем более воспоминаниям.

Наиболее важное значение имеет переписка Победоносцева⁴⁶. Письма эти, особенно к императору, имеют огромное значение для понимания закулисной стороны правительственной политики, а также роли Победоносцева — его влияния на Александра III. Несмотря на недостаточно научную публикацию этих писем, полное отсутствие каких-либо комментариев и примечаний, издание их имеет, бесспорно, большое значение.

Несомненный интерес представляют для изучаемой нами проблемы письма Мещерского Александру III, хранящиеся в фонде последнего. Письма эти для периода 60—70-х годов достаточно подробно освещают отношения Мещерского с наследником престола, а для 80-х — начала 90-х годов вместе с тем проливают свет на то влияние, которое оказывал редактор «Гражданина» на Александра III и его политику⁴⁷.

Помимо этих писем Мещерский писал царю также письма в форме дневника. Посылая этот дневник Александру III в ноябре 1885 г., он писал: «Осмеливаюсь прислать несколько набросков из Дневника за последние две недели. В нем помещены и мысли, и слухи, и толки, и сплетни. Писал или, вернее, записывал, как умел, не сочиняя, а просто, если глупо, простите, или, что стоит Вашего внимания, тем лучше»⁴⁸. Действительно, здесь излагались и взгляды Мещерского на те или иные вопросы политики, как внешней, так и вну-

⁴⁴ См. «Дневник Д. А. Милютина», т. IV. М., 1950.

⁴⁵ См. воспоминания Б. Н. Чичерина «Земство и Московская городская дума». М., 1934.

⁴⁶ См. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом I—II. М., 1923; «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. I—II. М., 1925.

⁴⁷ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 895, 896, 897 (письма Мещерского).

⁴⁸ Там же, д. 110, л. 1.

тренней, и различного рода сплетни и доносы. Так, в одном из дневников он пишет о министре государственных имуществ следующее: «Я не знаю государственного человека, который имел бы более фальшивое представление о личности государя, чем Островский»⁴⁹. Едва ли это можно назвать иначе как донос. Для характеристики этих дневников приведем содержание их за последнюю неделю октября 1885 г.: за 22 октября — «О взятках в судебном ведомстве», 23-е — «О питейном доходе», 24-е — «О Болгарии», «Весть из Орианды», 25-е — «Толки по пов[оду] приказа о князе Болгарском», 27-е — «Слухи и толки», 28-е — «О самодержавии», за 1 ноября — «Толки, сплетни и слухи» и т. д.⁵⁰

Используя форму дневника, Мещерский имел возможность чрезвычайно грубо льстить царю, излагая эту лесть в форме своих мыслей. «Сегодня луч света озарил мой невеселый уголок,— пишет он в дневнике,— получил ответные добрые строки от государя. Спасибо ему от всего сердца...»⁵¹

Не меньшее значение для нашей темы имеет переписка Каткова с рядом государственных и общественных деятелей. Среди корреспондентов — Делянов, Толстой, Пазухин, Георгиевский, Третий Филиппов, Феоктистов и др. В основном фонде Каткова, в Отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина, хранятся не только письма к нему, частью в подлинниках, частью в копиях (так как часть архива сгорела в период революции 1905—1907 гг. в его имении Тверетинове)⁵², но и копии писем Каткова к разным лицам, находящиеся в специальных копийных книгах. Таким образом, создается возможность изучения двусторонней переписки. Среди писем Каткова (в копиях) имеется ряд его корреспонденций Александру III.

Остановимся на корреспондентах Д. А. Милютина, жившего в своем крымском имении Симеизе. Наиболее подробные и регулярные письма, наполненные сообщениями о происходящих в правительственных сферах со-

⁴⁹ Там же, д. 108, л. 13.

⁵⁰ Там же, д. 110, л. 2.

⁵¹ Там же, д. 117, л. 30.

⁵² Помимо фонда Каткова в Отделе рукописей ГБЛ имеется небольшой его фонд в ЦГАОРе, в котором хранятся письма А. Д. Пазухина.

бытиях, содержатся в письмах члена Государственного совета А. В. Головнина. Письма эти относятся к периоду с 1882 по 1886 г.⁵³

Следует упомянуть о немногочисленных письмах Толстого и Победоносцева к Плеве, а также о письмах к последнему Н. В. Муравьева, хранящихся в ЦГАОРе в фонде Плеве. Письма Толстого и Победоносцева представляют интерес для освещения различных вопросов внутренней политики, в частности подготовки контрреформ. Письма Муравьева чрезвычайно ярко характеризуют портрет их автора — его подхалимство и беспринципность.

Для изучения вопросов цензурной политики большое значение имеют письма к Феоктистову, хранящиеся в его фонде в Рукописном отделении Пушкинского дома. Здесь письма и Толстого, и государственного контролера Т. И. Филиппова, и большое число писем Победоносцева⁵⁴. Последние убедительно показывают, какую роль играл обер-прокурор Синода в цензурной политике.

В заключение остановимся на рукописи Н. Х. Бунге «Загробные записки», которую с известными оговорками можно было бы отнести к эпистолярным источникам. Эта рукопись, хранящаяся в фонде Александра III⁵⁵, представляет собою список без подписи и даты, представленный писарским почерком. На первом листе рукою царя написано: «Записка Н. Х. Бунге». В начале рукописи говорится: «Не оставляя после себя ни дневника, ни записок, я считаю, однако, своим долгом перед Вашим императорским величеством, августейшим слушателем моим, высказать откровенные мысли, вызванные во мне событиями, которых я был свидетелем начиная с 1880 г. Мне хотелось бы,— продолжает он,— и по смерти служить Вашему величеству»⁵⁶.

В этих записках дается обзор правительственных мер, осуществленных в период царствования Александра III, причем они в целом оцениваются положительно, однако многое критикуется. Не лишены интереса вы-

⁵³ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютин.

⁵⁴ Письма Победоносцева к Феоктистову опубликованы И. Я. Айзенштоком в № 22—24 «Литературного наследства». М., 1935.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 617.

⁵⁶ Там же, л. 1.

сказывания Бунге о социализме. «На социализм,— пишет он,— надо смотреть не как на нечто могущее быть искорененным, но как на нечто требующее введения в известные границы[...] Нельзя искоренить социализм, как нельзя искоренить микробов. Без желания счастья и стремления к нему застыла бы самая жизнь»⁵⁷. Одной из причин распространения идей социализма Бунге считает общинное землевладение. Эта записка дает довольно полное представление о политических воззрениях ее автора, консервативных по своему характеру.

Обратимся к четвертой группе исторических источников — публицистике. В основном источники этой группы относятся к прессе. Наиболее важное значение для рассматриваемого нами периода имели четыре органа печати. Для реакционного направления — «Московские ведомости», издававшиеся в Москве М. Н. Катковым и являвшиеся фактически при его жизни правительственным официозом, а также «Гражданин», издававшийся кн. В. П. Мещерским.

Для либерального направления характерны после разгрома печати, произведенного в первой половине 80-х годов, «Русские ведомости» — орган московской либеральной профессуры, издававшийся под редакцией В. М. Соболевского, а также журнал «Вестник Европы», точнее, «Внутреннее обозрение» журнала, автором которого был К. К. Арсеньев.

«Московские ведомости» и «Гражданин» неуклонно выступали глашатаями всех реакционных начинаний правительства. Наоборот, «Русские ведомости» и «Вестник Европы» в меру цензурных возможностей критиковали правительственную политику. Таковы основные источники, использованные нами в исследовании.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Незначительный период времени, прошедший с 1894 по 1917 г., не дал возможности дореволюционным историкам изучать исторические источники по внутренней политике 80-х — начала 90-х годов. Большинство официальных архивных материалов были недоступны ис-

⁵⁷ Там же, л. 41.

следователям. Частные архивы, содержащие в себе переписку и мемуары, не говоря уже о материалах, хранившихся в фондах членов императорской фамилии, по тем же причинам также были почти недоступны историкам. Отсутствие источников делало невозможными исследования этого вопроса в дореволюционной историографии. Однако современники пытались, естественно, осмыслить период политической реакции, понять причины, вызвавшие это явление.

✓ Огромное значение для понимания исследуемой нами эпохи имеет работа В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Эта статья, написанная в 1901 г. в связи с опубликованием конфиденциальной записки С. Ю. Витте «Самодержавие и земство» с предисловием П. Б. Струве, посвящена внутренней политике царизма в 60—80-е годы. В этой работе определяются причины, вызвавшие возможность утверждения реакционного правительственного курса, дается характеристика отдельных этапов внутренней политики самодержавия, в частности министерств Игнатьева и Толстого. Подробно освещается отношение правительства к земству. Вместе с тем В. И. Ленин останавливается на вопросе о причинах, не давших возможности утвердиться в начале 80-х годов парламентской системе в России. Необходимо также сказать о том, что в ряде других статей В. И. Ленина содержатся отдельные высказывания об изучаемой нами эпохе, в том числе в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», дается общая оценка правительственной политики в царствование Александра III как «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции»⁵⁸.

Вскоре после смерти Александра III оценка эпохе реакции была дана Г. В. Плехановым в статье «Царствование Александра III», помещенной в газете «Vorwärts», органе германской социал-демократии.

В этой статье Плеханов дает в целом правильную оценку данному царствованию как эпохе дворянской реакции. Однако ряд положений ее вызывает возражения. Так, по нашему мнению, нельзя согласиться с Г. В. Плехановым в части по вопросу о непосредст-

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 295.

венном влиянии буржуазии на правительственную политику самодержавия. Нет слов, что в силу объективных причин правительство не могло проводить иной экономической политики, чем та, которая отвечала интересам буржуазного развития. Однако говорить о непосредственном влиянии буржуазии, диктовавшей, по словам автора, министру финансов свои желания⁵⁹, едва ли можно. Также нельзя согласиться с Г. В. Плехановым в его оценке личной роли Александра III. Вполне естественно, что утверждение реакционного курса, как уже говорилось выше, определялось рядом объективных условий, однако сводить на нет роль Александра III, по моему мнению, нельзя. «Формально считалось,— пишет Плеханов,— что новый монарх самодержавно управляет всем, фактически же он не управлял ничем, ибо должен был скрываться. Пользуясь этим, реакционная партия составила свой план действий, который она с удивительной настойчивостью проводила в течение тринадцати лет»⁶⁰. Надо сказать, что «план реакционной партии» полностью соответствовал взглядам монарха, потому что он и проводился с такой последовательностью.

Период реакции пытается осветить и А. А. Корнилов в своем курсе «История России в XIX веке», прочитанном им в Петербургском политехническом институте Петра Великого в 1909/10 учебном году⁶¹.

Корнилов подразделяет царствование Александра III на три этапа. Первый — вступительный, второй — переходный (с 1 марта по 29 апреля 1881 г. и с 29 апреля 1881 до конца мая 1882 г.) и третий — реакционный. «С переходом власти в руки графа Толстого в мае 1882 г.,— пишет Корнилов,— начинается окончательный резкий поворот к реакции, опиравшейся на определившуюся к тому времени вполне уже реакцию в части русского общества»⁶². Нет слов, что переход к реакции «части русского общества» явился одной из причин, способствовавших утверждению реакции, однако эта причина была далеко не единственной. И далее Корнилов достаточно добросовестно излагает мероприятия

⁵⁹ См. Г. В. Плеханов Соч., т. XXIV. М. — Л., 1927, стр. 166.

⁶⁰ Там же, стр. 161—162.

⁶¹ См. А. Корнилов. Курс истории России в XIX веке, ч. I—III. М., 1912—1914

⁶² Там же, ч. III, стр. 294.

правительства, осуществленные в годы реакции в различных областях государственного управления. Однако какой-либо анализ, осмысление происходивших событий вовсе отсутствуют.

В дореволюционной историографии никаких специальных исследований о периоде политической реакции не было. Однако отдельные вопросы этой политики подвигались если не всегда исследованию, то во всяком случае систематическому рассмотрению.

Это находит свое выражение в ведомственных обзорах, относящихся к царствованию Александра III, в ведомственных изданиях, посвященных столетию учреждения Государственного совета, Комитета министров и министерств, а также в «Истории Правительствующего Сената за двести лет». Наиболее серьезной из этих работ является «Исторический обзор деятельности Комитета министров», четвертый том которого, относящийся к рассматриваемому нами периоду, составил И. И. Тхоржевский. Указанный том состоит из шести глав, освещающих различные стороны деятельности Комитета министров (глава первая — «Организация и значение Комитета министров», глава вторая — «Народное продовольствие», «Народное здравие», «Переселения», глава третья — «Сословия и народности», глава четвертая — «Управление центральное и местное», глава пятая — «Государственное хозяйство», глава шестая — «Просвещение и церковь») ⁶³.

Надо сказать, что содержание указанного тома дает достаточно полное представление о деятельности Комитета министров. Однако выводы и обобщения фактически отсутствуют.

То же надо сказать и о серьезном обзоре деятельности Министерства народного просвещения за 100 лет, принадлежащем перу историка С. В. Рождественского. Рассматриваемому периоду посвящена глава 8 ⁶⁴, в которой достаточно подробно излагаются изменения, происшедшие в системе народного образования за изучае-

⁶³ См. «Исторический обзор деятельности Комитета министров». т. IV, составитель И. И. Тхоржевский. СПб., 1900.

⁶⁴ См. С. В. Рождественский. Исторический очерк деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902 (гл. 8, стр. 601—698).

мый нами период — 13 лет. Изложение весьма фактологично с чисто ведомственных позиций.

Весьма подробно освещается деятельность земства в изучаемое нами время в многотомном исследовании Б. Б. Веселовского⁶⁵, большим достоинством которого является обилие фактических данных, однако выводов и обобщений в этом исследовании недостаточно.

Необходимо также назвать статьи, помещенные в многотомной «Истории России в XIX веке», изданной «Товариществом А. и И. Гранат», а именно С. И. Цейтлина «Земское самоуправление и реформа 1890 г.» и Г. И. Шрейдера «Городская контрреформа 11 июля 1892 г.». Обе эти статьи достаточно подробно освещают рассматриваемые вопросы, однако источниковедческая база их весьма незначительна — основой их являются произведения публицистического характера.

* * *

В советской историографии исследования в целом по изучаемому нами периоду отсутствуют. Исключение составляет лишь обширная статья профессора С. Н. Валка «Внутренняя политика царизма в 80-х — начале 90-х годов»⁶⁶. Рассматриваемому нами вопросу посвящена глава VIII. В этой статье весьма обстоятельно и полно (в той степени, в какой это возможно в пределах статьи) дается характеристика правительственной политики, причем приводится много интересных сведений и делаются при этом ценные обобщения.

Помимо этого имеются исследования по отдельным вопросам внутренней политики изучаемого периода, частью опубликованные, частью же находящиеся в рукописях.

Прежде всего надо отметить неопубликованную диссертацию С. Л. Эвенчик «Реакционная деятельность Победоносцева в 80-е годы XIX века»⁶⁷, защищенную в

⁶⁵ См. Б. Б. Веселовский. История земства за сорок лет, т. I—IV. СПб., 1909—1911.

⁶⁶ См. С. Н. Валк. Внутренняя политика царизма в 80-х — начале 90-х годов. — «История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Часть первая (Материалы для обсуждения)». М., 1951, стр. 910—994.

⁶⁷ См. С. Л. Эвенчик. Реакционная деятельность Победоносцева в 80-е годы XIX века, канд. дисс. М., 1939.

1939 г. на историческом факультете Московского государственного университета. Автор использовал широкий круг исторических источников и пришел в целом к правильным выводам о реакционном значении Победоносцева, игравшего первенствующую роль в политике 80-х годов. Однако взгляды Победоносцева и действия его рассматриваются и освещаются далеко не всегда точно. Прежде всего воззрения Победоносцева, как и многих его современников, не были всегда одинаковыми. Вообще трудно представить себе людей, воззрения которых не претерпевали бы какой-либо эволюции. А вместе с тем Победоносцев рассматривается не в динамике, а в статике: он всегда был таким, как в 80-е годы. Однако это неверно. Так, в начале 60-х годов он с большой радостью воспринимает отмену крепостного права⁶⁸. В силу этого утверждение С. Л. Эвенчик, что Победоносцев был «вынужден» принять эту реформу, звучит по меньшей мере странно⁶⁹.

Отношение Победоносцева к тем или иным мерам реакционного характера рассматривается в диссертации односложно. Нет слов, что Победоносцев был вдохновителем реакции, однако по ряду вопросов расходился со своими единомышленниками. Так было при обсуждении университетского устава, когда это расхождение касалось далеко «не деталей», а главного вопроса о государственных экзаменах. То же происходило и в период подготовки закона о земских начальниках. Вместе с тем С. Л. Эвенчик по этому поводу пишет: «С 1886 года [Победоносцев] принял активное участие в подготовке проекта о земских начальниках, заменяя Толстого в обсуждении деталей проекта, а в Государственном совете был представителем той группы, которая отстаивала в лице земского начальника носителя всей полноты полицейской и судебной власти в деревне»⁷⁰. В действительности же это было не совсем так. Победоносцев был решительным сторонником сохранения института мировых судей⁷¹. Наконец, автор ничего не говорит о падении влияния Победоносцева в конце 80-х годов.

⁶⁸ См. стр. 55.

⁶⁹ См. С. Л. Эвенчик. Указ. дисс., стр. 367.

⁷⁰ Там же, стр. 370.

⁷¹ См. стр. 367—368.

Обратимся к исследованию Н. П. Никольской «Закон о земских начальниках»⁷², представляющему собою также неизданную рукопись, защищенную в качестве кандидатской диссертации в 1946 г.

Серьезное исследование Н. П. Никольской распадается на две почти равные части: первая — подготовка закона и вторая — действие закона о земских начальниках.

Первая часть, основанная на изучении фонда Государственного совета, в частности дела о подготовке законопроекта, представляется менее удачной. Первый этап подготовки закона почти вовсе не освещен. Наиболее полно использованы автором протоколы заседаний Соединенных департаментов, излагаемых в работе в том же протокольном порядке. Вообще указанное дело о подготовке законопроекта использовано автором крайне поверхностно. К тому же Н. П. Никольской остались неизвестными целый ряд ценнейших источников, как, например, дневники Половцова, переписка Каткова и Пазухина и т. д. Автор отмечает в введении к своей диссертации, что начавшаяся Отечественная война не дала ей «довести до конца использование Ленинградских архивных фондов»⁷³.

Вторая часть исследования, основанная на изучении фондов пензенских губернских учреждений, представляется нам наиболее удачной. В целом исследование Н. П. Никольской вызывает несомненный интерес.

Наконец, необходимо сказать о работах, написанных в последние годы и защищенных в Московском университете на соискание степени кандидата наук. К ним относятся диссертации Л. Г. Мамуловой (Захаровой) «Земская контрреформа 1890 года»⁷⁴, Е. М. Брусникина «Политика царизма по крестьянскому вопросу в период политической реакции 80-х — начала 90-х годов XIX века»⁷⁵, Г. И. Щетиной «Университетский вопрос в

⁷² См. Н. П. Никольская, Закон о земских начальниках, канд. дисс. М., 1946.

⁷³ Там же, стр. 4.

⁷⁴ См. Л. Г. Захарова, Земская контрреформа 1890 года. М., 1968.

⁷⁵ См. статьи Брусникина «Переселенческая политика царизма в конце XIX века». — «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 28—38, и «Подготовка закона 14 декабря 1893 года «О неотчуждаемости

70—80-е годы и университетский устав 1884 года»⁷⁶. Во всех этих работах, на наш взгляд, достаточно подробно освещаются рассматриваемые их авторами проблемы и делаются правильные выводы и обобщения.

Таковы исследования, освещающие те или иные вопросы нашей темы.

крестьянских земель».— «Ученые записки Горьковского государственного университета». Серия историко-филологическая. Вып. 72. Горький, стр. 345—375.

⁷⁶ См. Г. И. Щетинина. Подготовка университетского устава 1884 года. — «Научные доклады Высшей школы». Исторические науки, 1961, № 1, стр. 44—56.

ГЛАВА I

АЛЕКСАНДР III И ЕГО БЛИЖАЙШЕЕ ОКРУЖЕНИЕ

Первого марта 1881 г. на российский престол вступил второй сын Александра II — Александр III¹. Царствование нового императора знаменовало собой длительный период реакции «под маской народности и православия» — так характеризовал его Д. А. Милютин.

Александр III родился в 1845 г. и, как один из пяти сыновей Александра II (Александр, Владимир, Алексей, Сергей и Павел), не предназначавшихся восседать на российском престоле, получил весьма и весьма скромное образование. Однако этот уровень был вполне достаточен для того, чтобы соответствовать требованиям, предъявлявшимся к великим князьям российского императорского дома. Вершиной служебной деятельности великих князей являлась должность начальника гвардейской дивизии либо командование гвардейским корпусом, что обычно совпадало с командованием войсками Петербургского военного округа.

Будущий российский император, судя по отзывам его воспитателей, а также личным дневникам, не отличался широтой интересов, впрочем как и другие его братья. Тупость, упрямство и в то же время усидчивость и трудолюбие — таковы качества, которые обнаруживались у него еще в раннем детстве.

Наряду с шалостями, невниманием, иногда непослушанием, а также другими детскими пороками в отзывах

¹ Старший сын Александра II Николай Александрович, являвшийся наследником престола, умер в 1865 г.

воспитателей фиксируется старание как одно из главных качеств великого князя. В донесениях воспитателей Зиновьева и Гогеля за июнь 1855 г. сообщается о том, что великий князь по чистописанию учился «очень серьезно и старательно»². Уже в пятилетнем возрасте воспитатели отмечают обнаруживаемое старание маленького Александра к фронтовым занятиям. Так, за сентябрь 1850 г. 5 раз сообщается, что вел. кн. Александр Александрович маршировал старательно и прилежно³. Успех же в науках был достигнут небольшой. Абсолютной грамотностью в родном языке он так и не овладел, делая порой не столь уж несущественные ошибки. Так, слово «энергия» он видоизменяет на «инергию», а наречие «еле» воспроизводит через «ѣ» как глагол «ѣсть» в третьем лице множественного числа прошедшего времени — «ѣли»⁴. Слово «грибы» писал через «ы»⁵. Дневники не только за детские и юношеские годы, но и за зрелый период его жизни не свидетельствуют об интеллектуальных запросах их автора. В них либо фиксировались внешние события, весьма редко касаясь тех или иных личных переживаний, либо отношения автора к тем или иным событиям. С тупой последовательностью сообщаются данные о погоде, гостях, распорядке дня и даже, впрочем целомудренное, описание брачной ночи. Такой же характер, но еще более краткий носят записи Александра III в памятных книжках, которые он вел с момента вступления на престол. Из этих записей мы узнаем, когда император встал, лег спать, каковы успехи охоты, рыбной ловли (с точным указанием подстреленного или пойманного) и т. д. Иногда приводятся обобщенные данные о количестве верст, пройденных им за несколько месяцев. В памятной книжке за 1889 г. приводятся следующие данные: «1887 год — с 22 ноября по 30 декабря — 103 версты; 1888 год — с 10 апреля по 28 мая — 98 верст; с 21 октября по 30 декабря — 330 верст; 1889 год — с 9 марта по 23 мая — 101 верста»⁶ и т. д.

² ЦГАОР, ф. Александра II, д. 968, л. 10.

³ Там же, л. 13, 17, 23, 28, 33.

⁴ Там же, д. 650, л. 3.

⁵ Там же, д. 286, л. 8.

⁶ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 286 (запись на вкладном листе).

Было бы неверным представлять Александра III просто глупым человеком. Точнее будет сказать, что он был ограничен, необразован, туп и обладал небольшим умом, который был способен мыслить только прямолинейно. Он мог замечать глупость других, в частности своего дяди вел. кн. Николая Николаевича, бывшего в период войны 1877—1878 гг. главнокомандующим на Балканском театре военных действий. Объясняя причины неудач наших войск, вел. кн. Александр Александрович, находясь на войне, писал своей жене: «Д[ядя] Низи (так звали великого князя в семейном кругу.— П. З.) был всегда глуп — откуда же должен явиться такой гений, чтобы из глупого человека преобразоваться в умного...»⁷

В 1865 г. вел. кн. Александр Александрович после неожиданной смерти своего старшего брата становится наследником, получив титул цесаревича⁸. Вместе с титулом он наследует и невесту покойного брата юную датскую принцессу Дагмару, довольно легкомысленную и недостаточно умную⁹, но вместе с тем не лишенную воли. В октябре 1866 г. Дагмара, став женой будущего Александра III, принимает имя Марии Федоровны.

Будучи человеком сильного характера, Мария Федоровна, бесспорно, оказывала на Александра III определенное влияние. Нам представляется, что неприязнь его к Германии, во всяком случае первоначально, возникла в какой-то степени под влиянием жены (как известно, в

⁷ ЦГАОР, ф. императрицы Марии Федоровны, д. 706, л. 125.

⁸ Когда воспитатель его профессор Московского университета А. И. Чивилев узнал, что его ученик объявлен наследником престола, [он] буквально ужаснулся и в разговоре со своим коллегой профессором К. Н. Бестужевым-Рюминым, по словам Е. М. Феоктистова, сказал: «Как жаль, что государь не убедил его отказаться от своих прав: я не могу примириться с мыслью, что он будет править Россией» (воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 216—217).

⁹ «Какая глупая, бездарная женщина», — говорит о ней в своем дневнике А. А. Половцов («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 182). «Больше занимают ее величество сплетни и юбки», — замечает Половцов в другой записи (там же, стр. 407). Императрица обладала еще одним качеством — она любила до самозабвения танцевать, придавая этому большее значение, чем воспитанию собственных детей. О легкомыслии императрицы говорит в своих дневниках и Е. М. Феоктистов (ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, ЛII б. 12, л. 16).

1864 г. у Дании были отторгнуты в пользу Пруссии и Австрии Шлезвиг и Гольштиния, что, естественно, не могло вызвать сочувствия у дочери датского короля). Надо сказать, что эту ненависть к Германии Мария Федоровна пронесла через всю свою жизнь.

По-видимому, под ее влиянием, на наш взгляд, у наследника престола возникает во время франко-прусской войны совершенно иное отношение к этим событиям, нежели у Александра II и его семьи. Император Александр II был явным германофилом. Благоговей перед своим венценосным дядюшкой прусским королем Вильгельмом I, он осыпал его неслыханными почестями и иногда оказывал ему и его генеральному штабу услуги весьма неделикатного свойства. В 1869 г., к столетнему юбилею основания военного ордена Георгия, он награждал Вильгельма I этим орденом Первой степени (надо сказать, что это являлось высшей военной наградой: в 1812 г. ее получило только одно лицо — М. И. Кутузов). В период франко-прусской войны Александр II не менее щедро награждал георгиевскими крестами прусских офицеров и солдат. «В начале октября, — рассказывает Милютин в своих воспоминаниях за 1870 г., — послано было в германскую армию с инженер-генерал-майором Герном масса георгиевских крестов, офицерских и солдатских»¹⁰. Александр II живо интересовался успехами германских войск и радовался им «почти столько же, как бы победы собственных его русских войск»¹¹. В это же время вел. кн. Александр Александрович реагирует на события совершенно иначе. «Какое ужасное известие [...] Мак-Магон разбит, армия сдалась, и император Наполеон взят в плен! Это ужасно!»¹² — заносит он в свой дневник 24 августа 1870 г.

Едва ли подобная точка зрения могла сложиться у него совершенно самостоятельно. Нам представляется бесспорным влияние в этом вопросе жены, которую он сильно любил¹³. Под влиянием жены Александр Алек-

¹⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 11, д. 18, л. 79.

¹¹ Там же.

¹² ЦГАОР, ф. Александра III, д. 304, л. 21.

¹³ Мы не ставим своей целью анализировать отношения Марии Федоровны к своему мужу, но, между прочим, можно сказать, что особой верности она по отношению к нему не сохраняла. Об этом

сандрович вскоре после свадьбы порывает свою дружбу с кн. Владимиром Мещерским. Она недолго любила Победоносцева, и, возможно, это оказало в конце концов какое-то влияние на охлаждение императора к своему любимому учителю.

Став наследником, вел. кн. Александр Александрович пытался восполнить свое образование под руководством К. П. Победоносцева, который в течение длительного времени оставался его наставником. Однако больших успехов достигнуто не было.

В период войны 1877—1878 гг. наследник престола, как и многочисленные представители царствующего дома, принимает участие в военных действиях, командуя Рушукским отрядом. Впрочем, так же как и другие его родственники, никаких военных талантов он при этом не обнаруживает.

Примитивность ума Александра III определяла, естественно, и примитивизм его политических взглядов. Консервативно-реакционные воззрения, воспринятые, как говорят, «с молоком матери» и развитые всей системой воспитания, завершение которого принадлежало К. П. Победоносцеву, обусловили и систему его политических взглядов. Они не выходили за пределы триединой уваровской формулы «православия, самодержавия и народности». Распространять административным путем православную веру и русский язык, бороться со всем, что угрожало или могло угрожать самодержавной форме правления, крепить связь престола с первым сословием — дворянством — таковы практические задачи царствования, как это представлялось венценосцу.

В вопросах христианской веры Александр III был примитивен. Он с ортодоксальной прямоотой понимал евангельские тексты, полагая, например, что евреи богом проклятый народ, коль они «распяли Спасителя».

красноречиво свидетельствует ее переписка с флигель-адъютантом гр. Владимиром Шереметевым (в моей статье «Александр III и его ближайшее окружение», опубликованной в журнале «Вопросы истории» № 8 за 1966 г., вкралась досадная ошибка: вместо гр. Шереметева назван кн. Шаховской.—П. З.), имевшаяся в ее архиве (ЦГАОР, ф. императрицы Марии Федоровны, д. 3067 и 677). Так, в одном из писем флигель-адъютант, обращаясь к императрице, пишет: «Целую *зубки*» (там же, д. 3067, л. 44). В свою очередь императрица в письмах к флигель-адъютанту подписывается «votre старая Мари» (там же, д. 647, л. 2).

Именно в силу этого он искренне верил, «что если судьба их печальна, то она предначертана Евангелием»¹⁴. А коль так, то и вести себя в отношении евреев надо в соответствии с предначертаниями провидения. Вероятно, в силу этого Александр III и был антисемитом. «В глубине души я всегда рад, когда бьют евреев»¹⁵, — заявил как-то император варшавскому генерал-губернатору фельдмаршалу Гурко.

Взгляды императора определяли в значительной мере его политический курс, который в области внутренней политики характеризовался неприкрытой реакцией. Однако ставка на консервацию феодально-крепостнических пережитков не могла проводиться последовательно.

В области внешней европейской политики Александр III руководствовался иногда и здравым смыслом. Так, он выступал против преклонения перед Германией, что неизбежно должно было привести к сближению с Францией. Это отвечало интересам России. Но так было далеко не всегда. Например, в балканском вопросе он вел себя по меньшей мере глупо. «Самовольное» объединение Северной Болгарии и Восточной Румелии, предпринятое без санкции российского правительства, вызвало большой гнев императора, и правительство апел-

¹⁴ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9122, ЛII б. 54, л. 8. Это изречение, как рассказывает Е. М. Феоктистов, он лично видел «высочайше начертанным» на письме бар. Гинцбурга, ходатайствовавшего в 1890 г. об улучшении положения евреев в России. Ссылка на Евангелие имела в виду легенду о суде над Христом, когда Пилат по настоянию евреев-фарисеев присудил его к распятию на кресте, заявив при этом евреям: «Кровь его на вас и на детях ваших». Этот факт подтверждается и Половцовым. Так, в своем дневнике 18 апреля 1890 г. он пишет: «Дурново передает мне, что государь питает особенную ненависть к евреям; в доказательство приводит, что на записке, поданной недавно Гинцбургом в защиту евреев, государь в числе прочих редких резолюций написал, что все евреям приключающееся, заслужено ими, потому что сами они хотели, чтобы кровь Иисуса Христа осталась «на нас и на детях наших»» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 276). Об этом Половцов говорит не один раз. Так, в записи за 18 ноября 1891 г. он снова повторяет; что император питает к евреям «ожесточенную ненависть» (там же, стр. 308).

¹⁵ Необходимо сказать, что тут же он добавил: «И все-таки не надо допускать этого». Однако это определялось не заботами о евреях, а боязнью всякого массового движения, даже возникавшего на реакционной основе (ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9122, ЛII б. 54. Дневниковая запись за 21 января 1891 г., л. 8).

лировало к турецкому султану, жалуясь ему на несоблюдение решений Берлинского конгресса...

Вступив на престол, Александр III при всем своем огромном желании оказался неспособным возглавить управление страной. Не говоря уже об отсутствии необходимых познаний, его ум просто не мог понимать и объять сущность того или иного вопроса. Так, понимание меморий Государственного совета, в которых излагались обычно два мнения по тому или иному вопросу, одно из которых он обычно утверждал, представляло ему большую трудность. Поэтому специально для него составлялся конспект этих меморий (являвшихся в свою очередь конспективным изложением журналов заседаний)¹⁶. При назначении в начале 1883 г. А. А. Половцова государственным секретарем председатель Государственного совета вел. кн. Михаил Николаевич сказал ему, что «одна из его обязанностей будет заключаться в том, чтобы писать для государя самые краткие извлечения из посылаемых ему меморий. Это составляет секрет и заведено лишь при нынешнем государе для облегчения его в многочисленных его занятиях». Далее великий князь заметил, что «эти бумажки он (т. е. император.— П. З.) уничтожает по прочтении»¹⁷.

Нельзя сказать, чтоб Александр III вовсе не читал. Ему очень нравились произведения Болеслава Маркевича, он не любил и, по-видимому, не понимал многие произведения Толстого, не знал сочинений Тургенева, не говоря уж, конечно, о Чернышевском. Так, прочитав показания одного из арестованных, писавшего о том, что «героями моих юношеских лет были Лопухов и Базаров», он пишет на полях: «Кто это?»¹⁸, по-видимому интересуясь, находятся ли они еще на свободе.

¹⁶ См. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 21.

¹⁷ Там же. Надо заметить, что подобная мера вызывалась отнюдь не ленью Александра III, его нежеланием вникать глубоко в суть дела. Наоборот, он был очень трудолюбив, отдавая ежедневно большое число часов занятиям государственными делами.

Анализ памятных книжек Александра III свидетельствует, что император почти ежедневно вечером тратил несколько часов на работу, нередко ложась спать не ранее 1—2 часов ночи. Об этом мельком говорит в своем дневнике и Половцов.

¹⁸ А. Поляков. Царь миротворец. — «Голос минувшего», 1918, № 1—3, стр. 220.

Как в детстве Александр III искренне старался постигнуть премудрость фронтовых занятий, так и став императором, он старался постигнуть многое, но это ему просто не удавалось. А. В. Головнин утверждал в своем письме к Д. А. Милютину, что Александр III «много читает архивных дел...»¹⁹. В первое время создавалось впечатление, что молодой император сумеет войти в дела управления государством²⁰. Однако его невежество, а главное, тупость и ограниченность являлись непреодолимой преградой для этого²¹.

Газет император не читал. «Читает он, конечно, мало,— заносит в дневник генерал А. А. Киреев в феврале 1888 г.,— а это было бы единственным средством восполнить недостаток сношений неофициальных с людьми. Между тем газеты от него прячут»²². Тот же Киреев в своем дневнике за 1891 г. рассказывает, что для царя

¹⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 61, д. 41, письмо от 30 марта 1884 г.

²⁰ В цитируемом выше письме Головнина Милютину первый писал: «Гирс говорил мне на днях, что замечательно как государь делает успехи в способе занятия делами. Он теперь не только внимательно выслушивает доклады, но входит в рассуждения и лучше знает дела и потребности империи». Об этом же говорит и Милютин в своем дневнике в записи за 26 апреля 1884 г. «Со времени воцарения государя,— пишет он,— действительно совершилась в нем значительная перемена к лучшему. Нет уже следа того легкомысленного и самонадеянного пренебрежения, с которым он, быв наследником, относился ко всему установившемуся порядку ведения дел государственных: нет уже тех резких, решительных, безапелляционных приговоров, которыми он сразу обрывал всякие рассуждения. Впрочем, уже и в прошлом мае месяце я сам имел случай подметить эту перемену» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 6, д. 5, л. 93). Однако все это в действительности оказалось не так. Людям свойственно возлагать определенные надежды на лиц, которым в силу тех или иных обстоятельств вверяется управление их судьбами.

²¹ Вообще Александр III, впрочем как и всякий абсолютистский властелин (в условиях отсутствия свободы мысли и общественного мнения), не представлял себе, что объективно означал его политический курс. Он искренне верил, что его политика обеспечивает величие России и счастье народу. Например, он не предполагал, что его система правления мало чем отличается от времен Николая I. По словам вел. кн. Константина Константиновича, прослушав доклад академика Я. К. Грота о Пушкине, он искренне удивлялся, как мог поэт в тогдашних условиях цензуры что-либо творить (ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 31, л. 16).

²² Отдел рукописей ГБЛ, ф. А. А. Киреева, д. 11, л. 41.

составлялся из газетных сведений своеобразный «экстракт», который после просмотра его начальником Главного управления печати и министром внутренних дел представлялся Александру III²³. Это еще в большей мере способствовало примитивному и одностороннему восприятию действительности.

Александр III был чрезвычайно груб. Эпитеты «скотина», «каналья» и другие являлись его обычными выражениями. К тому же он был порой и жесток. Так, наказание розгами политической заключенной Н. К. Сигиды на Кариийской каторге, следствием чего явилась ее смерть, было произведено по личному приказанию Александра III. Как утверждает в своем дневнике Е. М. Феоктистов со слов министра внутренних дел И. Н. Дурново, последний направил царю доклад об оскорблении этой заключенной жандармского офицера. Резолюция Александра III гласила: «Выпороть ее». После этого Дурново «тотчас же послал второй доклад, в котором говорил, что хотя ссыльнокаторжные женщины не избавлены от телесного наказания и хотя высшая мера определена сотней розог, но ввиду того, что преступница получила некоторое образование и что, вероятно, продолжительное заточение подействовало на ее нервную систему, он полагал бы уменьшить ей наказание, низвести его до минимума. На это последовала такая резолюция: „Дать ей сто розог“»²⁴.

²³ Там же, л. 230. Об этом же упоминает Половцов в своем дневнике (см. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 461).

²⁴ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, ЛII б. 14, л. 11.

Вместе с тем ему порой было присуще и ханжество. Так, И. А. Шестаков в одной из своих записей в дневнике за 80-е годы писал: «На докладе государь с большим сожалением говорил, что получил горькое письмо от матери одного из преступников, в котором бедная выражала уверенность, что сын ее арестован по ошибке, ибо всегда выказывал нежные семейные чувства и самое невинное чистое направление. Мать просит свидеться с сыном, и тогда убедит его величество, что сын не виноват. Государь дозволил свидание и с горечью говорил, какое бедной матери предстоит разочарование. Сын отчаянный фанатик и принадлежит, по собственному сознанию, к террористам» (ЦГАВМФ, ф. Шестакова, д. 7, л. 30). Это не помешало Александру III отправить на виселицу сына этой «бедной матери». Второй факт подобного же рода относится к судебным порядкам. Как известно, император ненавидел суд присяжных, не терпел принципа «несменяемости судей» и стре-

Александр III был довольно скромен в личной жизни. Он не любил лжи, был хорошим семьянином, был трудолюбив; в отличие от своего отца, дядей и братьев он не имел «никаких эротических замашек»²⁵, как выражался о нем А. А. Киреев. Любя выпить, он не организовывал каких-либо оргий, а делал это втихомолку вместе со своим собутыльником начальником его охраны генералом П. А. Черевиным²⁶. Будучи пьяным, император развлекался весьма своеобразно. «Ляжет на спину на пол и болтает руками и ногами,— рассказывал Черевин.— И, кто мимо идет из мужчин, в особенности детей, норовит поймать за ногу и повалить. Только по этому признаку и догадывались, что он навеселе»²⁷.

Когда в конце 80-х годов Александр III заболел почечной болезнью и ему категорически было воспрещено пить, императрица бдительно следила за тем, чтобы ее муж не нарушал запрета. Однако это далеко не всегда удавалось. «А между тем,— говорит тот же Черевин,— к концу вечера — глядь его величество уже опять изволит барахтаться на спинке и лапками болтает и визжит от удовольствия»²⁸.

Для того чтобы обмануть императрицу, осуществлялась весьма сложная операция. «А мы с ним,— лукаво

мился ликвидировать все это. Когда Муравьев, назначенный министром юстиции, обратился к нему с вопросом: «На каких основаниях вести реформу?», он ответил: «На основании неприкосновенности судебных уставов» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, к-11, л. 330. Запись в дневнике за 19 апреля 1894 г.).

²⁵ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, к-10, л. 148.

²⁶ Закадычный друг императора генерал-адъютант Черевин редко бывал трезвым. Рассказывая о своем визите Черевину в 1894 г., новгородский губернатор А. Н. Мосолов пишет: «Я нарочно поехал до завтрака, чтобы его застать, и застать по возможности трезвым. Он был, однако, уже на первом взводе, однако ясен умом» (ЦГАОР, ф. Коллекции отдельных документов личного происхождения, д. 1115. Воспоминания, л. 234—235).

²⁷ Черевин рассказывал об этом П. Н. Лебедеву, известному физику, профессору Московского университета. Встретился Лебедев с Черевиним в Стратсбурге, в доме его сестры, которая была замужем за профессором Стратсбургского университета. По-видимому, Лебедев в свою очередь передал эту историю В. Л. Бурцеву, который и опубликовал этот рассказ в издававшейся им в Париже газете «Будущее» в 1912 г.; позднее он был перепечатан в «Голосе минувшего» (см. «Голос минувшего», 1917, № 5—6, стр. 99).

²⁸ Там же, стр. 100.

улыбался Черевин,— мы с его величеством умудрились: сапоги с такими особыми голенищами заказывали, чтобы входила в них плоская фляжка коньяку вместимостью в бутылку... Царица подле нас, мы сидим смиренно, играем, как пайныки. Отошла она подальше — мы переглянемся — раз, два, три! — вытащим фляжки пососем и опять как ни в чем не бывало... Ужасно ему эта забава нравилась... Вроде игры... И называлось это у нас «голь на выдумки хитра»... Раз, два, три... Хитра голь, Черевин? — Хитра, Ваше величество... Раз, два три! — и сосем»²⁹.

Таковы были нравы российского самодержца³⁰, не отличавшегося, как уже говорилось, большим умом. Об этом свидетельствуют и его современники. Так, одна из крупных сановных особ царствования Александра III, начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов, относившийся в целом к императору весьма положительно, характеризуя его, писал: «С течением времени, когда будет обнародовано все или многое, что выходило из-под его пера,— разные резолюции и заметки, когда люди, находившиеся в непосредственных к нему отношениях, поделятся своими воспоминаниями о нем, то общее впечатление будет, конечно, таково, что нередко случалось ему высказывать очень здравые мысли, а наряду с ними такие, которые поражали чисто детской наивностью и простодушием»³¹. Эта характеристика в целом правильна: «простодушие и детская наивность» в большей мере характеризовали императора, нежели «здравые мысли». Даже апологет Александра III С. Ю. Витте в своих воспоминаниях, говоря о любимом монархе, писал, что он был человеком «сравнительно небольшого образования, можно сказать, что он был человеком ординарного образования [...] У императора Александра III,— продолжает Витте,— был

²⁹ Там же.

³⁰ Одну мелкую, но интересную деталь, характеризующую скромность потребностей Александра III, сообщает в своем дневнике со слов Н. К. Гирса В. Н. Ламсдорф. Император последние годы своей жизни непрерывно толстел, и вот однажды Гирс обнаружил в одежде царя любопытную деталь — «его рейтузы были расширены при помощи большой заплатки клином» (В. Н. Ламсдорф. Дневник 1891—1892. М.—Л., 1934, стр. 274).

³¹ Воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 217.

небольшой ум рассудка, но у него был громадный, выдающийся ум сердца»³².

* * *

Наследник престола вел. кн. Николай Александрович не отличался ни большим умом, ни обширным образованием. Его воспитанием ведал недалекий генерал Данилович, который был не способен заставить своего питомца приобрести какие-либо серьезные познания. Воспитание цесаревича осуществлялось, по словам Половцова, «крайне поверхностно и неудовлетворительно»³³. Когда 22-летний наследник прочел наизусть одно из стихотворений Пушкина в присутствии своего двоюродного дяди вел. кн. Константина Константиновича, то последний с удивлением занес в свой дневник следующую фразу: «Я думал, он при всей своей доброте способен лишь к охоте»³⁴. Большое влияние оказал на наследника, точнее, на систему его политического мышления Победоносцев, являвшийся одним из его учителей.

Будучи взрослым человеком (ему было за 20), он держал себя довольно странно, что, по-видимому, объяснялось системой воспитания: мать, считая его в этом возрасте ребенком, не разрешала ему порой выезжать без себя.

В. Н. Ламсдорф, характеризуя вел. кн. Николая Александровича, в своем дневнике за 1892 г. пишет: «Наследник, 24 лет от роду, представляет из себя странное явление: наполовину ребенок, наполовину мужчина, маленького роста, худощавый, незначительный — хотя, как говорят, он упрям — и проявляет удивительное легкомыслие и бесчувственность»³⁵. Надо сказать, что без-

³² С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. М., 1960, стр. 408.

³³ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 187.

³⁴ ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 37, л. 150.

³⁵ В. Н. Ламсдорф. Дневник 1891—1892, стр. 259. О ребячестве наследника пишет и Половцов. «Входит Александр Михайлович и рассказывает, — заносит он в свой дневник 27 января 1892 г., — что провел вечер накануне у гр. Шереметева, где были цесаревич и Ксения. Время проводили в том, что резвились, бегали по дому и прятались». «Оригинальное препровождение времени для 24-летнего наследника престола», — замечает Половцов («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 415).

вольность, равнодушие и упрямство являлись важнейшими качествами будущего императора.

С конца 80-х годов наследник проходит стажировку в качестве младшего офицера первоначально в лейб-гвардии гусарском его величества полку, а затем в Преображенском, усваивая не столько добродетели, сколько пороки офицерского быта.

В лейб-гвардии гусарском полку, во главе которого стоял дядя наследника вел. кн. Николай Николаевич младший, он познает все прелести жизни лейб-гусар. Именно здесь Николай Александрович оказывается вовлеченным в тот водоворот беспробудного пьянства, которым характеризовалась жизнь офицеров этого полка. Один из офицеров полка, Ж-в, рассказывает по этому поводу страшные вещи. «Пили зачастую целыми днями, допиваясь к вечеру до галлюцинаций. Иные из них становились как бы привычными, так что прислуга офицерского собрания (клуба) начинала приспосабливаться к странному поведению господ. Так, нередко великому князю, командиру полка и разделявшим с ним компанию гусарам начинало казаться, что они не люди уже, а волки. Все раздевались тогда донага и выбегали на улицу [...] Там садились они на задние ноги (передние заменялись руками), подымали к небу свои пьяные головы и начинали громко выть. Старик буфетчик знал уже, что нужно делать. Он выносил на крыльцо большую лохань, наливал ее водкой или шампанским, и вся стая устремлялась на четвереньках к тазу, лакала языком вино, визжала и кусалась»³⁶.

В этой обстановке протекали молодые годы наследника престола. «Никто, быть может, не обращал на то внимания, что организм Николая Александровича начал уже отравляться алкогольным ядом, что тон кожи лица уже желтел, глаза нехорошо блестели и под ними образовывалась уже припухлость, свойственная привычным алкоголикам»³⁷. Вполне естественно, что Николай Александрович в бытность офицером мало читал и имел весьма смутные представления о происходящем на свете.

³⁶ [В. П. Обнинский]. Последний самодержец. Берлин, 1912, стр. 35. В. П. Обнинский, в прошлом офицер императорского стрелкового батальона, хорошо знал Николая Александровича.

³⁷ Там же, стр. 36.

Политическое воспитание наследника Александр III в этот период поручает своему другу испытанному борцу с крамолой редактору «Гражданина» кн. Мещерскому, который представлял вел. кн. Николаю Александровичу ежедневно дневник, содержащий рассуждения редактора по тем или иным злободневным вопросам. Об этом рассказывает в своем дневнике Феоктистов. «Каждую неделю Мещерский посылает цесаревичу составленный для него дневник [...] и в дневнике этом занимается обсуждением важнейших текущих вопросов. Задача эта возложена на него самим государем, который не желает, чтобы наследник почерпал сведения без разбора из всякого рода газет, толкующих о делах и вкривь и вкось, и предпочитает, чтобы они были сообщаемы ему человеком вполне надежным и благонамеренным. Таким образом,— замечает Феоктистов,— Мещерский как бы подготавливает цесаревича к предстоящему ему высокому призванию: внушает ему подобающие идеи, и государь, через руки коего проходит каждый № дневника, очень доволен. Хороший выбран воспитатель»³⁸.

По-видимому, Мещерский вполне справился со своей задачей, должным образом подготовив наследника к восшествию на прародительский престол. Уже 17 января 1895 г. на приеме депутатий земств в ответ на адрес Тверского земства по поводу необходимости «коренных реформ» молодой император заявил: «Это является «бессмысленными мечтаниями», так как его основная цель — «охранять начала самодержавия»»³⁹. Ученик оправдал надежды учителя.

³⁸ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, ЛII б. 14, л. 10. Это подтверждается и самим Мещерским. На некоторых тетрадях дневника, хранящихся в фонде Александра III, написано его рукою: «Для прочтения его императорскому высочеству государю — наследнику цесаревичу» (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 114. Надпись на обложке).

³⁹ Эта речь, состоявшая буквально из нескольких фраз, была написана для императора кем-то из его советников (по некоторым утверждениям, вел. кн. Сергеем Александровичем). Прочтена она была по шпаргалке, так как излагать свои мысли самостоятельно государь император так и не научился. Он прочел заготовленный ему текст, как утверждали современники, к тому же неверно: вместо слова «несбыточное» было сказано «бессмысленное». «Текст речи Николай II держал на дне своей шапки, куда неоднократно и заглядывал» (см. [В. П. Обнинский]. Последний самодержец, стр. 48).

Беликие князья, за очень редким исключением, по своему умственному развитию вполне соответствовали императору, а те, кто не соответствовал этим качествам, изгонялись. Сразу же по вступлении на престол Александр III удаляет с поста председателя Государственного совета и генерал-адмирала (фактически морского министра) вел. кн. Константина Николаевича. Умный и широкообразованный Константин Николаевич, несмотря на свой сумасбродный и несколько взбалмошный характер, являлся одним из наиболее крупных государственных деятелей эпохи реформ. По своим политическим воззрениям вел. кн. Константин Николаевич был решительным сторонником буржуазных преобразований, являясь идейным вождем либеральной бюрократии. Все это, естественно, не могло вызывать симпатий у Александра III, который обвинял своего дядюшку чуть ли не в причастности к цареубийству, имея в виду, что, мол, либеральная политика являлась причиной этого события.

На место председателя Государственного совета был назначен родной брат вел. кн. Константина Михаил Николаевич, вполне подходивший по своим данным к новому императору. Наместник Кавказа и генерал-фельдцейхмейстер (шеф артиллерии) вел. кн. Михаил Николаевич прежде всего был очень ограничен. Как выражался Е. М. Феоктистов, это был «замечательно глупый председатель Государственного совета»⁴⁰. Тот же Феоктистов рассказывает, что императрица Евгения (жена Наполеона III) после своей беседы с сим государственным мужем (бывшим тогда наместником Кавказа, заметила: «*Ce n'est pas un homme, s'est un cheval*»⁴¹.

Одной из черт характера вел. кн. Михаила Николаевича была его непомерная трусость⁴². Он думал и делал то, что требовалось императору. При этом ему не было нужно себя насилловать, так как взгляды его в своей

⁴⁰ Воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 257.

⁴¹ «Но это же не человек, это лошадь» (ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, LII б. 12, л. 12).

⁴² Об этом подробно рассказывает в своем дневнике А. А. Пოდцов.

основе были, естественно, реакционны. Хорошо знавший вел. кн. Михаила Николаевича гр. Лорис-Меликов, говоря о нем в одном из своих писем (относящемся к 20 октября 1886 г.) к Белоголовому, писал: «Эгоист, завистливый и фальшивый в полном значении этого слова, вел[икий] кн[язь] боязлив и робок, как заяц, не только на поле брани, но и в мирное время. Робость его доходит до *болезненных* проявлений, прирожденных ему с детства [...] Все вышесказанные недостатки князя маскируются для публики весьма благообразными наружными формами великого князя и вежливым мягким обращением со всеми. Не доверяя собственным способностям и будучи неучем, он охотно подчиняется влиянию всех окружающих его лиц и, таким образом, является слепым исполнителем желаний и указаний жены своей [...] докладчиков своих, адъютантов и прочее»⁴³.

Говоря о нравственных качествах председателя Государственного совета в связи с его беспринципным поведением, государственный секретарь Половцов заносит в свой дневник следующую фразу: «Признаюсь, ежедневно натыкаешься на трудновообразимые нравственные факты, но такого подобострастия и презрения к нравственному долгу я не ожидал»⁴⁴.

Во время войны 1877—1878 гг., будучи главнокомандующим на Кавказском театре военных действий, он обнаружил полную неспособность и любил повторять, по словам Святополк-Мирского, следующую фразу, став-

⁴³ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Белоголового, папка 6, д. 21. Не лишена интереса с точки зрения оценки государственной деятельности вел. кн. Михаила Николаевича запись в дневнике А. А. Половцова в связи с изготовленным им по поручению императора проекта рескрипта на имя председателя Государственного совета в день коронации. «И вот Вам судьбы человеческой истории,— заносит в дневник Половцов 15 мая 1883 г.— Через сотни, а пожалуй, и десятки лет, прочитав рескрипт вел[ико]му князю, иной историк напишет в своем сочинении, что добрый Михаил Николаевич был душою царствования Александра III, тогда как между ним и столь же немудрым его братом Николаем почти нет разницы, а всему причиною пришедшая мне в голову мысль, что надо в этакий день хоть одного принца царствующей фамилии поднять на подмостки и уверить глупую толпу, что он истинно государственный человек» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 96).

⁴⁴ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 279.

шую его поговоркой: «Решительно теперь вижу, что лучше быть кучером, чем главнокомандующим в военное время»⁴⁵. По-видимому, он все же отчетливо себе представлял, что быть главнокомандующим в мирное время не так уж плохо.

Назначенный генерал-адмиралом вел. кн. Алексей Александрович, младший брат Александра III, был распутным человеком и большую часть своего времени отдавал не столько флоту, сколько кутежам и различным амурным похождениям. Помимо всего прочего он по-крупному играл в карты⁴⁶, а для это нужны были и деньги и время. На вел. кн. Алексея Александровича как на генерал-адмирала лежит ответственность за трагедию русского флота в начале XX в.⁴⁷

Из великих князей, занимавших те или иные государственные посты, следует назвать еще двух братьев царя: Владимира и Сергея. Владимир, один из более умных детей Александра II, сменил на посту командира гвардейского корпуса вел. кн. Николая Николаевича, дядю Низи, известного своей умственной простотой⁴⁸. Однако всю свою энергию Владимир Александрович преимущественно тратил на развлечения и обжорство. Даже его близкий друг А. А. Половцов дает ему далеко не лестную характеристику. «Владимир — умный, сердечный, добрый, более других образованный [...] с самого детства был склонен к лени, рассеянности, обжорству»⁴⁹.

⁴⁵ Там же, стр. 102.

⁴⁶ А. С. Суворин в своем дневнике за 24 сентября 1893 г. пишет: «Великий князь Алексей играет баккара [...] Ставит 500, 1000, франков» («Дневник А. С. Суворина». М. — Пг., 1923, стр. 68).

⁴⁷ Как рассказывает в своем дневнике Л. Тихомиров, в ноябре 1904 г. «в Михайловском театре публика сделала скандал [актрисе] балета любовнице вел. кн. Алексея, кричала: «Вон из театра!», а по поводу ее бриллиантов: «Это на тебе наши крейсера и броненосцы висят». Кричали, чтобы она больше не смела показываться на сцене» (запись за 22 ноября 1904 г. «Красный архив», 1930, № 2 (39), стр. 48).

⁴⁸ Его родной брат вел. кн. Михаил Николаевич, не отличавшийся, как уже говорилось, также умом, был очень поражен, когда Николай Николаевич сошел с ума, «потому что он удивился, что человек непомерной глупости может тем не менее сойти с ума» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 318).

⁴⁹ ЦГАОР, ф. Половцова, д. 44, л. 20—21. Примерно такую же характеристику дает вел. кн. Владимиру Александровичу и Киреев.

Вел. кн. Сергей Александрович обладал крайне примитивным мышлением реакционно-шовинистического порядка. В 80-е годы он командовал лейб-гвардии Преображенским полком, где активно содействовал процветанию противоестественного разврата. В начале 90-х годов был назначен генерал-губернатором Москвы. Здесь он получил широкую возможность реализовать свои реакционно-шовинистические воззрения. Цитированный выше Половцов чрезвычайно брезгливо отзываясь о вел. кн. Сергее. «Если два старших его брата,— замечает он в своем дневнике,— имеют презрение к человечеству, то третий всецело пользуется презрением человечества»⁵⁰.

Без преувеличения можно сказать, что представители царствующего дома не отличались наличием интеллекта, проводя свою жизнь между казармой и рестораном. Исключение представляли собою лишь два его члена: великие князья Константин Константинович и Николай Михайлович.

Однако ни тот ни другой никакого участия в государственной деятельности не принимали.

Первый из них, поэт и драматург, печатавшийся под псевдонимом К. Р., много времени уделял литературе и музыке. Он неплохо перевел на русский язык «Гамлета» Шекспира, встречался с Достоевским, Гончаровым, Полонским, Фетом, Стасовым, был близок с Чайковским⁵¹. Как рассказывает он в своем дневнике, Стасов однажды похвалил его за стихи. «Кажется,— замечает Константин Константинович,— он нашего брата, великого князя, вообще считает ни к чему не способным и радуется, когда из нашей среды выходит какой-нибудь труд»⁵².

«Лентяй и эгоист, весь ушедший в брюхо», — говорит он о нем в своем дневнике 17 декабря 1889 г. (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Ки-реева, к-11, л. 152).

⁵⁰ ЦГАОР, ф. Половцова, д. 44, л. 23.

⁵¹ Некоторые стихотворения вел. кн. Константина Константиновича Чайковский переложил на музыку, в частности его стихотворение «Растворил я окно, стало грустно невмочь».

⁵² ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 30, л. 54, запись за 3 декабря 1886 г. Последнее едва ли верно: Стасову не было оснований радоваться общественно полезным занятиям членов императорской фамилии.

Однако политические воззрения вел. кн. Константина Константиновича были примитивны и реакционны. Оценивая роль Александра III после его смерти, Константин Константинович полагает, что «он вознес Россию на такую необыкновенную высоту»⁵³.

Вел. кн. Николай Михайлович всерьез занимался археологией и историей. Впоследствии им был написан ряд монографических исследований по истории России первой четверти XIX в.

* * *

Наиболее близкими людьми к Александру III, оказывавшими влияние на правительственную политику, были К. П. Победоносцев, гр. Д. А. Толстой, М. Н. Катков и кн. В. П. Мещерский. Этот «квартет», вполне соответствовавший духу и настроениям императора, в значительной мере определял собою направление политического курса.

Характеризуя отношения первых трех, представлявших своеобразный триумvirат, близко стоявший к этим лицам Е. М. Феоктистов писал: «Мнимый союз трех названных лиц напоминал басню о лебеде, щуке и раке. Относительно основных принципов они были более или менее согласны между собой, но из этого не следует, что они могли действовать сообща. М. Н. Катков кипятился, выходил из себя, доказывал, что недостаточно отказаться от вредных экспериментов и обуздать партию, которой хотелось бы изменить весь политический строй России, что необходимо проявить энергию, не сидеть сложа руки, он был непримиримым врагом застоя, и ум его неустанно работал над вопросом, каким образом можно было бы вывести Россию на благотворный путь развития. Граф Толстой недоумевал, с чего же начать, как повести дело; он был бы и рад совершить что-нибудь в добром направлении, но это «что-нибудь» представлялось ему в весьма неясных очертаниях; что касается Победоносцева, то, оставаясь верным самому себе, он только вздыхал, сетовал и поднимал руки к небу [...] Не удивительно, что колесница под управлением таких возниц подвигалась вперед очень туго.

⁵³ Там же, д. 41, л. 151. Запись за 12 ноября 1894 г.

Катков и Толстой вовсе не видались, Победоносцев видался с Катковым, но после каждого почти свидания раздражался жалобами — так солоно приходилось ему от беспощадных нападок Михаила Никифоровича»⁵⁴.

Характер этих лиц и отношения их друг с другом изображены Феоктистовым верно. Добавим лишь, что лично близких отношений у Толстого с Победоносцевым, впрочем как и с другими, не было.

Что же касается четвертого представителя этого «квартета», то он стоял в тени, пытаясь воздействовать на своего близкого друга в прошлом — царя — преимущественно письменно, путем посылки ему своих дневников, а также писем.

Остановимся подробнее на каждом из этих лиц. Близким к Александру III лицом на протяжении 80-х годов был К. П. Победоносцев. Победоносцев являлся в полном смысле этого слова наставником императора, особенно в начальные годы его царствования.

Константин Петрович Победоносцев родился в 1827 г. в семье профессора. Получив солидное образование в Училище правоведения, он поступает на службу в московские департаменты Сената. В течение пяти лет, с 1860 по 1865 г., состоял профессором Московского университета, занимая кафедру гражданского права. Слушавший лекции Победоносцева в университете А. Ф. Кони, вспоминая о нем как о лекторе, писал: «Над кафедрой возвышалась фигура с бледным, худым, гладковыбритым лицом, в толстых черепаховых очках, сквозь которые устало и безразлично глядели умные глаза, а из бескровных уст лилась лениво, бесшумно монотонная речь. Победоносцев, предшествуемый литературной известностью и славой опытного цивилиста, внушал нам уважение, но не оживлял нас и оставлял равнодушными к своему предмету»⁵⁵.

В 1865 г. Победоносцев назначается членом консультации Министерства юстиции. В 1868 г. он сенатор, а в 1872 — член Государственного совета. Победоносцев занимается также наукой. Его перу принадлежит четырехтомный курс гражданского права, ряд историко-юри-

⁵⁴ Воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 222—223.

⁵⁵ А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 254.

дических исследований. Уже в 60-е годы Победоносцев был близок к императорской фамилии, он преподавал законоведение великим князьям, в частности будущему императору Александру III. В 1880 г. по инициативе наследника престола Победоносцев назначается, не без помощи Лорис-Меликова, обер-прокурором Св. Синода — пост, который он занимал в течение четверти века.

По своим политическим взглядам Победоносцев принадлежал к представителям крайней реакции. Он был сторонником неограниченного самодержавия, поборником сохранения дворянских привилегий, ярким врагом западноевропейских форм общественной жизни. «Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, к сожалению утвердившаяся со времени французской революции *идея*, что всякая власть исходит от *народа* и имеет основания в воле народной», — писал он в своей статье «Великая лож нашего времени». «Отсюда, — продолжал он, — истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции и проникла, к несчастью, в русские безумные головы. Она продолжает еще держаться в умах с упорством узкого фанатизма, хотя ложь ее с каждым днем изобличается все явственнее перед целым миром»⁵⁶.

В начале 60-х годов взгляды Победоносцева были иными. Он буквально восторженно встретил отмену крепостного права. Так, в письме к смоленской помещице С. П. Энгельгардт от 9 марта 1861 г. он писал: «Мы до сих пор еще недостаточно оцениваем всю важность этой перемены, но, господи боже, какая великая перемена! Каково же, подумайте, в России *нет крепостного права!* Нет больше людей, которые считались бы собственностью себе подобных. Нет бесправных! Мы еще не можем понять, что это значит...»⁵⁷

В то же время Победоносцев принимал участие в разработке судебных уставов 1864 г. Как рассказывает в своих воспоминаниях А. Ф. Кони, «в особенности ставил он высоко начало гласности производства. Его не удовлетворял канцелярский образ Фемиды, совершаю-

⁵⁶ К. П. Победоносцев. Московский сборник. М., 1896, стр. 31.

⁵⁷ ЦГИА, ф. Канцелярии обер-прокурора, оп. 94, д. 24, л. 1.

щей свое дело с повязкою на глазах». «Что прячется от света и скрывается в тайне,— говорил он нам на лекции о публичности производства,— в том верно есть неправда,— и если цель правосудия состоит в отражении правды, в исправлении и обличении неправды, в соблюдении закона, то оно не может опасаться света и все его действия должны совершаться открыто...»⁵⁸ На протяжении последующего периода Победоносцев из либерала превращается в реакционера. Впрочем, этот путь проходят и другие партнеры Победоносцева — Толстой и Катков.

В личности Победоносцева причудливо уживались, с одной стороны, большой, острый и тонкий ум и широкое образование, с другой — узость суждений, нетерпимость, фанатизм и мракобесие. Он презирал человечество, не верил в положительные качества человеческой природы. Человек настолько плох, считал он, что единственная возможность держать его крепко в руках — не давать ему рассуждать. Победоносцев особенно ненавидел интеллигенцию, не вынося никакого инакомыслия, как политического, так и религиозного. Только при самодержавии возможен, по его мнению, прогресс в России. В силу всего этого он выступал против подлинного прогресса, против инакомыслящих и инаковерующих. «Государство,— писал он в «Московском сборнике»,— признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием и одну церковь исключительно поддерживает и покровительствует, к предосуждению всех остальных церквей и вероисповеданий. Это предосуждение означает вообще, что все остальные церкви не признаются истинными или вполне истинными; но практически выражается оно в неодинаковой форме, со множеством разнообразных оттенков и от непризнания и осуждения доходит до преследования»⁵⁹. Именно этим принципом и руководствовался Победоносцев, подвергая гонениям всех старообрядцев, сектантов и представителей других религий. В бытность Победоносцева обер-прокурором возникает так называемое Мултанское дело, когда 10 удмуртов были обвинены в убийстве с ритуальной целью.

⁵⁸ А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 7. М., 1969, стр. 100.

⁵⁹ К. П. Победоносцев. Московский сборник, стр. 14.

Характеризуя обер-прокурора Синода, А. Ф. Кони в своих воспоминаниях писал: «Победоносцев беспощадно отрицал все элементы современной культурной жизни: народное представительство, суд, печать, свободу совести, клеймя все это словами «ложь» и «обман» [...] Как не ложь и обман, и притом направленный на духовный строй и достоинство родины,— заключает Кони,— представляли его церковно-приходские школы, его миссионеры, во имя Христа призывающие к мечу светскому, его фиктивные отчеты об обращении иноверцев на лоно вселюбящей матери церкви...»⁶⁰

Блиские отношения Победоносцева с Александром III возникли еще в период пребывания его наследником. Наиболее же тесные устанавливаются примерно со второй половины 70-х годов. Это в какой-то мере подтверждается числом посылаемых Победоносцевым наследнику писем⁶¹.

С первых же дней вступления на престол Александра III Победоносцев поучает нового императора и становится его ближайшим политическим советником, даже, больше того, ментором. По словам Феофтистова, Победоносцев уже вечером 1 марта был в Аничковом дворце и умолял Александра III уволить Лорис-Меликова⁶².

6 марта Победоносцев пишет царю пространное письмо, в котором дает советы о направлении правительственной политики. «Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надо бы уступить так называемому общественному мнению, о, ради бога, не верьте, Ваше величество, не слушайте. Это будет гибель России и Ваша: это ясно для меня как день»⁶³. Он еще раз советует уволить с поста министра внутренних дел Лорис-Меликова и даже рекомендует вместо

⁶⁰ А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 264—265.

⁶¹ В 1871 г. было послано Победоносцевым 1 письмо, в 1872 г.— ни одного, в 1873 г.— 6, в 1874 г.— 11, в 1875 г.— 11, в 1876 г.— 16, в 1877 г.— 22, в 1878 г.— 48, в 1879 г.— 71, в 1880 г.— 49 (см. «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. I, стр. XIII—XVI).

⁶² Воспоминания Е. М. Феофтистова «За кулисами политики и литературы», стр. 198. Как говорит Феофтистов, об этом ему рассказывал сам Победоносцев.

⁶³ «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. I, стр. 315—316.

ного кандидата — гр. Н. П. Игнатьева. «Не оставляйте графа Лорис-Меликова, я не верю ему, он фокусник и может еще играть в двойную игру. Если Вы отдадите себя в руки ему, он приведет Вас и Россию к гибели»⁶⁴, — пишет он. Победоносцев не только дает царю подобного рода советы, но и простирает свои заботы далее, рекомендуя императору ряд предосторожностей. «Когда собираетесь ко сну, — пишет он 11 марта, — извольте запирать за собою двери не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной»⁶⁵. Победоносцев советует проверять перед сном исправность звонков, осматривать мебель, дабы террористы не залезли под диван или под кресла и т. д.

По рекомендации Победоносцева петербургским градоначальником назначается Н. М. Баранов, авантюрист и беспросветный лгун, своим безудержным враньем способствовавший еще большему усилению панических настроений⁶⁶. 8 марта в заседании Совета министра, в котором обсуждалась предложенная Лорис-Меликовым так называемая его конституция, Победоносцев выступает решительным противником этих предложений. «Все сказанное Строгановым, Маковым и Посыетом было бледно и ничтожно сравнительно с длинной иезуитской речью, произнесенной Победоносцевым, — заносит в дневник присутствовавший на заседании военный министр Д. А. Милютин. — Это, — продолжает он, — было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование: он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступной ошибкой! Речь Победоносцева, произнесенная с риторическим пафосом, казалась отголоском туманных теорий славянофильских; это было отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации. Многие из нас не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера»⁶⁷.

В период борьбы правительственных группировок в марте — апреле 1881 г. Победоносцев является лидером

⁶⁴ Там же, стр. 316.

⁶⁵ Там же, стр. 318.

⁶⁶ Подробнее см. в моей книге «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 304—311.

⁶⁷ «Дневник Д. А. Милютина», т. IV. М., 1950, стр. 35.

реакционной группы, обнаруживая при этом большие способности интригана. В апреле он «мирится» с Лорис-Меликовым, а за его спиной готовит манифест об утверждении самодержавия, инициатором и автором которого он был сам.

Победоносцев рекомендует, как уже говорилось выше, Игнатьева на пост министра внутренних дел, и он же через год добивается его отставки в связи с затеей последнего созвать Земский собор⁶⁸.

Победоносцев играет большую роль в назначении на пост министра внутренних дел гр. Толстого (по крайней мере, судя по письмам к Александру III, он ведет с ним переговоры по этому поводу)⁶⁹. Также не без его участия реакционер Делянов назначается министром народного просвещения.

Победоносцев оказывает огромное влияние на подготовку университетского устава 1884 г. Он вдохновляет и проводит в жизнь политику зоологического национализма.

Однако во второй половине 80-х годов влияние Победоносцева начинает постепенно падать⁷⁰. Об этом говорил сам Победоносцев, об этом сообщали и другие. «К сожалению, — писал Победоносцев А. А. Половцову в июле 1889 г. по поводу назначения Третья Филиппова государственным контролером, — я бессилен и меня уже мало слушают, если сколько-нибудь слушают»⁷¹.

Тот же Половцов, близкий друг Победоносцева, в своем дневнике в записи за 31 октября 1889 г. пишет:

⁶⁸ См. П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов, гл. V, стр. 449—472.

⁶⁹ См. «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. I, стр. 386.

⁷⁰ Это в какой-то степени находит свое отражение и в количестве писем обер-прокурора Синода к Александру III. Так, в 1881 г. он направляет императору 42 письма, в 1882 г. — 26, в 1883 г. — 24, в 1884 г. — 9, в 1885 г. — 18, в 1886 г. — 18, в 1887 г. — 21, в 1888 г. — 14, в 1889 г. — 6, в 1890 г. — 4, в 1891 г. — 9, в 1892 г. — 8, в 1893 г. — 10, в 1894 г. — 2 (см. «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. II, стр. 382—383). И дело не только в количестве писем. Значительно изменяется их содержание: если ранее письма касались различных государственных вопросов, то за последние 4—5 лет исключительно почти только синодальных дел.

⁷¹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 220.

«В пятом часу заходит ко мне Победоносцев, который горько жалуется на то, что лишился всякого влияния [...] Победоносцев выражает решимость не вмешиваться более ни во что, кроме своих синодальных дел. Я его обвиняю в том, что он сам виноват в своем несчастье, потому что слишком вмешивался в дела, до него не касающиеся. На это он в противоположность тому, что говорил прежде, отвечает: «Да, ведь ты не знаешь, какие были прежде отношения. Когда я не видел его (т. е. царя.— П. З.) недели две, то он писал мне записки в таком роде: «Я Вас давно не видел, заходите, я хочу с вами переговорить о многих делах» и т. п.»⁷². Наконец, о потере влияния Победоносцева говорят многие современники⁷³. В чем же причина этого? Основная причина, на наш взгляд, заключалась в том, что Победоносцев взял на себя обязанности ментора и, критикуя «всех и вся», вместе с тем не имел никакой положительной программы⁷⁴. Как говорил о нем гр. С. Г. Строганов, «он всегда отлично знает, что не надо, но никогда не знает, что надо»⁷⁵.

Об этом пишет и Куломзин, характеризуя обер-прокурора как «властного по натуре [...] все критиковавшего, никогда не успокаивавшегося собеседника, никогда ничего сам не предложившего»⁷⁶.

* * *

Гр. Д. А. Толстой, назначенный Александром III на пост министра внутренних дел после изгнания Н. П. Игнатьева, «злой гений России», как его именовали современники, был человеком весьма неглупым и широко об-

⁷² Там же, стр. 231—232.

⁷³ Об этом неоднократно говорят в своих дневниках А. В. Богданович (ЦГИА, ф. Богдановича, д. 258, л. 64; д. 144, л. 14, 56—57), а также А. А. Киреев (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, к-л, л. 149).

⁷⁴ Справедливость требует сказать, что в одном лишь вопросе у Победоносцева была программа — в вопросе судебных преобразований. В 1885 г. он составил проект реформы суда, возвращавший его к дореформенным временам (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4394/3).

⁷⁵ В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. III. СПб., 1912, стр. 66.

⁷⁶ ЦГИА, ф. Куломзина, д. 188, л. 42.

разованным. Окончив Александровский лицей в 1842 г., он занимался историей России и являлся автором ряда исторических исследований⁷⁷. Вначале гр. Толстой был человеком либерального образа мыслей. Ближайшими его друзьями были поэт-петрашевец А. Н. Плещеев и М. Е. Салтыков-Щедрин. Е. М. Феокистов в своих воспоминаниях рассказывал: «Толстой и Плещеев были неразлучны; первое издание своих стихотворений посвятил Плещеев своему другу⁷⁸; такая тесная связь существовала между ними, что когда Плещеев был посажен в крепость, то все знавшие их полагали, что та же участь постигнет и Толстого»⁷⁹.

В 50-е годы Толстой занимает пост директора Канцелярии Морского министерства и является «ярким константиновцем», т. е. человеком, разделявшим политические взгляды вел. кн. Константина Николаевича, объединившего вокруг себя либерально настроенную чиновную фронду.

Однако в период подготовки крестьянской реформы он под влиянием несогласия с содержанием ее переходит в лагерь реакции. В 1860 г. Толстой представляет Александру II записку по поводу проекта реформы, составленного Редакционными комиссиями. В этой записке он предлагал передать крестьянам $\frac{1}{3}$ находившихся в их пользовании земель и усадьбу в дар, а остальную землю оставить за помещиками⁸⁰. По-видимому, первопричиной здесь явилась феноменальная скупость и алчность Толстого. Надо заметить, что с годами Толстой становился все более алчным и в нем развивалась страсть к приобретательству. В 60-х годах он совместно со своей женой обокрал в полном смысле этого слова

⁷⁷ Его перу принадлежат две монографии: «История финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины Екатерины II». СПб., 1848, и «Le catholicisme romain en Russie». СПб., 1864, а также ряд статей.

⁷⁸ Как отмечает редактор и комментатор воспоминаний Е. М. Феокистова Ю. Г. Оксман, это не совсем точно. Стихотворения А. Н. Плещеева, изданные в 1840 г., не имеют общего посвящения. Подзаголовок: «Графу Д. А. Толстому» — помещен на 12-й странице при строках: «Ее мне жаль».

⁷⁹ Воспоминания Е. М. Феокистова «За кулисами политики и литературы», стр. 164.

⁸⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. В. А. Черкасского, картон 22, д. 13.

своих (тончее, ее) крепостных, присвоив 441¹/₂ десятины земли, являвшейся собственностью крестьян⁸¹.

Хорошо знавший Толстого Б. Н. Чичерин, характеризуя его, писал: «Человек неглупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный, не выдавший ничего, кроме петербургских сфер, ненавидевший всякое независимое движение, всякое явление свободы, при этом лишенный всех нравственных побуждений, лживый, алчный, злой, мстительный, коварный, готовый на все для достижения личных целей, а вместе доводящий раболепство и угодничество до тех крайних пределов, которые обыкновенно нравятся царям, но во всех порядочных людях возбуждают омерзение»⁸². По мнению Чичерина, Толстой «был создан для того, чтобы служить орудием реакции»⁸³.

Эта характеристика является, на наш взгляд, весьма объективной.

В это же время Толстой превращается в ярого реакционера. Летом 1865 г. он назначается обер-прокурором Св. Синода. Это назначение казалось многим странным, так как Толстой обнаруживал полную индифферентность к делам веры⁸⁴. Однако от обер-прокурора Сино-

⁸¹ Речь идет о крестьянах села Вакино и деревни Шушпаковой Зарайского уезда Рязанской губернии, принадлежавших жене Толстого. Помимо этого по уставной грамоте граф и графиня отрезали у крестьян наилучшую землю, а взамен предоставили им негодную, умудрившись при этом вопреки Положениям 19 февраля 1861 г. увеличить сумму оброка. Недовольные всем этим, крестьяне принесли жалобу, которую мировой посредник решил в их пользу. Однако дело перешло в мировой съезд, куда в качестве доверителя своей супруги явился гр. Толстой, добившийся благоприятного для него решения. В конце концов в Главном комитете об устройстве сельского состояния дело благодаря позиции, занятой его председателем вел. кн. Константином Николаевичем, было решено в пользу крестьян. Интересы крестьян в этой тяжбе защищал известный тверской либерал друг М. Е. Салтыкова-Щедрина А. М. Унковский (см. «Отечественные записки», 1862, № 11; «Современная хроника России», стр. 12—22; *Джанишев*. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894, стр. 166—167).

⁸² Воспоминания Б. Н. Чичерина «Московский университет». М., 1929, стр. 192—193.

⁸³ Там же, стр. 192.

⁸⁴ А. В. Богданович 8 мая 1889 г. заносит в свой дневник следующий разговор с петербургским митрополитом по поводу болезни Толстого: «Он не жалеет Толстого, рассказывал про него, что никто не помнит, когда он причащался. В бытность его обер-прокурором Синода, он ни разу не был в Исаакиевском соборе, не за-

да вовсе не требовалось личное благочестие, о чем свидетельствовало назначение на этот пост лиц и вовсе неверующих. Важно было другое: Толстой был горячим поклонником Духовного регламента Петра Великого, рассматривавшего церковь как один из государственных департаментов. По мнению гр. Толстого, как об этом рассказывает в своих воспоминаниях Феокистов, «всякий архиерей в глубине души своей лелеет мечту о том, чтобы сделаться папой; создайте для архиереев более самостоятельное положение, и они употребят все усилия, чтобы подчинить государство церкви...»⁸⁵.

Этот взгляд на роль и значение церкви полностью соответствовал воззрениям и интересам самодержавия. После покушения Д. В. Каракозова Толстой назначается министром народного просвещения, продолжая оставаться одновременно и обер-прокурором Синода. За период пребывания на этих постах Толстой сумел завоевать дружную ненависть всех слоев общества, начиная от революционно-разночинных до сановно-бюрократических. «Жестокими, надменными и крайне неумелыми приемами, — писал о нем Лорис-Меликов в письме к бывшему своему секретарю А. А. Скальковскому, — он сумел вооружить против себя и учащихся, и учащихся, и самую семью»⁸⁶.

Вот почему одной из первых мер, знаменовавших собою изменение правительственного курса после взрыва в Зимнем дворце, явилось увольнение Толстого с обеих должностей. Этот акт создал Лорис-Меликову большую

глядывал в Синодальную канцелярию, где только висел его мундир на вешалке» (А. В. Богданович. Три последних самодержца, стр. 97). Обер-прокурор Синода был невежествен даже в таких элементарных вопросах, как знание евангельских текстов. По словам Б. Н. Чичерина, это «обнаружилось в речи, произнесенной им во время путешествия по России. Он сказал: «Французская пословица гласит: нет пророка в своем отечестве». Слова Христа выдавались обер-прокурором Св. Синода за французскую пословицу. «Речь была напечатана, — говорит Чичерин, — и над нею много потешались» (воспоминания Б. Н. Чичерина «Московский университет», стр. 194). Наконец, в безразличном отношении Толстого к делам веры сообщает в своих воспоминаниях и Е. М. Феокистов (см. воспоминания Е. М. Феокистова «За кулисами политики и литературы», стр. 169).

⁸⁵ Воспоминания Е. М. Феокистова «За кулисами политики и литературы», стр. 169.

⁸⁶ «Каторга и ссылка», 1925, кн. 2, стр. 122.

популярность. «Отставка этого министра народного по-мрачения, — писал Н. К. Михайловский в «Листке Народной воли», — есть действительная заслуга диктатора»⁸⁷.

Увольнение Толстого явилось большой победой Лорис-Меликова, которая досталась ему нелегко. «После двухмесячных трудов и усилий, — писал он в цитированном выше письме к Скальковскому, — удалось наконец достигнуть смены графа Толстого, этого злого гения русской земли. Радость была общая в государстве. Всем памятно, как в Зимнем дворце целовались у заутрени, приветствуя друг друга словами: «Толстой сменен, воистину сменен»»⁸⁸.

Однако в 1882 г. Толстой был назначен на пост министра внутренних дел, что ставило все точки над «и», характеризуя собою открытое проведение реакционного курса, намеченного, но сразу же не осуществленного манифестом 29 апреля 1881 г. Для Толстого это назначение явилось полнейшей неожиданностью. Как сообщал А. В. Головин Д. А. Милютину со слов одного из друзей Толстого, что когда Александр III предложил ему пост министра внутренних дел, то Толстой ответил, «что затрудняется потому, что государь его не знает». Государь удивился и сказал, что присутствовал при его докладах, читал отчеты. Толстой объяснил, что он известен государю как м[инист]р народ[ного] пр[освеще-ния], но что убеждения его по делам внут[реннего] уп[равления] его величеству неизвестны. Угодно ли будет государю иметь министром ч[ело]в[е]ка, который убежден, что реформы прошлого царствования были ошибкой, что у нас было население спокойное, зажиточное, жившее под руководством более образованных людей (т. е. крепостников-помещиков. — П. З.), что разные отрасли правительственной деятельности друг другу не вредили, правили местными делами агенты правительства под контролем других высших агентов той же власти, а теперь явилось разоренное, нищенское, пьяное, недовольное население крестьян, разоренное, недовольное дворянство, суды, которые постоянно вредят поли-

⁸⁷ «Листок Народной воли», 1880, № 2, стр. 3 [75]. — «Литература Народной воли». М., 1930.

⁸⁸ «Каторга и ссылка», 1925, кн. 2, стр. 122. Вопрос об отставке Толстого был решен накануне Пасхи, в страстную пятницу.

ции, 600 говорилин земских, оппозиционных правительству. Поэтому, — заявил Толстой, — задача м[инист]ра вн[утренних] д[ел] должна состоять в том, чтобы не развивать, а парализовать все оппозиционное правительству»⁸⁹.

Вполне естественно, что это заявление Толстого импонировало императору и отнюдь не могло служить препятствием к определению его на должность министра внутренних дел. Вступив на пост министра, гр. Д. А. Толстой не имел никакой позитивной программы, так же как в свое время, когда он был назначен министром народного просвещения⁹⁰.

Только в 1885 г. план действий был выработан одним из дворянских деятелей — А. Д. Пазухиным. Этот план представлял собою программу контрреформ. Взяв Пазухина в правители своей Канцелярии, Толстой с присущим ему упорством принялся с помощью Каткова реализовывать эту программу дворянской реакции. Однако смерть помешала ему это осуществить.

Смерть Толстого была воспринята Александром III с большой печалью. «...Скончался бедный гр. Толстой, — заносит император в свою памятную книжку 25 апреля 1889 г. — Страшная потеря! Грустно!»⁹¹

⁸⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, папка 61, д. 39. Письма от 8—11 августа 1883 г. Содержание этого разговора Толстого с Александром III излагает примерно в том же духе и Половцов в своем дневнике со слов П. А. Шувалова (ЦГАОР, ф. Половцова, д. 20, л. 78).

⁹⁰ К тому же новый министр внутренних дел ужасно боялся за свою персону, опасаясь террористических актов. Этот страх в нем подогревал, постоянно его запугивая, товарищ министра — командир корпуса жандармов П. В. Оржевский, который тем самым крепко держал в руках своего шефа. Как рассказывает И. А. Шестаков, Толстой ежемесячно выдавал из секретных сумм 2 тыс. руб. на охрану своей особы (ЦГАВМФ, ф. И. А. Шестакова, д. 7, л. 28, запись за 23 марта 1887 г.).

См. также воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 227. Об этом же говорит в своем дневнике и П. А. Валуев. «Вчера видел, — заносит он в дневник 10 сентября 1882 г., — товарища министра внутренних дел Дурново. Он говорит, что гр. Толстой боится за себя и что ген. Оржевский на этой струне играет. Когда Дурново сказал гр. Толстому, что он напрасно предоставил всю полицию в распоряжение Оржевского, гр. Толстой отвечал: „Пусть на нем лежит ответственность и пусть в него стреляют, а не в меня“» (П. А. Валуев. Дневник 1877—1884. Пг., 1919, стр. 205).

⁹¹ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 286, л. 5.

Идейным вдохновителем политической реакции, трубадуром ее был Михаил Никифорович Катков.

Родители Каткова были людьми несостоятельными: отец его, умерший молодым, происходил из личных дворян и служил мелким чиновником в Московском губернском правлении, мать, как утверждает хорошо знавший Каткова А. В. Станкевич, была кастеляншей в одной из московских тюрем.

В 1838 г. Катков окончил словесное отделение Московского университета, а в 1839 г. сдает магистерский экзамен. В конце 30-х годов Катков выступает на литературном поприще, первоначально как переводчик, а затем как автор отдельных произведений, становясь постоянным сотрудником «Московского наблюдателя» и «Отечественных записок», помещая в них статьи и рецензии.

Еще в детские годы Катков отличался необычной начитанностью. А. В. Станкевич, учившийся с Катковым в пансионе профессора Павлова, в своих воспоминаниях о нем писал: «Помню, что Катков казался мне уже большим, серьезным, почти юношей. Между товарищами он не отличался ни общительностью, ни веселостью [...] В памяти моей сохранилась довольно плотная фигура мальчика лет 15-ти, почти всегда державшего в руках книгу, даже в рекреационные часы»⁹². Еще будучи студентом, в 1837 г. Катков становится членом кружка Н. В. Станкевича (после отъезда последнего за границу). Здесь он сходится с В. П. Боткиным, В. Г. Белинским, М. А. Бакуниным и др. В этот период Катков увлекается немецкой философией, первоначально Шеллингом, а затем Гегелем.

В конце 30-х годов Катков сближается с Белинским. К этому периоду относится целый ряд восторженных отзывов о нем Белинского. «Славный малый — он далеко пойдет, потому что уже и теперь у него убеждение в мире с жизнью. Голова светлая, сердце чистое — вот Катков», — пишет он в письме к М. А. Бакунину от 1 ноября 1837 г.^{92а}

⁹² Отдел рукописей ГБЛ, ф. Герже. М., 7310/4, л. 1.

^{92а} В. Г. Белинский. Письма. Под ред. Е. А. Ляцкого, т. I—II. СПб., 1914; т. I, стр. 139.

Близость продолжается несколько лет, однако в начале 40-х годов Белинский начинает понимать, что если голова Каткова действительно «светлая», то сердце отнюдь не «чистое». В своем письме к В. П. Боткину от 6 февраля 1843 г. Белинский уже так характеризовал его: «Это Хлестаков в немецком вкусе. Я теперь понял, отчего во время самого разгара моей мнимой к нему дружбы, меня дико поражали его зеленые стеклянные глаза. Ты некогда недостойным участием к нему жестоко погрешил против истины; но — честь и слава тебе — и ты же хорошо и поправился: ты постиг его натуру — попал ему в самое сердце. Этот человек не изменился, но только стал самим собой. Теперь это куча философского г...: бойся наступить на нее — и замараешь, и завошь»⁹³. Помимо невысоких человеческих качеств, обнаружившихся в Каткове, Белинского отталкивает от него и приверженность последнего к реакционному шеллингианству, и отрицательное его отношение к социалистическим идеям, которыми тогда увлекался Белинский⁹⁴. «Катков, — писал А. В. Станкевич, — никогда не имел того, что называется порядочностью в человеке, а недостаток ее так или иначе дает себя чувствовать в отношениях людей. Он был самолюбив и прочно мог терпеть вокруг себя только людей, вполне признававших его авторитет, делавшихся безответными его орудиями и покорными его слугами»⁹⁵.

С 1845 г. Катков в течение пяти лет занимается педагогической деятельностью в качестве адъюнкта кафедры философии Московского университета. С 1851 г. также в продолжение пяти лет он был редактором университетской газеты «Московские ведомости», а с 1856 г. издает вместе с профессором Леонтьевым журнал «Русский вестник». Во второй половине 50-х и начале 60-х годов, в период общественного подъема, наступившего после Крымской войны, Катков был близок к умеренным либералам. Он пропагандирует английское государственное устройство, выступает сторонником отмены крепостного права и государственных преобразова-

⁹³ Там же, т. II, стр. 335.

⁹⁴ См. Ю. Оксман. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, стр. 346.

⁹⁵ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Герье. М., 7310/4, л. 14.

ний, в частности земской и судебной реформы. В 1861 г. в одном из номеров «Современной летописи», являвшейся приложением к «Русскому вестнику», он, ратуя за английские порядки, писал: «Невозможно, но должно поставить граждан в такое положение, чтобы они не скрывали того, что думают, и не говорили того, что не думают. В Англии, более нежели где-нибудь, эти требования находят себе удовлетворение...»⁹⁶ При этом он всячески подчеркивал необходимость мирного пути развития: «Англичане научились искусству делать реформы без революций, и мы, кажется, ничего не потеряем, если будем соревновать им в этом отношении»⁹⁷.

В 1863 г. «Московские ведомости» были отданы в аренду Каткову и Леонтьеву. Именно с этого времени начинается переход Каткова на позиции реакции. Переход этот происходит в течение нескольких лет, начало же его совпадает со временем польского восстания.

С 1866 г., периода установления открытого реакционного курса, Катков становится его трубадуром. Он ведет откровенные атаки на судебные уставы, земство и другие буржуазные преобразования. Отражала ли эта эволюция действительные изменения взглядов Каткова? Говоря об этом, А. В. Станкевич писал: «Насколько Катков имел потребность действительных убеждений и ясных и определенных понятий, об этом мы уже говорили. Но если не они руководили его деятельностью, то что же он хотел, к чему стремился, что было целью его деятельности [...] Целью его стремлений было удовлетворение его себялюбия и властолюбия»⁹⁸.

Однако возможен и другой ответ на этот вопрос. Можно предположить, что это явилось результатом естественной эволюции взглядов, особенно имея в виду, что консервативные начала не были чужды мировоззрению Каткова в 40-х годах.

Статьи Каткова в «Московских ведомостях» носили обычно весьма резкий, ругательный характер. Говоря о публицистической деятельности Каткова, А. В. Никитенко писал: «Правительству в известных обстоятельствах бывают нужны цепные собаки (М. Н. К[атков]). Оно и

⁹⁶ «Современная летопись», 1861, № 51, стр. 19.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Герье. М., 7310/4, л. 41.

спускает их с цепи, а потом не знает, как их унять»⁹⁹. Действительно, особенно позднее, в 80-е годы, правительство нередко пыталось унять Каткова, впрочем не всегда удачно.

Влияние Каткова на правительство и его политику не являлось только результатом его публицистической деятельности. Большое значение здесь имело непосредственное воздействие его на министров, а порой и на самого царя.

Особенно большое влияние пытался оказывать Катков на политику в области просвещения. В силу этого непосредственным объектом его внимания являлся министр народного просвещения. Гр. Толстой, назначенный в 1866 г. министром народного просвещения, не представлял себе своих задач и сразу же оказался в цепких руках Каткова. «Он,— как рассказывает Феокистов, — сознавал только необходимость что-нибудь сделать, но как и что именно — на первых порах это представлялось неразрешимой загадкой»¹⁰⁰. И тут помог Катков.

Программа действий министра была разработана редактором «Московских ведомостей». Он не только указал ему, что надо делать, но и рекомендовал Толстому своего наперсника А. И. Георгиевского, который стал правой рукой министра. Являясь председателем Ученого комитета, Георгиевский был полномочным представителем Каткова при министре народного просвещения. Без преувеличения можно сказать, что все реформы, осуществлявшиеся в области народного просвещения во второй половине 60—70-х годов, исходили от Каткова. Георгиевский почтительно докладывал Каткову о том, что происходит в министерстве, и получал соответствующие указания. И гимназическая реформа начала 70-х годов, и разработка нового университетского устава, и многое другое — все это исходило от Каткова.

Влияние Каткова сказывалось и в других областях правительственной политики, но нигде не удалось ему

⁹⁹ А. В. Никитенко. Записки и дневник 1804—1877, т. II. СПб., 1905, стр. 157.

¹⁰⁰ Воспоминания Е. М. Феокистова «За кулисами политики и литературы», стр. 174.

достигнуть такого успеха, как именно на ниве народного просвещения.

Зенита своей славы Катков достигает в период царствования Александра III. Политические идеалы императора целиком разделял редактор «Московских ведомостей». В то время газета превращается в официоз, притом своеобразный официоз, который нередко во имя катковских идеалов самодержавия выступает решительно и резко против тех или иных министров, и не только министров, но подчас и направлений политического курса.

В 80-е годы Катков выступает с программой, обозначающей наступление реакции по всему фронту. Он решительно осуждает все, что было связано с буржуазными преобразованиями 60—70-х годов. Манифест Александра III от 29 апреля 1881 г. об утверждении самодержавия вызывает у Каткова бурю восторга. «Теперь мы можем вздохнуть свободно, — писал он в передовой статье «Московских ведомостей» от 30 апреля. — Конец малодушию; конец всякой смуте мнений [...] Как манна небесной народное чувство ждало этого царственного слова. В нем наше спасение, оно возвращает русскому народу русского царя самодержавного»¹⁰¹. Особенное удовлетворение испытывает Катков при назначении Толстого министром внутренних дел, что осуществилось без его участия. «Его имя само по себе манифест и программа!» — восклицает Катков.

В 80-е годы Катков представлялся всемогущим. «Московские ведомости» превращаются в своеобразный государственный департамент, в котором разрабатываются различные проекты по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики. «Моя газета, — писал Катков Александру III в феврале 1884 г., — была не просто газетой, а случайным органом государственной деятельности. В ней не просто отражались дела, в ней многие дела делались. Она участвовала в событиях, и перед историей она будет свидетельствовать не только о том, что сделано, но и о том, что следовало бы сделать и чего делать не следовало»¹⁰². Страстной бульвар, где находилась редакция «Московских ведомостей», яв-

¹⁰¹ «Московские ведомости», 30 апреля 1881 г.

¹⁰² ЦГАОР, ф. Александра III, д. 822, л. 66.

лялся своеобразной Каноссой, куда приезжали на поклон провинившиеся перед Катковым те или иные государственные мужи. В начале 80-х годов Катков свою энергию почти целиком направляет на борьбу против университетского устава 1863 г. Он совместно с Победоносцевым ведет борьбу с министром народного просвещения Николаи. «Недавно, — пишет он Александру III 7 февраля 1882 г., — имел я счастье лично с полной откровенностью высказаться перед Вашим величеством о положении дел в Министерстве народного просвещения и единственно верным в настоящее время, по моему убеждению, выходе из затруднения (т. е. отставки Николаи.— П. З.). Спасите, государь, — взывал Катков, — мудрым самодержавным решением, спасите в этих делах и юношах будущее Вашего царствования»¹⁰³.

Когда на место Николаи был назначен близкий Каткову Делянов, дело пошло быстрее, и в 1884 г. был утвержден новый университетский устав.

Огромное влияние оказывал редактор «Московских ведомостей» на внешнюю политику, выступая в 80-х годах рьяным германофобом, призывая к сближению с Францией.

Катков ведет настоящую травлю министра финансов Бунге и министра иностранных дел Гирса. Имея во всех высших органах свои креатуры, он нередко печатает в «Московских ведомостях» то, что не могло быть известно ни одному из журналистов.

В 1885 г. в «Русском вестнике» Катков помещает статью А. Д. Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос», в которой излагалась подробная программа контрреформ — ликвидации буржуазных преобразований 60—70-х годов. Эта программа предусматривала создание местных учреждений на сословной основе с ведущей ролью в них дворянства. Вскоре Пазухин становится подручным Каткова в полном смысле этого слова. Будучи определен Толстым, по-видимому не без помощи Каткова, правителем канцелярии Министерства внутренних дел, Пазухин становится основной фигуройготавливаемых контрреформ. Идейным их вдохновителем, впрочем не только идейным, был Катков. Он руководит Пазухиным, наставляет его в своих пись-

¹⁰³ Там же, д. 823, л. 10.

мах, Пазухин же в свою очередь подробно информирует своего идейного шефа о ходе работ по подготовке этих законов¹⁰⁴. Пазухин иногда просит Каткова оказать ему реальную помощь. Так, в письме от 7 июля 1886 г. он писал: «Завтра К. П. Победоносцев едет на юг и останется в Москве дня на три. Вероятно, Вы его увидите. Хорошо бы было, если бы Вы постарались освободить его из-под влияния Манасеина (министра юстиции. — П. З.), который им все более и более овладевает»¹⁰⁵.

Действительно, Катков был всемогущ. Характеризуя его влияние, Половцов заносит в свой дневник 10 декабря 1886 г. следующее: «Рядом с законным государевым правительством создавалась какая-то новая, почти правительственная сила в лице редактора «Московских ведомостей», который окружен многочисленными пособниками на высших ступенях управления, как Делянов, Островский, Победоносцев, Вышнеградский, Пазухин. Весь этот двор собирается у Каткова [...] открыто толкует о необходимости заменить такого-то министра таким-то лицом, в том или другом вопросе следовать такой или иной политике, словом, нахально издает свои веления, печатает осуждения и похвалу и в конце концов достигает своих целей»¹⁰⁶.

Без преувеличения можно сказать, что Катков являлся одной из главных фигур царствования Александра III, действовавшей, однако, закулисно. Иногда своими статьями, преимущественно по внешней политике, редактор «Московских ведомостей» вызывал гнев царя, однако гнев этот бывал недолговременным, и Катков снова занимал должное место в сердце Александра III. В царствование его Катков получает чин тайного советника, а дочь его становится фрейлиной императрицы.

Каковы же были нравственные качества Каткова? Нам представляется удачной оценка, которую дает им Б. Н. Чичерин: «Вступив на журнальное поприще в то время, когда спали узы, стеснявшие русскую мысль, и когда журналистика получила преобладающее значение,

¹⁰⁴ ЦГАОР, ф. Каткова, д. 7. Письма Пазухина к Каткову.

¹⁰⁵ Там же, л. 9.

¹⁰⁶ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 461.

он своим умом и талантом занял в ней первое место. Но вместо того чтобы высоко держать благородное звание, завещанное предшественниками, он отбросил всякие нравственные требования и даже всякие литературные приличия. Он русских писателей и русскую публику приучил к бесстыдной лжи, к площадной брани, к презрению всего человечества. Он явил развращающий пример журналиста, который, злоупотребляя своим образованием и талантом, посредством наглости и лести достигает невиданного успеха. И этот успех обратил он в орудие личных своих целей»¹⁰⁷.

А. А. Половцов в дневнике рассказывает со слов А. А. Абазы, «что наследники Каткова нашли в его бумагах доказательство тому, что Поляков платил отцу их ежегодно 35 тыс. руб. Полагая, что эти деньги составляли ренту с помещенного у Полякова капитала, наследники Каткова потребовали этот капитал, но Поляков отвечал, что у него нет никакого капитала, а 35 тыс. он действительно платил ежегодно Каткову за его статьи в „Московских ведомостях“»¹⁰⁸.

Если в молодости взгляды Каткова не отличались определенностью и не лишена возможность, что он иногда следовал моде, то во всяком случае в 60—80-е годы он твердо верил в то, что писал.

Катков стремился к установлению в России реакционного единомыслия, что, по-видимому, в его представлении, должно было означать утверждение теории православия, самодержавия и народности как единственного направления общественной мысли. Впрочем, в этом

¹⁰⁷ Воспоминания Б. Н. Чичерина «Москва сороковых годов». М., 1929, стр. 179.

¹⁰⁸ См. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 54. Об этом же говорит и Б. Н. Чичерин. «После его смерти,— рассказывает он,— его наивная жена потребовала из Московского поземельного банка на десять тысяч купонов с лежавших там бумаг ее мужа и не хотела верить, когда ей объявили, что никаких бумаг там не обретается: эти десять тысяч были ежегодным приношением Лазаря Соломоновича Полякова» (воспоминания Б. Н. Чичерина «Москва сороковых годов», стр. 180). Таким образом, между свидетельством Абазы и Чичерина расхождение лишь в сумме получаемой Катковым взятки. Тот же Чичерин рассказывает о другом факте, характеризовавшем сребролюбие Каткова. «Мне хорошо известно,— писал он в тех же воспоминаниях,— что учреждение Моршанско-Сызранской линии дало ему из рук в руки 5000 рублей» (там же, стр. 179).

вопросе Катков имел своего предшественника — Кузьму Пруткова, выступившего с проектом «Введения в России единомыслия». Последние сказанные Катковым слова перед смертью были: «Прошу единомыслия»¹⁰⁹. Однако этого он не сумел достичь.

* * *

Кн. Владимир Петрович Мещерский представлял собою человека, о котором, как говорится, «никто доброго слова не скажет». Это был человек, не обладавший элементарными общечеловеческими нормами поведения. Назойливый нахал, беспринципный подхалим, мелкий доносчик и сплетник, а также один из столпов противоземного разврата — таков был облик трубадура охранительного направления, редактора «Гражданина» и развязного романиста, автора памфлетных романов из великосветской жизни. Даже его политические единомышленники отзывались о нем по меньшей мере брезгливо.

«Негодяй, наглец, человек без совести и убеждений, он прикидывался ревностным патриотом — хлесткие фразы о преданности церкви и престолу не сходили у него с языка, но всех порядочных людей тошнило от его разглагольствований, искренности коих никто не хотел и не мог верить»¹¹⁰, — писал о нем Феоктистов.

Сближение Александра III, тогда еще наследника, произошло с Мещерским в начале 60-х годов. Судя по письмам к нему последнего, это относится к 1862 г., т. е. к тому времени, когда будущему императору было всего 17 лет. Они были очень дружны: Мещерский обращался в своих письмах запросто, называя Александра по имени и отчеству. Как рассказывает в своих воспоминаниях Феоктистов, юный великий князь ухаживал за сестрой Мещерского¹¹¹. Во второй половине 60-х годов наследник престола порывает с Мещерским. Феоктистов

¹⁰⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, к-45. Запись рукою дочери на оборотной стороне переднего переплета.

¹¹⁰ Воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 245.

¹¹¹ Глухое упоминание об этом мы находим в письмах Мещерского к Александру III.

утверждает, будто это произошло вследствие того, что Мещерский проворовался¹¹².

Мещерский объясняет это иначе. Он считал, что его в чем-то «оклеветали» и это вызвало резко отрицательное к нему отношение Марии Федоровны, запретившей своему мужу встречаться с Мещерским. В этой «клевете» большую роль играли братья наследника (по-видимому, Владимир и Алексей, так как Сергей и Павел были тогда слишком молоды, чтобы принимать участие в этом). Возможно, что эта «клевета» заключалась в обвинении его в воровстве. Важно здесь другое: наследник престола не порвал окончательно с ним. В начале 70-х годов в письме, в котором написано: «Прочтите и сожгите»¹¹³, Мещерский просит, впрочем не только просит, а выклянчивает, 80 тыс. руб. в безотчетное распоряжение, потребных ему на издание журнала¹¹⁴. При этом с присущим Мещерскому нахальством он поучает наследника, как это нужно сделать, чтобы никто об этом не знал. «Во избежание всяких разговоров Вы могли бы написать гофмаршалу: *«Доставить мне такого-то числа 80 тыс. руб.»* — и больше ничего. Затем на другой день Вы могли бы меня призвать и их мне отдать. В случае же вопроса, как их записать в расход, Вы могли бы сказать: *«Они мне нужны были»* — и больше ничего»¹¹⁵.

Деньги, по-видимому, все же были даны, так как именно с 1872 г. начал издаваться «Гражданин». Однако назойливость и нахальство Мещерского раздражали наследника. В одном из писем к нему Мещерский говорит: «Вы меня обвиняете в безмерной навязчивости вообще и на каждом шагу. Обвинение это справедливо,

¹¹² Мещерскому была поручена организация ремесленного училища имени умершего наследника престола, и он при этом проворовался (воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 244).

¹¹³ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 896, л. 107. Об этом же он просит и в конце письма.

¹¹⁴ Цель журнала заключалась в том, чтобы «объединить и скрепить нас, бедных, бродячее стадо приверженцев серьезного монархического русского начала, и сделать из нас силу против нигилизма. С другой стороны, против прусского конституционализма» (там же, л. 110). Издание журнала предполагалось начать с 1872 г.

¹¹⁵ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 896, л. 110. На трех страницах Мещерский выклянчивает эти деньги, говоря, что это «все для меня, для Вас же оно, скажу прямо, «ничего»» (там же, л. 108).

увы, ибо навязчивость эта исходила из моего беспокойного характера»¹¹⁶. В другом письме он писал: «Если бы не страх Вашей неумолимости, я бы решился дерзнуть броситься к ногам Вашим и на коленях сказать Вам: забудьте все, простите все, настоящее так трудно, будущее так мрачно и грозно, что в них черпаешь смелость просить Вас о всепрощении...»¹¹⁷

По-видимому, этот новый конфликт произошел на почве новых денежных просьб. Однако полного разрыва не последовало. В цитированном выше письме Мещерский, сообщая о своей заграничной поездке, писал: «Дабы Вас не компрометировать, я письма буду пересылать через К[онстантина] Петр[овича] Победоносцева]...»¹¹⁸ Таким образом, связующим звеном между наследником престола и Мещерским был его наставник. Правда, лично Мещерский не виделся ни разу с Александром III в течение 10 лет, с 1873 по 1883 г.¹¹⁹

После вступления на престол свидания Мещерского с Александром III становятся чаще. В 1883 г. летом император встречается с Мещерским, по-видимому негласно¹²⁰. Мещерский пишет письма регулярнее, иногда по-

¹¹⁶ Там же, л. 284.

¹¹⁷ Там же, л. 273.

¹¹⁸ Там же. Это письмо относится к 1876 г., так как в нем указывается о поездке Мещерского в Вену и Белград, предпринятой им в 1876 г. 16 сентября 1876 г. Победоносцев сообщил наследнику, что Мещерский прислал ему с дороги пакет «с просьбой предоставить его Вашему высочеству» («Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. I, стр. 46).

¹¹⁹ Мещерский в письме царю, относящемся к 1883 г., писал: «В нынешнем году минуло, уввы, десять лет с того времени, когда я перестал Вас видеть и перестал слышать» (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 897, л. 81).

¹²⁰ В письме от 14 июля 1883 г. Мещерский, благодаря за свидание, писал Александру III: «У Вас два дома государь: в обоих Вы хозяин. Один дом, видимый для всех,— Ваш дворец. Туда мне доступ почти немислим (может быть, если дозволите, в случаях редких). Там, сдается мне, места мне как гостю и желать не должно [...] Но у Вас, государь, есть второй дом—это душа Ваша [...] Тут никто, кроме бога, Вас не видит. Я буду класть письма, как всегда, в ящик почтовый, а Вы, государь, если когда-либо удостоите милости и счастья ответа, Вы могли бы пересылать мне письмецо через К[онстантина] Петров[ича]. Однако могу обещать,— заключает он,— злоупотреблять сим дерзновенно мечтаемым счастьем и правом не буду, памятуя все, что помнить должно» (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 897, л. 84—86). Таким образом, отношения сохранились в тайне.

лучает их от императора, очевидно через Победоносцева.

Помимо писем Мещерский примерно с середины 80-х годов начинает посылать императору свой дневник, представлявший собою собственно письма, изложенные в форме дневника. Дневник давал возможность Мещерскому, как уже говорилось в источниковедческом обзоре, льстить в глаза Александру III. Так, в одной из первых записей он писал: «Государь дал мне милостивое и радостное позволение писать дневник, имея в виду, что он будет его читать. Спасибо ему»¹²¹. В другой записи мы читаем: «Трудно передать, как я сегодня счастлив. Свидание и беседа с государем твердо убедили меня в том, что он по-прежнему ценит душевные речи...»¹²². Нередко дневниковые записи содержат доносики не только на своих недругов, но и на ближайших единомышленников. Здесь мы находим и обвинение вел. кн. Владимира Александровича и его жены в приверженности к прибалтийским немцам¹²³, и сообщение о неблагоприятном поведении Победоносцева в деле учреждения опеки над имуществом фон Дервиза¹²⁴, и обвинение покойного Каткова в связях «с жидами»¹²⁵ и т. д.

Итак, несмотря на конспиративный характер, отношения Александра III с Мещерским были довольно близкими. В первой половине 80-х годов роль посредника в сношениях царя с Мещерским выполняет Победоносцев. Через него император пересылает письма, через

¹²¹ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 108, л. 78. Пересылка этих дневников также производилась тайно. В одном из писем Мещерский сообщает путь их доставки царю. «Отъезд Васильковского (чиновника придворного ведомства.— П. З.) поставил меня в затруднительное положение неизвестности насчет способа доставлять подчас достойные Вашего внимания дневники, так как имею *невольный страх* передавать их на почту, страх перлюстрации. Кое-что лежит у меня готовым, а как переслать, не знаю, может быть, Вы разрешите посылать через августейших детей контору, то есть через заместителя Васильковского или через посредство С. Ю. Витте, как человека, который умеет соблюдать тайну и уж никому ничего не скажет. Только он и есть» (там же, д. 897, л. 74). Это письмо представляет интерес еще в одном отношении: оно говорит о большой близости Мещерского с Витте.

¹²² ЦГАОР, ф. Александра III, д. 114, л. 96.

¹²³ Там же, д. 108, л. 120.

¹²⁴ Там же, л. 121.

¹²⁵ Там же, д. 116, л. 35—36.

него Александр III сообщает о своем желании видеть Мещерского¹²⁶. Так длилось это до 1887 г. Именно в этом году отношения Мещерского с Победоносцевым испортились. 31 декабря 1887 г. Мещерский в письме, озаглавленном «Для Вас одних», писал Победоносцеву: «Вот два месяца, как ежедневно то один, то другой добрый человек приносит мне известие о тех беспощадно злых суждениях и ужасных словах, которыми Вы меня клеймите»¹²⁷. По-видимому, это соответствовало действительности. Адмирал И. А. Шестаков 21 октября 1887 г. записывает в свой дневник следующее: «Рассказывают, что Мещерскому дали субсидию в 120 тыс., за что он кормил обедом Деянова и других, и будто бы Победоносцев поздравлял Деянова с хорошим обедом у человека, которого накануне поймали с гвардейским трубачом. Меня, — замечает Шестаков, — это удивило, ибо я считал Победоносцева покровителем Мещерского»¹²⁸.

Близость Мещерского к Александру III шокировала императора не только в кругах либеральной общественности, но и в чиновно-бюрократических сферах.

А. Н. Куломзин в своих воспоминаниях писал: «Несчастье России заключалось, между прочим, в двух обстоятельствах. Первое — это сближение [...] с кн. В. П. Мещерским, состоявшим при прежнем наследнике в качестве друга.

При несомненном уме и литературном таланте кн. Мещерский не представлял, однако, типа, желательного по своей объективности, советчика. Напротив того, кто не помнит той страстности и резкости, с которыми он нападал на лиц, заподозренных им в либерализме, той крайней опрометчивости, с которой он выдавал сплетни за достоверные факты, и потом, уличенный, извинялся, тех пошлых дифирамбов, которыми он наделял министров, оказывавших ему какое-нибудь одолжение [...] огульных его нападений на других министров, прекращавшихся, когда жертва этих нападков появится на поклон — съездит в Каноссу. Наконец, кто не пом-

¹²⁶ См. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом I, стр. 305, 306; полутом II, стр. 446, 495, 496, 552.

¹²⁷ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом II, стр. 729.

¹²⁸ ЦГАВМФ, ф. И. А. Шестакова, д. 7, л. 84.

нит тех туманных заключений, которыми он сопровождал обсуждение того или другого политического момента без какого-либо конкретного предложения...»¹²⁹

Генерал А. А. Киреев, принадлежавший к консервативно-славянофильским кругам, в своем дневнике за 1887 г., возмущаясь покровительством императора газете «Гражданин», писал: «Мещерскому даны 100 000 рублей на ведение журнала, и это в такую минуту, когда мы из всех сил хлопочем о том, чтобы делать экономию. (Вместо того, чтобы сослать М[ещерского] в Сибирь.) По злой иронии судьбы, — замечает он, — сумма эта взята из бюджета женских учебных заведений (IV отд[еление]). Понятно, что этот враг женщин вредит им и со стороны финансовой»¹³⁰.

Что же сближало Александра III с Мещерским? Бесспорно, что ряд черт характера Мещерского не мог не претить царю. Как натуры, они были слишком разные. На наш взгляд, императору полностью импонировали политические взгляды редактора «Гражданина». И именно это, несмотря на то что многое из нравственных качеств Мещерского не могло не отталкивать от него Александра III, сближало их.

Взгляды Мещерского представляли собою квинтэссенцию реакционности. Для того чтобы составить о них впечатление, приведем лишь два высказывания Мещерского, изложенные в его дневнике, направляемом им императору. Первое представляет собою гимн розгам, второе касается его программы в области народного просвещения.

«Есть нечто на Руси в виде бесспорной истины, сознаваемой народом. Это сознание нужды розог, — глубокомысленно замечает Мещерский. — А между тем, — продолжает он, — против этой нужды ратуют решительно все, не только либералы, но и консерваторы вроде Толстого, Островского и К^о. Куда ни пойдешь, везде в народе один вопль: секите, секите, а в ответ на это власть имущие в России говорят: все, кроме розог. И в результате этого противоречия: страшная распушен-

¹²⁹ ЦГИА, ф. Куломзина, д. 188. Воспоминания А. Н. Куломзина «Царствование Александра III», л. 42. Второе «злосчастное обстоятельство» касалось влияния Победоносцева.

¹³⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, к-111, л. 19.

ность, разрушение авторитета отца в семье, пьянство, преступления и т. д. [...] Я видел двух губернаторов практических: это Татищев пензенский и Анастасьев черниговский. Оба как будто сговорились говорить одно и то же: ничего народ не боится, кроме розог: где секут, там есть порядок, там пьянства гораздо меньше, там сын отца боится, там больше благосостояния»¹³¹.

После события 1 марта 1887 г., раскрытия подготовки покушения на Александра III группой А. И. Ульянова и П. Я. Шевырева, Мещерский в своем дневнике, ругая Делянова за нерешительность, пишет: «А было бы так просто все это покончить: закрыть прием в 150 гимназиях с нынешнего года, оставить по одной гимназии на 2 губернии, в каждой устроить интернат, т. е. пансионы, затем на сбережения от 150 закрытых гимназий, прогимназий и реальных училищ устроить профессиональные и ремесленные школы и затем постепенно приводить университеты к норме от 500 до 800. С тем чтобы на каждом курсе по каждому факультету максимум было 50 студентов»¹³². О том же самом кн. Владимир Мещерский писал Александру III в «Отрывках из дневника» еще в 1884 или 1885 г. При этом он полагал необходимым резко увеличить плату за обучение. «За воспитание в гимназии и прогимназии должна взиматься плата не менее 200 руб. в год в провинции и 300 руб. в Москве, Петербурге [т. е. увеличить ее в 10—15 раз. — П. З.], а для неимущих должен быть допущен известный процент или штат казенных пансионеров на общем основании по полученным на экзаменах баллам»¹³³. То же предлагалось для обучающихся в университетах, где плату за обучение он предлагал увеличить также до 200 руб. в год «и сверх того реверс в том, что он обеспечен в своем существовании в размере не менее 50 руб.

¹³¹ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 114, л. 52. О благотворном значении розог для русского народа Мещерский не только пишет Александру III в предназначавшемся ему конфиденциальном дневнике, об этом он громогласно утверждает и в своей газете. «Прекрати сечь, исчезла власть. Как нужна соль русскому человеку, как нужен черный хлеб русскому мужику — так ему нужны розги. И если без соли пропадет человек, так без розог пропадет народ [...] Человеколюбие требует розог», — фарисейски восклицает Мещерский («Гражданин» № 349, 16 декабря 1888 г.).

¹³² Там же, л. 71.

¹³³ Там же д. 108 л. 7.

лей в месяц в столицах и 40 рублей в других городах»¹³⁴. Всякие стипендии должны были быть уничтожены, а «известный процент» «казенных пансионеров» должен был жить в «казенном» помещении, по-видимому на всем «казенном», т. е. на казарменном положении. Едва ли нужно комментировать это предложение. Можно лишь сказать, что на протяжении всего XIX в. в России не было ни одного государственного или общественного деятеля реакционного направления, рекомендовавшего такие меры. Советы Мещерского, означавшие в полном смысле этого слова ликвидацию просвещения, созвучны лишь с предложениями героев Салтыкова-Щедрина, также полагавших необходимым «прикрыть науку».

Таково ближайшее окружение малообразованного и ограниченного российского самодержца и его семьи.

¹³⁴ Там же.

ГЛАВА II

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ 80-х — НАЧАЛА 90-х годов

Правительственную политику рассматриваемого периода можно условно подразделить на два этапа: первый период (май 1882—конец 1885 г.) — приход к власти гр. Д. А. Толстого — характеризуется установлением откровенно реакционного курса, однако в этот период в силу ряда обстоятельств никакой программы реакционных преобразований еще не существует и предпринимаются лишь первые шаги в области реакции. Утверждаются новый университетский устав, а также «Временные правила о печати». Таким образом, сделано было мало.

Причиной подобного положения была боязнь террористической борьбы народников. Этот страх правительство испытывало и в 1883 г., в период коронации, и в последующие годы. К тому же и крестьянское движение, весьма незначительное по своим размерам вообще, дает в 1883 и 1884 гг. известный рост, превышая более чем в 2 раза число выступлений в 1879—1881 гг.¹ Все это приводило к тому, что даже Кахановскую комиссию, ненавистную всему реакционному лагерю как либеральную говорильню, правительство не рискует распустить.

Но уже в этот период наметились общие контуры будущих реакционных преобразований, ставивших своей задачей усиление роли поместного дворянства.

Еще в период коронационных торжеств, в мае 1883 г., Александр III заявил, обращаясь к волостным старши-

¹ См. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 10, а также «Крестьянское движение 1881—1889 гг. Сборник документов». М., 1960.

нам, представлявшимся ему: «Слушайте своих предводителей». Этим словам была подчинена и сама церемония представления. «Когда волостные старшины шли во дворец поздравлять их величества, — писал Катков в передовой статье «Московских ведомостей», — то представители крестьянства были сгруппированы по губерниям и во главе каждой группы шел предводитель дворянства [...] Обращаясь к крестьянам, его величество изволил в то же время приветствовать всемилостивейшим словом и находившихся тут предводителей дворянства, соединив в одной мысли и то и другое сословие...»²

Особенно отчетливо мысль о первенствующей роли дворянства была выражена в 1885 г. в манифесте по поводу столетия Жалованной грамоты дворянству. «Мы для пользы государства признаем за благо, — говорилось в нем, — чтобы российские дворяне и ныне, как и в прежнее время, сохранили первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления суда, в бескорыстном попечении о нуждах народа, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования»³. Говоря о праздновании столетия Жалованной грамоты дворянству, Половцов в своем дневнике писал: «Во всем этом торжестве слышится поворот правительственной политики [...] Это прекрасно, но и в эту сторону не надо пересаливать»⁴.

Таким образом, программа дворянской реакции в общих контурах уже наметилась в первой половине 80-х годов. Именно в этот период, с 1882 по 1886 г., ближайшее окружение императора — Победоносцев, Толстой, Катков и Мещерский — ведет борьбу за изгнание из правительства «представителей инакомыслящей партии».

К этой четверке представителей ближайшего окружения Александра III в борьбе с «либеральной хартией» примыкал и министр государственных имуществ М. Н. Островский⁵. Типичный бюрократ и карьерист, Островский первоначально был близок с Лорис-Меликовым и, как рассказывает Куломзин со слов Каханова, в период

² «Московские ведомости», 22 мая 1883 г.

³ ПСЗ, 3 собр., т. V, № 2882.

⁴ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 316.

⁵ Родной брат драматурга А. Н. Островского.

преобладающего влияния либеральных веяний Лорис-Меликова обращался к нему (Лорис-Меликову.— П. 3.), предлагая свои услуги⁶. Затем он сближается с Игнатьевым, которого предал напоследок⁷.

Довольно не лестную характеристику дает Островскому Набоков в своем разговоре с Милютиным. «Островский оказывается человеком более вредным, чем можно было предполагать: это честолюбивый интриган, который лезет в дружбу с Катковым, стараясь угождать ему и вмешиваться во все чужие дела, не касающиеся его министерства»⁸.

Что же представляла собою эта «либеральная партия», на которую обрушилась реакция? Это были представители либеральной бюрократии, стоявшие на весьма и весьма умеренных позициях. «Эта партия или, точнее, коалиция разных честолюбий, — писал Катков в 1886 г. — потерпевшая поражение в день 29 апреля 1881 г. Судя по заявлениям ее органов [...] она вовсе не считает себя побитою. Она только посторонилась, но не оставила поля, она только уступила на время, как она полагает, некоторые позиции, но удержала другие, дающие ей возможность не только наблюдать за делами, но и деятельно вмешиваться в них»⁹. «Это та партия, прежде возлагавшая свои надежды на народное просвещение, юстицию и финансовое управление, потом только на два последних, теперь же главным образом возлагает их только на последнее, имеющее в своем ведении жизненные силы страны»¹⁰.

Таким образом, представителями этой «партии» были министры: народного просвещения — Николаи,

⁶ ЦГИА, ф. Куломзина, д. 188. Воспоминания, л. 46.

⁷ См. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», гл. V.

⁸ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Милютина, папка 6, д. 5, л. 107. Еще более отрицательно характеризует его и Половцов. «Министр государственных имуществ Островский [...] представляет тип самого антипатичного и опасного бюрократа, полного зависти, подлости, низкопоклонства. Он постепенно продал Абазу с Лорисом, Игнатьева, при первой возможности навредит Толстому, Бунге и самому Победоносцеву, лишь бы то было выгодно ему, Островскому» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 79—80).

⁹ М. Н. Катков. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1886 год. М., 1898, стр. 117.

¹⁰ Там же.

юстиции — Набоков и финансов — Бунге. Именно в такой последовательности и велась борьба с ними.

Первым объектом борьбы был министр народного просвещения барон Николаи. Борьба началась еще в последние месяцы игнатьевского министерства. И наконец, на пост министра народного просвещения воссел И. Д. Делянов, один из ближайших помощников Толстого.

И. Д. Делянов был человеком неумным, «шутлом гороховым»¹¹, инертным и инициативным, но зато очень послушным вышестоящим властям. Недаром Катков в разговоре с Феоктистовым заметил: «Для меня вовсе не тайна, что Иван Давидович беспомощный человек, что всякое дело валится у него из рук, но мой глаз будет зорко следить за ним: пока я здесь, он не решится сделать ни одного шага, не посоветовавшись со мной»¹².

После назначения Делянова на пост министра народного просвещения он внес в Государственный совет проект университетского устава, разработанного еще Толстым. Деятели реакции придавали важнейшее значение этой реформе. «Реформа университетов, — писал Катков Победоносцеву 27 ноября 1883 г., — была бы первой органической мерой нынешнего царствования, за которой должны были бы неукоснительно последовать другие: по судебному ведомству, по местному управлению и пр.»¹³. Делянову удалось, несмотря на противодействие Государственного совета, обеспечить утверждение нового университетского устава, однако не в таком виде, как это представлялось Каткову¹⁴.

Вторым объектом нападения со стороны реакции был министр юстиции Набоков. Наибольшим нападкам подвергались судебные уставы 1864 г., точнее, принцип независимости суда, гласность и институт присяжных заседателей.

«Вся Россия горьким 20-летним опытом дознала, —

¹¹ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, ЛII б. 12. Дневник за 1886 г., л. 5. По словам Феоктистова, Д. А. Толстой, говоря о Делянове, выражался не всегда цензурными словами (там же).

¹² ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, ЛII б. 14, л. 14.

¹³ Отдел рукописей ГБЛ. ф. Победоносцева, 4392, д. 21, л. 6.

¹⁴ Подробнее см. стр. 317—330.

писал Мещерский в своем дневнике, предназначавшемся для Александра III, — что суд присяжных — это безобразие и мерзость, что гласность суда есть яд, что несменяемость судей есть абсурд и т. д. А между тем какое отсутствие смелости в деле переделки судебных уставов, какая будто бы *премудрая осторожность*, а на самом деле какой *страх* сделать твердо и просто то, что нужно для исполнения желания всей России и для укрепления самодержавия в глазах судебного ведомства»¹⁵.

Еще более активную позицию в борьбе против судебных уставов занимали Катков и Победоносцев. Обер-прокурор Синода, не выступавший никогда ни с какой позитивной программой действия, в конце 1885 г. представляет императору специальный доклад о необходимости судебных преобразований, в котором в первую очередь обрушивается на принцип несменяемости лиц судебного ведомства и суд присяжных¹⁶. Однако министр юстиции Д. Н. Набоков не стремился следовать советам Каткова, Победоносцева и Мещерского, наивно полагая, что Александр III является сторонником существующего судебного устройства. «Государь, — рассказывает Милютин в своем дневнике со слов Набокова, — неоднократно высказывал твердое желание поддержать и укрепить существующие основы нашего судебного устройства. Набоков, — продолжает Милютин, опять-таки со слов Набокова, имел по этому предмету самые откровенные объяснения с государем и всегда находил в нем благие и вовсе не ретроградные намерения. Он во все не разделяет с Катковым ненависть ко всему судебному ведомству»¹⁷. Так представлялось Набокову, обладавшему, по-видимому, способностью воспринимать желаемое за действительное. Представления об укреплении и поддержании «основ существующего судебного устройства» были у Александра III и его министра юстиции разными. Набоков всячески пытался сохранить в неизменном виде существующий судебный строй, даже когда в 1885 г. по настоянию реакции была сделана

¹⁵ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 114, л. 61.

¹⁶ Разбор этого доклада см. в главе «Судебные преобразования», стр. 236—239.

¹⁷ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Милютина, папка 6, д. 5, л. 106. Запись за 2 ноября 1884 г.

попытка ликвидировать несменяемость судей путем создания Высшего дисциплинарного присутствия¹⁸.

Набоков принужден был непрерывно лавировать.

Победоносцев в письме к председателю Московской судебной палаты Шахову весной 1884 г. писал: «Я считаю *настоятельной потребностью* исправление наших судебных порядков, в чем не противоречит мне и Набоков, только по свойственной ему нерешительности все только готовит еще свои проекты и не вносит их, а обещает все внести немедленно»¹⁹.

В конце 1885 г. Набоков все же был уволен в отставку. «Любезный Дмитрий Николаевич, — писал Набокову Александр III, — Вам известны недостатки наших судов и мое желание к их исправлению. К сожалению, вижу, что эти желания не довольно скоро исполняются, а поэтому я должен просить Вас оставить М[инистерст]во юстиции»²⁰. На место Набокова был назначен сенатор Манасеин, креатура К. П. Победоносцева²¹. Сообщая в своем дневнике-письме Александру III о слухах по поводу увольнения Набокова и возможном назначении Манасеина, Мещерский писал: «Последний (т. е. Манасеин. — П. З.) человек умный, но безмерно страстный и весьма демократического образа мыслей. С его назначением явилась бы *ненависть* к дворянству неизбежно в судебной области»²². Надо сказать, что представления Мещерского о демократии и антидворянских настроениях Манасеина по меньшей мере сильно преувеличены.

Манасеин, будучи министром юстиции, не посягал на судебные уставы в целом, и проекта судебной контрреформы разработано им не было. Для этого потребовалось назначение нового министра юстиции. Поведение

¹⁸ См. главу «Судебные преобразования», стр. 240—246.

¹⁹ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полном II, стр. 485.

²⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, папка 62, д. 2. Этот документ излагается Головинным в письме к Милютину от 4 ноября 1885 г. Как сообщает Головин, он передает его содержание точно, так как лично прочел текст 2 раза. Этот же текст приводит в своем дневнике Половцов (см. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 347—348).

²¹ Об этом пишут в своем дневнике управляющий Морским министерством И. А. Шестаков (ЦГАВМФ, ф. Шестакова, д. 13, л. 129), а также Мещерский (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 117, л. 28).

²² ЦГАОР, ф. Александра III, д. 110, л. 16. Запись за 27 октября [1885 г.].

Манасеина в ряде сложных ситуаций, как, например, в деле осуждения лютеранских пасторов²³, в период обсуждения закона о земских начальниках, говорит о том, что он не всегда расходился со своей совестью, обладая в отдельных случаях гражданским мужеством.

Обратимся к борьбе с третьей «либеральной силой» — министром финансов Н. Х. Бунге. Крупный ученый-экономист и специалист в области полицейского права, Бунге был в прошлом профессором, а затем ректором Киевского университета. Назначен он был министром финансов после ухода А. А. Абазы в связи с изданием манифеста 29 апреля 1881 г.

Объективно смысл экономической и финансовой политики Бунге был буржуазным, что и упрочило в глазах идеологов реакции представление о нем как о политическом единомышленнике Абазы и Лорис-Меликова. Со стороны реакционной печати, органов Мещерского и Каткова, Бунге систематически поливался потоками различных помоев, что проходило совершенно безнаказанно. В данном отношении бесспорный интерес представляет собою дневниковая запись начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова от 9 января 1886 г. «В прошлую субботу (4 января), — пишет он, — граф Толстой передал мне письмо, полученное им от министра финансов Бунге. Начиналось оно очень торжественно: «Равнодушный ко всему, что говорит газета обо мне лично, не могу, однако, пренебрегать тем, что касается интересов вверенного мне ведомства». Затем следуют жалобы на печать [...] Это уж не первая попытка Бунге оградить себя от критики. Но вопль против него усиливается с каждым днем, и гр. Т[олстой] убежден, что нарекания, которым подвергается он, вполне справедливы. Как же поступить в данном случае? «Я предложу этот вопрос, — сказал Т[олстой], — усмотрению государя; письмо Бунге доставит мне удобный случай побеседовать вообще о его финансовых мерах, так продолжаться не может, отовсюду получаю я известия о поголовном разорении, еще несколько лет — и мы дойдем до пугачевщины». Вчера, вернувшись от государя, Толстой прислал мне следующую записку: «По письму министра финансов об обуздании нашей пе-

²³ См. ниже, стр. 128.

чать не нужно делать никаких распоряжений и можно не отвечать ему». Это дурной признак для Бунге»²⁴, — замечает Феоктистов.

Представители реакции Толстой, Катков, Победоносцев и Мещерский организуют самую настоящую травлю Бунге. Толстой доносит о политической неблагонадежности Бунге, сообщая царю, что в аппарате Министерства финансов находятся люди, связанные с крамолой²⁵. Катков в передовой статье «Московских ведомостей» от 26 февраля 1886 г. прямо указывал, что партия, потерпевшая поражение 29 апреля 1881 г., возлагает все надежды на министра финансов²⁶. Победоносцев руками своего помощника товарища обер-прокурора Синода Н. П. Смирнова подвергает резкой критике состояние финансов²⁷, обвиняя Бунге в проведении политики противодействия правительственному курсу, установленному Александром III.

По-видимому, все это оказывало влияние на императора, и в конце концов он согласился на отставку Бунге. «Убеждаюсь, — сказал Александр III Мещерскому, — что с Бунге придется расстаться»²⁸. И действительно, в конце 1886 г. вопрос об уходе Бунге был решен. Однако он был уволен не в отставку, а получил повышение, будучи назначен председателем Комитета министров. Должность эта, впрочем, была в большей мере почетная. Во всяком случае министр финансов играл в политике значительно большую роль, чем председатель Комитета министров.

Министром финансов по рекомендации Мещерского был назначен И. А. Вышнеградский²⁹. Назначение Бун-

²⁴ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, ЛII б. 12, л. 1.

²⁵ Там же, л. 2. Речь шла о двух крупных чиновниках Министерства финансов — Рихтере и Ковалевском. «Первый когда-то действовал заодно с Серно-Соловьевичем, сосланным в Сибирь, а у второго скрывался несколько дней сряду известный Нечаев после совершенного им убийства в Петровской академии», — замечает Феоктистов (там же).

²⁶ См. «Московские ведомости», 26 февраля 1886 г.

²⁷ Н. Смирнов. Современное состояние наших финансов и средства к улучшению нашего государственного хозяйства. СПб., 1885.

²⁸ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, ЛII б. 14, л. 7. Запись за 8 марта 1886 г.

²⁹ См. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 140.

ге председателем Комитета министров буквально ошеломило ближайшее окружение Александра III. «До меня дошел ошеломляющий слух из источника, заслуживающего доверия,— писал Катков Победоносцеву,— что председателем Комитета министров назначается Бунге. Событие это произведет одуряющее впечатление на весь «крещеный мир». Неспособный министр, причинивший столько вреда стране, не просто удаляется или хотя бы с заурядным почетом, но возводится на высоту, далее которой идти некуда. Не знаю, в какой мере может быть полезен или вреден признанный неспособным министр в должности председателя Комитета министров?»³⁰ По мнению редактора «Московских ведомостей», подобное назначение может иметь вредные последствия. «Известная лжелиберальная партия, — продолжает он, — считает его своим [...] С его возвышением не подымется ли дух этой партии, не оживятся ли их надежды...»³¹ Это назначение произошло втайне и от всемогущего министра внутренних дел³².

По словам Половцова, назначение Бунге было произведено по рекомендации Рейтерна. «В субботу 20 декабря Рейтерн ездил в Гатчину просить увольнения от своих председательских обязанностей,— заносит 29 декабря 1886 г. Половцов в свой дневник. — При этом рекомендовал на свое место Бунге»³³. По мнению того же Половцова, «в этом назначении чувствуется инициатива, желающая проявить освобождение от победоносцевской опеки»³⁴.

Действительно, все четверо ближайших советников царя (Толстой, Победоносцев, Катков и Мещерский) были против Бунге, никак не предполагая возможности подобного назначения.

³⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4395/20. Письмо не датировано, л. 3.

³¹ Там же, л. 3—4.

³² В фонде Плеве (ЦГАОР, д. 451, л. 26) хранится письмо Плеве к Толстому от 28 декабря [1886 г.], в котором Плеве сообщает об уходе Рейтерна с поста председателя Комитета министров. На этом письме помета Толстого: «Не знаете ли, кто назначен на эту должность?» Таким образом, за три дня до назначения Бунге он не знал об этом.

³³ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 476.

³⁴ Там же, стр. 475.

Однако ничего необычного в этом назначении не было. Бунге вовсе не был тем, чем он казался представителям реакционного лагеря. Политические воззрения Бунге не противоречили в целом внутренней политике Александра III. Более того, в одном из важнейших вопросов этой политики — национальном — взгляды Бунге в основном совпадали с воззрениями императора. Тезис Александра III «Россия для русских» полностью разделялся министром финансов. «В русском государстве, — писал Бунге, — должны господствовать *русская государственность*, т. е. русская государственная власть и русские учреждения (конечно, примененные к бытовым условиям инородцев и окраин), *русская народность*, т. е. освобождение последней от иноплеменного преобладания, *русский язык* как общий государственный и, наконец, *уважение к вере*, исповедуемой русским народом и его государем»³⁵. Вполне естественно, что это не могло не импонировать Александру III.

Однако в других вопросах внутренней политики Бунге занимал либерально-умеренную, точнее, либерально-консервативную позицию. Он подвергал критике закон о земских начальниках за его дворянскую исключительность³⁶, критиковал существующую административную систему местных учреждений, полагая целесообразным вводить в состав Государственного совета «ежегодно одного или двух лиц из дворян, принимающих ближайшее участие в земских учреждениях»³⁷, был решительным противником общинного землевладения³⁸ и т. д.

³⁵ «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. IV, стр. 23. Тот факт, что тезис о господстве русской народности был изложен немцем по национальности и лютеранином по вероисповеданию, не представляет собою ничего необычного: прозелиты, как правило, бывают более всего ортодоксальны.

Политические воззрения Бунге изложены также в «Загробных записках» — завещание, переданном им Александру III (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 617), и его бумагах — «Записке, найденной в бумагах Н. Х. Бунге» (ЦГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок № 52).

³⁶ Вместе с тем он полагал, что «соединение в одном лице административных полномочий с судебной властью [...] оказалось на практике мыслью счастливой» (см. «Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге», стр. 92).

³⁷ Там же, стр. 78.

³⁸ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 617, л. 42. По мнению Бунге, наличие общинного землевладения являлось одной из причин рас-

Второй период (1886—1894 гг.) характеризуется не только детальной разработкой как общего плана, так и конкретных проектов, но и проведением их в жизнь. В 1885 г. на страницах катковского «Русского вестника» появилась обширная статья «Современное состояние России и сословный вопрос», принадлежавшая перу алатырского уездного предводителя дворянства Симбирской губернии А. Д. Пазухина³⁹ и содержавшая программу реакционных преобразований.

«Современное состояние России, — говорит Пазухин, — признается смутным и неопределенным. Жизнь народа за последнее время была обильна явлениями, поражающими нас внутренними противоречиями. Быстрое распространение анархических учений, падение всякого авторитета власти, развитие в обществе корыстных инстинктов, упадок религии, нравственности и семейного начала — все эти факты, являясь признаками социального разложения, заставляют здоровые элементы задуматься над будущностью нашего общества»⁴⁰.

Охарактеризовав таким образом положение страны, Пазухин пытается найти причины, вызвавшие подобное положение.

Отмена крепостного права, по его мнению, была крайне необходима и проведена она весьма удачно. Основное достоинство Положений 19 февраля 1861 г. Пазухин видит в сохранении политической значимости помещичьего дворянства и его руководящей роли в крестьянской жизни. Мировой посредник представляется ему в виде идейного руководителя крестьянства и защитника его интересов. Таким образом, что в действительности являлось отрицательными сторонами крестьянской

пространения идей социализма. Отрицательное отношение к общинному землевладению имело среди государственных деятелей России широкое распространение, причем среди Государственных деятелей не только либерального направления. Резко отрицательно относились к этому вопросу П. А. Валуев, А. Е. Тимашев (см. мою книгу «Отмена крепостного права», изд. 3-е. М., 1968, стр. 302—303, 312).

³⁹ В 1886 г. эта статья была издана отдельной брошюрой.

⁴⁰ А. Д. Пазухин. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886, стр. 1.

реформы (сохранение феодально-крепостнических пережитков), рассматривалось Пазухиным как величайшее благо.

Что же тогда послужило причиной совершенно неудовлетворительного состояния России? По его мнению, это те реформы, которые последовали за отменой крепостного права. Дело в том, что «в основе всех реформ,— замечает Пазухин,— следующих за крестьянской, лежит принцип уравнивания или так называемого слияния сословий не только в правах личных (гражданских), но и во всех правах служебных (политических)»⁴¹. Таким образом, в буржуазном принципе бессословности — уравнивании сословий — Пазухин видит главное зло. С этих позиций он и подвергает уничтожающей критике «великие реформы».

Более всего достается земской реформе. По мнению Пазухина, как состав земства, так и его деятельность носят случайный характер. «Съезд частных землевладельцев есть сбор отдельных единиц или групп разбросанных общественным положением, образом жизни, воспитанием и уровнем нравственных понятий»⁴². Ему претит разношерстный состав этой курии, где наряду с дворянами заседают фабриканты, кабатчики и кулаки. Именно в силу своей бессословности земство теряет, по его мнению, всякое свое назначение. С этих же позиций критикуется и Городовое положение, которое «отстранило от управления городским хозяйством наши старые городские сословия купцов и мещан и образовало бессословную городскую думу»⁴³. По мнению Пазухина, «земская и городская реформы являются самыми важными в смысле разрушения исторического строя нашей жизни»⁴⁴, именно они создали тот новый строй жизни, который можно назвать дезорганизацией России.

Расправившись с земскими и городскими органами, Пазухин переходит к критике новых судебных учреждений, созданных «по иностранным образцам». Более всего ему неприемлемы принципы независимости суда. Новые суды, по его мнению, «заняли положение воюющей

⁴¹ Там же, стр. 12.

⁴² Там же, стр. 13.

⁴³ Там же, стр. 21.

⁴⁴ Там же, стр. 22.

стороны и открыто стали в оппозицию к власти, к порядку и к сословному принципу»⁴⁵.

Отрицательную сторону новых судов Пазухин опять-таки видит также и в принципе бессословности, вследствие чего дворянство отстранено от участия в местном, т. е. мировом, суде. «Не трудно предвидеть,— замечает Пазухин,— до какого нравственного ладения дойдет мировой институт при полном торжестве бессословного начала»⁴⁶.

Наконец, Пазухин касается и состояния просвещения. В этой области, по его мнению, обнаруживается также тенденция, умаляемая, однако, утверждением благодетельного классицизма.

Резюмируя, Пазухин говорит, что «реформы, построенные на бессословном начале, расторгли непосредственную связь между верховной властью и сословиями, на которой держался наш государственный порядок, и содействовали постепенному разрушению сословий»⁴⁷. И больше всего пострадало дворянство, на смену которому приходит отчужденная от народа интеллигенция. Однако, несмотря на все это, «историческая судьба связала эти два сословия такими крепкими нравственными узами, разорвать которые были бессильны реформы прошлого царствования. Поместное дворянство,— утверждает Пазухин,— пользуется среди крестьян полным доверием и глубокими симпатиями [...] Оно является их ходатаем перед властями, защитником от притеснений кулаков и мироедов»⁴⁸.

Спасение России Пазухин видит в восстановлении сословных учреждений с руководящей ролью в них дворянства. «Если в реформах прошлого царствования,— писал он,— мы усматриваем великое зло в том, что они разрушили сословную организацию, то задача настоящего должна состоять в восстановлении разрушенного»⁴⁹. Справедливость требует сказать, что, ратуя за «восстановление разрушенного», Пазухин понимал невозможность вернуться вспять, вследствие чего он считал необходимым сохранить земство и городские органы

⁴⁵ Там же, стр. 23.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, стр. 25.

⁴⁸ Там же, стр. 33.

⁴⁹ Там же, стр. 57.

управления, реорганизовав их лишь на сословной основе. Вполне естественно, что руководящая роль как в этих учреждениях, так и во всей провинциальной жизни должна, по мнению Пазухина, принадлежать поместному дворянству⁵⁰. Эта ультрареакционная и вместе с тем демагогическая концепция требовала предоставления дворянству особых прав и привилегий.

Программа Пазухина конкретизировала то, что в общих чертах содержалось в выступлении Александра III перед волостными старшинами в период коронации, а также в манифесте по поводу столетия Жалованной грамоты дворянству.

Эта программа как нельзя больше понравилась Толстому, и Пазухин был вскоре назначен правителем канцелярии Министерства внутренних дел. Малообразованный, но неглупый от природы и энергичный, Пазухин вскоре превратился в правую руку Толстого. «Умен, но желчен и односторонен. Не такие люди творят»⁵¹, — замечает о Пазухине Половцов.

Наиболее важными мероприятиями второго периода были подготовка и проведение в жизнь административной реформы — закона о земских начальниках, затронувшего, а точнее, почти полностью ликвидировавшего мировой суд, а также земская контрреформа.

Наряду с этим реакция в лице ее главных идеологов Победоносцева, Толстого, Каткова и Мещерского настаивает на общем пересмотре судебных уставов. Как говорилось выше, еще в 1885 г. Победоносцев представил Александру III доклад, предусматривавший уничтожение суда присяжных и отмену принципа несменяемости судебных деятелей. Однако ни Набоков, ни пришедший ему на смену Манасеин соответствующего проекта не разработали. Правда, за период пребывания Манасеина на посту министра юстиции сфера действия судебных уставов, в частности суда присяжных, была значительно сужена, но все же проект коренной реформы суда Министерством юстиции составлен не был. Бо-

⁵⁰ Пазухин не рассматривал дворянство как замкнутую касту, полагая, что «приток новых хороших элементов разбудит сословную жизнь поместного дворянства» (А. Д. Пазухин. Указ. соч., стр. 61).

⁵¹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 256.

лее того, Манасеин всемерно отстаивал сохранение мирового суда в период подготовки закона о земских начальниках. «Служебная прочность Манасеина, — писал в своих воспоминаниях А. Ф. Кони, — значительно поколебалась. Миротворец, благодетельствовавший России земскими начальниками, не мог простить ему его временной оппозиции Толстому и выражал ему постоянно в разных формах свое недоверие»⁵². Именно это в конечном счете и определило отставку Манасеина.

Новый министр юстиции Н. В. Муравьев не был лишен ни ума, ни организационных способностей. Сделав свою карьеру на процессе 1 марта 1881 г., где он выступал прокурором, Муравьев становится затем прокурором Московской судебной палаты, где зарекомендовал себя беззастенчивым низкопоклонством перед «сильными мира сего». Беспринципный карьерист, человек, лишенный каких-либо моральных устоев, подхалим, доходивший до простого холуйства, выполнял подчас приказчиьи поручения Плеве по приисканию последнему не то имения, не то дома, вымаливая при этом местечко в Петербурге⁵³.

Муравьев не ограничивался только выполнением личных поручений Плеве, а шел значительно дальше, совершая по существу служебное преступление, дабы угодить Министерству внутренних дел. Чтобы не быть голословными, приведем его письмо к Плеве по поводу суда над московским околоточным надзирателем Гаджелло, обвинявшимся в полицейском произволе⁵⁴. «На днях, — пишет он в письме от 23 октября 1890 г., — у нас случился прискробный инцидент, о котором позвольте совершен-

⁵² А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 316.

⁵³ ЦГАОР, ф. Плеве, д. 921, письма Муравьева к Плеве. В письме от 10 октября 1886 г. Муравьев писал: «Вся моя служебная, а следовательно, и личная судьба главным образом в Ваших дружественных мне руках» (там же, л. 4). Об этом он напоминает неоднократно (см. там же).

⁵⁴ В. Д. Гаджелло обвинялся в том, что он незаконно отдал приказание высечь доставленного в полицию в нетрезвом виде помощника присяжного поверенного дворянина Александра Королева и пришедшего в полицию на его выручку студента Московского университета Федора Николаевского (ЦГА г. Москвы, ф. Московской судебной палаты, оп. 14, св. 82, д. 1544). Несмотря на старания Муравьева, Гаджелло понес тяжелое наказание: он был бессрочно сослан в Сибирь.

но доверительно Вам сообщить. Мои усилия к тому, чтобы дело окол[оточного] надзир[ателя] *Гаджелло* прошло тихо, гладко и мирно, увенчалось бы полным успехом, если бы не наша высшая администрация [...] На суде в палате *при закрытых дверях* все старались сглаживать наиболее резкие эпизоды безобразий кроме [...] самой полиции, чины которой держали себя с достаточной наглостью и непостижимой откровенностью»⁵⁵.

Будучи министром юстиции, Муравьев с места в карьер принялся за подготовку судебной контрреформы, которую ему не удалось осуществить по независящим от него обстоятельствам. Новый общественный подъем середины 90-х годов, связанный с ростом рабочего движения, помешал этому.

Второй этап правительственной политики характеризуется также реализацией принципа «Россия для русских», провозглашенного Александром III и находившего свое выражение в политике крайнего шовинизма. Во второй половине 80-х — начале 90-х годов большое распространение получают всякого рода беззакония, административный произвол, почти не встречавшие противодействия со стороны высших органов государственной власти, включая и самого самодержца Российской империи⁵⁶. Больше того, этот рост произвола культивировался самим императором⁵⁷.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. Плеве, д. 324, л. 58. Так, один из свидетелей частных приставов не стеснялся высказывать, что «постановления о задержаниях подписываются заранее в бланках, а затем восполняются в тексте, не глядя даже в лицо арестованного» (там же).

⁵⁶ Близкий ко двору генерал Киреев заносит в свой дневник в мае 1894 г. со слов главного военного прокурора кн. Имеретинского следующие факты, характеризующие отношение Александра III к законности: «Недавно государь простил Жеребкова, хладнокровно и подло всадившего две пули в своего товарища, давно простил подлеца Бартенева, убившего Вышинскую, посадил под арест (на Кавказе) артиллериста, заманившего в западню какого-то статского и убившего его (правда, статский не хотел драться на дуэли). Имеретинский предлагал отдать [его] в солдаты» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, к-11, л. 332).

⁵⁷ Одним, пожалуй наиболее крупным, недостатком Александра III как государственного деятеля, недостатком, происходившим от его ограниченности, было опьянение его своею властью. Понятия «право», «закон» были для него недоступны. Характеризуя царя в своем дневнике, В. Н. Ламсдорф писал: «Он не злой, но он опьянен властью и слишком ограничен, чтобы судить о вещах по существу; он не может признать, что есть пределы произволу. Гово-

Обратимся к характеристике деятельности высших государственных учреждений.

Наиболее значительную роль из высших учреждений империи играл в царствование Александра III, так же как и в николаевское время, Комитет министров. Менее обширный по составу, нежели Государственный совет, Комитет министров состоял лишь из министров и лиц, соответствовавших им по рангу, председателей департаментов Государственного совета, а также отдельных представителей императорской фамилии, что обуславливало большее послушание этого учреждения по сравнению с громоздким по составу Государственным советом.

В силу этого целый ряд законопроектов передавался на рассмотрение не в Государственный совет, а в Комитет министров, что находилось в прямом противоречии с существующими законами. В первой половине 80-х годов многие из реакционных по своему характеру законопроектов рассматривались в Комитете министров (Положение 14 августа 1881 г. «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», «Временные правила о евреях», «Временные правила о печати»). Во второй половине 80-х — начале 90-х годов подобных нарушений закона становится меньше. Все законопроекты контрреформ рассматриваются в Государственном совете. Однако факты беззакония в решениях Комитета министров в конце 80-х — начале 90-х годов встречаются, пожалуй, чаще⁵⁸. Решения Комитета министров по вопросу ответственности губернаторов за преступления по должности далеко не всегда находились в соответствии с существующими законами⁵⁹. Нередко,

рят, — продолжает Ламсдорф, — что генерал Ванновский часто его сравнивает с Петром Великим: «Это Петр со своей дубинкой, говорит военный министр. Нет, это одна дубина, без великого Петра, чтобы быть точным», — заключает он» (*В. Н. Ламсдорф. Дневник 1891—1892*, стр. 342).

⁵⁸ См. дело о выселении по этапу в Восточную Сибирь крестьян Ковровского уезда Владимирской губернии за систематический неплатеж выкупных платежей (см. стр. 179—180).

⁵⁹ См. решение по делу об обвинении елизаветпольского губернатора Накашидзе, орловского губернатора Неклюдова (см. стр. 175, 178).

и именно во второй половине 80-х — начале 90-х годов, Комитет министров также в нарушение законов выступал в качестве высшей судебной инстанции, определяя суровые наказания различного рода отступникам от господствующей религии⁶⁰.

Председателем Комитета министров после отставки осенью 1881 г. П. А. Валуева⁶¹ был назначен престарелый М. Х. Рейтерн, занимавший длительное время, в 60—70-е годы, пост министра финансов. Однако деятельность Рейтерна в Комитете министров была не столь продолжительна. Не считая длительных перерывов во время болезни, Рейтерн занимал этот пост в течение пяти лет. С начала 1887 г. председателем Комитета министров был назначен Н. Х. Бунге.

* * *

Рассмотрим деятельность Государственного совета. В 80-х — первой половине 90-х годов Государственный совет был довольно многочислен, достигая 72 человек, однако фактически принимали участие в заседаниях не более 50 человек⁶². В члены Государственного совета пожизненно назначались различные сановники: бывшие министры, генерал-губернаторы, сенаторы, а также отдельные члены императорской фамилии⁶³. Министры принимали участие в работе Совета, не являясь его членами. Летом 1881 г., как уже говорилось выше, председателем Государственного совета вместо умного и достаточно энергичного вел. кн. Константина Николаевича,

⁶⁰ Справедливость требует сказать, что порой Комитет министров восставал против незаконных предложений. Так, дважды отклонялось представление Министерства внутренних дел о коллективной ответственности за порубку леса в Уфимской губернии (см. стр. 180—182). По-видимому, однако, это бывало нечасто. Другого аналогичного примера мы привести не можем.

⁶¹ Поводом для увольнения Валуева явилось расхищение башкирских земель в Уфимской области, вскрытое сенаторской ревизией в 1880—1881 гг., за которое он как министр государственных имуществ нес ответственность, хотя лично замешан в этом не был. Действительная же причина заключалась в личной неприязни к нему Александра III.

⁶² ЦГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок № 52. «Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге», стр. 78.

⁶³ В период царствования Александра III Государственный совет пополнялся и представителями других служебных категорий.

являвшегося главой либеральной бюрократии, назначается его брат вел. кн. Михаил Николаевич.

Огромную роль в делах Государственного совета начиная с 1883 г. играет государственный секретарь А. А. Половцов. Человек большого ума и знаний, Половцов по своим политическим воззрениям был человеком консервативным, однако его деятельность как крупного предпринимателя-капиталиста не могла не отражаться на его политических взглядах, делая его сторонником буржуазного прогресса⁶⁴. Можно без преувеличения сказать, что роль Половцова в делах Государственного совета была неизмеримо большей, нежели его председателя, при котором он выполнял роль своеобразного гувернера.

В состав Государственного совета в этот период входили бывшие министры: внутренних дел — гр. М. Т. Лорис-Меликов, финансов — А. А. Абаза, народного просвещения — А. В. Головин, бар. А. П. Николаи и ряд других лиц, принадлежавших к числу либеральной бюрократии.

Во главе двух департаментов Государственного совета из существующих трех стояли именно эти лица: бар. Николаи и Абаза⁶⁵, что естественно определяло известную оппозиционность этого органа. Члены Государственного совета назначались пожизненно, что также обуславливало их некоторую самостоятельность.

Именно в силу этого Александр III недолюбливал Государственный совет, полагая, что его состав, «направление его большинства» требуют «смелого противодействия»⁶⁶. Так же отрицательно относился к Государственному совету и Победоносцев. По его словам, «это учреждение, которое надо бы на замок запереть и ключ бросить в Неву»⁶⁷.

Представлявшиеся на обсуждение Государственного совета законопроекты нередко претерпевали различные изменения, а порой отвергались большинством членов

⁶⁴ См. биографический очерк «А. А. Половцов» в кн.: «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 5—18.

⁶⁵ Первый из них являлся председателем Департамента законов, второй — государственной экономии.

⁶⁶ ЦГИА, ф. Филиппова, д. 1. Дневник, запись за 24 июля 1892 г., л. 37.

⁶⁷ А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 299.

Совета. Так было, например, с проектом закона о земских начальниках, являвшимся основой контрреформ. Однако неодобрение того или иного законопроекта большинством Государственного совета не имело существенного значения, так как император утверждал то, что признавалось им необходимым.

Государственный совет непрерывно подвергался нападкам реакционной прессы «Московских ведомостей» и «Гражданина», усматривавших в нем своеобразный парламент. Особенно возмущало как Каткова, так и Мещерского деловое обсуждение законопроектов, представлявшихся министерствами, в результате которого они существенно видоизменялись. «Вместо того чтобы возводить на законодательное решение проект закона в его чистоте,—писал Катков в 1884 г. в одной из передовых статей,—его иногда переделывают, подвергают урезкам и прибавкам не в видах улучшения, а для приобретения большинства, и в результате иногда получается полумера, не способная действовать или вносящая новую смуту в дело, которое предполагалось устроить»⁶⁸. Эту же мысль развивает он в передовой статье за 6 мая 1886 г. «Правильно ли желать,—писал он,—чтобы в наш Государственный совет проникла игра в парламент, в большинство и меньшинство? Чтобы члены Государственного совета, призванные доверием монарха служить ему советом, променивали это высокое назначение на роль членов «партий», «групп» и «коалиций», подчиняющихся не разуму своему, а команде вожаков»⁶⁹.

В период царствования Александра III членами Государственного совета назначались лица таких служебных категорий, которые ранее не включались в его состав. Так, в 1886 г. членом Государственного совета назначается член Совета министра народного просвещения профессор И. А. Вышнеградский. (Ученый-механик с мировым именем, он обладал незаурядными способностями финансиста, которые использовались им нередко в целях личного обогащения. Вышнеградский был дельцом с весьма сомнительной репутацией и находился в сфере наблюдения Департамента полиции отнюдь не по

⁶⁸ М. Н. Катков. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1884 год. М., 1898, стр. 24.

⁶⁹ Там же, стр. 238.

политическим мотивам. Как рассказывает в своем дневнике Половцов со слов Толстого, в Департаменте полиции было заведено специальное досье на Вышнеградского, на основе которого была составлена записка о его деятельности. Об этой записке знал и председатель Государственного совета, знал и сам император⁷⁰. Свидетельство Половцова не является отнюдь единственным.) В 1883 г. членами Государственного совета назначаются губернский предводитель московского дворянства А. В. Бобринский и общественный деятель уездный предводитель дворянства Полтавской губернии Г. П. Галаган.

В начале 90-х годов членами Государственного совета были назначены бывший пензенский губернатор Татищев, незадолго до этого получивший звание сенатора, а также черниговский — Анастасьев, незаконный сын известного обер-полицмейстера Трепова. Оба они являлись креатурами Мещерского и отличались любовью к розгам, которыми щедро награждали крестьян подвластных им губерний. Беспрецедентное назначение Анастасьева из губернаторов в члены Государственного совета вызвало большое недовольство в высших правительственных сферах. Начальник Главного управления по делам печати Феоктистов заносит в свой дневник: «Сенатор Татищев и черниговский губернатор Анастасьев назначены членами Государственного совета. О первом из них не может быть двойного мнения, это в полном смысле слова дубина [...] последнего грешно было бы сравнивать с Татищевым: он не глуп, говорит бойко и усвоил себе программу «Гражданина»...»⁷¹ Продолжая характеристику Анастасьева, Феоктистов добавляет: «Что касается его презрения к европейской цивилизации, было бы несправедливо винить его, «ибо цивилизация нечто совершенно ему недоступное»»⁷². Действительно, Анастасьев, начавший свою блестящую карьеру исправником, был человеком вовсе необразованным. Подобную же характеристику дает Анастасьеву и министр внутренних дел Дурново в своем письме

⁷⁰ См. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 471.

⁷¹ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, ЛII б 14, л. 48.

⁷² Там же, л. 49.

к Феоктистову. «Вот уже несколько месяцев сидит он в Государственном совете, и никто там голоса его не слышал: при обсуждении всякого рода дел он нем как рыба,— писал Дурново.— Опять неразрешенный вопрос: зачем же посадили туда этого *si divant* [бывшего] исправника, круглого невежду?»⁷³

Назначение членами Государственного совета таких, как Татищев и Анастасьев, бесспорно, свидетельствовало о желании Александра III ликвидировать в составе Совета какие-либо «партии» и превратить его в послушное учреждение, штампующее представленные для обсуждения министрами проекты.

* * *

Правительствующий Сенат в рассматриваемый период состоял из восьми департаментов, из них два касационных. Первый департамент, административный, ведал опубликованием, толкованием законов, а также наблюдением за их выполнением. Этот департамент осуществлял надзор за местными административными учреждениями и судебным ведомством.

Второй департамент в просторечии именовался крестьянским и являлся высшей инстанцией по рассмотрению различных крестьянских жалоб на решения губернских по крестьянским делам присутствий, а также наблюдавший за реализацией как Положений 19 февраля 1861 г., так и других законов, относящихся к «сельскому состоянию». Первоначально в 1883 г. было образовано Особое отделение по крестьянским делам при Первом департаменте Сената. Однако круг вопросов и объем дел вызвали необходимость создания специального департамента, что и было осуществлено 25 января 1884 г.⁷⁴

⁷³ Там же, л. 59. Это письмо было вызвано следующим обстоятельством. В одном из писем Анастасьева к своему знакомому, некоему Стечкину, перлюстрированном Департаментом полиции, он жаловался на свою исключительную занятость государственной деятельностью. «Занят я по горло,— писал Анастасьев,— три заседания в неделю в Департаменте, одно общее собрание и раз в Комитете министров: едва-едва успеваешь прочитать доклады. Полагаю, что такая спешность в законодательстве,— резюмировал он, — вредно отражается» (там же).

⁷⁴ ПСЗ, 3 собр., т. IV, № 1979.

Третьим департаментом, не носившим номерного названия, был Департамент герольдии, ведавший охраной сословных прав. Четвертый и пятый являлись апелляционными департаментами для дореформенных судов, сохранившихся еще в ряде окраинных районов империи. Последним департаментом был Межевой. Наконец, два кассационных департамента (уголовный и гражданский) являлись кассационной инстанцией для судебных учреждений, действовавших по уставам 20 ноября 1864 г.

Кроме этих департаментов существовало Особое присутствие Сената «для суждения дел о государственных преступлениях», образованное в 1872 г. За рассматриваемый нами период Особое присутствие почти не функционировало, так как политические процессы, как правило, разбирались в военно-окружных судах.

Рассмотрим деятельность Сената как высшего органа власти, призванного наблюдать за выполнением законов, начиная от генерал-прокурора — министра юстиции и кончая обер-прокурорами и прокурорами Сената. Надо сказать, что усилившийся административный произвол в конце 80-х — начале 90-х годов далеко не всегда встречал противодействие в Сенате. Это объяснялось рядом причин: изменением состава как сенаторов, так и прокуроров Сената. «В среде сенаторов,— пишет А. Ф. Кони в своих воспоминаниях,— появились губернаторы, засекавшие «жидов» и крестьян во время вымышленных бунтов, и целая вереница неудачных директоров Департамента полиции, которые, хапнув огромное содержание, отпрашивались, оберегая свою драгоценную шкуру, в сенаторы»⁷⁵. В 1891 г. управляющий конюшенным ведомством генерал-майор Мартынов был назначен в сенаторы. «Все сенаторы в ярости,— заносит в свой дневник по этому поводу Феоктистов,— все считают такое назначение обидой для себя и винят Манасеина. Ему приказано было заготовить и прислать государю указ о Мартынове. Он заботился об одном: нельзя ли было по крайней мере назначить предварительно Мартынова штальмейстером, гофмейстером или чем-либо подобным, чтобы ненавистная конюшня не фигурировала в указе, и уже потом посадить в Сенат. Он письменно просил государя, не дозволено ли ему будет изло-

⁷⁵ А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 303—304.

жить свои соображения по этому поводу при личном докладе, и получил такой ответ: «Правильно или неправильно, мне все равно, так я назначаю сенаторов, и я считаю генерала Мартынова на эту должность совершенно пригодным». «Что же,—резюмирует Феокистов,—могло бы быть и хуже. Калигула посадил в Сенат свою лошадь, а теперь в Сенат посылают только конюха. Все-таки прогресс»⁷⁶.

Наряду с изменением состава сенаторов были и другие причины, оказывавшие влияние на «податливость» Сената. Это в первую очередь постепенная эволюция большинства судебных деятелей от бескорыстного служения Фемиде к беспринципному приспособленчеству в ожидании «великих и богатых милостей» либо просто в результате собственной трусости. В качестве примера подобной эволюции можно привести обер-прокурора Сената, выполнявшего функции прокурора в Особом присутствии Сената по делу 1 марта 1887 г., Н. А. Неклюдова. Говоря об эволюции Неклюдова, Кони писал: «Хотя последний уже давно положил «право руля» и в своих законодательных и кассационных заключениях поплыл по фарватеру, пролагаемому грубым и близоруким миротворцем, но тем не менее он, нервный и впечатлительный, не мог отрешиться от лучезарного прошлого своей юности. Автор не допущенной к защите диссертации «Уголовно-статистические этюды», издатель Милля и Льюса, блестящий комментатор Бернса и популярный мировой судья не мог, конечно, и думать в свое время, что ему придется требовать смертного приговора. Он был совсем раздавлен данным ему поручением, тем более что один из подсудимых, выдающийся по таланту студент-математик Ульянов, был сыном его любимого учителя в пензенской гимназии. Страдал он и на суде, но тем не менее в судебном заседании успел себя на-

⁷⁶ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феокистова, 9120, ЛII б. 14, л. 28. Об этом же рассказывает Половцов в своем дневнике. «Конюшенное дело велось Мартыновым очень плохо, и в последнее время все более и более упорно держался слух о денежных его злоупотреблениях. Решено Мартынова прогнать,—заносит Половцов в дневник 15 января 1891 г.—Он имел нахальство потребовать назначения в сенаторы, сначала государь расхохотался и наотрез отказал, но впоследствии не устоял против ходатайства, и [...] Мартынов назначен сенатором» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 349).

строить в унисон с общим деланным настроением верноподданнического ужаса»⁷⁷. Добавим, что в заседании Общего собрания Сената, где рассматривались кассационные жалобы осужденных, он настойчиво настаивал на сохранении приговора в силе, полагая невозможным смягчить наказание, хотя, как известно, свершение террористического акта либо только подготовка к нему с юридической точки зрения вещи разные.

Таков же был первоприсутствующий в Особом присутствии Сената по делу Ульянова, Шевырева, Генералова и других сенатор Дрейер, получивший, по словам Кони, 2 тыс. руб. «для лечения болезни», что, по-видимому, составляло плату «за пять голов»⁷⁸.

Огромную, пожалуй определяющую, роль в деятельности Сената играл его руководитель — генерал-прокурор, являвшийся одновременно и министром юстиции. Если Набокову почти не приходилось грешить против существующих законов (в первой половине 80-х годов и особой надобности в этом не было), то Манасеин нередко шел на сделку со своей совестью⁷⁹, хотя ему было присуще в отдельных случаях и гражданское мужество⁸⁰. Что касается Муравьева, то здесь не могло быть и речи о соблюдении «какой-либо законности»: все делалось в соответствии с желаниями не только императора, но и близких ему лиц. «Вредное влияние, — писал А. Ф. Кони, — отразилось на судебных решениях особенно осязательно именно при Муравьеве, причем он не стеснялся давать прокурорам палат конфиденциальные циркуляры о необходимости в «видах правительства» толковать вопросы о составе преступления против веры в смысле, противоположном предудказаниям Сената»⁸¹. Именно стремление действовать «в видах правительства», т. е. противно существующим законам, приобретает во второй половине 80-х — начале 90-х годов все большее и большее распространение.

⁷⁷ А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 313—314.

⁷⁸ Там же, стр. 315.

⁷⁹ См., например, решение Сената по делу орловского губернатора Неклюдова, обвинявшегося в массовом истязании крестьян деревни Оболеншево Орловского уезда (см. глава III, стр. 178 настоящей работы).

⁸⁰ Дело лютеранского пастора Гримма, осужденного Рижским окружным судом к ссылке в Сибирь (см. ниже, стр. 128)

⁸¹ А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 269.

На протяжении рассматриваемого периода почти вовсе отсутствовали сенаторские ревизии по обследованию деятельности тех или иных местных учреждений, что способствовало росту административного произвола на местах.

Роль обер-прокурора Св. Синода в 80-х — начале 90-х годов была исключительно велика. «До чего сделалась затхлая атмосфера в духовном ведомстве, и сказать трудно,— пишет в своем дневнике заведующий библиотекой и архивом Синода А. Н. Львов.— Все сконцентрировалось около желаний и угождений Победоносцеву. Все и всё живет и дышит им»⁸². Значение Синода в это время сводится почти на нет. Все решалось обер-прокурором и его помощниками. Любое предложение обер-прокурора проводилось в жизнь. С этой целью были назначены особые члены Синода, которые обычно заседали только летом. «Кто бы теперь ни был в Синоде зимою,— писал Львов,— сколько бы ни бился [Синод] со светским произволом, как много ни откладывалось бы обер-прокурорских предложений «по их незаконности» — все это ровно ничего не значит, так как летом, когда корифеи разъедутся по епархиям и на их место вызовутся «летние» статисты, тогда всякое дело свободно пройдет»⁸³.

Это вызывало, естественно, большое недовольство представителей высшего духовенства. Половцов, излагая в дневнике свой разговор с киевским митрополитом Платоном, пишет о жалобах последнего на обер-прокурора. «Горько осуждает [он] близорукий деспотический образ действия Победоносцева»⁸⁴.

Значительно усиливаются в этот период и коррупция, а также всякого рода безобразия среди духовенства. 90-летний петербургский митрополит Исидор был окружен различными проходимцами, державшими его в своих цепких руках. Долгие годы приближенной Исидора

⁸² «Красный архив», 1930, т. 2 (39), стр. 113.

⁸³ Там же, стр. 121.

⁸⁴ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 22.

являлась вдова капитана Матрена Егорова, признававшаяся Исидором лицом праведной жизни и творившая чудеса. В последнее время наиболее близкое отношение к нему имела некая Денкер. А. В. Богданович рассказывает в своем дневнике: «Некая Денкер, которая по вторникам бывает у владыки, каждый раз заставляет его делать необычайные вещи. Она сошлась со священником Полкановым, известною дрянью [...] устраивает дела у владыки, получает за них деньги и с ним делится. Одного священника, Дроздова, устроила членом консистории и получила за это 1500 руб. Эта Денкер, — замечает Богданович, — была нищая, получала от владыки помощь в 5 руб., а теперь ездит в каретах»⁸⁵.

Однако подобное положение было отнюдь не только в петербургской епархии. Как рассказывает Львов, управляющим контролем при Синоде И. А. Чистовичем, ревизовавшим варшавскую епархию, была обнаружена «правильно организованная торговля правом возвратиться из православия в униатство и католичество»⁸⁶.

Именно в этот период выступают на церковную арену различного рода святоши типа Иоанна Кронштадского, начинает подготавливаться широкая кампания по канонизации различных чудотворцев — Феодосия Черниговского, Анны Кашинской, Серафима Саровского и т. д. Трогательную заботу об этом обнаруживают не только местные архиереи, но и губернаторы. Упомянувшийся нами черниговский губернатор Анастасьев во всеподданнейшем отчете о состоянии губернии за 1889 г. писал: «Я считаю долгом всеподданнейше доложить [...] что благоговейное чувство верующих ожидает открытия мощей святителя Феодосия Углицкого [...] Глас народа уже именует святителя Феодосия своим святым представителем перед престолом всевышнего»⁸⁷.

Переходя к деятельности Синода, надо сказать о попытке Победоносцева подчинить церкви начальную школу путем создания церковно-приходских школ⁸⁸.

⁸⁵ А. В. Богданович. Три последних самодержца, стр. 131. Об этом же говорит она в своем дневнике, в записи за 20 октября 1892 г., ссылаясь на этот раз на слова митрополита Леонтия (стр. 162).

⁸⁶ «Красный архив», 1930, т. 2 (39), стр. 123.

⁸⁷ ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 223, д. 248 за 1890 г., л. 7.

⁸⁸ Подробнее см. стр. 363—365.

Особенно велика была роль Синода в национальной политике правительства — политике насильственной русификации, которая осуществлялась главным образом через приобщение к православной церкви. Православное миссионерское общество, распространявшее православие среди «язычников» и магометан действовало нередко с помощью полиции. В это время усиливаются преследования старообрядцев⁸⁹ и сектантов, получившие широкое распространение. Значительно возвышается и роль епархиальных архиереев в местной официальной жизни.

* * *

В заключение обзора высших правительственных учреждений остановимся на Собственной е. и. в. канцелярии, состоявшей из ряда отделений⁹⁰ и представлявшей с середины 20-х до 80-х годов своеобразное государство в государстве.

В первом же отделении С. е. и. в. канцелярии произошли серьезные изменения. После ликвидации остальных отделений оно стало именоваться просто Собственной е. и. в. канцелярией. Оно концентрирует все вопросы, связанные с определением на службу, увольнением, производством в чин и награждением всех чинов гражданского ведомства. Это характеризовало стремление Александра III сосредоточить в своих руках все назначения чиновников независимо от их ранга, что в свою очередь свидетельствовало об определенном недоверии к своим министрам.

⁸⁹ Закон 3 мая 1883 г., регламентировавший права старообрядцев, был Синодом использован фактически против них. Значительно усиливается противораскольническая деятельность. В 1887 и 1891 гг. в Москве происходили съезды противораскольнических миссионеров, выработавшие меры борьбы с расколом.

⁹⁰ В этот период наибольшее значение имело I отделение. II отделение было ликвидировано в 1882 г., и дела его были переданы в Государственный совет, где при Государственной канцелярии был создан Кодификационный отдел. III отделение было ликвидировано в 1880 г. и включено в состав Министерства внутренних дел в виде Департамента полиции. IV отделение, ведавшее женскими благотворительными учреждениями, так называемое ведомство императрицы Марии Федоровны, продолжало существование, получившее наименование — С. е. и. в. канцелярия по ведомству императрицы Марии.

В 1892 г. при С. е. и. в. канцелярии был образован Комитет для рассмотрения представлений к высочайшим наградам, а в мае 1894 г. издается указ о преобразовании его в Комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах. В данном указе говорилось: «Мы признали необходимым подчинить непосредственно нашему руководству и наблюдению все дела, касающиеся заведования гражданскими чинами империи в полном их составе, сосредоточив делопроизводство по сим в Собственной нашей канцелярии»⁹¹.

Этот указ, централизовавший все вопросы назначений, увольнений и перемещений всех чиновников, включая и коллежских регистраторов, был, естественно, принят отрицательно руководителями различных ведомств. В этом отношении представляет интерес всеподданнейший доклад министра юстиции Муравьева в связи с изданием этого закона. Получив из С. е. и. в. канцелярии для опубликования указ Правительствующему Сенату, подписанный Александром III 6 мая, по поводу учреждения Комитета о службе чинов гражданского ведомства, он был настолько ошарашен, что тут же обратился к императору с просьбой задержать опубликование закона «впредь до предстоящего личного моего доклада и других министров по сему предмету первостепенной важности»⁹². Касаясь существа дела, Муравьев писал: «Означенное Положение представляет в настоящей редакции своей весьма крупные неясности, могущие подать повод к самым серьезным затруднениям и недоразумениям при практическом его осуществлении и, сверх того, до чрезвычайности усложнить и замедлить ход вверенных каждому ведомству управления отведенной ему областью государственной деятельности»⁹³. Вместе с тем Муравьев отмечал, что этот закон «может, казалось бы, в самом корне поколебать необходимую силу министерской власти над подчиненными ей должностными лицами и тем причинить крайне нежелательный ущерб правительственному авторитету»⁹⁴. Александр III оставил этот доклад без последствий, вернув его автору, но ис-

⁹¹ ПСЗ, 3 собр., т. XIV, № 10578.

⁹² ЦГИА, ф. Н. В. Муравьева, оп. 2, д. 3, л. 4.

⁹³ Там же, л. 2.

⁹⁴ Там же, л. 3. Против этой фразы помета карандашом Александра III: «Более чем странное замечание».

пешрив рядом помет. Вначале на первом листе Александр III начертал: «Удивлен этим странным докладом»⁹⁵. В конце против фразы о приостановлении публикации указа впредь до докладов министров царь пишет: «Если бы я желал получить *отрицательный* ответ, то, конечно, обратился бы к министрам»⁹⁶.

По поводу издания этого закона Киреев делает в дневнике в июне 1894 г. следующую запись: «У нас все делается как-то случайно, не соображаясь ни с чем [...] Так появился указ, восстанавливающий Инспекторский департамент для статских. Инициатором оказывается Непорожнев — герольдмейстер [...] Вообще произвол министров был ничем не связан, но теперь впали в другую крайность. *Все* назначения должны быть сделаны по высоч[айшему] приказу. Очевидно, — замечает Киреев, — госуд[арь] не может иметь ни малейшего понятия о служащих в каком-нибудь Охотске. Выходит, что теперь все назначения дураков или мошенников, за которые прежде отвечал министр или губернатор, будет нести ответственность царь!»⁹⁷

Надо сказать еще об одном проекте относительно чиновничества, но не получившего силы закона: предполагалось уничтожить табель о рангах и заменить чины должностными категориями. 28 октября 1883 г. было образовано Особое секретное совещание для пересмотра существующего порядка чинопроизводства под председательством управляющего С. е. и. в. канцелярией Танеева в составе Каханова, Фриша, Половцова и Ренненкампа. Вопрос об уничтожении чинов обсуждался неоднократно и ранее (в Секретном комитете 6 декабря 1826 г., в 1846 и 1856 гг.), но, несмотря на положительное решение его в принципе, практически реализован не был.

Особое совещание в первом заседании своем 29 февраля 1884 г. также признало необходимым отменить гражданские чины, потому что «соотношение между чином и служебным положением лица, его носящего, делалось ныне явлением почти случайным, и вследствие того чин окончательно утратил всякое полезное значе-

⁹⁵ Там же, л. 1.

⁹⁶ Там же, л. 4.

⁹⁷ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, к-111, л. 336.

ние»⁹⁸. Руководствуясь этим, оно признало необходимым «заменить существующую ныне систему гражданских чинов особою новою иерархией должностей, предоставив присвоенные в настоящее время чинам права и преимущества должностям соответствующих степеней»⁹⁹. Это предложение было одобрено Александром III 2 апреля 1884 г. В дальнейшем рассмотрение этого вопроса происходило в заседаниях 3 мая, 20 декабря 1884 г., 3 и 18 января, 10 марта 1885 г. В заключение обсуждений Особое совещание предложило внести вопрос об уничтожении чинов на рассмотрение Государственного совета. На это последовало также согласие Александра III. Однако решение его было отложено вследствие противодействия министров¹⁰⁰.

При всей кажущейся прогрессивности этой меры она, на наш взгляд, преследовала задачу превратить дворянство в замкнутую касту. Ликвидация чинов, т. е. табели о рангах, закрывала бы доступ разночинцам в дворянское сословие, которое, по мысли Половцова, должно было пополняться из среды крупных землевладельцев.

Обратимся к вопросу о сословном происхождении и имущественном положении представителей высшей бюрократии, т. е. лиц, занимавших руководящие должности в государственном управлении.

Отмена крепостного права, оскудение дворянства приводят к усилению роли разночинного элемента и среди бюрократии. С одной стороны, этот процесс характеризуется увеличением числа чиновников хотя и принадлежавших к старинным дворянским фамилиям, нередко титулованным, но не являвшихся земельными собственниками. С другой — среди представителей высшей чиновной знати увеличивается число выходцев из духовенства, купечества и других слоев населения.

Для характеристики этого процесса приведем данные об имущественном положении высших чинов империи на основе анализа «Списка гражданских чинов первых трех классов», изданного 1 февраля 1888 г.

К 1888 г. чинов первого класса (канцлера и дей-

⁹⁸ ЦГИА, ф. I отделения С. е. и. в. канцелярии, оп. 4, д. 14815, л. 6.

⁹⁹ Там же, л. 15.

¹⁰⁰ Подробнее см. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I. Запись за 17 и 18 декабря 1886 г.

ствительных тайных советников первого класса) не было. Проанализируем данные о чинах второго класса — действительных тайных советниках и третьего класса — тайных советниках. Первых на февраль 1888 г. числится 83, вторых — 516.

Обратимся к первым. Среди чинов этого класса было:

- а) Придворных чинов первого класса (обер-гофмейстеров, обер-камергеров, оберегермейстеров, обер-штальмейстеров и др.) 10 человек
- б) Членов Государственного совета 30 »
- в) Министров и главноуправляющих ведомствами 7 »
- г) Сенаторов 14 »
- д) Высших чинов министерств и ведомств (членов Совета министра, директоров департаментов и т. д.) 11 »
- ж) Послов и посланников 5 »
- з) Академиков, профессоров и руководителей научных учреждений 6 »

Из этого числа 38 человек, т. е. 45,7%, вовсе не обладали земельной собственностью¹⁰¹. Из числа остальных у 26, т. е. у 31%, были родовые имения; у 9, не имевших собственности, родовые имения были у их жен и, наконец, у 9 были благоприобретенные (купленные или пожалованные) земельные владения. Таким образом, почти у 70% высших чинов империи не было родовых владений.

Рассмотрим размеры земельных владений чинов второго класса¹⁰²:

До 25 десятин	От 100 до 500 десятин	От 501 до 1000 десятин	От 1000 до 5000 десятин	От 5 до 10 тыс. десятин	От 10 до 25 тыс. десятин	Свыше 25 тыс. десятин	Не обозначены	
							майораты	прочие владения
1	4	7	18	3	8	2	2103	

¹⁰¹ Мы не принимаем во внимание наличие собственных домов в городах, земли в черте города и дачи.

¹⁰² В данном случае мы учитывали все виды земельной собственности (родовую, приобретенную собственность, принадлежащую жене). Если владение находилось в общем владении с родственниками, учитывается $\frac{1}{2}$ земельной площади.

¹⁰³ Майорат, принадлежавший гр. Б. С. Потоцкому, в «Списке чинов» пропущен.

Итак, крупными собственниками (от 1 тыс. десятин и выше) были 33 человека, или 39,7% общего числа чинов этого класса.

Обратимся к анализу чинов третьего класса. Из 516 чинов занимали должности:

а) Придворных чинов второго класса (гофмейстеров, штальмейстеров, егермейстеров и др.)	46 человек	
б) Министров и главноуправляющих	3	»
в) Членов Государственного совета	4	»
г) Сенаторов	104	»
д) Товарищей министров	9	»
ж) Послов и посланников	12	»
з) Высших чинов министерств и ведомств (членов Совета министра, директоров департаментов, попечителей учебных округов, руководителей судебных учреждений и т. д.)	236	»
и) Губернаторов	19	»
к) Предводителей дворянства (губернских и уездных)	7	»
л) Академиков, профессоров и руководителей научных учреждений и учебных заведений	51	»
м) Прочих (почетных опекунов благотворительных учреждений, главных врачей больниц, мировых судей, городских голов и т. д.)	25	»

Из числа чинов этого класса вовсе не имели земельной собственности 288 человек, или 55,7%; родовые имения имели 155 человек, или 29,6%; родовые имения, принадлежавшие женам, были у 26 человек, благоприобретенные (купленные или пожалованные) — у 50 человек.

Итак, лиц, вовсе не имевших земельных владений, среди чинов третьего класса было несколько больше, нежели среди чинов второго класса: в первом случае — 55,7%, во втором — 45,7%. Это надо отнести главным образом за счет категории «академиков, профессоров и руководителей научных и учебных заведений», в основном не имевших земельной собственности. Однако процент лиц, имевших родовые имения, почти одинаков: в первом случае он составляет 31,3, во втором — 29,6.

Таким образом, в обоих случаях примерно 70% высших чинов не принадлежали к поместному дворянству.

Рассмотрим размеры земельных владений чинов третьего класса ¹⁰⁴:

До 25 десятин	До 100 десятин	От 101 до 500 десятин	От 501 до 1000 десятин	От 1000 до 5000 десятин	От 5 до 10 тыс. десятин	От 10 до 25 тыс. десятин	Свыше 25 тыс. десятин	Не обозначены	
								майораты	прочие
7	3	30	36	87	23	14	14	7	7

Итак, крупных земельных собственников (от 1 тыс. десятин) было 152 человека, или 29,5%. Здесь процент крупных собственников ниже на 10,2.

Проведя соответствующие статистические расчеты, обратимся к лицам. Из числа высшей бюрократии, занимавшей первые посты империи (министры, обер-прокурор Синода, государственный контролер, председатель Комитета министров, председатели департаментов Государственного совета), собственно, к крупному помещику дворянству принадлежал лишь министр внутренних дел гр. Д. А. Толстой, владевший имением свыше 10 тыс. десятин ¹⁰⁵; к среднему помещику дворянству относились министр юстиции Манасеин, владевший имением в 800 десятин земли, а также председатель департамента Государственного совета Н. И. Стояновский, владевший имением в 900 десятин. Остальные же принадлежали либо к служилому беспоместному дворянству, либо к представителям других сословий (Победоносцев, Вышнеградский — из духовного звания, Островский — из купечества).

Из перечисленных выше представителей высшей бюрократии у обер-прокурора Синода Победоносцева, председателя Комитета министров Бунге, министра финансов Вышнеградского и государственного контролера Сольского вовсе не было собственной земли. У министров Набокова, Островского, Гирса, председателей де-

¹⁰⁴ Как и в первом случае, мы учитывали все виды земельной собственности.

¹⁰⁵ Вторым представителем крупного помещику русского дворянства был министр народного просвещения И. Д. Делянов, армянин по национальности.

партаментов Государственного совета Николай и Абазы были приобретенные либо пожалованные имения. Однако имущественное положение и сословное происхождение столпов высшей бюрократии отнюдь не имели никакого отношения к их политическим взглядам. Попович, Победоносцев и купеческий сын Островский не менее рьяно отстаивали дворянские интересы, чем это делал гр. Д. А. Толстой. Надо отметить, что среди высших чинов, принадлежавших к русским аристократическим фамилиям, мы встречаем немало лиц, не имевших вовсе земельной собственности. К ним принадлежали гофмейстер кн. И. М. Голицын и обер-егермейстер кн. Б. Ф. Голицын, посланник в Испании св. кн. М. А. Горчаков, товарищ министра внутренних дел кн. К. Д. Гагарин, посол в Австро-Венгрии кн. А. Б. Лобанов-Ростовский, член Государственного совета кн. С. А. Долгорукий. Подобный список можно было бы продолжить. С другой стороны, среди чинов третьего класса мы встречаем крупного железнодорожного предпринимателя Самуила Соломоновича Полякова и фабриканта и купца Петра Ионовича Губонина. Оба они не занимали официальных постов, являясь попечителями различных благотворительных и учебных заведений.

Это, естественно, свидетельствовало о существенных изменениях, происшедших почти за 30 лет после отмены крепостного права.

Для характеристики роста бюрократии в пореформенный период, а также изменения ее имущественного положения приведем данные о тех же чинах первых трех классов в 1854 г.

В этом году общее число чинов этих классов составляло 217 человек (2—первого, 35—второго и 180—третьего). Таким образом, за 34 года число этих чинов увеличилось до 599, т. е. почти втрое. Обратимся к анализу имущественного положения этих чинов в 1854 г.¹⁰⁶

Чины первого класса гр. Нессельроде и кн. А. Н. Голицын являлись крупными земельными собственниками, владельцами имений свыше 10 тыс. десятин. Первый — благоприобретенного, второй — родового.

¹⁰⁶ См. «Список гражданских чинов первых четырех классов». СПб., 1854.

Из 35 чинов второго класса у 27 была родовая собственность (77,3%), у четырех — благоприобретенная или пожалованная (11,35%) и у четырех земельная собственность отсутствовала (11,35%).

Из 180 чинов третьего класса родовая земельная собственность была у 88 человек (48,9%), родовые имения, принадлежащие женам, были у 11 человек (7,1%), приобретенные и пожалованные — у 24 (13,3%), и, наконец, у 57 человек (31,7%) вовсе не было земельной собственности. Таким образом, процент лиц, обладавших земельной собственностью, был значительно выше, нежели в 1888 г.

Однако следует заметить, что среди чинов третьего класса, владевших родовыми имениями, было большое число мелкопоместных. Так, из 88 лиц этой группы, владевших родовыми имениями, 27 человек, или 30,68%, обладали землей от 2 до 200 десятин. Заметим, что в 1888 г. процент этих лиц был значительно ниже.

Таковы краткие выводы, которые можно сделать из анализа «Список гражданских чинов первых трех классов», т. е. представителей высшей бюрократии.

* * *

Национальная политика правительства в рассматриваемый период характеризовалась решительной русификацией и угнетением нерусских национальностей. Именно в это время великодержавный национализм принимает особенно нетерпимые воинствующие формы. Главным идеологом национальной политики были Победоносцев и его единомышленники, характеризуюя воззрения которых Половцов писал, что они «ставят идеалом русской политической жизни мнимую самобытность, выражавшуюся поклонением самовару, квасу, лаптям и презрением ко всему, что выработала жизнь других народов. Идя по этому пути, разыгрывается травля против всего, что не имеет великорусского образа; немцы, поляки, финны, евреи, мусульмане объявляются врагами России без всяких шансов на примирение и на совместный труд. Лютая, кроющаяся в сердце всякого животного вражда обрекает на смерть все иноверное и иноплеменное, все могущее претендовать на превос-

ходство...»¹⁰⁷. Александр III разделял эти взгляды и целиком поддерживал.

Беликодержавный шовинизм находил свое проявление, с одной стороны, в гонении на национальную культуру, с другой — в национальных ограничениях и преследованиях и, наконец, в насильственной русификации путем обращения в православие инаковерующих. Последнее делалось, естественно, ведомством Св. Синода.

Особенно рьяно действовал в деле «русификации окраин» попечитель Варшавского учебного округа А. Л. Апухтин. В начале 1883 г. Апухтин ввел в Варшавском университете преподавание на русском языке даже курса польской словесности, что вызвало обструкцию, устроенную ему студентами¹⁰⁸. В апреле того же года студент юридического факультета Варшавского университета Жуйкевич, русский по национальности, дал Апухтину пощечину в ответ на его деяния¹⁰⁹. Однако император иначе оценивал деятельность попечителя учебного округа. Буквально через несколько дней после получения Апухтиным пощечины был опубликован в «Правительственном вестнике» ему рескрипт, в котором говорилось: «В воздаяние отлично усердной службы Вашей и непреклонно твердых усилий Ваших к осуществлению во вверенной Вам отрасли управления наших предначертаний, направленных к теснейшему единению Привисленского края с прочими частями империи,

¹⁰⁷ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 447. Как рассказывает Феоктистов, философ В. С. Соловьев однажды издевательски спросил члена Главного управления по делам печати Еленева, «правда ли, будто у нас существует административное распоряжение, чтобы в публичные дома были принимаемы только женщины православного исповедания» (ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, ЛП б. 14, л. 20). Феоктистов, не поняв сарказма вопроса, замечает: «Бедный Соловьев, до чего дошел!» (там же).

¹⁰⁸ По этому поводу Катков в передовой статье «Московских ведомостей», посвященной этим событиям, с негодованием обрушился на польскую печать, «не желающую понять, что в Варшаве основан русский, а не польский университет» (М. П. Катков. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1883 год. М., 1898, стр. 219).

¹⁰⁹ О волнениях студентов, связанных с деятельностью Апухтина, см. в ЦГАОР, ф. III делопроизводство, оп. 168, д. 4, л. 22—23, 82—83, 124; д. 5, л. 153—154.

всемилоостивейше пожаловали мы Вас кавалером императорского ордена [...] Александра Невского»¹¹⁰.

Русификация средней и начальной школы в Царстве Польском была осуществлена вскоре после восстания 1863 г. В 1881 г. варшавский генерал-губернатор Альбединский отмечал «ослабление усердия крестьянских обществ к школе» в связи с тем, что она обращена «в орудие обрусения крестьянского сословия»¹¹¹, считая необходимым осуществить ряд мер к упорядочению школьного дела в Царстве Польском. Управляющему Министерством народного просвещения бар. Николаи было предложено «представить на высочайшее утверждение проект постановления, определяющего участие гминных и сельских обществ в назначении учителей, ввести обучение польскому чтению и письму в школах, где большинство учащихся принадлежит к польской народности, установить основания допущения римско-католических священников до законоучительских должностей по ходатайствам гминных и «сельских обществ»»¹¹². Однако все это было отвергнуто Толстым и Деляновым, и законом 5 марта 1885 г.¹¹³ был сохранен прежний порядок вещей, по которому назначение учителей являлось обязанностью чиновников ведомства народного просвещения, а преподавание всех предметов должно было производиться на русском языке, «за исключением закона божия иностранных исповеданий и природного языка учащихся, которые могут быть преподаваемы также и на сем последнем языке. Возникающие на практике сомнения относительно того, какой именно язык должен быть признан языком преподавания двух означенных предметов,—указывалось в законе,—разрешаются попечителем учебного округа по соглашению с варшавским генерал-губернатором»¹¹⁴. Таким образом, даже преподавание польского языка могло производиться по-русски. Более того, преподавание и в частных школах должно было вестись на русском языке, а учащимся

¹¹⁰ «Правительственный вестник», 17 апреля 1883 г.

¹¹¹ С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802—1902. СПб., 1902, стр. 684.

¹¹² Там же.

¹¹³ См. ПСЗ, 3 собр., т. V, № 2792

¹¹⁴ Там же.

правительственных школ было запрещено во время пребывания в учебном заведении вести между собой разговоры по-польски. Как утверждает С. Н. Валк в своей статье «Внутренняя политика царизма в 80-х и начале 90-х годов», «преподавание на русском языке было введено даже в школе глухонемых»¹¹⁵.

Характеризуя отношение к польским детям в казенных учебных заведениях Царства Польского, варшавский генерал-губернатор Гурко в одной из своих всеподданнейших записок писал: «В правительственной школе Царства (Польского. — П. З.) к польскому ребенку относятся не только любовно, но прямо враждебно, в ней ему ставят в упрек его польское происхождение, оскорбляют его национальное чувство, к его религии относятся презрительно, его родному языку дают место лишь после иностранных французского и немецкого [...] От польского ребенка требуется учебным начальством лучшее знание русского языка и его грамматических правил, нежели от русского»¹¹⁶.

Политика русификации проводилась не только ведомством Министерства народного просвещения, хотя пальма первенства принадлежала ему, много было сделано в этой области и генерал-губернатором И. В. Гурко. Русский язык вводился в частных учреждениях на железных дорогах, на афишах, на различных этикетках и т. д. В 1885 г. был закрыт Польский банк, преобразованный в Варшавское отделение Государственного банка.

Деятельность администрации была направлена к тому, чтобы преобразовать Царство Польское в Привисленский край, заставить поляков превратиться в русских¹¹⁷.

¹¹⁵ «История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма 1856—1894. Часть первая. Материалы для обсуждения», стр. 966.

¹¹⁶ ЦГИА, ф. Делянова, д. 272, л. 5.

¹¹⁷ В этом отношении представляет интерес предписание от 31 марта 1883 г. начальника Главного управления по делам печати Феоктистова Петербургскому цензурному комитету по поводу того, что в польской газете «Кгау» употребляется термин «польская колония в Петербурге», причем этот термин встречается и в русской периодической печати. «Принимая во внимание,— писал Феоктистов,— что слово «колония» по своему смыслу может относиться к известной национальности на чужбине, но никак не может быть присвоено русским подданным польского происхождения, поселив-

В отношении Финляндии правительство проводило ту же политику великодержавного национализма. Однако в начале 80-х годов продолжала по инерции действовать еще политика предшествующего периода, рассчитанная на развитие начал автономии. Были созданы финские воинские части. В 1886 г. Сейм получил право возбуждения законодательных вопросов, созыв земских чинов производился каждые три года. В конце 80-х — начале 90-х годов происходит перелом в национальной политике, что, естественно, отрицательно воспринялось финской общественностью.

В связи с этим Александр III в своем рескрипте на имя финляндского генерал-губернатора от 28 февраля 1891 г. в ответ на обращение к нему ландмаршала Сейма и тальманов сословий, сообщавших ему «о тревожном настроении в крае», вызванном проводимыми мерами в целях достижения более тесного единения Великого княжества с прочими частями Российской державы»¹¹⁸, отмечая «непристанность попечения своего о благосостоянии и внутреннем развитии Финляндии», подчеркивал, что «финляндский край», (а не княжество) состоит «в собственности и державном обладании империи Российской»¹¹⁹.

В первой половине 90-х годов был принят ряд мер, направленных на ликвидацию обособленности Финляндии. В 1890 г. была упразднена самостоятельность финляндского почтового ведомства, и оно было подчинено Главному управлению почт и телеграфов Министерства внутренних дел. Был введен обязательный прием русской монеты. В 1892 г. был преобразован Сенат в целях ослабления его политического значения. Наконец, было создано Особое совещание для обсуждения вопроса о конституции Финляндии. Однако это были лишь первые шаги. Основные меры по русификации государственного управления Финляндии были сделаны во вто-

шимся в Петербурге, столице своего государства. Главное управление по делам печати предлагает С.-Петербургскому цензурному комитету принять меры, чтобы польское общество в Петербурге не именовалось в подцензурных изданиях «Польская колония» (ЦГИА, ф. С.-Петербургского цензурного комитета, оп. 3, д. 3, л. 20).

¹¹⁸ Valtion Arkisto (Helsinki) Kennral venoörenkanslia. VSV, 1891—73.

¹¹⁹ Там же.

рой половине 90-х годов и были связаны с генерал-губернаторством Н. И. Бобрíkова.

Русификаторская политика проводилась и в прибалтийских губерниях в смысле внедрения русского языка, ликвидации местных судебных и административно-полицейских учреждений и замены их общеимперскими. Однако значение всего этого было здесь иным. В Прибалтике русский язык вытеснял не местные латышский и эстонский языки, а немецкий. Таким образом, здесь шла речь не о борьбе против местной национальной культуры, а за утверждение русского влияния взамен существовавшего немецкого. В конце 80-х годов в прибалтийских губерниях были проведены судебная и административно-полицейская реформы. До этого времени как суд, так и полиция находились целиком в руках дворянства и были почти независимы от коронных властей. Введение, хотя и с некоторыми ограничениями, общеимперских судебных и административно-полицейских законов имело, бесспорно, положительное значение, ослабляя политическую зависимость местного латышского и эстонского населения от немецкого дворянства.

Правительственная политика в прибалтийских губерниях, являвшаяся объективно прогрессивной, не была свободной от явлений, носивших ярко выраженный шовинистический характер, что особенно проявлялось в насильственном и полунасильственном приобщении к православной церкви и религиозных гонениях¹²⁰. Деятельность местной администрации, эстляндского губернатора кн. С. В. Шаховского и лифляндского М. А. Зиновьева, особенно первого, характеризовалась безудержным произволом.

Самодержавие ставило всякие преграды развитию национальной культуры народов России¹²¹.

¹²⁰ Подробнее см. стр. 123—128.

¹²¹ В отношении украинской литературы Министерство внутренних дел не только строго придерживалось закона 18 мая 1876 г., но и предпринимало дальнейшие шаги: ввоз из-за границы периодических изданий, беллетристических произведений на украинском языке, а также печатание их все более и более ограничивалось (ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 34, д. 16, л. 7, 14, 74. Циркуляры губернаторам и цензурным комитетам). Подвергались преследованию и украинские театры. В 1884 г. была запрещена деятельность украинских трупп в Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях, т. е. на ос-

Русификация путем обращения в православие практиковалась и ранее, однако никогда это не достигало таких размеров, как в 80-е и 90-е годы. Начало этому было положено в Прибалтике, в Эстляндской губернии, где в 1883 г. несколько сот крестьян Гапсальского уезда «подали прошение о присоединении их к православной церкви в день священного коронования Вашего императорского величества»¹²². Не трудно понять, что «движение» это организовалось властями и сопровождалось различного рода посулами и обещаниями.

Обратимся к донесению президента евангелическо-лютеранской генеральной консистории министру внутренних дел Толстому от 23 июня 1883 г. «Проповедник Леальского прихода [...] сообщил эстляндской евангелическо-лютеранской консистории, что вскоре после праздников св. Пасхи в м. Леаль вдруг распространился слух, будто бы несколько человек из числа его прихожан, побужденные ложными обещаниями разных земных выгод, как-то: освобождение от всяких платежей и повинностей, получение дарового земельного надела и т. п., решились принять православную веру и что как на главного руководителя этого движения, произведшего значительное возбуждение, указывали на ойденормского портного Аду Пэбо»¹²³. Далее в донесении сообщалось, что у Пэбо найдено большое число экземпляров пастырского послания архиепископа Платона к новообращенным эстонцам и латышам, а также статья «Ruhwa armastus», в которой «предлагается эстонскому народу как единственное средство освободиться от ига своих угнетателей»¹²⁴ сблизиться с русским народом и принять его

новой территории Украины. Гонению подвергался также и еврейский театр. 19 февраля 1891 г. министр внутренних дел направил конфиденциальный циркуляр губернаторам, указывающий на недопустимость исполнения еврейских пьес на жаргоне, что было запрещено циркулярным распоряжением товарища министра внутренних дел еще 17 августа 1883 г. (ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 34, д. 15, л. 113).

¹²² ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 223, д. 86 за 1884 г., л. 47.

¹²³ ЦГИА, ф. Департамента духовных дел иностранных исповеданий, оп. 5, д. 279, л. 11.

¹²⁴ «До тех пор пока Вы имеете общую веру с Вашими угнетателями, никто не может помочь,—говорилось в указанной статье—

веру. При этом в означенной статье дается эстонцам совет, чтобы в просьбе о принятии их в православие они не упоминали о нужде, побуждающей их к этому, но заявляли, что любовь к государю императору и русскому народу, а также собственное убеждение привело их к такому желанию, после чего обнаружится и выгода для эстонского народа»¹²⁵. Тут же рекомендовалось принять православие «в день священного коронавания»¹²⁶.

Помимо подобных демагогических обещаний особенно ретивые православные пастыри действовали к тому же весьма энергично. Так, весной 1887 г. крестьянин деревни Педаспэ Торопиль обратился в генеральную евангелическо-лютеранскую консисторию с жалобой, что приехавший в деревню настоятель православного собора в Ревеле священник Карп Тизик обратил в православие трех его детей¹²⁷.

Как сообщалось в донесении лютеранской консистории в Министерство внутренних дел, священник Тизик, приехав в деревню, предложил собраться народу, и трое детей Торопиля из любопытства пришли в дом, где он находился. Спустя некоторое время они «возвратились к матери и рассказали ей, что их там уговаривали, что им будет гораздо лучше, когда они будут православными прихожанами, и их тогда не будут обременять учением; после этого священник им что-то положил в рот и повесил им на шею и затем отпустил, сказав, что они теперь православного исповедания»¹²⁸. Что это было именно так, свидетельствует

«Вы привязаны к узде Ваших мучителей телом и душою, все законы связаны цепями Вашей веры, как пакля со смолою. Ваши духовные пастыри и Ваши грабители едят и пьют из одного корыта и смеются над Вами [...] они грабят последнюю копейку за душою и обируют Вас до наготы, чтобы голод и тяжесть долгов вынудили Вас оставаться под гнетом невольничества [...] разорвите цепь вероисповедания, которою Вы прикованы к Вашим надувателям и врагам!» (ЦГИА, ф. Департамента духовных дел иностранных исповеданий, оп. 5, д. 279, л. 3).

¹²⁵ Там же, л. 1.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Дочерей Луизу 18 лет, Амалию 12 лет и сына Иоганна 15 лет.

¹²⁸ ЦГИА, ф. Департамента духовных дел иностранных исповеданий, оп. 5, д. 279, л. 94.

весьма невразумительное по этому поводу объяснение рижской православной консистории¹²⁹.

Обер-прокурор Синода закрывал на все это глаза и, ничтоже сумняшеся, в своем отчете Александру III, сообщая о массовом приобщении к православной церкви эстонцев и латышей, писал: «Относительно побуждений, которые поддерживают это массовое движение инородцев-лютеран к православию, преосвященный Донат пишет, что не может быть и речи о каком-либо желании инородцев получить с переходом в православие какие-либо материальные выгоды»¹³⁰.

В течение двух лет было присоединено к православной церкви в Эстляндской губернии 3314 человек¹³¹.

На протяжении царствования Александра III было обращено из лютеранства в православие 37 416 человек¹³².

Как правило, переход в православие носил формальный характер, фактически же новообращенные и их дети продолжали выполнять прежние обряды. Еще в середине 40-х годов в Лифляндской губернии происходит массовый переход латышей в православие. Как признавал даже сам Победоносцев в своем отношении министру внутренних дел, причиной этого «была распространенная между лифляндскими крестьянами молва, что с присоединением к православию они заслужат у русского православного царя облегчение тяжелой своей участи, именно даровой земельный надел, свободу от повинностей в пользу помещиков и пасторов»¹³³. Вполне

¹²⁹ В ответе говорилось, что старшая дочь Луиза и присутствовавший крестьянин Магнус Красмус заявили и засвидетельствовали письменно, что родители Торопиль якобы «сами желают, чтобы их дети были приняты в православную веру, не имея сами почему-то возможности лично присутствовать при соединении, уполномочили засвидетельствовать Магнуса Красмуса об этом перед священником» (там же, л. 97).

¹³⁰ ЦГИА, ф. Канцелярии обер-прокурора Св. Синода, оп. 97, д. 633, л. 91. Отчет за 1886 г.

¹³¹ ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 223, д. 57, за 1885 г., л. 71.

¹³² См. «Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III». СПб., 1901, стр. 237.

¹³³ ЦГИА, ф. Департамента духовных дел иностранных исповеданий, оп. 5, д. 279, л. 22. Отношение Победоносцева к Толстому от 16 февраля 1884 г.

естественно, что новообращенные в подавляющем числе оставались по традиции лютеранами и для выполнения тех или иных обрядов обращались к пасторам. В 60—70-е годы преступления об «отпадении от веры» не преследовались.

С середины же 80-х годов эти преследования возобновились и приняли энергичный характер. Начало им было положено лифляндским губернатором М. А. Зиновьевым, который в сентябре 1886 г. обратился с официальным письмом к рижскому епископу Донату, в котором писал, что из поступающих к нему дел он убедился, что в Лифляндской губернии имеется значительное число крестьян, «которые, будучи окрещены по обряду православной церкви и, следовательно, записаны в православные метрические книги, впоследствии подтвердились у лютеранских пасторов, вследствие чего пасторы эти внесли их в свои книги»¹³⁴.

Далее Зиновьев указывал, что, желая «сохранить от разного рода неприятностей и несчастий» жителей Лифляндской губернии, он просит через посредство местных священников «поставить их в известность, каким печальным последствиям подвергаются те из них, которые оказываются виновными в вышеперечисленных преступлениях»¹³⁵.

В письме указывалось, что православные, исполняющие лютеранские обряды, не могут занимать никаких общественных должностей. «Еще худшим последствиям подвергаются те из крестьян,— писал Зиновьев,— которые, будучи крещены по православному обряду, венчаются в лютеранской церкви. Браки эти будут признаны незаконными.

Точно так же незаконными будут признаны и дети, рожденные от этих браков [...] Православные родители, воспитывающие детей своих в лютеранской вере,— говорилось далее,— на основании ст. 190 Уложения о наказаниях подвергаются тюремному заключению на время от 8 [месяцев] до 1 года и 4 месяцев»¹³⁶. В заключение Зиновьев выражал уверенность, что после этого преду-

¹³⁴ ЦГИА, ф. Департамента духовных дел иностранных исповеданий, оп. 5, д. 280. Письмо от 30 сентября 1886 г., № 9338, л. 101.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

преждения «они одумаются и исполнят то, что требует от них закон»¹³⁷.

Чтение этого письма в церквах после обедни вызвало, естественно, большое беспокойство «православного» латышского населения¹³⁸. Оглашение письма Зиновьева вызвало сильную реакцию в немецко-лютеранских кругах. По этому поводу к гр. Толстому пишет предводитель дворянства Лифляндской губернии бар. Мейендорф. «Дело касается десятков тысяч душ, которые хотя занесены в метрические книги православной церкви, но по своему внутреннему убеждению к ней не принадлежат, обратившись уже десятки лет тому назад к своей унаследованной евангелическо-лютеранской церкви...»¹³⁹

«Для устранения этого бедственного положения,— заключал Мейендорф,— существует лишь одно средство: исключение из метрических книг православной церкви тех лиц, которые [...] обратно перешли к евангелическо-лютеранской церкви»¹⁴⁰. Однако на это правительство не соглашалось.

Надо сказать, что преследования касались не только лиц, числившихся православными, но и лютеранских пасторов, обвинявшихся «в совращении веры». С середины 80-х годов начинается преследование пасторов за выполнение треб над лютеранами, записанными в православные метрические книги. К середине 90-х годов только по одной Лифляндской губернии было возбуждено 178 уголовных дел против пасторов¹⁴¹.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Победоносцев считал, что оглашение этого письма по приходам нецелесообразно. «Благоразумнее было бы,— писал он Толстому,— не выставлять на вид те наказания, коим уголовное уложение наше утrophает отступающим от веры, и не ставить в вину лютеран прямые вопросы, на кои ответ столь же прямой сопряжен, особливо при настоящих обстоятельствах, с затруднениями и взаимными недоразумениями» (там же, л. 30).

¹³⁹ Там же, л. 1. По данным генеральной консистории евангелическо-лютеранской церкви, число их составило более 35 тыс. человек, по данным Мейендорфа — 30 тыс., а по сведениям рижской епархии, число «уклоняющихся от православия» составляло 18 тыс. человек (там же, л. 160. Из отношения Победоносцева И. Н. Дурново от 27 февраля 1892 г.)

¹⁴⁰ Там же, л. 4—5.

¹⁴¹ Там же, л. 208. Из записки Мейендорфа министру внутренних дел, представленной в 1895 г. По данным воспоминаний А. Ф. Кони «Триумвиры» (Собр. соч., т. 2, стр. 290), число привлеченных пасторов в Лифляндской губернии «доходило до 56».

Начало преследований пасторов было положено в 1884 г. Манасеиным во время ревизии им Лифляндской губернии; при этом он дал указание действия пасторов «подводить не под 193 ст. Уложения [о наказаниях], как это понималось на месте,— рассказывает А. Ф. Кони,— а под ст. 187-ю — «о совращении», ибо обучение закону божиему, предшествующее конфирмации, есть совращение. Разница, — продолжает Кони, — была громадная. 193 ст. [...] карала за первый подобный случай удалением от места от 6 месяцев до года, за второй — лишением духовного сана и отдачею под надзор полиции. Между тем за совращение виновные подвергались ссылке на житье в Сибирь с лишением всех прав состояния...»¹⁴².

Первой жертвой явился престарелый пастор Гримм, осужденный Рижским окружным судом к лишению всех прав и ссылке в Сибирь на поселение¹⁴³.

Подобные факты встречались не только в прибалтийских губерниях. Массовыми издевательствами сопровождался процесс русификации народов Сибири, опять-таки путем приобщения их «на лоно православной церкви». Распространением православия среди «язычников и магометан» ведало Всероссийское православное миссионерское общество, созданное в Москве в 1870 г., деятельность которого получила широкое развитие в рассматриваемый нами период. Так, к середине 90-х годов оно имело в своем составе 13 214 членов, обладая капиталом около 1300 тыс. руб. На местах действовали 43 епархиальных комитета¹⁴⁴.

¹⁴² А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 290—295.

¹⁴³ Однако Петербургская судебная палата опротестовала приговор и применила к Гримму ст. 193, но прокурор палаты А. М. Кузьминский (женатый на родной сестре С. А. Толстой) опротестовал в свою очередь решение судебной палаты и перенес дело в Сенат, пытаясь, как рассказывал Кони, оказать на него давление. Протест Кузьминского был отклонен. Здесь не только Кони, но и министр юстиции Манасеин обнаружили большое гражданское мужество, так как император одобрил решение Рижского окружного суда по делу Гримма (подробнее см. воспоминания А. Ф. Кони «Триумвиры», стр. 293—295).

¹⁴⁴ «Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III». СПб., 1891 г. стр. 363, 366. Наряду со Всероссийским православным миссионерским обществом существовал ряд православных братств, занимавшихся распространением православия. Наиболее крупное из них

В течение царствования Александра III было обращено в православие 8544 магометанина и 50 933 язычника¹⁴⁵. Особенно рьяно действовала иркутская миссия, распространявшая православие среди бурят, причем методы ее были еще более агрессивными, нежели в Прибалтике.

В 1891 г. миссия, решив использовать путешествие по Сибири наследника престола, производила массовое насильственное крещение бурят, получивших «с соизволения наследника цесаревича» имя Николай. Непосредственную помощь миссии в этом деле оказывала полиция. Так, балаганский окружной исправник Иркутской губернии разослал циркуляр местной бурятской администрации, инородским головам и родовым старостам, предложив собрать к определенному числу подлежащих крещению бурят, «список которых имеет быть выслан»¹⁴⁶.

В связи с подобными действиями поступили жалобы генерал-губернатору Восточной Сибири А. Д. Горемыкину, а также в Петербург, куда прибыла специальная бурятская делегация. Сведения об этих безобразиях проникли в печать. Кн. Мещерский в своем ультрареакционном органе «Гражданин» в дневнике за 11 февраля 1892 г. по этому поводу писал следующее: «С Восточной Сибири — из Иркутской губернии сведения еще печальнее; они повествуют об ужасных насилиях, совершавшихся для обращения буддистов в православие [...]»

К счастью, эти ужасы дошли до сведения иркутского генерал-губернатора, и началось следствие. Но все же событие это вдвойне печально: во-первых, потому, что крещение насильное, с облавами в лесах, с побоями, истязаниями, даже над беременными женщинами, совершалось полицией по требованию местного духовенства, а во-вторых, потому, что с этими действиями, не имеющими имени, сопоставляли дорогое всем русским

было Прибалтийское православное братство, возникшее в 1882 г. (см. «Обзор деятельности...», стр. 338—351).

¹⁴⁵ См. там же, стр. 237.

¹⁴⁶ «Красный архив», 1930, т. 2 (39). Комментарий А. С. Николаева и З. И. Гурской к дневнику А. Н. Львова «Князя церкви», стр. 143.

имя царственного первенца...»¹⁴⁷ Откликнулся на это и «Вестник Европы»¹⁴⁸. Однако и здесь Синод в лице Победоносцева отрицал все, сведя это к лживым наветам социалистов. «Жалобы, писанные от имени безграмотных инородцев языком литературным и хлесткою речью, составляемы были на местах иссыльными из преступников социалистами, которые и по собственным антирелигиозным убеждениям, и с целью заработать себе что-нибудь обыкновенно занимаются составлением кляузных прошений во вред православной вере»¹⁴⁹.

Так же как и в прибалтийских губерниях, совратителей из православия, а также совращенных наказывали жестоко. В делах Комитета министров встречается ряд дел по совращению крещеных татар в ислам. На заседании Комитета министров рассматривались решения Уфимской палаты уголовного и гражданского суда осылке на каторжные работы за совращение крещеных татар и башкир в ислам. В трех случаях по предложению Дурново решение палаты было смягчено, имея в виду, что «в делах этого рода важнее всего не столько применение к подсудимым тяжких карательных мер, сколько подавление возможного движения к уклонению из христианства в ислам»¹⁵⁰. Наказание было «значительно» смягчено, и совратители и совращенные были сосланы навсегда административным порядком в Сибирь «в места не столь отдаленные», с лишением к тому же всех прав¹⁵¹.

¹⁴⁷ «Гражданин», 12 февраля 1892 г. Не надо думать, что редактора «Гражданина» действительно возмущали методы христианизации бурят. Дело было в другом. Как раз в этот период его отношения с обер-прокурором испортились и он стремился насолить Победоносцеву, в силу этого он неоднократно выступает на страницах своей газеты, критикуя деятельность синодального ведомства.

¹⁴⁸ См. «Вестник Европы», 1892 (из общественной хроники), кн. 1, стр. 450—452; кн. 3, стр. 449.

¹⁴⁹ Прибавление к «Церковным ведомостям», 1892, № 8, стр. 292. Цит. по «Красному архиву», 1930, № 2 (39), стр. 144.

¹⁵⁰ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4936, стр. 952, журнал 22 декабря 1892 г.

¹⁵¹ Там же, д. 4852, ст. 364, журнал 14 мая 1891 г.; д. 4936, ст. 952, журнал 22 декабря 1892 г.; д. 4931, ст. 833, журнал 24 ноября 1892 г. В одном случае Комитет министров отменил вовсе приговор мензелинской палаты уголовного и гражданского суда, имея в виду, что виновные раскаялись и выразили желание возвратиться на лоно православной церкви, в силу чего и были помилованы (там же, д. 4922, ст. 504, журнал 16 июня 1892 г.).

Особым преследованиям подвергались евреи. В 1882 г. были изданы «Временные правила о евреях». Эти правила, с одной стороны, ставили своей целью не допускать антиеврейских беспорядков, с другой — вводили ряд стеснительных по отношению к евреям мер, в частности запрещение евреям селиться вне городов и местечек, за исключением существующих земледельческих колоний. Эти правила вводились в виде временной меры впредь до «общего пересмотра в установленном порядке законов о евреях»¹⁵².

В первой половине 80-х годов никаких особых мер по отношению к евреям не предпринималось. Внутри правительства по этому вопросу не было единомыслия. Как говорит Бунге в своей записке, министр внутренних дел относился к еврейскому вопросу индифферентно¹⁵³. По его же словам, наиболее агрессивную позицию в еврейском вопросе занимали киевский и виленский генерал-губернаторы¹⁵⁴. Были и другие причины, заставлявшие правительство не обнаруживать своей агрессивности в этом вопросе, — соображения финансового порядка. Половцов в своем дневнике, говоря о заключении внешнего займа и участии в нем Ротшильда, пишет: «Успех у Ротшильдов возможен в том лишь случае, если будет что-либо сделано по еврейскому вопросу; это что-либо могло бы заключаться в объявлении нескольких высочайше утвержденных положений предполагаемого улучшения еврейского быта, положений, — цинично замечает Половцов, — которые впоследствии ни в чем бы не стесняли дальнейшей законодательной деятельности»¹⁵⁵.

Надо сказать, что на протяжении всего изучаемого периода наибольшим противником антиеврейских законов являлся министр финансов, вне зависимости от его личных воззрений в этом вопросе. Такую же позицию занимали Бунге и Вышнеградский. Как известно, никаких

¹⁵² Проект «Временных правил о евреях», разработанный Игнатьевым, встретил серьезную оппозицию в Комитете министров и был существенным образом изменен. Подробнее см. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 413—419.

¹⁵³ ЦГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок № 4, «Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге», стр. 226.

¹⁵⁴ Там же, стр. 227.

¹⁵⁵ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 131 Запись за 17 октября 1883 г.

«высочайше утвержденных положений», касавшихся евреев, декларировано не было, но в начале того же 1883 г. была образована Высшая комиссия для пересмотра действующих о евреях в империи законов под председательством гр. К. И. Палена. Состав этой Высшей комиссии был не очень авторитетен. В нее не вошли не только ни один министр, но даже его товарищ. Можно высказать предположение, что эта Комиссия носила в какой-то степени декларативный характер. Деятельность Комиссии продолжалась до лета 1888 г. При этом члены ее не достигли единодушного решения. Однако большинство же ее в составе семи человек во главе с председателем пришло к весьма прогрессивным общим выводам. «Главнейшие из этих оснований могут быть формулированы в следующих пунктах: а) Главная задача законодательства о евреях заключается в *возможно большем объединении евреев с общим христианским населением* ¹⁵⁶. б) Не следует формулировать новое законодательство в виде «Положения» или «Устава», что принципиально противоречило бы усилиям правительства снять с евреев их обособленность. в) Система репрессивных и исключительных мер должна быть заменена системой постепенных освободительных и уравнительных законов» ¹⁵⁷. Четвертый, последний пункт решения Высшей комиссии говорил, что при разрешении еврейского вопроса должна быть соблюдена «величайшая осторожность и постепенность». Однако решение это было принято незначительным большинством в один голос ¹⁵⁸.

В 1885 г. Комитет министров предложил Комиссии Палена обсудить вопрос «о переполнении среднеучебных заведений евреями», причем меньшинство Комиссии сочло целесообразным установить процентную норму. Однако председатель и большинство ее членов признали, «что ограничение приема еврейских детей [...] должно

¹⁵⁶ Подчеркнуто мною. — Л. 3.

¹⁵⁷ ЦГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок № 300-а, л. 294. Обзор деятельности Высшей комиссии под председательством гр. Палена для пересмотра действующих о евреях в империи законов.

¹⁵⁸ Подписали записку всего 8 членов: Пален, Георгиевский, Мицкевич, Мартенс, Лозино-Лозинский, кн. К. М. Голицын, Герард и Колошин. Последний заявил, что «как не разделяющий изложенных в записке руководительных соображений» остается при своем мнении. Таким образом, он фактически был против (ЦГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок № 300-а, стр. 295),

касаться исключительно тех, которые принадлежат к низшей среде, так как, по отзывам попечителей учебных округов, именно эта категория учащихся причиняет действительно существенный вред средним учебным заведениям»¹⁵⁹. Как мы видим, здесь в большей мере сказывались не столько национальные, сколько классовые антипатии.

В конце 1886 г. Александр III утвердил положение Комитета министров в связи с обсуждением отчета харьковского губернатора, предоставлявшее министру народного просвещения принимать по своему усмотрению частные меры к ограничению поступления евреев в средние и высшие учебные заведения Министерства народного просвещения¹⁶⁰.

В июне 1887 г. Делянов представил в Комитет министров записку «Об ограничении приема евреев в средние учебные заведения Министерства народного просвещения».

Одним из пунктов предложений Делянова предусматривался прием евреев в гимназии и прогимназии лишь из числа детей «потомственных и личных дворян и почетных граждан, коммерции и мануфактур советников, ученых и художников, лиц, имеющих свидетельства об окончании курса высших учебных заведений и купцов первой гильдии»¹⁶¹.

Однако Комитет министров отверг предложение Делянова. В своем решении Комитет отмечал, что вопрос об ограждении высших и средних учебных заведений «от наплыва евреев, давно уже обративший на себя внимание правительства, получил в последнее время разрешение путем частных по некоторым отдельным ведомствам постановлений. А именно в силу дарованного министрам военному, государственным имуществ, юстиции, путей сообщения особых полномочий прием лиц еврейского происхождения в подчиненные этим ведомствам средние и высшие учебные заведения уже ограничены известными нормами, и, по заявлению статс-секретаря Островского и ген.-ад. Посьета, дальнейшее применение такой меры не представляет никаких затрудне-

¹⁵⁹ Там же, стр. 6.

¹⁶⁰ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4540, стр. 881, л. 334.

¹⁶¹ Там же, ст. 444, л. 438—439. Особый журнал 16 июня 1887 г.

мий»¹⁶². Далее указывалось, что подобное право предоставлено и министру народного просвещения¹⁶³. В журнале отмечалось, что основная масса еврейских детей принадлежит к представителям низших слоев населения; в силу чего если исключить эту категорию учащихся, то процент евреев в среднеучебных заведениях будет ниже предлагаемого Деляновым¹⁶⁴.

Однако, несмотря на решение Комитета министров, примерно через две недели, 10 июля, Делянов, по-видимому с санкции царя, издал циркуляр, устанавливающий процентную норму в средних учебных заведениях: в черте оседлости—10%, вне черты—5, в столицах—3%. Эти нормы вводились с начала 1887/88 учебного года¹⁶⁵. В этом же году была введена аналогичная норма и в высших учебных заведениях¹⁶⁶.

Возвратимся к Высшей комиссии Палена. Вполне естественно, что решение ее большинства не могло быть принято, и, как утверждает Бунге, «за выбытием графа Палена»¹⁶⁷ председателем ее был назначен Пле-

¹⁶² Там же, л. 444—445.

¹⁶³ См. ниже.

¹⁶⁴ Обсуждение представления Делянова происходило в Комитете министров 16 июня 1887 г., а 18 июня министром народного просвещения был издан циркуляр об ограничении приема в гимназии и прогимназии детей необеспеченных слоев населения, что, естественно, распространилось и на евреев.

¹⁶⁵ ЦГИА, ф. Министерства народного просвещения, оп. 191, д. 843, л. 103. По данным попечителей учебных округов, процент евреев в гимназиях и прогимназиях из года в год значительно снижался: в Московском учебном округе—с 5,6 в 1886 г. до 3,5 в 1891 г. и 2,5 в 1893 г. (ЦГИА, ф. Министерства народного просвещения, оп. 203, д. 715, л. 32); в Виленском учебном округе в 1885 г. этот процент составлял 23,1, а в 1895 г.—12,1 (там же, д. 2138, л. 128; д. 2154, л. 19); в Одесском учебном округе, в реальных училищах в 1885 г.—20,3, а в 1894 г.—13,0 (там же, д. 1739, л. 21; д. 1746, л. 19).

¹⁶⁶ Однако в рассматриваемый период эта норма в высших учебных заведениях не всегда соблюдалась. Так, в Харьковском университете в 1894 г. процент лиц иудейского вероисповедания составлял 26,3 (см. «Харьковский государственный им. А. М. Горького за 150 лет». Харьков, 1955, стр. 70). В Петербургском же университете число студентов евреев значительно сократилось. Так, в 1884 г. их было 246 человек, а в 1894 г.—71 (см. «Годичный акт императорского Петербургского университета 8 февраля 1885 года». СПб., 1885, стр. 10, и аналогичный «Годовой акт» того же университета 8 февраля 1895 г. СПб., 1895, стр. 11).

¹⁶⁷ ЦГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок № 52. «Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге», стр. 27.

ве¹⁶⁸. Как утверждает С. С. Дубнов, автор статьи «Fouror judofobicus», в последние годы царствования Александра III¹⁶⁹ Плеве разработал программу по еврейскому вопросу, а Министерство внутренних дел расслало даже ее губернаторам для отзывов¹⁷⁰. Программа эта якобы состояла из 40 пунктов, предусматривая создание в ряде крупных городов определенных еврейских кварталов (гетто), усиление «Временных правил о евреях» 1882 г., ограничение торговой деятельности, сокращение льгот для некоторых категорий евреев (купцов I—II гильдий, почетных граждан, лиц, имеющих высшее образование, и т. д.)¹⁷¹. По-видимому, проект должен был быть внесен в Государственный совет. Сведения об этом мы находим в дневнике А. А. Половцова. В записи за 22 октября 1890 г. он сообщает о следующем разговоре его с Н. С. Абазой: «Н. С. Абаза передает, что вследствие настояния Вышнеградского министром внутренних дел отложено внесение в Совет представления о новых против евреев ограничительных мерах»¹⁷².

Ходатайства министра финансов определялись вполне реальными опасениями, что после издания нового ограничительного закона возможность получения внешних займов серьезно ухудшится.

Надо думать, что какое-то значение имели общественные протесты против гонения на евреев как за пределами России, так и внутри ее. 10 декабря 1890 г. в Лондоне собрался двухтысячный митинг, на котором была принята петиция к Александру III по поводу положения евреев в России, которую последний оставил без ответа¹⁷³. Летом 1890 г. философ В. С. Соловьев организовал сбор подписей под протестом против травли

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ См. «Еврейская старина», т. 10. Пг., 1918.

¹⁷⁰ Материалы Комиссии Плеве не удалось обнаружить в следующих фондах: Канцелярии министра внутренних дел, Департамента общих дел Министерства внутренних дел (ЦГИА), Департамента полиции, личных фондах Александра III, Плеве (ЦГАОР), а также Канцелярии московского генерал-губернатора (ЦГА г. Москвы), где по крайней мере следы этих материалов должны были бы сохраниться, если Министерство внутренних дел их действительно рассылало для отзывов.

¹⁷¹ См. «Еврейская старина», т. 10, стр. 29.

¹⁷² «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 314.

¹⁷³ «Treatment of the jews in Russia». London, 1890

евреев в печати, который подписали виднейшие представители русской интеллигенции Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, В. И. Герье, П. Н. Милюков, А. Н. Веселовский, С. А. Муромцев и др.¹⁷⁴ В протесте писалось: «Движение против еврейства, распространяемое русской печатью, представляет небывалое прежде нарушение самых основных требований справедливости и человеколюбия»¹⁷⁵. Благодаря проискам Д. И. Иловайского и его единомышленников этот протест не увидел света¹⁷⁶.

Наибольший размах еврейские гонения получили в начале 90-х годов, после смерти гр. Толстого, относившегося, как уже говорилось выше, к еврейскому вопросу довольно безразлично. Его же преемник Дурново был активным антисемитом, что, естественно, находило полную поддержку у императора. Наконец, не последнюю роль в усилении антисемитской кампании сыграл вел. кн. Сергей Александрович. «Министр внутренних дел Дурново,— рассказывает в своем дневнике Половцов,— говорил мне, что получил от государя приказание об изгнании евреев, мотивированное такими словами: «Мой брат Сергей не хочет ехать в Москву¹⁷⁷, прежде чем она не будет очищена от евреев»¹⁷⁸.

Ровно через месяц после назначения вел. кн. Сергея Александровича 28 марта 1891 г. московским генерал-губернатором по докладу министра внутренних дел был издан закон «О воспрещении евреям ремесленникам, винокурам и пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам переселяться на жительство в Москву и Московскую губернию»¹⁷⁹. По этому закону министру внутренних дел по соглашению с московским генерал-губерна-

¹⁷⁴ См. В. Г. Короленко. Полн. собр. соч., т. IX. Пб., 1914, стр. 257—260.

¹⁷⁵ «Письма Владимира Сергеевича Соловьева», т. II. СПб., 1909, стр. 160.

¹⁷⁶ См. В. Г. Короленко. Полн. собр. соч., т. IX, стр. 217, 260.

¹⁷⁷ Речь идет о назначении вел. кн. Сергея Александровича московским генерал-губернатором.

¹⁷⁸ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 372. Об этом говорит в своем дневнике и московский губернатор кн. В. М. Голицын. 17 марта 1891 г. он пишет: «Вопрос еврейский на первом плане, и, видно, не хотят здесь церемониться» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Голицына, д. 16, л. 170).

¹⁷⁹ ПСЗ, 3 собр., т. XI, № 7581. В одном из всеподданнейших докладов Дурново именует эту меру благотельной (ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп 1, д. 29, л. 1).

тором предлагалось принять меры о постепенном выселении этих категорий евреев. В конце 1892 г., опять-таки по докладу Дурново, был принят второй закон — «О воспреещении евреям отставным нижним чинам, служившим по прежнему рекрутскому уставу, и членам семейств их, приписанным к городам внутренних губерний, проживать в Москве и Московской губернии»¹⁸⁰.

В соответствии с этим законом из Москвы было выселено около 20 тыс. евреев¹⁸¹.

Выселение евреев в черту оседлости не ограничилось только Москвой. 14 января 1893 г. Дурново издал циркуляр губернаторам, в котором отменялось действие распоряжения Министерства внутренних дел от 3 апреля 1880 г.¹⁸², по которому приостанавливалось «впредь до особых распоряжений» выселение евреев из внутренних губерний, «кои окажутся не имеющими права на жительство вне черты оседлости»¹⁸³. Высылаемым евреям предоставлялся для выезда срок не менее четырех месяцев. «Означенный четырехмесячный срок,—говорилось в циркуляре,—может быть продлен, но не далее 1 ноября сего года»¹⁸⁴. Помимо этого Министерство внутренних дел принимало против евреев ряд противозаконных мер, граничащих с самым неприкрытым произволом. Так, в начале 90-х годов распоряжением Министерства внутренних дел было запрещено евреям временно проживать в курортных местностях Черноморского и Балтийского побережья якобы на основании закона 3 мая 1882 г., не разрешавшего евреям селиться в сельских местностях¹⁸⁵. В фонде Департамента полиции имеется ряд дел, озаглавленных «О дозволении евреям пребывать в купальных местах для лечения», в кото-

¹⁸⁰ ПСЗ, 3 собр., т. XII, № 8951.

¹⁸¹ См. «Былое», 1907, кн. 9 «Евреи в Москве по неопубликованным документам», стр. 153—154.

¹⁸² Действие этого циркуляра было подтверждено распоряжением министра внутренних дел от 21 июня 1882 г. за № 1656.

¹⁸³ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, II делопроизводство, оп. 76-а, д. 1334, л. 4.

¹⁸⁴ Там же. Впоследствии циркуляром за № 935 от 25 июня 1894 г. окончательный срок выселения был продлен до 1 июня 1895 г. (там же, д. 1337, л. 1).

¹⁸⁵ Это распоряжение мною не обнаружено, однако косвенное упоминание о нем содержится в делах Департамента полиции (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, II делопроизводство, оп. 76-а, д. 1525, л. 3).

рых, с одной стороны, содержатся просьбы отдельных лиц о предоставлении им права временного проживания на побережье, а с другой — ходатайства владельцев дач о разрешении жительства евреям на взморье. В 1892 г. таврическим губернатором было запрещено евреям приезжать для отдыха в Алушту и другие прибрежные пункты в Крыму. Рижским губернатором было сделано аналогичное распоряжение в отношении Рижского взморья, херсонским — одесского побережья¹⁸⁶.

Несмотря на неоднократные указания Сената о том, что «Временные правила» 1882 г. не запрещают евреям временно проживать в сельских местностях, т. е. на побережье, Министерство внутренних дел не отменило свое распоряжение, а в каждом отдельном случае рассматривало возбужденные по этому поводу ходатайства.

Все это говорило о том, что антисемитские действия правительства в начале 90-х годов получили большое распространение.

* * *

Не ставя своей задачей исследование экономической политики правительства¹⁸⁷, остановимся вкратце на основных вопросах этой проблемы.

Экономическая политика рассматриваемого периода не соответствовала в целом внутриполитическому правительственному курсу, ставившему своей целью не только консервацию существующих феодально-крепостнических пережитков, но и усиление их.

Экономическая политика в своей основе была объективно буржуазной, способствовавшей дальнейшему развитию России по капиталистическому пути. Чем же объяснялась такая противоречивость? Обусловливалось это,

¹⁸⁶ В 1893 г. на имя министра внутренних дел членами управления дуббельнского купального места была дана телеграмма, в которой они просили «распорядиться немедленно о разрешении евреям проживать в течение купального сезона в Дуббелне, иначе нашему местечку грозит страшный голод, сжальтесь и спасите бедных людей» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, II делопроизводство, оп. 76-а, д. 1525, л. 14).

¹⁸⁷ Этот вопрос подробно освещается в книге И. Ф. Гиндина «Государственный банк и экономическая политика царского правительства». М., 1960, и в статье С. Н. Валка «Внутренняя политика царизма в 80-х — начале 90-х годов». — «История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). Часть первая. Материалы для обсуждения», стр. 910—994.

По нашему мнению, тем, что сам ход экономического развития настоятельно требовал принятия определенных мер. Ни Александр III и его ближайшие советники, ни тот или иной министр финансов не могли поступать иначе. Интересы фиска требовали увеличения доходной части бюджета, что в первую очередь достигалось развитием промышленности и торговли, а это определяло протекционистский характер таможенной политики. Рост государственных расходов вызывал, естественно, стремление к увеличению доходов, значительную часть которых составляли прямые налоги. Старая феодальная система обложения не давала и не могла дать в новых экономических условиях каких-либо эффективных результатов, и сумма недоимки из года в год возрастала. Требовался переход к новым буржуазным принципам обложения. Наконец, укрепление оборонной мощи государства требовало развития железнодорожной сети, а также ряда отраслей промышленности. Эти обстоятельства и определяли действия правительства в экономической области, находившиеся порой в полном противоречии с общей направленностью внутренней политики.

Однако вместе с тем было бы неверным представлять себе, что общий характер правительственного курса не оказывал никакого влияния на сферу экономической политики. Это обуславливало известную противоречивость экономических и финансовых мероприятий, некоторые из них были рассчитаны на оказание помощи оскудевавшему дворянству, что никак не соответствовало характеру экономических преобразований и мероприятий.

В начале 80-х годов, в период кризиса самодержавия, Лорис-Меликовым и министром финансов Абазой был намечен ряд реформ экономического характера, осуществленных позднее, в конце 1881 г., их преемниками гр. Игнатьевым и Бунге. 28 декабря 1881 г. был издан закон о введении обязательного выкупа и понижении выкупных платежей¹⁸⁸. В 1883 г. министр финансов Бунге внес в Государственный совет представление о постепенной отмене подушной подати начиная с 1884 г.¹⁸⁹

¹⁸⁸ Подробнее см. в моей книге «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 419—423.

¹⁸⁹ ПСЗ, 3 собр., т. III, № 1582. Окончательно подушная подать была отменена (за исключением Сибири) с 1 января 1887 г. (ПСЗ, 3 собр., т. V, № 2988).

Недобор в бюджете в связи с отменой подушной подати Бунге предполагал компенсировать за счет введения других налогов, взимаемых с различных доходов.

Вместе с тем Бунге делает попытку переложить некоторую часть налогов на имущие классы. Однако осуществить это, даже в тех размерах, как это мыслил Бунге, не удалось. Проект Бунге об обложении крупных торгово-промышленных предприятий соразмерно с получаемым ими доходом был отвергнут Государственным советом в начале 1884 г.¹⁹⁰

Еще в 1882 г. министру финансов удалось провести через Государственный совет закон об обложении пошлиной имуществ, получаемых безвозмездным путем (наследство, пожалование и т. д.). 20 мая 1885 г., опять-таки по представлению министра финансов, был утвержден Александром III закон об обложении пятипроцентным сбором дохода, получаемого с процентных бумаг и банковских вкладов¹⁹¹.

Все эти законы являлись определенным шагом по пути преобразования податной системы на новых буржуазных началах¹⁹².

Вместе с тем значительно возрастают косвенные налоги, акциз на спирт, табак, сахар. С 1881 по 1886 г. питейный сбор возрос с 225 365 тыс. до 236 977 тыс. руб., т. е. на 5%, сборы с акциза на сахар, табак и нефть

¹⁹⁰ ЦГИА, ф. Департамента государственной экономии, 1884 г., д. 177. В конце 1884 г. министр финансов внес новое представление «О дополнительном обложении торговых и промышленных предприятий сборами, процентным и раскладочным», которое было принято Государственным советом и утверждено императором (ПСЗ, 3 собр., т. V, № 2664). По этому закону для акционерных обществ и товариществ устанавливался трехпроцентный налог с чистой прибыли, а для торгово-промышленных предприятий вводился раскладочный сбор, который определялся 0,1% с суммы стоимости производства заводов и фабрик, а для торговых заведений — 15% стоимости гильдейских пошлин. Таким образом, Бунге удалось лишь частично реализовать свое первоначальное предложение.

¹⁹¹ ПСЗ, 3 собр., т. V, № 2961. Этот закон распространял свое действие и на вклады, находившиеся в обществах взаимного кредита.

¹⁹² Однако все эти налоги не могли компенсировать суммы уничтоженной подушной подати. В целях изыскания источников дохода в 1886 г. государственные крестьяне были переведены на выкуп, при этом выкупные платежи составили сумму взимавшихся с них оброчной и подушной подати.

увеличились с 16 465 тыс. до 35 262 тыс. руб.¹⁹³, т. е. более чем на 100%.

Все это должно было компенсировать потерю доходов от понижения выкупных платежей.

За период первой половины 80-х годов значительно повышаются таможенные пошлины в 1882, 1884 и 1885 гг.¹⁹⁴ В результате этого доход от таможенных пошлин возрос с 1881 по 1886 г. с 85 763 тыс. до 112 447 тыс. руб., т. е. более чем на 30%¹⁹⁵. Мера эта носила не только фискальный характер, но, бесспорно, имела большое значение для развития отечественной промышленности.

Правительство предпринимало также шаги, ставившие своей задачей экономическую поддержку помещичьего дворянства. К ним в первую очередь относилось учреждение в 1885 г., в ознаменование столетия Жалованной грамоты дворянству, Дворянского банка¹⁹⁶. Банк учреждался для получения кредита потомственными дворянами путем залога на льготных условиях своих имений на срок до 48 лет и 8 месяцев. Эта мера была принята вопреки желанию Бунге, считавшего, по словам Мещерского, что «дворянство — сословие вымирающее»¹⁹⁷. Вполне естественно, что создание Дворянского

¹⁹³ См. «Министерство финансов (1802—1902)», ч. II. СПб, 1902, стр. 640—642.

¹⁹⁴ В своем представлении в Государственный совет 21 марта 1885 г. «О повышении таможенного тарифа для европейской торговли» Бунге писал: «Меры, принятые Германией и Францией, признанные совершенно необходимыми для ограждения земледелия в сих странах от крайнего упадка хлебных цен, вызванного появлением на европейских рынках громадного предложения хлеба из Америки, Австралии и Индии, налагает на Министерство финансов обязанность сообразоваться с новым положением, в котором оказывается отпускная торговля России» (ЦГИА, ф. Департамента экономики, 1885 г., д. 282, л. 2). В связи с этим Бунге считал, что вывоз хлеба из России уменьшится и поэтому часть тех товаров, которые Россия приобретала за границей, оплачивая деньгами, вырубленными за хлеб, придется приобретать внутри страны или покупать в меньшем объеме, так как в противном случае это отразилось бы на ценности кредитного рубля. Чтобы создать условия для производства этих товаров в России, министр финансов предлагал повысить пошлины на большинство импортируемых товаров до 20%. Это предложение было принято (ПСЗ, 3 собр., т. V, № 3014).

¹⁹⁵ См. «Министерство финансов (1802—1902)», ч. II, стр. 640.

¹⁹⁶ ПСЗ, 3 собр., т. V, № 3016.

¹⁹⁷ В. П. Мещерский. Мои воспоминания, т. III. СПб., 1912, стр. 223.

банка означало отвлечение крупных государственных средств на непроизводительные расходы дворянства. Как правило, ссуды, выдаваемые банком, в буквальном смысле этого слова проедались и пропивались владельцами имений, а отнюдь не расходовались на те или иные нужды для «улучшения хозяйства».

Второй мерой, направленной на поддержание дворянства и носившей чисто благотворительный характер, был закон 15 мая 1883 г., утвержденный Александром III в день своей коронации. По этому закону помещики, не переведшие своих крестьян в разряд собственников до января 1883 г., получали выкупную сумму в размере не 80% капитализированного оброка, как это предусматривалось Положением 19 февраля 1861 г., а 88,5%¹⁹⁸.

Итак, экономическая политика правительства первой половины 80-х годов, в период министерства Бунге, несмотря на свою известную непоследовательность, носила в целом буржуазный характер.

В конце 1886 г. по проискам Победоносцева, Каткова и других деятелей реакции Бунге был уволен с поста министра финансов, а его место занял И. А. Вышнеградский, соединявший в себе ученого с мировым именем, с одной стороны, и крупного банковского дельца сомнительной репутации—с другой¹⁹⁹. Для характеристики взглядов Вышнеградского на задачи, стоящие перед Министерством финансов, представляет интерес его записка, поданная Александру III. «Деятельность нашей финансовой администрации в ближайшем будущем,—писал Вышнеградский,—должна быть направлена главнейшим образом к устранению из нашего бюджета тяготеющего над ним дефицита»²⁰⁰. Добиться этого, по его мнению, следует главным образом не путем сокращения расходов, к чему «должно относиться с крайней осторожностью»²⁰¹, не увеличением прямых на-

¹⁹⁸ ПСЗ, 3 собр., т. III, № 1584. Подробнее см. мою книгу «Отмена крепостного права в России», изд. 3, стр. 315.

¹⁹⁹ По данным Т. И. Филиппова, к моменту назначения Вышнеградского министром его состояние равнялось 1 млн., а в 1892 г. оно составляло уже 2 млн. руб. (см. комментарии Р. Ш. Ганелина и Б. В. Ананича к I тому «Воспоминаний С. Ю. Витте». М., 1960, стр. 541).

²⁰⁰ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 572, л. 1.

²⁰¹ Там же.

логов, «могущих обременить народонаселение, и уменьшить его производительные силы, а следовательно, и его платежную способность»²⁰², а введением питейной и табачной монополий, а также правильной организацией тарифов на железных дорогах. Первая из этих мер, по мнению Вышнеградского, должна принести не менее 60 млн. руб. дохода, вторая — увеличить государственный доход на 40 млн. руб. Правильная организация тарифного дела на железных дорогах предполагала также значительное увеличение доходности. «С помощью трех вышеизложенных мер можно было бы увеличить доходы государства на сумму до 120 миллионов рублей, а такое приращение доходов не только бы восстановило равновесие в бюджете, но и доставило некоторый избыток доходов над расходами»²⁰³.

Наряду с этим Вышнеградский считал необходимым «решительным образом вступить на путь покровительственной политики отечественной промышленности»²⁰⁴. С этой целью он полагал «систематически пересматривать весь наш таможенный тариф в покровительственном смысле»²⁰⁵.

Анализируя эту записку, мы видим, что, за исключением введения монополий, все остальные рекомендованные Вышнеградским меры являлись по существу продолжением политики Бунге.

Практическая же деятельность нового министра выросла прежде всего в росте косвенных налогов: питейного, табачного, сахарного, нефтяного. За период с 1887 по 1892 г. доходы с питейного налога возросли на 11 млн. руб. — с 257 624 тыс. до 269 млн. руб.²⁰⁶ Поступления же с табачного, сахарного, нефтяного налогов возросли на 80% — с 47 255 тыс. до 75 274 тыс. руб.²⁰⁷

На протяжении всей второй половины 80-х и начала 90-х годов наблюдается непрерывное повышение таможенных тарифов. В 1887 г. были введены покровительственные пошлины на чугун, железо, сталь, нитки и другие изделия, что привело к резкому сокращению ввоза

²⁰² Там же, л. 1—2.

²⁰³ Там же, л. 5—6.

²⁰⁴ Там же, л. 6.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ См. «Министерство финансов (1802—1902)», ч. II, стр. 640.

²⁰⁷ См. там же.

этих товаров. В 1889 и 1890 гг. были проведены повышения пошлин на ввозимые товары, в большинстве своем до 20%. Наконец, с 1891 г. был введен новый таможенный тариф. В своем представлении в Государственный совет «Об общем пересмотре таможенного тарифа» Вышнеградский указывал, что это необходимо «в видах согласования как его отдельных частей [...] так и всей совокупности тарифа с современными условиями нашей промышленности, дабы даровать надлежащее равномерное покровительство всем ее отраслям»²⁰⁸.

Все эти меры, с одной стороны, способствовали развитию отечественной промышленности, а с другой — увеличивали сумму таможенных сборов. Несмотря на уменьшение ввоза, доходность по этой статье увеличилась с 1887 по 1892 г. со 107 427 тыс. до 130 552 тыс. руб.²⁰⁹ По некоторым видам изделий таможенные пошлины по сравнению с концом 60-х годов увеличились в 8—10 раз. Так, сбор с пуда чугуна вместо 5 коп. достиг 45—52 коп., сбор с машин — с 30 коп. до 2 р. 54 к.²¹⁰

Уменьшение импорта из-за границы различных изделий и товаров приводит к значительному усилению импорта иностранных капиталов, что, естественно, создавало дополнительные условия развития российской промышленности. За 12 лет, с 1881 по 1892 г., сумма иностранных капиталов в акционерных обществах увеличилась на 138 млн., в то время как за предыдущие 20 лет рост их составил 88 млн.²¹¹

Предположения Вышнеградского о введении питейной и табачной монополий не оправдались, вследствие чего для увеличения доходности бюджета помимо роста косвенных налогов он пошел по пути взыскания лежащих на крестьянстве недоимок по выкупным платежам и отмененной подушной подати. Эти недоимки взымались самым решительным образом, буквально «выколачивались» из неплательщиков, не принимая при этом вовсе во внимание их экономическое положение.

В целях дальнейшего увеличения доходной части

²⁰⁸ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1891 г., д. 225, ч. 1, л. 3. См. ПСЗ, 3 собр., т. XI, № 7811. Одним из творцов этого таможенного тарифа был Д. И. Менделеев.

²⁰⁹ См. «Министерство финансов (1802—1902)», ч. II, стр. 640.

²¹⁰ См. С. И. Валк. Указ. статья, стр. 987.

²¹¹ См. И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 65.

бюджета Вышнеградский производит конвертирование иностранных займов на сумму около 2 млрд. руб., причем понижается норма процента с 5 до 4²¹². Это создавало определенную экономию на уплате процентов. Увеличились также доходы от займов со 131 793 тыс. руб. в 1887 г. до 165 777 тыс. руб. в 1892 г.²¹³

Установление государственного контроля за финансовой деятельностью железных дорог, упорядочение тарифов и, наконец, переход к строительству железных дорог казенным путем, а также в казну ряда железнодорожных линий — все это способствовало как улучшению железнодорожного хозяйства, так и повышению доходности. Если в 1887 г. железные дороги приносили доход 53,4 тыс. руб., то в 1892 г. — 111 100 тыс. руб.²¹⁴, т. е. доходность увеличилась более чем на 100%. Вместе с тем значительно увеличилась и железнодорожная сеть — с 21 228 верст в 1881 г. до 31 219 верст в 1892 г.²¹⁵, что составляло рост на 47%.

Эти меры дали возможность правительству не только полностью ликвидировать дефицит бюджета, но и создать необходимые резервы для перехода в дальнейшем к золотому обращению.

Вышнеградскому, так же как и Бунге, приходилось отдавать дань продворянской политике правительства. В 1889 г. Комитет финансов, признавая «помощь дворянству необходимой», принял решение о понижении уплачиваемых дворянами процентов по ссудам Дворянского банка до 4½, а также о предоставлении им ряда дополнительных льгот²¹⁶.

В 1892 г. вместо заболевшего Вышнеградского мини-

²¹² См. А. Л. Сидоров. Конверсия внешних займов России в 1888—1890 гг. — «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 118—129.

²¹³ См. «Министерство финансов (1802—1902)», ч. II, стр. 640.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ См. С. И. Валк. Указ. статья, стр. 989.

²¹⁶ 12 октября 1889 г. это решение было утверждено Александром III. Подобная мера была не единственной. Так, в январе 1888 г. в Государственном совете рассматривалось представление министра финансов «Об облегчении порядка досрочного погашения ссуд, выдававшихся „Обществом взаимного поземельного кредита“». Цель этого законопроекта заключалась в облегчении помещикам выкупа заложенных ими имений. Представление это было одобрено Государственным советом и утверждено императором (ЦГИА, ф. Департамента государственной экономии, 1888 г., д. 45; ПСЗ, 3 собр., т. VIII, № 5055).

стром финансов назначается С. Ю. Витте. Витте был человеком большого ума и таланта, стоявший неизмеримо выше всех своих коллег. Именно он явился вдохновителем того политического курса, который в начале XX в. предполагал дальнейшее развитие российского самодержавия по пути превращения его в монархию буржуазного типа. Следует сказать, что взгляды Витте на экономическое развитие России в рассматриваемый нами период не отличались еще цельностью. Он в это время был сторонником сохранения крестьянской общины²¹⁷.

При всех своих огромных способностях Витте был человеком весьма сомнительных нравственных принципов, не гнушавшимся пользоваться поддержкой и дружбой Мещерского²¹⁸, а впоследствии, на закате своей карьеры, и Распутина²¹⁹. «В смысле честности, добросовестности не внушает никакого доверия»²²⁰, — замечает о Витте Половцов, отмечая одновременно с этим его ум. В своей служебной деятельности Витте не брезговал общением с различного рода авантюристами и жуликами, каким, например, был вор Кривошеин, назначенный с его помощью министром путей сообщения²²¹. По-видимому, с помощью Мещерского Витте удалось сблизиться с Вышнеградским и приобрести его поддержку. Именно по протекции Вышнеградского Витте назначается в 1889 г. директором Департамента железнодорожных дел Министерства финансов²²².

В начале 1892 г., опять-таки при помощи своего друга Вышнеградского, Витте назначается министром путей сообщения. Отношение же Витте к «своему другу» было иным. Не успев быть назначенным еще только директором Департамента, он уже начинает интриговать против Вышнеградского²²³. Не успел Вышнеградский

²¹⁷ См. стр. 77.

²¹⁸ См. стр. 203.

²¹⁹ См. комментарии Р. Ш. Ганелина и Б. В. Ананича к I тому «Воспоминаний С. Ю. Витте», стр. 536—537.

²²⁰ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 424.

²²¹ См. указ. комментарии Р. Ш. Ганелина и Б. В. Ананича, стр. 540—541.

²²² Как говорит Половцов, Витте был «возлюбленным соумышленником Вышнеградского в железнодорожном вопросе» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 400).

²²³ См. А. В. Богданович. Три последних самодержца, стр. 102.

почувствовать себя плохо, как Витте спешит сообщить Александру III о психическом заболевании министра финансов, а затем вскоре, в период его болезни, садится на его место, возглавив Министерство финансов²²⁴.

Политика Витте не отличалась от политики Вышнеградского. Собственно, он продолжал его курс, особенно в области покровительства национальной промышленности.

Итак, экономическая политика правительства при всех трех министрах финансов была по существу единой, отличаясь лишь в деталях. В основе ее лежала забота о повышении доходности бюджета путем роста косвенных налогов и всемерной поддержки собственной промышленности.

Все это не могло не принести своих результатов. Протекционистская политика способствовала быстрому росту промышленности, особенно тяжелой. Так, с 1886 по 1892 г. продукция металлургии удвоилась²²⁵. Если в 1880 г. потребность в металле удовлетворялась отечественным производством в размере 43%, то в 1892 г. этот процент составлял 79,6²²⁶.

Финансовая политика правительства в известной мере способствовала мощному экономическому подъему второй половины 90-х годов. Вместе с тем политика Вышнеградского, направленная на пополнение государственного сундука, дала возможность Витте осуществить реформу — перейти к золотому обращению.

²²⁴ Об этом подробно рассказывает сам Витте, естественно в определенном освещении (см. «Воспоминания С. Ю. Витте», т. I, стр. 276—297).

²²⁵ См. *И. Ф. Гиндин*. Указ, соч., стр. 53.

²²⁶ См. *И. Гливиц*. Железная промышленность России. СПб., 1911. Приложение, стр. 41, табл. 27.

ГЛАВА III

МИНИСТЕРСТВО ТОЛСТОГО — ДУРНОВО

«В день веселый мая», как саркастически писал П. А. Валуев, на пост министра внутренних дел вместо «прогонявшегося со двора» гр. И. П. Игнатьева был назначен гр. Д. А. Толстой.

Первоначально на этот пост предназначался М. Н. Островский. Еще 15 мая, когда вопрос об отставке Игнатьева окончательно решен не был, Александр III писал Победоносцеву: «Я думаю, что единственный человек в настоящую минуту, который мог бы заменить Игнатьева,— это Островский, и в таком случае я полагал бы отделить от Министерства внутренних дел Департамент государственной полиции и всю жандармскую часть. Я полагаю, что на этих условиях Островский согласится принять министерство»¹.

Однако этот вопрос вскоре отпал, и возникла кандидатура Толстого. Мы не располагаем какими-либо прямыми свидетельствами о том, кто назвал кандидатуру человека, не находившегося на виду, но можно предположить, что и здесь не обошлось без обер-прокурора Синода. Основанием для этого служит тот факт, что переговоры с Толстым вел Победоносцев, а это в свою

¹ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом I, 1923, стр. 241. Можно высказать предположение, что мысль об отделении Департамента полиции и корпуса жандармов от Министерства внутренних дел исходила из придворных кругов, в частности от Черевина, который выступал с аналогичным предложением в конце 1881 г. (см. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 398—400).

очередь говорит о том, что он более чем положительно относился к этой кандидатуре². В письме к императору, датированном 28 мая 1882 г., он говорит: «Сегодня утром я исполнил приказание Вашего императорского величества: был у Толстого и объяснялся с ним. Я объяснил ему решительное намерение Вашего величества,— продолжал Победоносцев,— отделить управление Министерством внутренних дел от заведования государственной полицией. При этих условиях граф Толстой готов исполнить волю Вашу, готов, как я мог заметить, с охотой и усердием». И тут же в заключение хвалит Толстого: «Граф Толстой человек с основательным образованием и знаком близко со многими капитальными вопросами...»³

Итак, первоначально Толстой, по словам Победоносцева, согласился принять пост министра только при условии, если Департамент государственной полиции будет выделен из Министерства внутренних дел. Однако вскоре он согласился быть не только министром внутренних дел, но и шефом жандармов⁴.

Назначение Толстого, этого, если можно так выразиться, синонима реакции, было встречено в либеральных кругах резко отрицательно, в реакционных — с восторгом. «Назначение графа Толстого,— писал Катков в передовой «Московских ведомостей»,— знаменательно и

² См. «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. I, стр. 386.

³ Там же. То, что в письме к императору Победоносцев изображал свои переговоры с Толстым как выполнение «высочайшего» приказа, ни о чем не говорит. Наоборот, Победоносцев нередко внушал Александру III ту или иную мысль, а затем, реализовавши ее, придавал этому форму выполнения царского приказа. Так было с манифестом 29 апреля 1881 г. (см. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», гл. IV). О роли Победоносцева в деле назначения Толстого говорит и Катков. В письме к обер-прокурору Синода от 27 ноября 1883 г. он, касаясь обсуждения проекта университетского устава, писал: «...неужели Вы возвратитесь к Вашему прежнему взгляду на графа Толстого, который занимает, *не без Вашего содействия* (подчеркнуто мною.— П. З.), первенствующий пост в правительстве» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, картон 4392, д. 21, л. 5).

⁴ 25 июня 1882 г. была образована специальная должность третьего товарища министра, который являлся командиром Отдельного жандармского корпуса. Ему же непосредственно подчинялся Департамент государственной полиции, московский и варшавский обер-полицеймейстеры (с.-петербургский градоначальник подчинялся непосредственно министру внутренних дел).

важно еще как для всех очевидное выражение живой самодержавной воли. Имя графа Толстого само по себе уже есть манифест и программа. Им яснее, чем целым рядом мер, определяется путь правительства»⁵.

Характеризуя настроения провинциальной интеллигенции в связи с назначением Толстого, профессор А. А. Кизеветтер в своих воспоминаниях писал: «Я был гимназистом 6 класса Оренбургской гимназии. Стоял теплый майский вечер. Городской бульвар на крутом берегу реки Урал был полон гуляющих. Вдруг по бульвару распространилась весть о только что полученной телеграмме, гласившей о назначении Толстого министром внутренних дел [...] Публика, бывшая на бульваре, сразу разбилась на кучки. Я видел всюду нахмуренные лица, и со всех сторон слышалась одна и та же фраза: «Толстой — это реакция» [...] Я видел, как пожилые, седовласые люди, покачивая головами, поплелись по домам»⁶.

Говоря о Толстом, один из реакционных публицистов и к тому же чиновник, К. Ф. Головин, писал: «Это был прежде всего человек с железной волей [...] К этому несомненному качеству, недостаточному, впрочем, для настоящего государственного человека, присоединялись у него два крупных недостатка. Он принципиально не доверял почти никому и лишен был того внутреннего подъема, который один способен внушить и поддерживать плодотворную мысль. Броня предвзятого недоверия его охраняла от чужого влияния [...] «Системы» вне области школы у Дмитрия Андреевича, собственно, не было никакой. Ненависть к выборным должностям, предположение, будто бы виц-мундир обеспечивает пригодность и благонамеренность чиновника, — вот чем исчерпывалась его убогая система»⁷.

Заняв пост министра, Толстой, несмотря на определенность своих политических взглядов, не имел какой-либо позитивной программы действий, точнее, он прекрасно понимал, что ему нужно, но не знал, как этого достичь. Даже столь ясный для Толстого вопрос о лик-

⁵ «Московские ведомости», 3 июня 1882 г.

⁶ См. А. А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881—1914), стр. 125.

⁷ К. Головин. Мои воспоминания, кн. II (1881—1889) СПб., 1910, стр. 52.

видации ненавистой ему Кахановской комиссии был поставлен им только в 1885 г. Нельзя забывать, что страх перед террористами еще не прошел. В первые годы своего министерства, как уже говорилось выше, Толстой очень боялся того, что он будет убит революционерами. Об этом он прямо писал Победоносцеву 18 декабря 1883 г.: «Теперь эти мерзавцы замышляют убить меня. Конечно, мои приближенные принимают все меры предосторожности, но так как за успех ручаться нельзя, когда имеешь дело с подобными разбойниками, то мне кажется, что на случай несчастья со мной следовало бы подумать теперь же о лице, которое могло бы заместить меня»⁸. К тому же наблюдается некоторый рост крестьянских волнений. Только с 1885 г. начинается более или менее активная деятельность министерства, связанная с началом разработки проектов реформ местного управления, т. е. контрреформ.

Остановимся на характеристике ближайших помощников Толстого. Товарищами министра были И. Н. Дурново, с 1889 г. В. К. Плеве и по Департаменту полиции генерал Оржевский.

Иван Николаевич Дурново, ближайший помощник министра, а затем и его преемник, был человеком неумным, недостаточно образованным и к тому же не имевшим каких-либо определенных убеждений и взглядов. Е. М. Феоктистов, относившийся к Дурново, судя по его воспоминаниям, весьма благожелательно, высоко ценя его «человеческие качества», характеризует все же Ивана Николаевича как представителя власти далеко не положительно. «Ярких способностей государственного человека,— пишет Феоктистов,— он не обнаруживал, образование его было незавидное. Я сомневаюсь даже, случалось ли ему когда-нибудь прочесть серьезную книгу. Не отличался он сколько-нибудь самостоятельными взглядами и идеями...»⁹

⁸ «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом I, стр. 326. Нам представляется, что эти слухи если и не фабриковались в ведомстве генерала Оржевского, то во всяком случае сильно раздувались.

⁹ Воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 205. Примерно так же, даже более резко, отзывается в своем дневнике об умственных способностях Дурново и А. А. Половцов (См. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II).

«Он вносит в привычки министерства,— рассказывает о нем К. Ф. Головин,— тон и приемы хлебосольного предводителя (дворянства.— П. З.), готового всем наобещать с три короба и не сдержать ничего из обещанного»¹⁰.

Человек хитрый, привыкший всегда лавировать, Дурново был «душою общества», обольщая всех, а особенно дам, своим тактом и показной доброжелательностью.

В отличие от Дурново В. К. Плеве был человеком больших способностей и трудолюбия. Юрист по образованию и судебный деятель по профессии, он в 1881 г. был прокурором С.-Петербургской судебной палаты. Плеве отнюдь не принадлежал к славной плеяде русских судебных деятелей типа А. Ф. Кони, наоборот, он был антиподом их. Его карьера была связана с министром юстиции гр. К. И. Паленом, стремившимся, елико возможно, свести на нет значение судебных уставов 1864 г. Пален выдвигал на судебные должности беспринципных карьеристов, выполнявших беспрекословно его волю. В 1881 г., после убийства Александра II, Плеве по рекомендации гр. Лорис-Меликова назначается директором Департамента полиции. Рекомендуя его на этот пост, Лорис-Меликов писал Александру III: «Служебные и нравственные качества г. Плеве служат достаточным ручательством, что и в новую сферу деятельности он внесет ту же энергию и разумное отношение к делу, какими постоянно отличалось его служение по ведомству судебному»¹¹. Действительно, став директором Департамента государственной полиции, Плеве проявил огромную энергию. Он явился одним из инициаторов закона 14 августа 1881 г. «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия».

Система полицейских провокаций, организованная подполковником Судейкиным и получившая наименование дегаевщины, была также связана, а возможно, и инспирирована Плеве. Ум, энергия и деловые качества Плеве, его лошадиная работоспособность весьма поло-

¹⁰ К. Головин. Мои воспоминания, т. II, стр. 148.

¹¹ Цит. по моей книге «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 341—342.

жительно оценивались современниками¹². Но вместе с тем это был человек крайнего честолюбия, типичный чиновник, лишенный твердых взглядов и убеждений. Даже Александр III, не отличавшийся особой проницательностью, как-то раз в ответ Толстому, отзывавшемуся весьма положительно об «отличных убеждениях» Плеве, заметил ему на это: «Да, у него отличные убеждения [...] пока Вы тут, а когда не будет Вас, то и убеждения у него будут другие»¹³.

Третий товарищ министра — директор Департамента полиции жандармский генерал Оржевский — был, как утверждает Феоктистов, «бесспорно, человек умный, с твердым характером, в высшей степени честолюбивый, желчный и завистливый»¹⁴. По-видимому, на фоне умственного уровня других жандармов он выглядел далеко не последним. Помимо качеств, характеризующих Феоктистовым (с оценкой которых, пожалуй, можно согласиться), Оржевский был еще и интриганом. Как уже говорилось выше, он всячески пытался запугивать Толстого опасностью террористов и, используя это, взять его в свои руки. Управляющий Морским министерством И. А. Шестаков заносит в свой дневник: «Оржевский уходит, говорят, вследствие непримиримости с Грессером (петербургским градоначальником. — П. З.) [...] Оржевский просто кричит, что Толстой не посмеет с ним расстаться, потому что получает от него ежемесячно 2 тысячи рублей на свою охрану из 60-ти, отпускаемых на секретную полицию»¹⁵.

Таковы были достойные помощники министра внутренних дел на ниве политической реакции.

* * *

Управление Российской империей в административно-полицейском отношении в значительной мере определялось Положением 14 августа 1881 г. «О мерах к

¹² См. «Дневник московского губернатора кн. Голицына». Отдел рукописей ГБЛ, ф. Голицына, д. 16, стр. 604; воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 229.

¹³ Воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 229—230.

¹⁴ Там же, стр. 226.

¹⁵ ЦГАВМФ, ф. Шестакова, д. 7, л. 28.

охранению государственной безопасности и общественного спокойствия»¹⁶. Срок действия этого Положения устанавливался в три года, вследствие чего министр внутренних дел регулярно через каждые три года¹⁷ вносил в Комитет министров представление о продлении его действия «в виде временной меры еще на одно трехлетие». Комитет министров безоговорочно удовлетворял эти ходатайства¹⁸.

Вместе с тем вносились изменения и в отдельные статьи этого Положения. Наиболее существенные из них касались ст. 32. 21 июня 1883 г. в Комитете министров рассматривалось представление гр. Толстого по поводу неправильной, с его точки зрения, трактовки Сенатом ст. 32. По мнению Сената, эта статья предоставляла право административной высылки только лиц, политически неблагонадежных, а не просто вредных, по отношению к которым необходимо было руководствоваться общим законодательством¹⁹. По мнению Толстого, к «категории лиц, вредных для государственного порядка и общественного спокойствия, в равной мере как лица, принадлежащие к противозаконным сообществам, должны быть [...] причисляемы также и зачинщики студенческих сходов, беспорядков и стачек фабричных рабочих»²⁰.

Толстой в своем представлении прямо указывал, что расправа с подобного рода категориями нарушителей «государственного спокойствия» крайне затруднительна. «Так,— писал он,— подстрекательство крестьян к захвату помещичьих земель путем уверений в возможности изменить существующие земельные отношения в редких лишь случаях может быть предметом судебного рассмотрения»²¹.

¹⁶ Подробный разбор указанного закона см. в моей книге «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 400—410.

¹⁷ В 1884, 1887, 1890 и 1893 гг.

¹⁸ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4394, ст. 588; д. 4592, ст. 490; д. 4786, ст. 483; д. 4994, ст. 409.

¹⁹ Текст указанной статьи касался административной ссылки в его общей форме. В ней не указывалось, какие категории лиц могут подвергаться ссылке, хотя по смыслу самого Положения это должно было относиться только к лицам, политически неблагонадежным.

²⁰ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4314, ст. 425, л. 308—309

²¹ Там же, ст. 485, л. 305.

Комитет министров согласился с представлением министра внутренних дел, изменив формулировку ст. 32, по которой административной высылке подлежало любое лицо, «признаваемое вредным для государственного порядка и общественного спокойствия»²². Вполне естественно, что новая редакция ст. 32 значительно расширила возможности административного произвола. Понятие «вредного для государственного порядка и общественного спокойствия» лица было настолько широко, что к этой категории можно было относить всех, кто был неугоден местным властям.

Решение об административной ссылке принималось создаваемым, согласно ст. 34 Положения 14 августа 1881 г., Особым совещанием, состоящим из пяти человек: председателя — товарища министра внутренних дел и четырех чиновников — двух от Министерства внутренних дел и двух от Министерства юстиции. Решения Особого совещания утверждались министром внутренних дел.

Условия пребывания в административной ссылке определялись Положением о полицейском надзоре, изданном 12 марта 1883 г.²³ По этому Положению административно-ссылные не имели права находиться на государственной службе, вести педагогическую работу и вообще заниматься какой бы то ни было публичной деятельностью. Получаемая ими корреспонденция могла просматриваться местными властями. Выдача разрешений на кратковременный выезд из места ссылки в пределах губернии зависела от губернатора, в пределах уезда — от исправника, а вопрос о выезде из пределов губернии разрешался министром внутренних дел.

В изучаемый нами период на положении усиленной охраны до 1889 г. находилось десять губерний:

²² Там же. По-видимому, представление об изменении ст. 32 должно было лишь юридически узаконить существующий порядок вещей. В указанном выше представлении гр. Толстого в числе административно-высланных фигурировали не только политически неблагонадежные. Так, по этим данным, за период с октября 1881 по 1 мая 1883 г. было административно выслано 104 человека, из них: политически неблагонадежных — 32, за подстрекательство крестьян к беспорядкам — 25, казнокрадов, притондержателей, ябед — 43, подстрекателей бывших униатов к отпадению от православия — 4 (там же, л. 315—316).

²³ ПСЗ, 3 собр., т. III. № 730

С.-Петербургская, Московская, Харьковская, Киевская, Черниговская, Волынская, Полтавская, Подольская, Херсонская, Бессарабия, а также пять уездов Таврической губернии. Помимо этого Положение усиленной охраны распространялось на отдельные города и уезды (Саратов, Керчь, Севастополь, с.-петербургское и одесское градоначальство, Кронштадтское и Николаевское военные губернаторства и ряд населенных пунктов Области Войска Донского), а действие статей 28—31²⁴ Положения 14 августа 1881 г. распространялось на всю империю.

В 1889 г. Положение усиленной охраны было отменено в Черниговской и Полтавской губерниях, пяти уездах Таврической губернии, в городах Саратове, Керчи и Севастополе, в 1890 г. — в Херсонской и Бессарабской губерниях. Таким образом, к концу изучаемого периода, к 1895 г., Положение усиленной охраны распространялось на шесть губерний²⁵. Города Таганрог, Нахичевань, с.-петербургское и одесское градоначальства, Николаевское и Кронштадтское военные губернаторства и несколько станиц Области Войска Донского. В 1894 г. были объявлены на положении усиленной охраны Сырдарьинская область и несколько уездов Ферганской области (Ташкентский, Чимкентский и Аулиэтский)²⁶.

Нижний Новгород с прилегающими уездами объявлялся на положении усиленной охраны ежегодно начиная с 1883 г. на время функционирования ярмарки.

Ежегодно Комитет министров рассматривал представление министра внутренних дел о продлении срока усиленной охраны для той или иной местности и беспрекословно утверждал представление. Иногда местная администрация — генерал-губернаторы — возбуждала перед Комитетом министров вопрос об объявлении тех или иных районов страны на положении усиленной

²⁴ Эти статьи предусматривали проведение ряда административных мер: право подвергать обыскам и предварительному аресту лиц, подозреваемых в политических преступлениях; право утверждения лиц, служащих в земских и городских органах общественного управления, и т. д.

²⁵ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 5060, ст. 396.

²⁶ Там же, ст. 1.

охраны. Однако не всегда это удавалось²⁷. Надо сказать, что генерал-губернаторы и губернаторы в условиях объявления подведомственной им территории на положении усиленной охраны получали значительно большие возможности для административных действий. Порой же, прикрываясь этим Положением, они творили буквально незаконные дела, которые вызвали осуждение министра внутренних дел. Одесский генерал-губернатор, руководствуясь Положением 14 августа 1881 г., издал летом 1888 г. обязательное постановление о введении в одесской городской больнице нового устава и возложении расходов на содержание как больницы, так и врачебного инспектора на городское общественное управление.

Министр внутренних дел представил по этому поводу всеподданнейший доклад, в котором указывал, что «означенным обязательным постановлением генерал-губернатор не только отменил действующий закон, но и установил вместе с тем правила, несогласные с Городовым положением»²⁸. Министр просил «высочайшего» указания об отмене изданного одесским генерал-губернатором обязательного постановления.

Однако Александр III реагировал на это иначе. «Распоряжение генерал-губернатора, конечно, неправильно, — писал в резолюции на докладе Толстого император, — но ему ничего не оставалось делать другого, так как Городская дума не слушалась никого и слишком «зазналась»»²⁹. В связи с этим он предлагал указанное постановление одесского генерал-губернатора «до времени оставить в силе»³⁰. Вместе с тем министру внутренних дел было предложено войти в Комитет министров «с представлением о преподании генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам местностей,

²⁷ Нам известны два случая, когда эти ходатайства не были удовлетворены. Так, в 1885 г. временный одесский генерал-губернатор генерал Рооп просил ввести положение усиленной охраны на территории всего генерал-губернаторства; в 1892 г. киевский генерал-губернатор возбудил вопрос об объявлении на положении усиленной охраны ряда местностей Черниговской губернии. Оба ходатайства были отклонены Комитетом министров (ЦГИА. ф. Комитета министров, д. 4461, ст. 643; д. 4922, ст. 439).

²⁸ Там же, д. 4714, ст. 161, л. 21.

²⁹ Там же, л. 22—23.

³⁰ Там же, л. 23.

объявленных в положении усиленной охраны, общих руководящих указаний относительно пределов их прав по изданию обязательных постановлений»³¹. Комитет министров, рассматривая этот вопрос в феврале—марте 1889 г., принял решение, что обязательные постановления, издающиеся на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», могут касаться «исключительно только предметов, относящихся к предупреждению и пресечению нарушения общественного порядка и государственной безопасности»³². Однако столь либеральное отношение главы государства к нарушению его собственных законов не могло способствовать уменьшению административного произвола.

* * *

Обратимся к характеристике жандармско-полицейских органов и их деятельности.

Департамент государственной полиции был образован в конце 1880 г. в результате объединения III отделения С. е. и. в. канцелярии и Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел. Структура его была определена на основе всеподданнейшего доклада гр. Лорис-Меликова 10 ноября 1880 г.³³ Департамент состоял из трех делопроизводств: распорядительного, законодательного и секретного. Кроме того, в Министерстве внутренних дел создавался специальный судебный отдел вместо упраздненной юрисконсультской части III отделения, основная функция которого заключалась в наблюдении за производством дел «о государственных преступлениях». В конце 1881 г. Судебный отдел был присоединен к Департаменту полиции, а в феврале 1883 г. окончательно слит с ним. В том же году Департамент государственной полиции был переименован в Департамент полиции.

В начале 1883 г. Департамент полиции состоял уже из пяти делопроизводств³⁴. I (распорядительное) веда-

³¹ Там же.

³² Там же, л. 51.

³³ См. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 244—247.

³⁴ Все данные о структуре и функциях Департамента полиции сообщаются нами на основе «Исторического очерка организации и

ло личным составом Департамента (назначения, награды, увольнения, предание суду как служащих Департамента, так и чинов Министерства внутренних дел, составление финансовых смет, выдача пособий и т. д.)³⁰. II делопроизводство (законодательное) занималось «организацией полицейских учреждений во всех местностях империи» (штаты, правила, инструкции, наблюдение за правильным течением дел «в полицейских местах»), вопросами учреждения монастырей, духовных обществ, мерами «по предупреждению и пресечению явного соблазна, разврата в поведении и по прекращению пьянства и нищенства», наблюдением за трактирами и питейными заведениями, составлением узаконений и правил о паспортах и соблюдением паспортного режима, в частности иностранцами (и общем присмотре за ними). II делопроизводство занималось также вопросами по разработке мер «к урегулированию отношений между рабочими и фабрикантами, заводчиками и нанимателями» и, наконец, наблюдением за статьями, «появляющимися в печати, по разным предметам, относящимся к ведению департамента». Таким образом, функции II делопроизводства были весьма обширны, начиная от наблюдения за монастырями, трактирами и публичными домами и кончая разработкой мер, должествующих обеспечить социальный мир между фабрикантами и рабочими.

К функциям III делопроизводства относились «предметы высшей полиции и делопроизводство по особой

деятельности Департамента полиции (материалы к обзору деятельности Министерства внутренних дел с 1802 по 1902 г.)» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 302, д. 707).

³⁵ Эти пособия выдавались из так называемой шефской суммы, расходы которой не подлежали учету и контролю. Пособия выдавались различным категориям лиц, начиная от вдов чиновников и кончая престарелыми и увечными рабочими (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, I делопроизводство, оп. 14, д. III за 1894 г.). Выдача этих пособий носила демагогический характер и перешла к Департаменту полиции от III отделения, которое, как известно, наряду с политическим сыском должно было «призывать сирых и вдов». Общая сумма выдаваемых пособий, по данным за 1891 г., была от 720 до 1200 руб. в месяц (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, I делопроизводство, оп. 11, д. 2 за 1891 г.). Размер пособий, подразделявшийся на постоянные и единовременные, составлял обычно от 5 до 25 руб., достигая в отдельных случаях 50 руб.

переписке директора Департамента»; в частности, оно ведало наблюдением за политическими заключенными, находящимися в петербургской Петропавловской крепости, за благонадежностью лиц, открывающих школы, мастерские, желающих издавать газеты и журналы или поступающих на государственную службу, за выдачей заграничных паспортов. III делопроизводство должно было собирать негласные сведения о всякого рода происшествиях, «останавливающих на себе внимание правительства», вести переписку по «доносам и заявлениям частных лиц, по преступлениям общеуголовного характера и другим предметам» и, наконец, организовывать розыск преступников.

IV судебное делопроизводство ведало производством дел Особого совещания, созданного согласно ст. 34 Положения 14 августа 1881 г., а также надзором за производством дознаний по делам о государственных преступлениях и исследований по «делам о политической неблагонадежности».

Согласно данным Департамента полиции за период с 1881 по 1894 г. включительно, было рассмотрено Особым совещанием 4295 дел и сослано в административную ссылку 5397 человек³⁶.

Приведем более подробные данные о ссыльных, сообщенные в «Историческом очерке организации и деятельности Департамента полиции»³⁷.

Анализируя эту ведомость, мы видим, что основная масса административно-ссыльных принадлежала к лицам, политически неблагонадежным, которые составляли около 50% общего числа сосланных. Число участников фабричных и аграрных беспорядков, которых, мы полагаем, нужно отнести также к политическим, составляет 532 человека. Следовательно, все эти первые категории образуют 3082 человека.

Наконец, V делопроизводство (исполнительное) занималось приведением «в исполнение состоявшихся решений по делам о государственных преступлениях и по

³⁶ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 302, д. 707, л. 158—159.

³⁷ См. «Ведомость о делах, разрешенных в период времени с 1881 по 1894 год включительно в порядке ст. 34 Положения 14 августа 1881 г.», на стр. 161.

Ведомость³⁸
о делах, разрешенных в период времени с 1881 по 1894 г. включительно
в порядке ст. 34 Положения 14 августа 1881 г.

Год	Число			Политически неблагонадежные		Фабричные беспорядки		Аграрные беспорядки		Сектантов		Порочное поведение	
	засе- даний	дел	лиц	дел	лиц	дел	лиц	дел	лиц	дел	лиц	дел	лиц
1881	11	615	615	467	467	18	18	31	31	4	4	95	95
1882	20	1 840	1 841	743	743	51	52	101	101	10	10	935	935
1883	8	338	394	271	273	2	10	13	38	3	3	49	70
1884	8	436	486	287	313	—	—	11	21	4	7	134	145
1885	5	89	121	50	57	1	2	8	28	4	4	26	30
1886	6	136	184	58	69	4	4	3	3	9	36	62	72
1887	6	121	196	62	81	1	19	12	19	7	34	39	43
1888	5	98	170	56	102	—	—	12	21	7	9	23	38
1889	4	52	160	30	37	3	37	4	7	4	28	11	51
1890	6	111	247	35	109	2	3	19	43	17	34	41	58
1891	7	112	200	41	86	1	1	7	11	28	59	35	43
1892	4	112	221	14	17	—	—	12	31	22	80	64	93
1893	4	109	187	25	26	—	—	7	28	18	42	59	91
1894	5	126	375	29	170	—	—	3	9	24	51	70	150
Итого . . .		4 295	5 397 ³⁹		2 550		146		386		401		1 914

³⁸ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 302, д. 707, л. 158—159.

³⁹ Помимо этого было сослано в административную ссылку из Царства Польского в Сибирь на основе закона 5 октября 1884 г. за 10 с небольшим лет, с 1884 по 1894 г., 355 человек, а именно: политически неблагонадежных — 163, эмигрантских деятелей — 88, за религиозную пропаганду — 35, порочное поведение — 68. Таким образом, процент политических здесь составлял $(163 + 88 = 251) : 70,7$ (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 302, д. 707, л. 158. «Исторический очерк...»).

производствам о политической неблагонадежности», а также надзором за исполнением различных полицейских законов Положения 14 августа 1881 г., Положения о гласном полицейском надзоре и т. д. При этом делопроизводстве находился справочный стол, где имелся алфавит (список) политически неблагонадежных лиц, противоправительственной прессы и фототека лиц, «обративших на себя внимание полиции»⁴⁰.

«Первоначальная и самая главная работа, возложенная на V делопроизводство,— говорится в «Историческом очерке...»,— было рассмотрение дел и сведений о всех лицах, подвергнутых гласному надзору полиции в административном порядке, и установление сроков означенного надзора»⁴¹.

Такова была структура Департамента полиции⁴².

Помимо пяти делопроизводств в Департаменте полиции была часть секретаря, в которой сосредоточивалась личная переписка директора Департамента, находился общий журнал Департамента, имелся архив и исполнительская часть, ведавшая назначением пенсий чинам полиции, назначением и увольнением некоторых старших полицейских чинов, а также наградами и чинопроизводством полицейских служащих. Экзекуторская часть в какой-то степени дублировала функции I делопроизводства.

Остановимся на численном составе Департамента полиции, а также Отдельного корпуса жандармов. Первоначальный штат Департамента полиции состоял из 52 человек⁴³, однако, по данным «Исторического очерка организации и деятельности Департамента полиции», фактически состав Департамента был значительно больше. В 1881 г. помимо штатных единиц числилось прикомандированных 28 и вольнонаемных 45. Таким обра-

⁴⁰ В 1887 г. справочный стол, состоявший при V делопроизводстве, был упразднен и вместо него был образован Особый регистрационный отдел.

⁴¹ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 302, д. 707, л. 152.

⁴² В 1889 г. было произведено некоторое перераспределение функций между отдельными делопроизводствами. Так, в частности, из III во II были переданы вопросы выдачи паспортов уезжающим за границу; из V в III — дела о негласном политическом надзоре.

⁴³ См. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 244—245.

зом, в 1881 г. всего в Департаменте полиции, кроме курьеров и сторожей, было 125 человек⁴⁴. К 1895 г., если считать, что число штатных чиновников не увеличилось, общее число составляло уже 161 человек (55 прикомандированных и 54 вольнонаемных)⁴⁵.

В 1880 г. в Отдельном корпусе жандармов числилось 521 офицер и 6187 нижних чинов. С 1880 г. штат корпуса жандармов несколько увеличился. На 1 января 1895 г. офицеров числилось 693, классных чиновников — 28, нижних чинов — 8522 (из них вахмистров и унтер-офицеров — 6930)⁴⁶. Это увеличение произошло главным образом за счет роста жандармско-полицейских железнодорожных управлений⁴⁷.

В губернских жандармских управлениях число офицеров и унтер-офицеров с 1880 г. незначительно увеличилось. В 1880 г. там было 328 офицеров и 2290 унтер-офицеров⁴⁸, а к 1895 г. число их составляло 364 офицера и чиновника, а также 2474 вахмистра и унтер-офицера⁴⁹.

В 80-х годах возникают новые жандармские учреждения — Отделения по охранению порядка и общественной безопасности, называвшиеся в просторечии охранными отделениями или охранками. Собственно, Отделение по охранению порядка и общественной безопасности в Петербурге, при петербургском градоначальстве, возникло еще в 1866 г., после покушения Каракозова,

⁴⁴ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 302, д. 707, л. 4.

⁴⁵ Там же. Можно предполагать, что штат постоянных чинов также несколько увеличился. Так, расходы по смете на жалованье увеличились в 1894 г. по сравнению с 1880 г. на 23 800 руб. В 1880 г. они составляли уже 96 200 руб., а в 1894 г. — 120 тыс. руб. (там же, л. 3—4).

⁴⁶ См. «Общий состав управлений и чинов Отдельного жандармского корпуса». СПб., 1895, стр. 345 (О численности корпуса жандармов в 1880 г. см. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 174).

⁴⁷ В 1880 г. в железнодорожных жандармско-полицейских управлениях было 126 офицеров и 2432 нижних чина, на 1 января 1895 г. — соответственно 217 и 4170 (первые данные см. в моей книге «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 174; вторые — в кн. «Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов», стр. 345).

⁴⁸ См. П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов, стр. 174.

⁴⁹ См. «Общий состав управлений и чинов Отдельного жандармского корпуса», стр. 345.

однако оно влачило жалкое существование и какой-либо самостоятельной роли не играло.

3 декабря 1883 г. по докладу гр. Толстого было утверждено положение «Об устройстве секретной полиции в Империи». «Для ближайшего заведования на месте сими розысками,— говорится во втором параграфе этого Положения,— могут быть учреждаемы по распоряжению товарища министра, заведующего государственной полицией, особые розыскные отделения в составе Жандармских управлений или ведомств общей полиции по образцу существующих в столицах отделений по охранению общественного порядка и спокойствия»⁵⁰. Таким образом, это Положение создавало возможность организации сети охранных отделений. Однако до начала XX в. охранные отделения существовали только в С.-Петербурге, Москве и Варшаве⁵¹. Охранные отделения не подчинялись местным жандармским органам, действуя совершенно самостоятельно, и радиус их действия отнюдь не совпадал с каким бы то ни было административным делением государства. Так, например, Московское охрannое отделение распространяло свою деятельность далеко за пределы Москвы и Московской губернии. Несколько позже, в 1896 г., Московское охрannое отделение действовало даже в Петербурге, арестовав там в 1896 г. типографию «Группы народовольцев»⁵².

С.-Петербургское охрannое отделение состояло при градоначальнике, Московское — при Канцелярии обер-полицеймейстера, однако эти организации по существу были относительно независимы по отношению к своему начальству.

Для того чтобы составить представление о круге деятельности охранных отделений, приведем инструкцию «Состоящему в управлении с.-петербургского градоначальника Отделению по охранению общественной безопасности и порядка в столице», утвержденную 23 мая

⁵⁰ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 3, 1883 г., д. 408, л. 1.

⁵¹ До 1900 г. в Варшаве оно именовалось Особой канцелярией при помощнике варшавского генерал-губернатора по полицейской части (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 302, д. 707, л. 81).

⁵² См. А. Спиридович. Записки жандарма, изд-во «Пролетарий» [б.г.], стр. 43.

1887 г. министром внутренних дел. В первом параграфе этой инструкции говорилось, что отделение учреждено «для производства негласных и иных розысков и расследований по делам о государственных преступлениях в целях предупреждения и пресечения последних» ⁵³.

В обязанности охранного отделения возлагалось: а) предупреждение стачек на заводах, фабриках и расследование причин, вызывавших их; б) принятие мер к предупреждению и расследованию причин всяких не разрешенных властями демонстраций, сходок и собраний; в) наблюдение за приезжающими в столицу «на основании особых правил, издаваемых градоначальником» ⁵⁴, наблюдение за учебными заведениями столицы, клубами, обществами и тому подобными учреждениями, «принятие негласных мер к предупреждению и расследованию возникающих в учебных заведениях беспорядков, сходок и демонстраций» ⁵⁵ и т. д.

Анализируя эту инструкцию, мы видим, что обязанности Петербургского охранного отделения ⁵⁶ немногим отличались от задач, возлагавшихся на губернские жандармские управления. Однако здесь были и особенности. Главный вид деятельности охранных отделений — агентурный, негласный, в то время как в жандармских органах, будь то губернские или железнодорожные, занимались в основном официальным расследованием и привлечением к ответственности, а агентурная деятельность была очень слаба.

Официальный штат охранных отделений был невелик. Так, в «С.-Петербургском отделении по охранению порядка и общественной безопасности» 5 августа 1883 г. был утвержден штат в 12 человек ⁵⁷.

⁵³ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, I делопроизводство, оп. 3, 1883 г., д. 408, л. 6.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Функции Московского охранного отделения и Особой канцелярии при помощнике варшавского генерал-губернатора были те же.

⁵⁷ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 3, 1883 г., д. 408, л. 3. Этот штат состоял из начальника, помощника, пяти чиновников для поручений, делопроизводителя, помощника делопроизводителя, заведующего счетоводством, архивариуса и журналиста. Еще в 1881 г. в С.-Петербургском охранном отделении был организован специальный фабрично-заводской стол, и в том же году его расходы составляли 2560 руб. (там же, оп. 1, 1881 г., д. 365, л. 4).

Штат Московского охранного отделения был еще меньше, составляя в том же 1889 г. всего 6 человек⁵⁸.

Однако помимо этого официального штата существовал значительно больший неофициальный, состоявший из «охранной наружной службы», т. е. секретных агентов для наружного наблюдения, именовавшихся филерами, а также особо секретных сотрудников — провокаторов. По смете ежегодных расходов Московского охранного отделения, состоявшей из 50 тыс. руб., 60% этой суммы, т. е. 30 тыс. руб., отводилось на расходы по наблюдению, розыскам и содержанию агентуры⁵⁹. Таким образом, охранные отделения занимались почти исключительно секретно-агентурной деятельностью.

Обратимся к анализу деятельности Департамента полиции в целом. Деятельность эта с каждым годом возрастала, о чем дает представление динамика роста входящих и исходящих бумаг. В 1881 г. поступило в Департамент 30 900 бумаг, в 1885 г. — 36 400, в 1890 г. — 49 205 и в 1894 г. — 59 766⁶⁰. Несколько в меньшей степени росло число исходящих бумаг, с 25 644 в 1881 г. до 28 503 в 1890 г. и 38 880 в 1894 г.⁶¹ Необходимо также обратить внимание на финансовую смету Департамента полиции, дающую известное представление о деятельности этого учреждения. Заметим, что в начале царствования Александра III значительно возрастает сумма, отпускаемая Департаменту полиции на секретные расходы. С 1883 г. отпускалось несколько более миллиона рублей⁶², притом сумма эта оставалась стабильной на

⁵⁸ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 3, 1883 г., д. 3, л. 52—53. Он состоял из начальника отделения, помощника начальника, делопроизводителя и его помощника и двух чиновников особых поручений.

⁵⁹ Там же, д. 301, л. 3. Если учесть, что с 1886 г. Московское охранное отделение получало ежегодно еще по 7500 руб. «на усиление средств», то сумма расходов на секретную агентуру и наружное наблюдение будет составлять 70% всех расходов (там же, оп. 6, 1886 г., д. 12, л. 1).

⁶⁰ Там же, оп. 302, д. 707. «Исторический очерк...», л. 5.

⁶¹ Там же.

⁶² В конце 70-х годов смета секретных расходов III отделения непрерывно увеличивалась со 186 877 руб. в 1877 г. до 558 957 руб. в 1880 г. (см. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 172). Сопоставляя данные сметы, можно сделать вывод, что это увеличение сметы шло главным образом на секретно-агентурные расходы. В 1880 г. по этой статье передавалось москов-

протяжении всего изучаемого нами периода с 1882 по 1894 г.⁶³

С 1881 по 1894 г. в системе Департамента полиции было проведено дознаний по государственным преступлениям 3111, из них прекращено 1882⁶⁴. По преступлениям ст. 246 и 248 Уложения о наказаниях (произнесение дерзких слов в адрес императорской фамилии) произведено дознаний за тот же период 13 129, из них прекращено 6267⁶⁵.

Таким образом, процент прекращенных дознаний был очень высок, составляя в первом случае 60,4, а во втором — 47,7. Для большей полноты приведем погодную таблицу произведенных дознаний⁶⁶.

Год	Общее число дознаний по государственному преступлению			По ст. 246, 248 Уложения о наказаниях		
	Число дел	Число лиц	Прекращено дознаний	Число дел	Число лиц	Прекращено дознаний
1881	294	До 1888 г.	222	875	До 1888 г.	422
1882	416	точной регистрации	304	1 253	точной регистрации	740
1883	312	обвиняемых не	196	938	обвиняемых не	475
1884	254	велось	120	1 110	было	623
1885	355		229	817		432
1886	256		159	791		431
1887	178		102	963		518
1888	140	353	74	888	832	277
1889	140	485	61	916	853	332
1890	129	490	39	916	853	301
1891	141	319	65	1 021	915	332
1892	151	753	83	881	810	275
1893	165	368	104	822	736	303
1894	180	815	124	938	726	806

скому генерал-губернатору 7500 руб. (см. там же, стр. 174); а в 1883 г. на эти же цели Московскому охранному отделению отпущено уже 30 тыс. руб. (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, I делопроизводство, оп. 3, 1883 г., д. 301, л. 3), а с 1886 г. — 37 500 руб. (см. там же, оп. 6, 1886 г., д. 12).

⁶³ В 1883 г. сумма секретных расходов, отпускаемых Департаменту полиции (включая и расходы на эти цели губернских жандармских управлений, составляла в $\frac{1}{3}$ года 343 340 р. 66 к., или 1 030 021 р. и 98 к. на год (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, I делопроизводство, оп. 3, 1883 г., д. 2, л. 191). На 1895 г. эта сумма составляла 1 026 952 руб. (см. там же, оп. 15, 1895 г., д. 5, л. 2).

⁶⁴ См. там же, оп. 302, д. 707, «Исторический очерк...», л. 152.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

Мы не обладаем данными о числе политических заключенных, а также административно-ссылных к концу изучаемого нами периода; в «Историческом очерке организации и деятельности Департамента полиции» эти данные имеются лишь на 1 января 1901 г. Приведем эти цифры, имея в виду что разница по сравнению с 1895 г. будет, по нашему мнению, не очень велика (мы предполагаем, что цифра эта должна быть несколько меньшей)⁶⁷. «К 1 января 1901 года,— говорится в «Историческом очерке...»,— состоит лиц, отбывающих наказания по суду за государственные преступления и в административном порядке за государственные преступления, политическую неблагонадежность, порочное поведение и другие поступки, 4113, и в том числе ссылокаторжных — 180, ссыльнопоселенцев — 73, сосланных на жительство — 16, состоящих в административном порядке под гласным надзором — 3838, отбывающих в административном порядке тюремное заключение — 6»⁶⁸.

Если считать, что из числа административно-ссылных (находящихся под гласным надзором) 60% относилось к политическим в широком смысле этого слова, включая в это понятие и участников крестьянских волнений и рабочих стачек, то общее число отбывавших разные наказания (заключение и ссылку) будет составлять на 1/1 1901 г. примерно 2577 человек.

* * *

В 80-е и 90-е годы Министерство внутренних дел начинает понимать опасность рабочего движения, на что ранее не обращалось какого-либо серьезного внимания. Причиной этого являлись массовые стачки в Петербурге в конце 70-х годов, Морозовская и сопутствующие ей стачки в Центральном промышленном районе, а главное, подъем рабочего движения в середине 90-х годов.

⁶⁷ Во второй половине 90-х годов число административно-ссылных должно было увеличиться за счет участников «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», а также в связи с подъемом стачечной борьбы.

⁶⁸ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 302, д. 707, л. 157. Надо думать, что цифры эти не являлись абсолютно полными. Здесь отсутствуют заключенные в Шлиссельбургской крепости народовольцы, число которых составляло несколько десятков человек, так как ни по одной из названных рубрик они числиться не могли.

Еще в конце 1881 г. была создана в Петербурге Временная комиссия по фабричным делам под председательством с.-петербургского обер-полицмейстера и членов — представителей ряда министерств и других лиц⁶⁹, а в 1886 г., после Морозовской стачки, создаются губернские по фабричным делам присутствия, состоявшие из губернатора, вице-губернатора, прокурора окружного суда, начальника губернского жандармского управления, старшего фабричного инспектора, окружного горного инженера и четырех членов от фабрикантов и заводчиков⁷⁰. Обязанности губернских по фабричным делам присутствий заключались в рассмотрении дел о нарушениях правил надзора за заводской и фабричной промышленностью, а также о «взаимоотношениях фабрикантов и рабочих»⁷¹.

Характеризуя рабочее движение 80—90-х годов, Департамент полиции в «Историческом очерке...» говорит о нем следующее: «Наряду с означенным преступным сообществом (имеется в виду «Народная воля». — П. З.) с 1880 г. велось распространение разными путями социал-демократических идей среди рабочих, имевшее конечной целью подготовку социальной революции в России и изменение государственного строя. Первоначально это были единичные попытки пропаганды в более населенных рабочих центрах, как Петербург, Москва, Одесса, Киев. Особенно развитие ее стало заметно с начала 90-х годов»⁷².

Все это и обуславливало особое внимание Департамента полиции вообще и охранных отделений в частности к рабочему вопросу, что и нашло свое выражение в идеях «полицейского социализма», получивших свое развитие уже в конце 90-х годов.

Крестьянское движение в меньшей степени, нежели рабочее, беспокоило Министерство внутренних дел, хотя

⁶⁹ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 302, д. 707, л. 125.

⁷⁰ «Свод законов Российской империи», т. IX, гл. 2. СПб., 1899. Устав о промышленности, ст. 49.

⁷¹ ПСЗ, 3 собр., т. VI, № 3769. Вопросы фабричного законодательства, в частности закон 3 июня 1886 г., подробно освещаются в книге И. И. Шелымагина «Фабрично-трудовое законодательство в России (вторая половина XIX века)».

⁷² ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 302, д. 707, л. 150—151.

сам министр гр. Толстой порой пытался запугивать своих коллег опасностями «новой пугачевщины», особенно тогда, когда это требовалось ему в связи с проведением в жизнь той или иной реакционной меры⁷³. В отношении крестьянства правительство действовало более грубыми методами, не нуждаясь в распространении идей полицейско-крестьянского социализма, а просто усиливая репрессии против волновавшихся крестьян. В начале 1885 г. министр внутренних дел внес в Комитет министров ходатайство о предоставлении губернаторам права массовой порки крестьян в случае каких-либо «чрезвычайных обстоятельств»⁷⁴. В циркуляре указывалось, что «к мере этой необходимо прибегать с надлежащей осторожностью, и притом не ранее как по предварительном выезде губернатора на место беспорядков для личного вразумления неповинующихся»⁷⁵.

Прежде всего необходимо отметить, что принятое Комитетом министров решение противоречило существующим законам. Как известно, законом 17 апреля 1863 г. телесные наказания были отменены и сохранились лишь для ссыльных и каторжных, для солдат, переводимых в разряд «штрафных», а также для крестьян лишь по приговорам волостных (крестьянских) судов. Таким образом, это постановление существенно ограничивало закон об отмене телесных наказаний.

Мера эта нередко выполнялась призывавшимися для подавления волнений воинскими частями, что вызвало протест военного министра, по-видимому под влиянием

⁷³ См. стр. 394 настоящей книги.

⁷⁴ ЦГА г. Москвы, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 76, д. 20, л. 295. Циркуляр Министерства внутренних дел по III делопроизводству Земского отдела от 31 мая 1885 г. за № 6300.

⁷⁵ Там же. Представление Толстого в Комитет министров было основано, как говорится в циркуляре, на ходатайстве ряда губернаторов. В рассматриваемом циркуляре делалась попытка доказать, что массовая порка является наиболее легким видом наказания. «Не может подлежать сомнению,—говорилось в нем,—что при известных условиях времени, места, характера волнующегося населения и самого волнения телесное наказание может оказаться не только соответственной, но и единственно целесообразной мерой, и притом такой, которая, поражая только некоторых ослушников, является несравненно менее тяжелой, чем военная экзекуция, всегда разорительная для населения, не говоря о таких случаях, когда приходится прибегать к оружию» (там же).

недовольства в войсках. Следствием этого явился циркуляр министра внутренних дел, изданный 10 марта 1886 г., в котором указывалось, что «исполнение телесного наказания войсками не соответствует достоинству воинского звания» и что указанные экзекуции необходимо осуществлять «лишь под охраною войска нарочно назначаемыми полицией людьми»⁷⁶.

Надо сказать, что губернаторы довольно широко использовали предоставляемое им Комитетом министров право отнюдь не «в исключительных случаях, не терпящих отлагательства» (кстати заметим, что в исследуемый нами период таковых случаев и не было). Для многих губернаторов этот метод общения с крестьянами был наиболее популярен. Это в первую очередь относилось к черниговскому губернатору Анастасьеву, ставшему впоследствии членом Государственного совета⁷⁷, полтавскому — Янковскому⁷⁸, пензенскому — Татищеву, орловскому — Неклюдову⁷⁹, нижегородскому — Баранову⁸⁰ и ряду других. Эти методы находили, по-видимому, полное одобрение в Министерстве внутренних дел. Так, И. Н. Дурново в одном из писем к В. К. Плеве из своего

⁷⁶ Там же, л. 98.

⁷⁷ Произведя массовую порку крестьян села Гоголева Остерского уезда Черниговской губернии, сопротивлявшихся межевым работам, Анастасьев с гордостью писал об этом событии и пользе его во всеподданнейшем отчете за 1885 г. «После двадцатипятилетнего отсутствия решительных мер в деле прекращения крестьянских беспорядков, после целого ряда неудачных попыток подавлять эти беспорядки [...] такое отношение администрации к разбушевавшейся толпе поразило своей новизной и произвело сильное впечатление. Через три месяца после сего [...] некоторые волостные старшины заявляли мне, что теперь им легче исполнять свои обязанности потому, что крестьяне, узнав о гоголевском деле, стали смирнее и ко всем властям относятся с гораздо большим уважением» (ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 223, д. 145 за 1886 г., л. 5).

⁷⁸ Так, Мещерский, рассказывая Александру III о доблести этого губернатора, писал: «Он умный человек бесспорно. Из его рассказов замечателен факт усмирения крестьянского мятежа приказанием сечь. После розог, влепленных барабанщиком роты первому говоруну, молодому парню, и он, и вся громада крестьян разом смирились. А бунтовали они чуть ли не два года» (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 108, л. 89).

⁷⁹ См. стр. 175—178.

⁸⁰ См. «Всеподданнейшие отчеты нижегородского губернатора за 1885 и 1886 гг.» (ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 223, д. 206 за 1886 г. и д. 188 за 1887 г.).

имения, расположенного в Черниговской губернии, писал: «Должен [...] сказать, что и теперь при разумном и энергическом губернаторе можно сделать много хорошо; так, управление Анастасьева внесло так много порядка в крестьянское управление, что теперь живет в деревне гораздо покойнее»⁸¹.

* * *

Политическая реакция определялась не только изменением законодательства, направленного на усиление феодально-крепостнических пережитков, но и ростом административного произвола во всех звеньях правительственной системы. Этот произвол порой узаконивался, как это имело место в отношении представления губернаторам права применять телесные наказания, порой же он просто не встречал в высших сферах какого-либо провиодействия, что, естественно, способствовало его росту.

Административный произвол получил особенное распространение на местах. Большинство генерал-губернаторов и губернаторов стремились к всемерному расширению своих прав, не считаясь при этом с какими-либо существующими законами. В некоторых случаях эти стремления сдерживались Министерством внутренних дел, особенно в первой половине 80-х годов, а в других, наоборот, поощрялись.

В первой половине 80-х годов московский генерал-губернатор кн. Вл. А. Долгоруков дважды обращался в Министерство внутренних дел с ходатайством о предоставлении ему права высылки в отдаленные местности лиц, высланных из Москвы, поселившихся недалеко от нее и самовольно приезжавших в столицу. По закону эти лица подлежали отдаче под суд, но мировой суд, который должен был рассматривать эти дела, по мнению Долгорукова, был излишне мягок. Вследствие этого генерал-губернатор просил предоставить ему право распоряжаться с этими лицами административным путем⁸².

⁸¹ ЦГАОР, ф. Плева, д. 688, л. 2. Письмо от 25 июня 1886 г.

⁸² Долгоруков при этом ссыался на указания министра внутренних дел от 27/XII 1882 г. за № 9584 и 11/IV 1883 г. по поводу высылки в отдаленные местности лиц, отказавшихся выехать доб-

При этом Долгоруков даже не считал необходимым обратиться со своим ходатайством в Комитет министров, который был правомочен решать подобные вопросы.

На сей раз московскому генерал-губернатору было в этом отказано. Оржевский в своем отношении Долгорукову писал, что «применение такой исключительной меры [...] к тем из высланных, кои, подчинившись уже требованию закона, нарушают его самовольными приездами в Москву, не оправдывались бы, по мнению господина министра, ни существом самого закононарушения, за которое виновные лица должны подлежать ответственности по суду, ни необходимостью принятия каких-либо исключительных мер»⁸³.

Если Долгорукову было отказано в его противозаконной просьбе, то через несколько лет пожелание его преемника вел. кн. Сергея Александровича о выселении из Москвы евреев было удовлетворено.

В отдельных случаях губернаторский произвол достигал геркулесовых столбов. Приведем несколько примеров величайшего произвола и самодурства упоминавшегося нами Анастасьева. Как рассказывает в своих мемуарах «Воспоминания земского деятеля» В. М. Хижняков (бывший в 80-х годах первоначально городским головой в Чернигове, а затем председателем губернской земской управы), Анастасьев решил оказать услугу своему начальнику товарищу министра внутренних дел И. Н. Дурново, помещику Черниговской губернии. Последний пожелал продать принадлежащий ему лес, расположенный на берегу Десны. Для этого Анастасьев провел через Лесоохранительный комитет решение, разрешающее вырубить этот лес как якобы зараженный шелкопрядом⁸⁴. После этого Анастасьев созвал лесопромышленников и предложил им купить лес за 90 тыс. руб.⁸⁵ Таковую сумму никто дать не согласился, а уда-

ровольно из Москвы и избрать себе постоянное местожительство (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, II делопроизводство, 1884 г., оп. 41, д. 483).

⁸³ Там же, оп. 41, 1884 г., д. 483, л. 18.

⁸⁴ В действительности лес не был ничем заражен, к тому же его нельзя было рубить из-за «опасности обнажения площади сыпучих песков», имея в виду, что он был расположен по берегу реки Десны.

⁸⁵ По-видимому, за эту сумму он обещал Дурново продать лес.

лось получить за него только 75 тыс. руб. «Над вопросом, откуда взять недостающие 15 тыс. руб., Анастасьев не задумался,— рассказывает Хижняков,— он призвал общественного раввина, и объяснил ему, в чем дело, и грозно повелел собрать с евреев и представить через неделю требуемую сумму. Раввин пришел в ужас, умолял пощадить бедных евреев. Он был выслан с угрозами, «что если его приказание не будет выполнено, то евреи об этом пожалеют [...] Через неделю 15 тыс. руб. были доставлены»⁸⁶.

В декабре 1891 г. в Комитете министров рассматривалось дело о привлечении к ответственности елизаветпольского губернатора генерал-лейтенанта кн. Накашидзе, обвинявшегося в преступлениях по должности. Эти преступления заключались в самовольных арестах и «заключении под стражу: а) четырех жителей села Лаки Арешского уезда Елизаветпольской губернии, привлекавшихся к делу по убийству лакского сельского старшины, но судебным следователем по отсутствию против них достаточных улик от следствия и суда освобожденных, б) 39 жителей разных уездов той же губернии по административным видам [?] на разные сроки до года и свыше»⁸⁷. При этом указывалось, что эти действия «не оправдываются ни общим законом, ни специальными полномочиями»⁸⁸.

Прокурор Тифлисской судебной палаты вошел в Правительствующий Сенат с представлением о привлечении Накашидзе к уголовной ответственности, что последним и было поддержано. Решением Сената было предложено

⁸⁶ В. М. Хижняков. Воспоминания земского деятеля. Пб., 1916, стр. 171. Тот же Хижняков рассказывает другой факт, характеризующий «предупредительность» Анастасьева в отношении губернских дам. «Однажды,— рассказывает Хижняков,— он вошел в свою гостиную, где сидело несколько дам, приехавших навестить его больную жену. Он застал разговор о том, как плоха теперь прислуга. Жена прокурора З. возмущалась дерзостью и разными провинностями своей кухарки» (там же, стр. 92). Когда прокурорша вернулась домой, то застала кухарку в истерике. Оказалось, что Анастасьев, «выслушав сетования прокурорши и желая оказать любовь даме, тотчас же распорядился по телефону, чтобы ее кухарку выпорол, что с большим усердием и было исполнено» (там же, стр. 93).

⁸⁷ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4870, ст. 978, л. 339—340.

⁸⁸ Там же, л. 340.

назначить по усмотрению министра юстиции представителя судебного ведомства для проведения предварительного следствия, а также устранить кн. Накашидзе от занимаемой должности.

Важно отметить, что Накашидзе на затребованное Сенатом объяснение ответил, что «губернатор имеет законное право в пределах губернии подвергнуть задержанию и заключению под стражу лиц, признаваемых по каким-либо причинам вредными или опасными или подозреваемыми в преступлениях: такое право,— по убеждению кн. Накашидзе,— не нуждается в каких-либо особых полномочиях»⁸⁹.

Министр юстиции, согласившись с определением Сената, внес это дело на рассмотрение Комитета министров. Однако решение Комитета министров было иным. «Испросить Высочайшее Вашего императорского величества соизволение,— говорилось в решении Комитета,— на оставленные определения Правительствующего Сената по настоящему делу без исполнения и не объявлять елизаветпольскому губернатору генерал-лейтенанту князю Накашидзе через Правительствующий Сенат замечания за неправильные его распоряжения»⁹⁰. Это решение Комитета министров и было «высочайше» утверждено. При этом император отметил, что порядок производства следствия «о противозаконных по службе действиях губернаторов» неудовлетворителен и требует изменения в законодательном порядке. Таким образом, Накашидзе не получил за свои действия даже выговора, отделавшись просто замечанием.

Еще большее беззаконие, граничившее с произволом, возможным лишь в восточных средневековых деспотиях, совершал орловский губернатор Неклюдов. 7 июня 1894 г. в Комитете министров рассматривался вопрос «О неправильных действиях орловского губернатора Неклюдова»⁹¹. Суть этого дела заключалась в следующем. Помещик Орловского уезда Пущин потребовал от крестьян деревни Обошешеве бесплатного строительства ими на их земле плотины для его мельницы. Земский начальник первоначально предложил крестьянам приступить к строительству плотины, а затем отсрочил свое

⁸⁹ Там же, л. 342.

⁹⁰ Там же, л. 346—347.

⁹¹ Там же, д. 5060, ст. 376, л. 69—97.

решение до рассмотрения этого вопроса в судебных инстанциях.

Во время переговоров земского начальника с крестьянами к запруде был подвезен воз соломы, который крестьяне опрокинули. «За этот поступок земский начальник приговорил к аресту на три дня по одной женщине с каждого двора»⁹². Однако крестьяне отказались выдать женщин, и волостному старшине не удалось выполнить постановление земского начальника.

«Между тем,— говорится в журнале Комитета министров,— Пущин сообщил о происшедшем Орловскому губернатору, который 4 августа 1892 г. вызвал к себе местного исправника и земского начальника и, несмотря на заявление последнего, что постановление о сооружении плотины он не намерен исполнить до разрешения дела в судебном порядке, женщины же будут им подвергнуты аресту без посторонней помощи, приказал исправнику исполнить и то и другое»⁹³.

Руководствуясь этим распоряжением, исправник на другой день в сопровождении приставов, урядников и 300 понятых прибыл в Оболеншево и объявил крестьянам приказание губернатора приступить к аресту женщин, многие из которых «из опасения быть арестованными вошли с грудными детьми по пояс в реку Цон». Не удалось исправнику исполнить и второе приказание — построить плотину, так как крестьяне не пропустили подвоз к плотине соломы и хвороста. Признавая невозможным прибегнуть к силе, исправник послал к губернатору рапорт «об оказании крестьянами зверского будто бы противодействия»⁹⁴. Одновременно с этим исправник сообщил об этом и прокурору окружного суда. Получив сообщение о «зверском противодействии», губернатор отдал распоряжение о направлении в деревню Оболеншево роты солдат. Вместе с тем он предложил земскому начальнику составить список «баб», подлежащих аресту, и заготовить возможно больше розог.

Освещение дальнейших событий приведем полностью по журналу Комитета министров.

⁹² Само собой разумеется, что постановление земского начальника об аресте женщин было верхом беззакония.

⁹³ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 5060, ст. 376, Особый журнал 7 июня 1894 г., л. 71—72.

⁹⁴ Там же, л. 73.

«На следующее утро, 7 августа,—говорится в журнале,—губернатор направился лично в Оболеншево и, заехав в имение к Пушкину, рассматривал списки женщин, подлежащих аресту, и крестьян, оказавших сопротивление земскому начальнику и полиции, при этом, пользуясь главным образом указаниями Пушкина, он отметил против имен крестьян число предназначенных им ударов. Прибыв после завтрака у Пушкина к деревне Оболеншево, губернатор нашел крестьян, оцепленных солдатами; при его появлении все они бросились на колени и стали умолять о пощаде. Не обращая внимания на эти просьбы и не предложив крестьянам добровольно подчиниться требованиям начальства, губернатор вызвал 14 человек по составленному в доме Пушкина списку и приказал 4-х арестовать, а остальных наказать розгами, что и было исполнено в его присутствии, несмотря на предостережения присутствовавшего при экзекуции врача. В числе наказанных пятеро вовсе не участвовали в неповиновении начальству 5 августа, так как в это время находились под арестом по распоряжению земского начальника. По окончании наказания губернатор велел арестовать женщин на три дня и при себе построить плотину, а затем, указав крестьянам на свою давнишнюю дружбу с Пушкиным, объявил, что в случае нового ослушания наказание будет вдвое строже. А на другой день по приказанию действительного статского советника Неклюдова был наказан 75 ударами розог в г. Орле один из крестьян, скрывшийся накануне из деревни Оболеншево»⁹⁵.

Как отмечается в журнале, гражданский иск Пушкина как Орловским окружным судом, так и Правительствующим Сенатом был оставлен без последствий, а Харь-

⁹⁵ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 5060, Особый журнал 7 июня 1894 г., л. 76.

Таково весьма скромное изложение этого события в журнале Комитета министров. Однако в действительности, как утверждает в дневнике Е. М. Феоктистов, оно имело значительно большие размеры. «В течение нескольких дней сряду происходила жестокая порка, многим несчастным давали по 150 розог, один старик даже не вынес истязания и умер. Все, следовательно,—саркастически замечает Феоктистов,—шло так, как подобает в благоустроенном государстве...» (ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9122, ЛII б. 14, л. 54). Об этом событии см. статью Л. Н. Толстого «Le Salut en vous».

ковская судебная палата прекратила «за недоказанностью» дело по обвинению некоторых крестьян деревни Оболешино в сопротивлении властям, признав, что действие их заключалось лишь в пассивном неповиновении незаконным требованиям помещика»⁹⁶. Таким образом, действия Неклюдова не могли быть ничем оправданы.

Однако Сенат, руководствуясь резолюцией императора по делу Накашидзе, определил: «Не обращая дела к производству предварительного следствия, объявить Орловскому губернатору действительному статскому советнику Неклюдову строгий выговор с внесением в формулярный список»⁹⁷.

Комитет министров, рассматривая этот вопрос, отметив, с одной стороны, незаконность действий губернатора, вместе с тем полагал, что это не было отнюдь результатом «преступных намерений», а «было скорее результатом неверного понимания пределов власти, предоставленной начальнику губернии, а дальнейшие затем действия его носят на себе отпечаток поступков, совершенных в таком возбужденном состоянии, в котором он, очевидно, не владел собой»⁹⁸.

Руководствуясь этой «легкой возбудимостью» губернаторской натуры, Комитет министров присоединился к мнению Правительствующего Сената. Это решение и было «высочайше» утверждено.

Однако и это наказание, по-видимому, было дано Александром III, как говорится, «скрепя сердце»⁹⁹.

⁹⁶ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 5060, Особый журнал 7 июня 1894 г., л. 77.

⁹⁷ Там же, л. 80—81.

⁹⁸ Там же, л. 91.

⁹⁹ Подобное покровительство губернаторскому произволу не всегда было присуще Александру III. В первые годы своего царствования он поступал иначе. Аналогичное описанному выше губернаторскому произволу событие произошло в Минской губернии еще в конце 70-х годов. Минский губернатор Токарев незаконно приобрел в своей губернии числившуюся якобы казенной землю, принадлежавшую в действительности крестьянам местечка Лагишина Пинского уезда. В связи с нежеланием владельцев уступить Токареву свое сено, скошенное на этой земле, местные власти организовали массовую порку и истязание крестьян. Дело долгое время рассматривалось в различных инстанциях, а затем в конце 1884 — начале 1885 г. — в Государственном совете. Токарев был уволен с запрещением поступать впредь на службу. В ответ на предложение председателя Государственного совета вел. кн. Михаила Николаевича в целях «поддержания власти» отнестись к Токареву помягче

Эти факты говорят не только о росте административного произвола «местных начальств», как именовались на бюрократическом языке губернаторы, но и о потворстве им в этом со стороны правительственных органов, начиная от самодержца всероссийского.

Характеризуя рост произвола, один из земских деятелей в своем письме к Вл. Ив. Ламанскому в ноябре 1894 г. писал: «Ослабление суда повлекло за собой [...] большое распространение всевозможных правонарушений и превышений власти, остающихся без возмездия. Широкою случайною огласку получают только отдельные, особенно яркие факты, как циркуляры и распоряжения Анастасьева, Баранова, Валя, Неклюдова, массовые сечения при холерных и аграрных беспорядках, обстоятельства, вызывающие печальные процессы о сопротивлении властям»¹⁰⁰.

Генерал А. А. Киреев, в силу своих реакционно-славянофильских воззрений относившийся в целом весьма положительно к правительственному курсу периода 80-х — начала 90-х годов, с грустью в своем дневнике за 1894 г. замечает: «Администрации дается воля небывалая. Нелепое сечение считается энергией: Неклюдов высек георгиевского кавалера, Клингенберг¹⁰¹ — целый приход, Трубецкой¹⁰² — адвоката»¹⁰³.

* * *

Административный произвол находил свое выражение не только в действиях губернаторов и потворстве творимых ими беззаконий, но и в действиях самого Министерства внутренних дел, далеко не всегда признававшего необходимым руководствоваться существующими законами.

В конце 1888 г. министр внутренних дел гр. Толстой внес в Комитет министров представление о выселении

Александр III заявил, «что в этом деле были большие злоупотребления и что их следует наказать» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 279).

¹⁰⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Милютина, папка 7, д. 3, л. 83.

¹⁰¹ Ковенский губернатор.

¹⁰² Минский губернатор.

¹⁰³ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, к-11, л. 330. Запись за 19 апреля 1894 г.

20 семейств крестьян деревни Горожановой Ковровского уезда Владимирской губернии за систематическую неуплату повинностей и в особенности выкупных платежей¹⁰⁴. Предложение о выселении крестьян было сделано первоначально владимирским губернатором и поддержано министром финансов Вышнеградским. По мнению Толстого, крестьяне «самим фактом этого упорства, остающимся, несмотря на принятые до сих пор меры, неустраненным, представляют собою элемент крайне вредный для местности в смысле примера безнаказанного неповиновения закону»¹⁰⁵. В силу этого он полагал «в случае их дальнейшего упорства» отобрать у них земельные наделы и усадьбы и продать их «на пополнение долга по выкупной ссуде»¹⁰⁶, а неповинующихся крестьян выслать «административным порядком (т. е. по этапу.— П. З.) в Восточную Сибирь»¹⁰⁷. Если первая часть предложения Толстого о продаже усадеб и наделной земли была вполне законна, то вторая представляла собою верх беззакония.

Комитет министров рассматривал этот вопрос 17 января и 20 мая 1889 г.¹⁰⁸ и в конце концов вынес решение о выселении по этапу указанных крестьян в Канский уезд Томской губернии¹⁰⁹. Подобное решение Ко-

¹⁰⁴ Как указывалось в представлении министра внутренних дел, крестьяне, «несмотря на все меры к взысканию недоимок, а именно: отдачу недоимщиков в заработки, продажу их имущества и сдачу наделных покосов в аренду [...] продолжали упорствовать и перестали обрабатывать свои наделные земли, нанимая для себя землю у однообщественников. Уклонение свое от обязанностей по выкупу земель крестьяне объясняли желанием получить известковые печи и леса, принадлежащие бывшей их помещице, а также ожиданием нового Положения» (ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4723, прилож. к ст. 466, л. 19). Можно предполагать, что такое упорное требование предоставления крестьянам известковых печей и леса было вызвано, по-видимому, тем, что это являлось их собственностью, возможно приобретенной ими еще до реформы на имя помещицы.

¹⁰⁵ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4723, ст. 466, л. 27.

¹⁰⁶ Там же, л. 28.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ По-видимому, в Комитете министров не сразу было принято подобное незаконное решение в силу несогласия ряда членов.

¹⁰⁹ Комитет министров еще раз 7 ноября 1889 г. рассматривал этот вопрос в связи с необходимостью отсрочить срок высылки до весны 1890 г., так как последний арестантский пароход уже отошел (ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4734, ст. 831). На сей раз гово-

митета министров характеризовало собою акт невиданного произвола.

В декабре 1886 г. в Комитете министров рассматривалось представление министра внутренних дел, поддержанное министрами государственных имуществ и юстиции, об «издании для Уфимской губернии в виде временной меры законоположения, в силу коего по делам о порубках в казенных и частных лесах, совершенных скопищами вооруженных людей, могли бы быть привлекаемы к имущественной ответственности целые сельские общества, скрывающие поличное [?] с применением к ним круговой поруки за исправную уплату штрафа, положенного за подобные их действия»¹¹⁰. Таким образом, Толстой ходатайствовал о предоставлении права местной администрации налагать наказание на целые сельские общества независимо от виновности отдельных его членов. Министр юстиции Манасеин в своем выступлении заметил, что возлагать подобную обязанность на судебное ведомство невозможно, ибо это противоречит «основным началам нашего уголовного законодательства, так как по коренному началу сего последнего имущественное взыскание, вытекающее из деяний уголовного свойства, может упасть вообще лишь на лиц, признанных приговором суда виновными в сих деяниях»¹¹¹. Однако, несмотря на признание незаконности этого положения, Манасеин считал возможным осуществить подобную меру административным путем, руководствуясь при этом исключительными правами и полномочиями, которые присваиваются административной власти на основе Положения 14 августа 1881 г. «О мерах к охране государственной безопасности и общественного спокойствия».

Исходя из этого, Комитет министров обязал министра внутренних дел разработать подробное правило, опирающееся на закон 14 августа 1881 г. По-видимому, разработка этих незаконных правил была делом нелегким, так как они были представлены в Комитет министров почти через полтора года и рассматривались

рилось не о 20, а о 17 семействах. По-видимому, 3 семейства уплатили недоимки.

¹¹⁰ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4544, ст. 1000, л. 535—536.

¹¹¹ Там же, л. 537.

19 апреля 1888 г. Однако на этом заседании, как указывается в журнале Комитета министров, «товарищ министра внутренних дел тайный советник Плеве заявил Комитету, что вследствие сделанных министром юстиции замечаний по некоторым отдельным статьям проектируемых правил Министерство внутренних дел признает необходимым подвергнуть изложенное постановление новому пересмотру...»¹¹². Подобное невразумительное заявление Плеве в действительности было занесено в журнал вследствие того, что Комитет министров отверг представленный Министерством внутренних дел проект правил. Об этом мы узнаем из дневника И. А. Шестакова. «В Комитете министров,— заносит Шестаков в свой дневник 19 апреля,— Толстой опять разбит. Представил, чтобы в Уфимской губернии волости отвечали имущественно за порубки своих членов. Барон Николаи заметил, что вопрос подлежит Государственному совету, ибо требует изменений существующих законов. Я поддержал его, сказавши, что тем более подлежит вопрос решению Совета, что представлением нарушается принцип законности — за виновного хотят наказать, может быть, невинных, что предлагаемая мера крайняя и дозволительна только в неприятельской стране во время войны»¹¹³.

Таким образом, представление Министерства внутренних дел было провалено. Однако оно на этом не успокоилось. Через полгода проект «Временных правил об имущественной ответственности сельских обществ Уфимской губернии по делам о самовольных порубках в казенных и частных дачах» снова был представлен, на сей раз новым министром — И. Н. Дурново. Но и на этот раз, к чести Комитета министров, проект был снова отклонен, причем министру внутренних дел было предложено передать свой проект в Государственный совет для решения вопроса в законодательном порядке¹¹⁴.

Следовательно, Министерство внутренних дел не только потворствовало произволу местных властей, но и выступало нередко инициатором этого произвола.

В последние годы изучаемого периода в Министерстве внутренних дел можно отметить еще одну черту —

¹¹² Там же, д. 4652, ст. 312, л. 358.

¹¹³ ЦГАВМФ, ф. Шестакова, д. 8, л. 31.

¹¹⁴ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4730, ст. 762.

стремление изобразить положение в стране в духе, как говорится, «тиши и глади и божьей благодати», т. е. в духе показного благополучия¹¹⁵.

Это в какой-то мере усугублялось еще и личными качествами министра внутренних дел. В отличие от своего предшественника гр. Д. А. Толстого, столпа реакции, Дурново не имел никакой системы взглядов, руководствуясь одним: услужить императору и его близким. Характеризуя Дурново, В. Н. Ламсдорф в своем дневнике

¹¹⁵ Губернаторы также не были чужды подобного стремления. В этом отношении представляет интерес вопрос о представлении губернаторами еженедельных секретных записок о положении в губернии. История этого вопроса такова. В 1864 г. министром внутренних дел было предписано губернаторам представлять еженедельно в министерство секретные сведения о положении в губернии. С течением времени представление этих записок прекратилось.

4 ноября 1883 г. Толстой направил губернаторам «совершенно конфиденциальный циркуляр», в котором предлагалось представлять еженедельно указанные сведения. «В еженедельных записках,— говорилось в циркуляре,— должно быть сообщаемо мне обо всех явлениях общественной жизни, вызывающих те или иные соображения административной власти о характере деятельности должностных лиц всех ведомств [...] об общественном их положении, взаимных отношениях, о заслуживающих внимания постановлениях общественных и сословных учреждений, о происходящих прениях, о готовящихся заявлениях, суждениях, о взглядах общественных деятелей и о вообще лиц, имеющих влияние в той или другой сфере или местности на современное положение дел, на те или другие мероприятия правительства, состоявшиеся или предполагаемые, о существующих партиях, их отношении между собою и к правительственной власти, „о сколько-нибудь замечательных происшествиях и т. п.“» (ЦГА г. Москвы, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 73, ч. II, д. 6, л. 349). Все это обставлялось большой тайной. «Само собой разумеется,— говорилось в циркуляре,— что настоящее предложение мое не может Вами никому сообщено или передаваемо, а должно храниться у Вас, не будучи нигде записано [...] За требование сведений [...] должно быть делаемо Вами с крайней осторожностью и по Вашей собственной инициативе без всякого указания на полученное предписание» (там же). Однако, несмотря на столь категорическое предложение, губернаторы либо сообщали, что в губернии «ничего заслуживающего внимания не произошло», либо помещали в них совершенно иные, не секретные сведения, либо попросту вообще ничего не сообщали (см. совершенно секретно, циркуляр министра внутренних дел Дурново от 14 октября 1889 г.— ЦГА г. Москвы, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 79, д. 29, л. 422). Это, на наш взгляд, свидетельствовало, во-первых, о стремлении губернаторов не сообщать об истинном положении дел, дабы «не волновать начальство», а во-вторых, об определенных сепаратистских тенденциях «хозяев губернии», не желающих вмешательства высшего начальства в их «собственные» дела.

пишет: «Тупость и карьеризм г. Дурново превышают все, что можно об этом предположить [...] Дурново только чиновник, старающийся убогатворить свое начальство, но совершенно неспособный посоветовать ему что-либо разумное»¹¹⁶.

Если ответственность за голод 1891—1892 гг., естественно, нельзя возлагать на Дурново, так как голод был прежде всего результатом засухи и размеры его усугублялись, во-первых, ограблением крестьян в период отмены крепостного права и, во-вторых, всей политикой самодержавия на протяжении всего пореформенного периода, то действия Дурново способствовали увеличению его размеров. В течение длительного времени он всячески пытался отрицать наличие голода. «Что касается 1891 г.,— писал в своих воспоминаниях Куломзин,— то И. Н. Дурново, тогдашний министр внутренних дел, отказывался признать наличие поразившего Россию бедствия. Он послал для обозрения неурожайных губерний директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел Вишнякова, который привез отчет, что есть недород, а не голод»¹¹⁷. Когда размеры бедствия нельзя было уже скрыть, Дурново отыгрался на Вишнякове, который был уволен со службы¹¹⁸.

Впрочем, справедливость требует сказать, что не только Дурново, но и сам Александр III, по крайней мере до февраля 1892 г., относился к голоду несерьезно. Московский губернатор кн. Голицын делает по этому поводу 14 октября 1891 г. в своем дневнике следующую запись: «Несомненно, Россия переживает одну из труд-

¹¹⁶ В. Н. Ламсдорф. Дневник 1891—1892, стр. 105.

¹¹⁷ ЦГИА, ф. Куломзина, д. 188, л. 9.

¹¹⁸ По поводу объезда Вишняковым неурожайных губерний сенатором Барыковым было сочинено следующее стихотворение:

Ездил в край неурожайный
Вишняков, советник тайный,
Посмотреть, поговорить
И словами наставления
Успокоить опасения,
Бед размеры уменьшить.
Говорил авторитетно,
Что родился хлеб несметно,
Превышая всюду спрос.

И об этом, полон счастья,
Он в словах подобострастья
Длинным рапортом донес.
Дурново был рад сердечно
И жуировал беспечно,
Уверяя всех кругом,
Что лишь в целях некой смуты
Беды голода раздуты
Государственным врагом и т. д.

(Там же, л. 9—10.)

нейших и опаснейших минут своей жизни. А глава ее [...] охотился в Дании и на днях переезжает охотиться в Крым»¹¹⁹. Это отношение подтверждает также и Ламсдорф со слов своего патрона Н. К. Гирса. «...Министр,— пишет Ламсдорф,— мне совершенно достоверно рассказывал, что он в ужасе от того, как относится к бедствию государь и интимный круг императорской семьи. Его величество не хочет верить в голод. За завтраком в тесном кругу в Аничковом дворце он говорит о нем почти со смехом: находит, что большая часть раздаваемых пособий является средством деморализации народа, смеется над лицами, которые отправились на место, чтобы оказать помощь на деле, и подозревает, что они это делают из-за похвал, которые им расточают газеты. Эта точка зрения, по-видимому, разделялась всею семьей, и мой министр с сожалением отметил, что цесаревич тоже слушает эти разговоры с одобрительной улыбкой»¹²⁰.

А вместе с тем император еще осенью 1891 г. был информирован об ужасающем положении в деревне близким ему лицом — министром императорского двора гр. Воронцовым-Дашковым. В письме от 27 августа из своего тамбовского имения Воронцов-Дашков сообщал Александру III об ужасающих размерах голода, о необходимости создания Комитета для призрения голодающих под председательством императрицы или наследника престола. В заключение он писал: «А ежели бы при этом Ваше величество объявили, что ввиду общего бедствия в настоящем году при высочайшем дворе не будет ни балов, ни больших обедов, а деньги, обыкновенно на это истрачиваемые, Вы жертвуете, как первую лепту, в фонд Комитета для продовольствия, то это, несомненно, произвело бы на народ самое отрадное впечатление. Простите меня, Ваше величество, за это письмо,— заключал Воронцов-Дашков,— но верьте, что при сопоставлении голодающего в темной избе мужика с петербургскими франтами, роскошно ужинающими в освещенных «а гюгно» залах Зимнего дворца, как-то становится совестно и нехорошо на душе»¹²¹. Комментарии, пожалуй, излишни.

¹¹⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Голицына, д. 16, стр. 559.

¹²⁰ В. Н. Ламсдорф. Дневник 1891—1892, стр. 253.

¹²¹ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 741, л. 118.

Министерство внутренних дел стремилось всячески преуменьшить размеры бедствия. Это находит свое выражение и в ряде циркуляров ¹²².

«Никогда со времен Николая I,— писал один из земских деятелей В. И. Ламанскому,— официальная ложь не находила такого распространения и значения, как в недавнем прошлом (имеется в виду первая половина 90-х годов.— П. З.). О степени ее достаточно ясно говорят все известные факты, например причина, по которой неурожай 1891 г. привел к таким печальным последствиям. Сколько времени не разрешалось громко говорить о голоде, сколько времени министры (Дурново и Островский.— П. З.) не решались доложить государю о действительном положении вещей» ¹²³.

Позднее, в самом конце декабря 1891 г., Дурново внес в Комитет министров представление «О принятии некоторых мер по народному продовольствию», в котором давалась оценка урожая 1891 г. и ставился вопрос об оказании помощи голодающим ¹²⁴. Несмотря на то что в 1892 г., по данным Комитета министров, было выдано голодающим ссуды в размере 26 582 868 пудов зерна ¹²⁵ и организованы правительством в ряде губерний общественные работы, помощь эта была недостаточ-

¹²² 20 октября 1891 г. был направлен циркуляр губернаторам, в котором указывалось, что «в последнее время в некоторых провинциальных органах печати помещаются неверные, а иногда и ложные сведения о положении жителей в местностях, постигнутых неурожаем, и об отсутствии мер по обеспечению продовольствием». Далее говорилось, что Министерство внутренних дел «не имело в виду стеснять газеты в обсуждении этого события и, признавая несомненную пользу от сообщения в печати верных и подробных сведений», предлагало все же губернаторам «при цензуровании подобных сведений относиться к ним с особой осмотрительностью и вниманием» (ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 39, д. 24, л. 77). Спустя полтора месяца, 2 декабря, губернаторам был направлен снова циркуляр на ту же тему (см. там же, л. 81). Все это говорило о бесспорном стремлении Министерства внутренних дел по крайней мере преуменьшить размеры бедствия.

¹²³ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Милютин, картон 7, д. 3, л. 84.

¹²⁴ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4870, ст. 1062. Одновременно с этим Дурново 29 декабря внес в Государственный совет представление о выделении 60 млн. руб. на помощь голодающим, сообщая, что министерство уже израсходовало на помощь голодающим 83 851 500 руб. (ЦГИА, ф. Департамента государственной экономики, 1892 г., д. 1).

¹²⁵ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 5004, ст. 706, л. 229.

на, особенно если иметь в виду, что реализация этих мер бюрократическим путем нередко не достигала цели.

Об этом писал Л. Н. Толстой в своем письме «Почему русские крестьяне голодают?», опубликованном в «Daily Telegraph» 4 января 1892 г. Высказываясь о тунеядстве господствующих классов, Толстой заявлял о полной неспособности их организовать борьбу с голодом. «Привилегированные классы,— писал он иронически,— жиреющие и толстеющие от работы мозолистых рук народа, не могущие двинуть ногой или рукой без помощи народа, хлопочут и хотят его прокормить»¹²⁶. А вместе с тем правительство всячески препятствовало инициативе общества, принимавшего огромное участие в борьбе с «всероссийским разорением».

* * *

Политика правительства по крестьянскому вопросу стояла, естественно, в центре внимания Министерства внутренних дел. Эта политика ставила перед собой две задачи. Одна из них имела своей целью, во-первых, несколько ослабить земельный голод, не посягая при этом, само собой разумеется, на помещичье землевладение, и, во-вторых, ослабить налоговый гнет. Эта задача, довольно подробно сформулированная еще в программе Лорис-Меликова, в какой-то степени получила свое разрешение, за исключением вопроса о переселениях еще в первые годы реакции, в период министерства Н. П. Игнатьева¹²⁷. Она нашла свое выражение в организации Крестьянского поземельного банка¹²⁸, в понижении выкупных платежей, введении обязательного выкупа и отмене подушной подати.

Вторая задача заключалась в консервации в деревне патриархальных и феодальных пережитков, в усилении «попечительства» дворянства по отношению к крестьянам. Именно эта задача и знаменовала собой основное направление аграрного законодательства в период реакции. Исключение представлял собою только пересе-

¹²⁶ «Московские ведомости», 22 января 1892 г.

¹²⁷ См. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 419—430.

¹²⁸ См. В. А. Вдовин. Крестьянский поземельный банк. М., 1959.

ленческий вопрос, отпосившийся к первой задаче. Как уже говорилось во введении, вопросы аграрной политики достаточно подробно исследованы Е. М. Брусникиным¹²⁹, вследствие чего осветим их лишь вкратце.

До начала 80-х годов не существовало никакого законодательства по переселению крестьян на свободные земли. В период кризиса самодержавия, в конце 70-х — начале 80-х годов, во время сложившейся в деревне напряженной обстановки (массовые слухи о «черном переделе», страх правительства перед возможностью соединения народничества со стихийным крестьянским движением), Лорис-Меликов в своих докладах неоднократно ставит вопрос о мерах по переселению крестьян. Однако этот вопрос в тот период не получил никакого законодательного разрешения. В 1881 г. в Министерстве государственных имуществ А. Н. Куломзиним и А. С. Ермоловым был разработан законопроект о переселении на свободные земли наиболее нуждающихся крестьян, владевших душевым наделом в размере не более $\frac{1}{3}$ высшего или указного надела, а также вовсе не получивших такового. Проект предусматривал переселение на свободные казенные земли семи губерний (Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Самарской, Саратовской, Уфимской и Оренбургской). Из каждого сельского общества допускалось переселение не более 50% наличного состава душ¹³⁰.

Однако, не дождавшись завершения разработки данного проекта, Н. П. Игнатьев внес в Комитет министров проект «Временных правил» относительно переселения крестьян, который предоставлял значительно меньшие возможности для крестьянства, чем предложения, составленные Куломзиним и Ермоловым. Эти «Временные правила», утвержденные 10 июля 1881 г., давали право переселения только с разрешения двух министров: вну-

¹²⁹ См. диссертацию Е. М. Брусникина «Политика царизма по крестьянскому вопросу в период политической реакции 80-х — начала 90-х годов XIX века» и его статьи: «Переселенческая политика царизма в конце XIX века». — «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 28—38; «Подготовка закона 14 декабря 1893 года «О неотчуждаемости крестьянских наделных земель». — «Ученые записки Горьковского государственного университета». Серия историко-филологическая. Вып. 72, Горький, 1964, стр. 345—375.

¹³⁰ ЦГИА, ф. Переселенческого управления, оп. 1. д. 10, л. 2—3 (указанный проект).

тренних дел и государственных имуществ, притом лишь тем, кого «экономическое положение к тому выпуждает»¹³¹.

Вместе с тем проект Куломзина и Ермолова был передан на обсуждение Комиссии, возглавлявшейся председателем Статистического комитета Министерства внутренних дел П. П. Семеновым (в будущем Тянь-Шанским).

Комиссия пришла к выводу о необходимости широкой организации переселенческого дела, имея в виду, что необходимость в этом в Центральных черноземных губерниях была чрезвычайно велика. В силу этого предполагалось разрешить переселение по существу всем тем, кто в этом нуждался¹³². Решение Комиссии было передано на обсуждение так называемых сведущих людей (предводителей дворянства и председателей земских управ, избранных министром внутренних дел). «Сведущие люди» в своем большинстве пришли к заключению о необходимости провозглашения принципа полной свободы переселения, рекомендуя вместе с тем довести до минимума льготы и пособия переселенцам. Вполне естественно, что подобное решение могло иметь лишь декларативный характер. Впрочем, ни проект Комиссии Семенова, ни обсуждение его «сведущими людьми» никакого практического значения в дальнейшем не получили.

В 1884 г., когда реакционный правительственный курс уже полностью определился, гр. Толстой представил всеподданнейший доклад, в котором была изложена его точка зрения по переселенческому вопросу. Толстой полагал, что никакого общего закона по этому поводу издавать не следует, так как правительство не располагает достаточным количеством свободных земель. Потребность в переселении ощущалась, по его мнению, только лишь в 12 губерниях (Тульской, Орловской, Воронежской, Курской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Симбирской и Казанской). Переселение же из других губерний вовсе запрещалось. Вопрос о переселении из указанных

¹³¹ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4173, л. 859. Цит. по диссертации Е. М. Брусникина, стр. 207.

¹³² См. Е. М. Брусникин. Указ. дисс., стр. 207—210.

12 губерний должен был решаться местной администрацией, которой предоставлялось право «решиительно останавливать переселение в каждом частном случае, когда она убеждается, что переселение предпринимается недостаточно осмотрительно, без необходимых средств и ясно намеченной цели»¹³³. Иными словами, местной администрации давалась возможность решать вопрос по своему усмотрению, что в значительной степени не могло не ограничивать масштабы переселенческого движения. Переселение, по мнению Толстого, необходимо разрешать исключительно только наиболее нуждающимся крестьянам. В заключительной части доклада Толстой в весьма общей форме сообщал о «широких льготах», а также о пособиях, которые должны оказываться переселяющимся.

Доклад, точнее, предложение Толстого обсуждался в апреле того же года на совещании министров в присутствии Александра III. Это предложение было в целом одобрено, за исключением раздела о льготах (оно было значительно сокращено), и было положено в основу работы Комиссии товарища министра внутренних дел Плеве, которому и была поручена детальная разработка законопроекта о переселении. Подготовка этого законопроекта велась обычным бюрократическим путем: составленный проект неоднократно направлялся на отзывы тех или иных министров и руководителей ведомств, затем исправлялся по этим замечаниям. В общем на это потребовалось около пяти лет. Надо сказать, что оба министра финансов, как Бунге, так и Вышнеградский, в своих отзывах указывали на необходимость облечь закон о переселениях в такую форму, чтобы исключить всякую возможность сопоставления его с Положениями 19 февраля 1861 г., т. е. с мыслью о дополнительном наделении землей тех, кто получил ее недостаточно¹³⁴.

Разработанный комиссией Плеве законопроект был представлен в Государственный совет Толстым весной 1889 г. Порядок выдачи разрешений на переселение должен был, согласно проекту, оформляться таким же пу-

¹³³ ЦГИА, ф. Вишнякова, оп. 1, д. 107, л. 18. Цит. по диссертации Брусникина, стр. 215.

¹³⁴ См. Е. М. Брусникин. Указ. дисс., стр. 217.

тем, как это требовалось во «Временных правилах» 1881 г. Разрешение на переселение должно было даваться на основе заключения двух министров — внутренних дел и государственных имуществ — тем крестьянам, которые вынуждены к переселению «своим экономическим положением»¹³⁵, т. е. переселение не должно было носить массового характера. Отвод земель в Европейской России должен был производиться только во временное пользование, а в Сибири и в степных районах — в постоянное¹³⁶. Проект предусматривал систему различных льгот для переселенцев, а также предоставление им ссуд на первоначальное обустройство.

8 мая 1889 г. Соединенные департаменты законов и государственной экономии обсуждали представление Толстого. Говоря о необходимости издания подобного закона, Департаменты отмечали, что «все старания правительства остановить и урегулировать это аграрное движение административными мерами оказались тщетными. Бессилие их побудило Министерство внутренних дел обратиться к иному средству для борьбы с означенным злом и попытаться упорядочить переселенческое движение путем признания законности водворения тех переселенцев, которые предпримут передвижение с разрешения властей...»¹³⁷. Соединенные департаменты указывали, что «на правительстве лежит обязанность скорее сдерживать переселение, нежели поощрять его посредством оказываемого переселенцам содействия в разных видах. Это соображение, — говорилось в журнале заседаний, — надлежит принять за исходную точку всяких предначертаний по упомянутому предмету»¹³⁸. Именно в силу этого в представленный проект был внесен ряд изменений, направленных к еще большему ограничению размеров переселенческого движения. Были уменьшены льготы, в частности исключен пункт о льготном железнодорожном тарифе, значительно сокращена смета на расходы по организации переселений и т. д.

8 июня Общее собрание Государственного совета одобрило решение Соединенных департаментов, а

¹³⁵ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 43, л. 37.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же, л. 52.

¹³⁸ Там же, л. 53.

13 июля 1889 г. оно было утверждено Александром III¹³⁹.

Таким образом, принятый закон не ставил своей задачей организацию широкого переселенческого движения, а, наоборот, стремился всячески его ограничить. Казалось бы, правительству было выгодно организовать в больших масштабах переселение крестьян на свободные земли. Это привело бы к освоению новых залежных земель, способствовало бы улучшению экономического положения крестьянства, что вместе с тем повысило бы его платежеспособность. В политическом отношении широкая организация переселенческого движения также была выгодна для правительства, отражавшего в первую очередь интересы дворянства. Переселение крестьян на свободные земли ослабило бы земельный голод, уменьшая тем самым противоречия между крестьянами и помещиками.

Однако правительство действовало иначе, что определялось рядом причин. Во-первых, правительство боялось любого массового аграрного движения, даже им самим организованного. В силу этого и организация переселения в больших размерах вселяла ему опасения. К тому же наделение крестьян землей в новых районах, и именно тех крестьян, которые получили в 1861 г. недостаточные наделы, должно было, по мнению властей, возбудить у них мысль об обязанности царя якобы вообще наделить крестьян землей, т. е. в какой-то степени способствовать распространению слухов о «черном переделе».

В этом отношении большой интерес представляет собой письмо Половцова Александру III, написанное им в качестве сопроводительной записки к мемории Государственного совета по поводу рассмотрения переселенческого вопроса. «Крестьянское переселение,— писал он,— почти всегда есть последствие ложного и вредного понятия, установленного Положением 19 февраля 1861 г. В то время был провозглашен принцип, что каждый крестьянин потому только, что он существует, имеет безусловное право владеть известной площадью земли — наделом. Если в то время было сочтено невозможным поступить иначе, то теперь событие это должно бы

¹³⁹ ПСЗ, 3 собр., т. IX, № 6198.

давно отойти на страницы истории. На деле, однако, крестьянин хранит память о таком провозглашении, почитает, что каждое умножившееся крестьянское семейство имеет право на соответственное умножение владемой им земельной площади, а правительственные распоряжения [...] поддерживают в крестьянском населении это ложное понятие, эти смутные надежды, могущие когда-нибудь перейти в преступные, толпливые движения»¹⁴⁰. По мнению Половцова, и представляемое решение Государственного совета, «несмотря на значительные против первоначального проекта изменения»¹⁴¹, пронизано также этой мыслью.

Так рассуждал государственный секретарь, так или почти так рассуждали, по-видимому, и некоторые другие представители власти. Боязнь пугачевщины была чрезвычайно сильна даже через 100 с лишним лет.

Во-вторых, организация массового переселения должна была привести если не к недостатку, то во всяком случае к уменьшению предложения рабочей силы в сельских местностях, что было явно невыгодно помещику дворянству.

Наконец, организация массового переселения должна была повлечь за собой необходимость разрешения ряда других важных проблем. К ним в первую очередь относились вопросы о судьбах как общины, так и наделного землевладения. А сохранение того и другого являлось основой правительственной политики в деревне в период реакции.

* * *

Обратимся к рассмотрению правительственных мер, направленных на консервацию феодально-крепостнических пережитков в деревне.

Первым шагом в этой области явился закон о мерах по ограничению семейных разделов. Стремление ограничить право крестьян производить семейные разделы имело широкое распространение среди помещичьего дворянства еще в начале 70-х годов.

¹⁴⁰ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 221.

¹⁴¹ Там же, стр. 221—222.

Процесс экономического развития России после реформы, отягощенный различного рода феодально-крепостническими пережитками, характеризовался, естественно, разорением значительных слоев крестьянства. Не будучи в состоянии осмыслить истинные причины этого процесса, поместное дворянство полагало, что причиной его являлось дробление крестьянских семей.

Разорение крестьянства беспокоило дворян в первую очередь с точки зрения политических его последствий. Обедневшее крестьянство представляло большую угрозу социальному миру, нежели зажиточное. Отсюда необходимость сохранения больших патриархальных семей, где существовало консервативное начало главы семьи.

Под влиянием местной администрации и поместного дворянства, впрочем далеко не единодушных в этом вопросе¹⁴², и по желанию самого министра, рассматривавшего процессы экономического развития деревни сквозь призму восприятия героев «Мертвых душ», Министерство внутренних дел разработало проект мер по ограничению семейных разделов. Проект этот был внесен в Государственный совет в начале 1884 г., вызвав ряд серьезных возражений со стороны отдельных его членов. Министр финансов Бунге отмечал, что разделы далеко не всегда приводят к расстройству хозяйства, а подчас, наоборот, экономическое положение разделившихся семей с течением времени улучшается. В силу этого он рекомендовал собрать по этому поводу подробные данные¹⁴³.

Соединенные департаменты пришли к заключению о необходимости получения дополнительных статистических сведений, вследствие чего к обсуждению законопроекта фактически приступили только в конце 1885 г., причем в ходе обсуждения было сделано много замечаний. «Самый проект, коему никто из присутствующих не сочувствовал, подвергался большим нападкам»¹⁴⁴, — заносит в свой дневник А. А. Половцов. Соединенные департаменты, одобрив проект в целом, внесли в него ряд существенных исправлений. Наиболее крупным из них

¹⁴² См. *Е. М. Брусникин*. Указ. дисс., стр. 106—108.

¹⁴³ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 100, л. 17.

¹⁴⁴ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 355.

было ограничение его действия только территорией, где существовало общинное землепользование. Разрешение на раздел должен был давать глава семьи, а затем вопрос этот разрешался на сельском сходе, который $\frac{2}{3}$ голосов должен был дать свое согласие на семейный раздел¹⁴⁵. 3 марта 1886 г. Общее собрание Государственного совета одобрило решение Департаментов, а 18 марта оно было утверждено Александром III¹⁴⁶.

Второй из таких мер явился закон о найме сельскохозяйственных рабочих, принятый также в 1886 г. Вопрос об условиях найма сельскохозяйственных рабочих являлся предметом обсуждения в правительственных инстанциях на протяжении 70-х годов. Эти вопросы рассматривались в Комиссиях Игнатьева и Валуева. В 1876 г. он обсуждался в Государственном совете. Представленный проект, дававший нанимателю значительные права и предусматривавший введение рабочих книжек, хотя и был в целом одобрен, однако вызвал серьезные разногласия и был возвращен для доработки. В частности, предоставление нанимателю права принудительно возвращать самовольно ушедшего от него рабочего вызвало у ряда членов Совета серьезные возражения (в том числе и у Победоносцева), полагавших, что «принуждение рабочего остаться у нанимателя, подчиняя его личной зависимости, носило бы отпечаток крепостного права»¹⁴⁷.

Представленный вновь в 1880 г. в Государственный совет проект был отложен вследствие несвоевременности издания закона о найме рабочих, имея в виду, что «в настоящее тревожное время, когда злоумышленники стремятся к ниспровержению существующего государственного и общественного строя [...] нельзя не опасаться, чтобы новый закон [...] в случае его утверждения не послужил поводом и средством к усилению, а может быть, даже и к более успешным, нежели до сих пор, преступным попыткам означенного рода»¹⁴⁸.

В период утвердившейся реакции дворянство снова

¹⁴⁵ По Положениям 19 февраля 1861 г. требовалось согласие $\frac{1}{2}$ части схода.

¹⁴⁶ ПСЗ, 3 собр., т. VI, № 3578.

¹⁴⁷ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1880 г., д. 31, ч. 2, л. 436. Цит. по диссертации Е. М. Брусникина, стр. 156.

¹⁴⁸ Е. М. Брусникин. Указ. дисс., стр. 156.

настаивало на издании закона о найме сельскохозяйственных рабочих, что находит свое выражение в записке саратовского губернского предводителя дворянства П. А. Кривского, в которой подробно излагалась основа будущего закона¹⁴⁹. Проект предусматривал введение договорных книжек, предоставление нанимателям права вычетов из заработной платы за нерадивость в работе, порчу хозяйского имущества и т. д. Кривский предлагал предоставить нанимателям право увольнения без суда рабочего за грубость, дерзость и нерадение. Вместе с тем он считал необходимым введение института участковых начальников, обладавших судебно-административной властью, который и будет охранять интересы помещиков.

В конце 1885 г. на рассмотрение Государственного совета был внесен проект, составленный двумя министрами, внутренних дел Толстым и государственных имуществ Островским, «Положения о найме на сельские работы и в служительские по сельскому хозяйству должности»¹⁵⁰. Проект предусматривал заключение особых договоров при найме, нарушение которых преследовалось. Так, самовольно ушедший рабочий должен был быть возвращен к помещику без судебного вмешательства. Дела о нарушениях условий найма, грубости, дерзости к нанимателю и членам его семьи должны были рассматриваться в суде вне всякой очереди, причем присутствие самого рабочего на судебном заседании было необязательным. Предусматривалось также серьезное наказание за сманивание рабочих.

Обсуждение представленного проекта продолжалось с начала февраля до начала мая 1885 г. Проект подвергся серьезным нападкам, особенно со стороны Б. П. Мансурова и Победоносцева. Мансуров критиковал проект в основном с помещичьих позиций. По мнению Мансурова, предложения Островского были направлены на то, «чтобы всемерно оградить интересы одной стороны — нанимателей...»¹⁵¹. Победоносцев же по существу критиковал проект «слева», он был против предоставления права мировому судье: «...применять до-

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ ЦГИА, ф. Департамента государственной экономии, 1886 г., д. 231.

¹⁵¹ Там же, л. 150.

вольно строгие карательные наказания, и все это в трудовой сфере, требующей согласия для успешного результата»¹⁵². В силу этого Победоносцев рекомендовал значительно ослабить «проектируемое для обеих сторон, и в особенности для нанимателей, наказание»¹⁵³. Вместе с тем обер-прокурор Синода настаивал на том, чтобы не распространять этот закон на сдельные и поденные работы, тем самым ограничивая сферу его действия.

В результате обсуждения в законопроект был внесен ряд изменений. С одной стороны, были исключены наказания для нанимателей за нарушение условий найма (неудовлетворительные жилищные условия, пища, медицинская помощь), с другой — усилены наказания за грубость и дерзость рабочих. Самой, пожалуй, существенной поправкой, уменьшавшей в большой степени значение закона, являлось то, что он распространял свое действие только на рабочих, нанятых на определенный срок и находившихся не на сдельной оплате. Именно в силу этого значение принятого закона было невелико¹⁵⁴.

Вопрос об общине, особенно после отмены крепостного права, стоял в центре внимания русской общественной мысли. Судьбы ее волновали умы и в правительственных сферах. Сторонниками ее сохранения выступала часть представителей реакционного правительственного лагеря, а также народники. И те и другие с разных позиций видели в общине средство для предотвращения пролетаризации крестьянства. Противниками же общины были не только либералы, но и часть наиболее дальновидных представителей консервативного дворянства, понимавших экономическую нецелесообразность общинных порядков и видевших опору самодержавия в зажиточном крестьянстве. Сторонниками этой точки зрения были в прошлом министры Александра II Валуев, Тимашев, Рейтерн. В рассматриваемый нами период противниками общины были не только министр финансов Бунге, в целом представитель консервативных взглядов, но и министр двора гр. И. И. Воронцов-Дашков¹⁵⁵. Государственный секретарь Половцов, не при-

¹⁵² «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 416.

¹⁵³ Там же, стр. 417.

¹⁵⁴ ПСЗ, 3 собр., т. VI, № 3803.

¹⁵⁵ См. Е. М. Брусникин. Указ. дисс., стр. 272—274.

надлежавший к либеральной бюрократии, был также против общины. «Если Вы, государь,—говорил он Александру III,—в царствование свое уничтожите чины, общинное владение да половину праздников, так оставите после себя совсем другую Россию»¹⁵⁶. Общинную систему земледелия он презрительно именовал «табунным ковырянием земли»¹⁵⁷. Даже такой представитель реакции, как Катков, не выступая против общины, вместе с тем понимал ее вред. Говоря об общинных переделах, Катков писал: «Не требуется ли прежде всего принять меры против этих переделов, побуждающих крестьянина воздерживаться от удобрения и улучшения обрабатываемого им участка земли, так как этот участок при первом переделе уйдет от него и все, что в него вложено, пропадет даром. Не в этих ли переделах коренится причина печального застоя в крестьянском хозяйстве и ничтожной производительности крестьянских земель [...] Не следует ли приискать способы,—продолжал он,—к устранению вреда, причиняемого общинным землевладением, хотя бы не нарушая принципа общинной земельной собственности»¹⁵⁸. Это свидетельствует, что Каткову был совершенно ясен вред общинной формы землевладения, а устранить этот вред, сохраняя общину, было, естественно, невозможно.

В правительственных сферах рассуждали, что община, с одной стороны, сохраняет «патриархальные» отношения в деревне, предотвращает процесс появления безземельного крестьянства, с другой же — она определяет низкую производительность сельского хозяйства, незаинтересованность крестьянина в не принадлежащей ему лично земле. Это и обуславливало неопределенность отношения к общине в правительственных кругах.

Голод 1891—1892 гг. заставил правительство обратиться к общине. По мнению отдельных представителей власти, неурожай явился не только результатом засухи, но и зависел от качества обработки земли. Анонимный автор вышедшей в 1892 г. книги «Неурожай и опасность народного бедствия», говоря о причинах неурожая, пря-

¹⁵⁶ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 9—10.

¹⁵⁷ Там же, стр. 9.

¹⁵⁸ «Московские ведомости», 15 января 1881 г.

мо указывал, что «на первом плане между ними следует поставить те условия, на которых крестьяне владеют землей [...] Главную роль здесь играют переделы, которые повторяются в неопределенные сроки по усмотрению сельского схода, ставя крестьян в полную неуверенность относительно продолжительности пользования ими данным участком земли»¹⁵⁹.

Подобную же точку зрения выражал и Половцов. «Если бы всякий был уверен, что он вполне как собственник владеет принадлежащей ему землей,— говорил он императору, ведя беседу с ним о причинах голода,— то он иначе возделывал бы ее, получал другие результаты»¹⁶⁰. Этой же точки зрения, по словам Половцова, придерживался и Бунге. Так, передавая в дневнике свой разговор с гр. В. А. Бобринским по поводу голода в конце октября 1891 г., Половцов пишет: «Объяснение о более глубоких, чем климатические случайности, причинах неурожаев. Наступающие и угрожающие результаты общинного землевладения. Один из петербургских властителей,— продолжает Половцов,— разделяет мои взгляды—это Бунге, но у него не хватает мужества, чтобы громко говорить о том»¹⁶¹.

Вместе с тем с мест от губернаторов поступали многочисленные сведения об участвовавших частных переделах и происходивших «скидках и накидках» надельной земли, в результате чего обезземеливалось значительное число крестьян¹⁶².

Таким образом, общинная форма землепользования не могла предотвратить естественного процесса разложения крестьянства, и, даже наоборот, переделы земли служили орудием обезземеливания, в то время как они должны были выполнять противоположную функцию. Вполне естественно, что в этих условиях назревал вопрос о необходимости ликвидировать общинную регламентацию.

¹⁵⁹ «Неурожай и опасность народного бедствия». СПб., 1892, стр. 102—103. По утверждению Е. М. Брусникина, автором ее был директор Департамента окладных сборов Министерства финансов А. С. Ермолов.

¹⁶⁰ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 402.

¹⁶¹ Там же, стр. 385.

¹⁶² ЦГИА, ф. Земского отдела, оп. 38, 1883 г., д. 66; 1889 г., д. 34. См. указ. дисс. Е. М. Брусникина, стр. 268—269.

Постановка вопроса о коренной реформе общины еще не вызывалась необходимостью, в силу чего можно было ограничиться полумерами. Потребовались такие потрясения, как революция 1905—1907 гг., чтобы вынудить правительство на этот шаг.

В конце 1892 г. в Министерстве внутренних дел был составлен законопроект правил о земельных переделах в общине. Проект этот предусматривал возможность общих переделов только по решению $\frac{2}{3}$ сельского схода; при этом должен был быть заранее установлен срок следующего передела, но не ранее чем через 12 лет. Решение схода подлежало рассмотрению земского начальника и утверждению уездного съезда. Частные переделы запрещались ¹⁶³.

Государственный совет одобрил представленный проект, внося в него по предложению Витте следующие дополнения: при переделах крестьянин, вносивший в свой надел удобрения, должен был сохранить его или в противном случае получить за это вознаграждение ¹⁶⁴.

Таким образом, сохранялась и община и вместе с тем ограничивалось право общины производить переделы, что являлось определенным шагом по пути закрепления за тем или иным крестьянином своего надела, т. е. по пути к переходу к подворному землевладению. Правда, шаг этот был весьма робким.

Второй мерой, призванной предотвратить обезземеливание крестьян, явилась попытка правительства запретить свободно распоряжаться приобретенной в собственность надельной землей.

Вопрос этот возник в 70-е годы, когда отдельные земства ставили вопрос о необходимости запретить продажу надельной крестьянской земли, дабы предотвратить возникновение безземельного крестьянства. В начале 80-х годов с подобным предложением выступают Симбирское, Рязанское, Ярославское, Курское и ряд других земств ¹⁶⁵. В 1881 г. это рассматривалось на со-

¹⁶³ См. *Е. М. Брусникин*. Указ. дисс., стр. 270—271.

¹⁶⁴ ПСЗ, 3 собр., т. XIII, № 9754. Решение Государственного совета было утверждено Александром III 8 июня 1893 г.

¹⁶⁵ См. *Е. М. Брусникин*. Подготовка закона 14 декабря 1893 г. «О неотчуждаемости крестьянских надельных земель». — «Ученые записки Горьковского государственного университета». Серия историко-филологическая. Вып. 72. Горький, 1964, стр. 347—348.

вещании «сведущих людей», собранных для обсуждения переселенческого вопроса, причем большинство высказалось за отмену ст. 165 Положения о выкупе, представлявшей право досрочного выкупа наделной земли, а следовательно, и продажи ее в дальнейшем.

Разработка проекта закона о неотчуждаемости наделной земли началась в Министерстве внутренних дел еще в первой половине 80-х годов, однако Толстой не спешил, и только в январе 1888 г. он представил в Комитет министров, а не в Государственный совет проект «Временных правил». Однако этот проект не вызвал особой поддержки у членов Комитета министров, вследствие чего официально не рассматривался. По указанию Александра III была образована в середине 1888 г. Особая комиссия под председательством Плеве, которая пришла к выводу о необходимости признать принцип неотчуждаемости наделных земель, распространив его также и на земли, приобретенные через Крестьянский банк или же отведенные при переселении¹⁶⁶.

На основе заключений Комиссии Дурново сделал в мае 1890 г. новое представление в Комитет министров, в котором указал, что «отчуждение крестьянских земель в посторонние руки постоянно усиливается [...] и усиливается настолько, что в дальнейшем своем развитии явление это, несомненно, угрожает значительным обезземеливанием крестьянского населения. При этом оказалось, — продолжал он, — что такому положению дела особенно способствовало применение ст. 165 Положения о выкупе (о досрочном выкупе наделов. — П. З.) [...] По мысли законодателя, эта статья должна была служить выходом для наиболее рачительных хозяев из тяжелых условий, которые представляют для них круговая порука и постоянные переделы, лишаящие их возможности ввести какие-либо усовершенствования в свои хозяйства. На деле же она оказалась лишь средством, при помощи которого ловкие скупщики получали возможность приобретать крестьянские земли»¹⁶⁷.

В связи с этим Дурново полагал, что необходим общий пересмотр всего законодательства о крестьянах, а до разрешения этого вопроса ввести «Временные огра-

¹⁶⁶ Там же, стр. 355.

¹⁶⁷ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1893 г., д. 77, л. 42.

ничительные правила». Комитет министров, одоблив в принципе мысль, изложенную в представлении, вместе с тем счел необходимым обсудить данный вопрос «в законодательном порядке». Вследствие этого представление и было передано в начале 1891 г. в Государственный совет. Однако обсуждение этого вопроса происходило только в 1893 г. Как рассказывает Половцов, по его инициативе рассмотрение этого представления было отложено. «Прошу позволения,—записит он в дневник 14 марта 1892 г. свой разговор с императором,—не докладывать Совету представление министра внутренних дел об ограничении права отчуждать крестьянские наделы. Выставляю неудобство касаться этого вопроса в голодный год»¹⁶⁸.

Обсуждение представления Дурново в Государственном совете, Соединенных департаментах и в Общем собрании протекало очень оживленно. Ряд членов Совета во главе с Бунге выступали решительными противниками предложения Министерства внутренних дел. Бунге в своей записке, разосланной членам Государственного совета, решительно выступил против предлагаемой меры. В заключении этой обширной записки он указывал, что «ограничение права продажи, переуступки и залога имущества, а равно права приобретения частной собственности и потомственного пользования принадлежит к наибольшим стеснениям общегражданских прав [...] Единственный результат, достижимый в будущем, вследствие неотчужденности крестьянской земли ограничится тем,—продолжал он,—что крестьяне сочтут правительство обязанным наделить их землею не только государственною, но и частновладельческой. Пошатнув в понятиях крестьян навсегда ясное представление о праве и о личной собственности, правительство достигает одного, что крестьяне не будут уважать поместной собственности и будут требовать наделов»¹⁶⁹. Точку зрения Бунге поддержали и другие члены Совета.

Несмотря на многочисленные возражения, большинство Государственного совета одобрило представление Дурново, и 14 декабря 1893 г. мнение Совета было

¹⁶⁸ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 434.

¹⁶⁹ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1893 г., д. 77, л. 138.

утверждено Александром III¹⁷⁰. Рьяными же сторонниками Дурново были Победоносцев, Островский и Витте¹⁷¹. На записке государственного секретаря Н. В. Муравьева по поводу состоявшегося решения император писал: «Это утешительно и успокоительно»¹⁷².

Содержание принятого закона заключалось в следующем. Залог надельных земель был вовсе запрещен, продажа их могла быть разрешаема только односельчанам. Досрочный выкуп наделов мог быть разрешаем только при условии согласия на то $\frac{2}{3}$ сельского схода с последующим утверждением уездного съезда земских начальников¹⁷³.

Итак, в рассматриваемый период было разработано Министерством внутренних дел и рассмотрено Государственным советом пять законопроектов, касавшихся аграрного вопроса. Все они, включая и первый из них — закон о переселениях, ставили своей задачей задержать естественный ход экономического развития, а большинство их было направлено на консервацию феодальных пережитков. Однако эти законы не имели какого-либо действительного значения, и практический результат их был ничтожен.

Если переселение крестьян, казалось бы, должно было ослабить земельный голод путем организации массовой колонизации, то закон 1889 г. ставил своей задачей, елико возможно, сдержать это движение, ставя многочисленные рогатки тем, кто хотел уйти на новые земли. Однако действительность показала, что практически этот закон не приостанавливал колонизационного потока. Несмотря на обилие различного рода запретительных законоположений и распоряжений, поток переселенцев невозможно было преградить. Так, из переселенцев, направившихся в Сибирь в начале 90-х годов,

¹⁷⁰ ПСЗ, 3 собр., т. XIII, № 10151.

¹⁷¹ Вместе с тем Витте выступал горячим сторонником общины. По его мнению, «общинное землевладение наиболее способно обеспечить крестьянство от нищенства и бездомности» (ЦГИА, ф. Департамента законов, 1893 г., д. 77, л. 666). «Община,— писал он,— обнаружила несравненно большую жизнеспособность, чем это можно думать» (там же, л. 664). Таким образом, только впоследствии он становится решительным защитником частной крестьянской земельной собственности.

¹⁷² ЦГИА, ф. Департамента законов, 1893 г., д. 77, л. 968.

¹⁷³ ПСЗ, 3 собр., т. XIII, № 10151.

60—85% были «самовольными»¹⁷⁴. Жизнь заставила правительство в дальнейшем пойти на уступки, ослабив преграды, установленные для переселенцев.

Закон об ограничении семейных разделов также не достиг своей цели. Несмотря на преграды, установленные законом, количество разделов из года в год увеличивалось. Так, за 9 лет из общего числа 96 083 семейных разделов, произведенных в 18 губерниях, 50 979 были «самовольными»¹⁷⁵.

Закон о найме сельскохозяйственных рабочих не мог иметь какого-либо большого значения уже потому, что действие его не распространялось на поденных и сдельных рабочих, которые занимали подавляющее место среди этой категории рабочих. К тому же взаимоотношения рабочих с нанимателями в значительной степени определялись в тогдашних условиях спросом и предложением, а не теми или иными законодательными мерами.

Закон 8 июня 1893 г., ограничивавший переделы, также не привел ни к каким положительным результатам. Число переделов не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Данные земской статистики и материалы местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности убедительно говорят об этом.

Наконец, закон о неотчуждаемости крестьянских наделов не внес каких-либо существенных изменений. Правда, после издания закона досрочный выкуп земли значительно сократился, примерно в 10 раз, однако это не сократило общего процесса концентрации наделной земли в руках капиталистических элементов деревни.

Аграрное законодательство периода реакции не внесло каких-либо серьезных изменений в ход экономического развития деревни.

* * *

Отношение правительства к земству определялось общим его курсом и, естественно, не могло быть благоприятным. Это находит свое отражение на страницах

¹⁷⁴ См. *Е. М. Брусникин. Указ. дисс.*, стр. 226.

¹⁷⁵ ЦГИА, ф. Земского отдела Мин. вн. д., оп. 54, д. 5 за 1896 г., л. 6—7.

реакционной прессы. На страницах «Московских ведомостей» Катков неоднократно пытался доказывать ничтожность существования земства и необходимость по крайней мере его реорганизации. В передовой статье по поводу «возвращения правительства», т. е. утверждения реакционного курса, Катков писал: «Система устранения правительства потребовала, чтобы оно отказалось от всякого дела, признавая себя ни к чему не пригодным. Сама администрация в ее разветвлениях по стране объявлена не делом правительства. Против государства выдвинута *земля*, а под землю на практике разумеется не земля, которую пашут [...] но учреждения 1864 г. именуемые земством,— громоздкий аппарат, который в продолжение своего двадцатипятилетнего существования дал хорошо почувствовать настоящей земле, т. е. народу, только свою тяжесть, разорительность»¹⁷⁶.

В статье «Упразднение земства» Мещерский писал: «Земская несостоятельность дошла до самой кульминационной точки, когда последний рубль отобран с каждого земского плательщика, земские кассы все же пусты, плательщики разорены и следов переустройства к лучшему где бы то ни было в области земского хозяйства нигде не видно. Везде стоят стоны и жалобы на непомерные поборы, не определенные никакою нуждою и, безусловно, непроизводительные, а рядом с этим везде слышится вопрос: [...] да где же земство—его нет [...] Его нет как нравственной силы, его нет как государственного учреждения, его нет как патриотической общественной среды [...] его нет как хозяйственного распорядителя, его нет как охранительного экономического начала, его нет, наконец, как правильного органа движения и жизни [...] на практике,—заключает Мещерский.—Для всех внутри России ясно и несомненно, что земство давно уже упразднено на деле, и упразднено самим собою»¹⁷⁷.

Александр III рассматривал земство как враждебную силу, полагая, что по природе своей оно должно всегда противостоять провинциальной администрации. Так, на всеподданнейшем отчете олонецкого губернатора за 1887 г. против фразы, в которой говорилось, что

¹⁷⁶ «Московские ведомости», 19 октября 1884 г.

¹⁷⁷ «Гражданин», 1885 г., № 14.

земство «строго держится закона и в действиях своих постоянно идет рука об руку с администрацией»¹⁷⁸, император делает помету: «Утешительное исключение»¹⁷⁹.

Враждебная позиция правительства к земству находила свое выражение и в отношении к земским ходатайствам. Эти ходатайства, за очень редким исключением, отклонялись без всяких мотивов. С декабря 1883 по декабрь 1884 г. Комитетом министров из рассмотренных 30 земских ходатайств по самым различным вопросам было отклонено 28¹⁸⁰. Установить причину этих отказов довольно трудно. В октябре 1884 г. отклоняется ходатайство Новгородского земства о созыве съезда представителей земств северных губерний для разработки мер по борьбе с эпидемиями¹⁸¹ и в то же время разрешается межгубернский съезд по борьбе с вредителями сельского хозяйства и по борьбе с эпизоотией¹⁸². В 1888 г. отклоняется, также без всяких мотивов, ходатайство Вологодского губернского земства об организации выставки сельскохозяйственного скотоводства и молочного хозяйства¹⁸³.

Анализируя отклонения Комитетом министров земских ходатайств, нам представляется, что основной причиной этого было стремление правительства всячески ограничить деятельность земских учреждений. Эта же тенденция обнаруживается при изучении губернаторских отчетов. Основной лейтмотив многих из них — жалобы на увеличение земских смет и «безрассудную» трату земских средств.

«Обращаясь к деятельности земских собраний в отчетном году,— пишет в своем отчете за 1883 г. новгородский губернатор,— я считаю своим долгом отметить повторяющиеся попытки собраний выйти из пределов, указанных им законом. Так, многие из уездных собраний ассигновали из земских сумм деньги на такие пред-

¹⁷⁸ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4654, ст. 410, л. 439.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же, д. 4336, ст. 865, 867; д. 4376, ст. 26—39, 72; д. 4378, ст. 162; д. 4380, ст. 179, 212, 231; д. 4384, ст. 379; д. 4387, ст. 418, 431, 457, 458, 537, 538, 568, 570; д. 4394, ст. 641; д. 4396, ст. 602, 661, 680, 682, 683; д. 4399, ст. 714, 726, 735, 761; д. 4405, ст. 811, 870.

¹⁸¹ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4399, ст. 714.

¹⁸² Там же, ст. 726.

¹⁸³ Там же, д. 4665, ст. 630.

меты, которые не относятся к местным пользам и пуждам...»¹⁸⁴ Об этом же говорит во всеподданнейшем отчете и пермский губернатор. «В отношении деятельности земских учреждений не могу не обратить внимание на то важное явление,— пишет он в отчете за 1884 г.,— что земские сметы с каждым годом постепенно увеличиваются, а земские собрания при назначении ассигнований нисколько не соображаются ни с материальным положением плательщиков, ни со степенью урожая хлебов [...] Хотя большая часть ассигнований, несомненно, употребляется на нужды и пользы местного населения, но нельзя не заметить, что быстрое увеличение сборов, говорящее в пользу бережливости их употребления, оказывается тяжелым бременем для платежных сил населения»¹⁸⁵. Наконец, об этом же в отчете за 1884 г. пишет и полтавский губернатор, отмечая «справедливые нарекания на равнодушие органов земства к общественным нуждам, на отяготительные налоги, отсутствие бережливости»¹⁸⁶.

Характеризуя деятельность губернских земских собраний, происходивших в начале 1883 г., Катков в «Московских ведомостях» отмечал, что «доклады, касающиеся бюджетных вопросов, в большинстве случаев едва выслушиваются; сметные назначения спешно утверждаются, чтобы выиграть время для утверждения последующих, то и дело появляющихся из портфелей управ; споры же возбуждают мимоходом лишь те статьи, которые касаются личных окладов; спорят горячо и кончают благополучным утверждением почти всех предложений управ или комиссий, как бы ни была очевидна их экстравагантность»¹⁸⁷.

Все эти явления о своеволии земств, о чрезмерно легком отношении их к земским средствам свидетельствовали о стремлении правительства, елико возможно, ущемить их деятельность. Эта точка зрения находила полную поддержку и в среде губернской администрации.

¹⁸⁴ ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 223, д. 119 за 1884 г., л. 10.

¹⁸⁵ Там же, д. 165 за 1885 г., л. 6.

¹⁸⁶ Там же, д. 144 за 1885 г., л. 6.

¹⁸⁷ М. Н. Катков. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1883 год, стр. 27.

О необходимости изменения Положения 1 января 1864 г. говорят не только реакционные газеты «Гражданин» и «Московские ведомости», но эта мысль в той или иной форме находит свое отражение также и в губернских отчетах. В отчете пермского губернатора за 1885 г. содержится программа земской контрреформы, заключающаяся в стремлении ограничить хозяйственную деятельность земств. По мнению этого губернатора, необходимо, во-первых, ограничить рост земских смет, обращая «строгое внимание на состояние платежных сил населения в данное время»¹⁸⁸. Во-вторых, рекомендовать предоставить губернатору право протеста «по всем статьям земских расходов, не исключая и необязательных, если им будут признаны которые-либо из них излишними, несвоевременными или несообразными с платежными средствами населения»¹⁸⁹. И наконец, в-третьих, губернатор считал необходимым увеличить срок для рассмотрения губернской администрацией «постановлений, смет и раскладок земств»¹⁹⁰.

Примерно в этом же духе говорит и пензенский губернатор, также рекомендуя подчинить губернаторскому контролю хозяйственную деятельность земства, а также включить в состав земских собраний крупных плательщиков земских сборов, т. е. наиболее крупных помещиков¹⁹¹. Полтавский губернатор считал необходимым подчинить деятельность земских учреждений действительному контролю правительства и ввести в их состав в значительном количестве наиболее благонадежный дворянский элемент, так как дворяне-землевладельцы представляют ту именно консервативную среду, «при которой возможно установить правильные и прочные отправления государственной жизни»¹⁹². Наконец, черниговский губернатор считал целесообразным изменить существующий порядок выборов: отменить «право каждого собрания выбирать гласных из среды избирателей других собраний»¹⁹³. Наиболее цельная програм-

¹⁸⁸ ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 223, д. 194 за 1886 г., л. 10.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же, д. 69 за 1886 г., л. 30—31.

¹⁹² Там же, д. 98 за 1887 г., л. 6.

¹⁹³ Там же, л. 7.

ма земской контрреформы была изложена Пазухиным в его статье «Современное состояние России и сословный вопрос»¹⁹⁴.

На протяжении 80-х годов, точнее, с 1882 г. никаких антиправительственных выпадов земства не совершали, однако, несмотря на это, они рассматривались по-прежнему враждебной силой.

В отчете за 1886 г. вятский губернатор сообщил «о вредном направлении земства», по поводу чего Александр III сделал следующую пометку: «Почти везде то же самое»¹⁹⁵. Полтавский губернатор в отчете за 1884 г., говоря о земстве, писал: «Земские деятели всеми средствами стремятся выйти из тех пределов, которые назначены им законом, и в земских собраниях возбуждают и подвергают обсуждению дела, не входящие в круг их ведения»¹⁹⁶.

Подобную характеристику мы находим и в других отчетах¹⁹⁷. Под влиянием все усиливавшейся реакции и изменения общественных настроений состав земских собраний значительно меняется.

«Под влиянием общих правительственных мер,— писал новгородский губернатор в начале 1887 г.,— взгляды общества заметно стали трезвее, и результаты последних земских выборов служат тому наглядным указанием. Все лица противоправительственного направления или сомнительных нравственных качеств, способствовавшие беспорядкам в земском деле, должны были уступить свои места людям охранительного направления, и ныне уже замечается стремление к водворению порядка и честности»¹⁹⁸,— глубокомысленно заключал губернатор А. Н. Мосолов.

Именно в силу «водворения порядка и честности» на протяжении рассматриваемого периода серьезных столкновений правительственных властей с земствами не было, за исключением двух случаев: в Остерском уезде

¹⁹⁴ См. главу вторую, стр. 93.

¹⁹⁵ «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. IV, стр. 319.

¹⁹⁶ ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 223, д. 144 за 1885 г., л. 6.

¹⁹⁷ Там же, «Отчет пермского губернатора за 1884 год»; д. 165 за 1888 г., и др.

¹⁹⁸ Там же, д. 183 за 1887 г., л. 15—16.

Черниговской губернии и Череповецком уезде Новгородской губернии. В первом случае произошел конфликт между вновь назначенным в Чернигов уже известным губернатором Анастасьевым. В своем отчете за 1887 г., характеризуя положение губернии, он обращал внимание императора на состояние в Остерском уезде, где вследствие слабости поместного дворянства все интеллектуальные силы составляют «люди, выдвинувшиеся из ничтожества». Именно они и завладели земством и творят в нем различные злоупотребления. «Борьба с такою подпольной интригой и инсинуациями невозможна при нынешнем порядке вещей, и обманываемое население теряется в массе догадок и противоречий, встречаемых им на каждом шагу. Понятно поэтому, как вредна для народа такая деятельность либеральничающих воротил и как они действуют растлевающе на нравственные устои жизни этого народа»¹⁹⁹.

Впрочем, по мнению Анастасьева, Остерское земство не являлось исключением, и в других уездах оно было не лучше. Даже губернская земская управа, по его словам, представляла собою крамольное учреждение, «заведомо привлекая в состав своих служащих самых неблагонадежных людей и т. п.»²⁰⁰. Собственно, конфликт Анастасьева с земством не столько определялся особенностями Черниговского земства, сколько антипатиями этого ретивого администратора, его нелюбовью к общественным органам, составленным из людей, «выдвинувшихся из ничтожества». Столкновение Анастасьева с Остерским земством ликвидировалось само собой — вскоре оно было переизбрано.

Наиболее острый конфликт возник в Новгородской губернии. Новгородский губернатор А. Н. Мосолов, в прошлом директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий, изгнанный Толстым из министерства, отличался, так же как и Анастасьев, нетерпимостью к земству. В отчете за 1884 г. он посвятил большой раздел деятельности Череповецкого земства. Гово-

¹⁹⁹ Там же, д. 197 за 1888 г., л. 3, 9, 10.

²⁰⁰ В. М. Хижняков, Воспоминания земского деятеля, стр. 162, Как утверждает тот же В. М. Хижняков, являвшийся в 1887 г. председателем губернской земской управы, Анастасьев в том же 1887 г. приказал произвести обыск в помещении управы. Обыск, естественно, не дал никаких результатов (там же).

ря о порядках, существующих в земствах губернии, он писал: «Разительное исключение в этом отношении представляют земские учреждения Череповецкого уезда, руководимые небольшим числом лиц, издавна получивших там преобладание. Уже более десяти лет уездное земское собрание и управа ведут систематическое препирательство почти со всеми правительственными установлениями: с губернатором, с полицией, с судебными следователями и Министерством юстиции, с духовенством, с инспекцией народных училищ и с учебным округом»²⁰¹. В связи с тем что руководители этого земства, по словам губернатора, стремятся уклониться от всякого надзора за их деятельностью и приобрести исключительное влияние на население, «влияние это успело обнаружиться и при беспорядке во всех отраслях собственного земского хозяйства внесло смуты и неурядицы во все части управления в уезде»²⁰².

Результатом этого заявления губернатора явилось командирование в Череповецкий уезд в декабре 1885 г. министром внутренних дел Особой комиссии из представителей трех министерств: внутренних дел, юстиции и народного просвещения. В результате доклада этой Комиссии четверо представителей Череповецкого земства были высланы административным путем²⁰³ по распоряжению Министерства внутренних дел. Комиссия вместе с тем пришла к заключению о необходимости временно-го отстранения земства от участия в управлении училищами, закрытия земской библиотеки, а также склада книг и учреждения при уездной управе временного управления «для подробной ревизии отчетности прошлых лет, для разбора неправильностей в земском обложении»²⁰⁴, а также и других вопросов.

²⁰¹ ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 223, д. 193 за 1885 г., л. 12—13.

²⁰² Там же, л. 13. По этому поводу Александр III сделал следующую помету: «Какие же меры приняты правительством против этого безобразия?» («Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. IV, стр. 320).

²⁰³ Председатели земской управы Румянцев и Попов и члены управы Яруничев и Белов.

²⁰⁴ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4657, приложение к ст. 385, л. 100. В докладе Комиссии отмечалось, что земство действовало самовольно: назначало учителей, открывало и закрывало школы, организовывало собрание учителей народных училищ без раз-

Новгородский губернатор опротестовал это решение Комиссии как не вытекающее «из этих фактов, которые собраны самой Комиссией о деятельности земских учреждений в этом уезде»²⁰⁵, полагая «более сообразным с достоинством правительства прекратить на время во все деятельность земских учреждений Череповецкого уезда, учредив над имуществом и делами земства нечто вроде правительственной опеки»²⁰⁶. С этой целью он рекомендовал для заведования делами земства (с функциями земского собрания и земской управы) создать Особое правительственное учреждение, «которое за все время управления действует под непосредственным наблюдением и руководством губернатора в порядке общей административной подчиненности уездных учреждений»²⁰⁷. Состав этого управления, «соответствующий уездному земскому собранию», по мнению губернатора, должен был определяться следующими лицами: «предводителем дворянства, податным инспектором, городским головой, исправником, тремя бывшими членами земства «по приглашению губернатора» и «особым лицом, назначенным губернатором» для непосредственного заведования земскими делами».

Исполнительный орган этого управления (круг обязанностей земской управы) возлагался на временную исполнительную комиссию в составе трех гласных и указанного выше «особого лица».

Министр внутренних дел в своем представлении в Комитет министров поддержал предложения губернатора Мосолова. По поводу этого представления управляющий Морским министерством Шестаков говорит, что оно преследовало далеко идущие цели — «заручиться веским предрешением общего вопроса о земствах»²⁰⁸,

решения попечителя (ф. Комитета министров, д. 4657, приложение к ст. 385, л. 23—101, доклад Комиссии). По мнению Мосолова, Череповецкое земство «представляло собою социалистов, державших власть в своих руках и безрассудно злоупотреблявших ею для своих совершенно диких целей» (ЦГАОР, ф. 1463. Коллекция отдельных документов личного происхождения, д. 1115, л. 134).

²⁰⁵ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4657, ст. 385, л. 7.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же, л. 8.

²⁰⁸ ЦГАВМФ, ф. Шестакова, д. 8, л. 27. Запись в дневнике за 27 марта 1888 г.

т. е. фактической ликвидацией земской самостоятельности, что и замышлял Толстой.

Рассмотрение вопроса о Череповецком земстве проходило в течение двух дней — 24 марта и 31 мая 1888 г. Как рассказывает в своих воспоминаниях Мосолов, обсуждение его вызвало в Комитете министров бурные споры²⁰⁹. «В Комитете,— пишет он,— шли два часа бурные прения по поводу Череповецкого земства. Юристы и резонеры возмущались. Толстой не поехал, а прислал товарища своего Плеве, меня поддерживали Победоносцев и Делянов. Председатель Бунге ставил мне вопросы очень коварно, но я отвечал спокойно и ясно. Особенно травили меня Стояновский, Абаза и барон Николай, но я этим нисколько не смущался. Следующие заседания происходили без меня, и было так же бурно, но безрезультатно»²¹⁰.

Таким образом, даже в Комитете министров обсуждение этого вопроса не прошло гладко. Комитет министров в целом согласился с предложениями Толстого — Мосолова, лишь несколько изменив их. Первый пункт решения предоставлял министру внутренних дел право «командировать в Череповецкий уезд на срок не более трёх лет временную комиссию лиц, избранных по согласованию с министром финансов, народного просвещения и с государственным контролером»²¹¹. На эту Комиссию возлагались обязанности земской управы «и представительство местного земства в уездных учреждениях»²¹². На время полномочий Временной комиссии деятельность земской управы прекращалась и созыв земского собрания не должен был производиться. Министру внутренних дел предоставлялось право поставить перед Комитетом министров вопрос о досрочном отзыве Комиссии и созыве избирательных земских съездов.

Впервые за четверть века существования земства одно из уездных земств было упразднено на три года. Это было единственное крупное столкновение прави-

²⁰⁹ Прения эти, как обычно, в журнале Комитета министров отражения не получили.

²¹⁰ ЦГАОР, ф. 1463. Коллекция отдельных документов личного происхождения, д. 1115, л. 134—135.

²¹¹ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4654, ст. 385, л. 333—334.

²¹² Там же, л. 334.

тельства с земством на протяжении 80-х — начала 90-х годов. Правительство крайне раздражала и хозяйственная самостоятельность земств, бесконтрольная, с точки зрения властей, трата земских средств на местные нужды. Вполне естественно, что рост земских расходов способствовал расширению земской деятельности, и это встречало сопротивление правительственных органов, и в первую очередь губернаторов. Недовольство ростом земских бюджетов обычно аргументировалось заботами о налогоплательщиках.

Пермский губернатор, отмечая во всеподданнейшем отчете за 1884 г. непрерывный рост земских смет²¹³, писал: «Хотя большая часть ассигнований, несомненно, употребляется на нужды и пользы местного населения, но нельзя не заметить, что быстрое увеличение земских сборов, не говорящее в пользу бережливости их употребления, оказывается весьма тяжелым бременем для платежных сил населения, истощает их и тем самым ослабляет начинания самого земства по улучшению благосостояния местных жителей, но и совершенно парализует все правительственные мероприятия по сохранению правоспособности платежных сил населения в равновесии»²¹⁴.

Новое Земское положение 12 июня 1890 г. значительно усиливало контроль губернаторов за деятельностью земств. Это Положение предусматривало всеобъемлющий контроль со стороны губернатора и губернского по земским и городским делам присутствия за финансовой деятельностью земств²¹⁵. И действительно, местные власти широко использовали эти возможности.

За год, с ноября 1891 по ноябрь 1892 г., губернскими по земским и городским делам присутствиями было отменено 116 решений губернских и уездных земских собраний по вопросам о расходовании земских средств в 11 губерниях. Наиболее ретивыми оказались власти

²¹³ В 1883 г. они составляли 2 737 044 руб., в 1884 г. — 2 776 597 руб., и на 1885 г. смета предполагала расходы в сумме 2 867 581 руб. (ЦГИА, ф. Хозяйственного департамента Мин. вн. д., оп. 23, д. 1475, л. 2).

²¹⁴ Там же. Император вполне согласился с губернатором, заметив на полях следующее: «Все это неправильно, но что можно сделать, чтобы урегулировать эти ассигнования» (там же).

²¹⁵ Подробнее см. на стр. 409—411.

Владимирской и Уфимской губерний: в первой было отменено 51 решение, во второй — 32²¹⁶. Как губернаторы, так и губернские по земским и городским делам присутствия пытались использовать всякую формальность, дабы отменить то или иное решение земского собрания. Приведем несколько примеров.

Владимирское губернское по земским и городским делам присутствие отменяет решение Суздальского уездного земского собрания о назначении единовременного денежного пособия гаврило-посадской общественной библиотеке в размере 50 руб. из «суммы, назначенной по ст. 10-Л «а» земской сметы, т. е. из запасной суммы на непредвиденные издержки и недобор в доходах»²¹⁷.

Уфимское губернское по земским и городским делам присутствие отменяет решение Бирского уездного земского собрания о перенесении на следующий год ассигнованных по смете, но не израсходованных сумм на ремонт местных больниц²¹⁸. Отменяется также владимирскими властями решение Юрьевского уездного земского собрания о выдаче «из остатков от сметы присяжному поверенному Пашкевичу 105 р. 18 к. в возврат израсходованных им из своих средств на ведение дел земства»²¹⁹. Тверской губернатор, опротестовав девять пунктов сметы губернского земства на 1891 г., писал по этому поводу в своем конфиденциальном письме в министерство следующее: «Все означенные ассигновки приняты собранием без возражений (по-видимому, единогласно.— П. З.) вследствие легкого отношения его вообще к денежным затратам [...] Это легкое отношение собрания к разрешению денежных вопросов,— глубокомысленно замечал он,— главным образом поддерживается либеральной партией, которая смотрит на них несколько свысока и, преследуя при этом политические цели, пользуется иногда расширением сметы для обеспечения некоторых из своих представителей»²²⁰.

²¹⁶ ЦГИА, ф. Хозяйственного департамента Мин. вн. д., оп. 23, д. 1747.

²¹⁷ Там же, л. 240.

²¹⁸ Там же, л. 27.

²¹⁹ Там же, л. 257.

²²⁰ Там же, д. 1753, л. 15—16.

Подобные примеры отмены решений земских собраний, совершенно необоснованные с точки зрения здравого смысла, свидетельствуют только об одном: желании правительственных властей подчинить себе целиком земские учреждения.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода правительство и его местные органы стремятся различными путями и средствами ликвидировать всякую самостоятельность земства.

ГЛАВА IV

КАХАНОВСКАЯ КОМИССИЯ

Большое значение для понимания правительственной деятельности в целом на первом ее этапе, до середины 80-х годов, имеет изучение трудов Кахановской комиссии.

Как известно, результаты работы этой Комиссии не имели практического значения, однако именно в недрах Кахановской комиссии родились первые проекты контр-реформ конца 80-х — начала 90-х годов.

Вместе с тем материалы Комиссии представляют большой интерес и для изучения позиций либеральной и реакционной бюрократии, а также цензовой общест-венности в вопросе о реформах губернских и уездных учреждений.

Еще 4 сентября 1881 г. министр внутренних дел гр. Н. П. Игнатьев представил Александру III доклад о необходимости разработать проект реформы местных учреждений¹.

Практическая работа Комиссии началась со второй половины ноября 1881 г. На протяжении трех месяцев (ноября — января) был составлен детальный план работы, утвержденный в апреле 1882 г. Комитетом министров². Однако уже на первых порах работы администрация всячески пытается ограничить деятельность Комис-

¹ Вопрос о создании Кахановской комиссии подробнее рассмат-ривается в моей книге «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 431—434.

² ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4204, 4235, ст. 280.

сии, создать ей преграду в рассмотрении ряда существенных вопросов. Сенатор А. А. Половцов 23 января 1882 г. заносит в свой дневник следующий разговор с Кахановым. «Захожу к Каханову, который сообщает мне,— пишет Половцов,— что в заседании накануне товарищ Игнатьева Готовцев³ заявлял, что Комиссия не должна заниматься вопросом о полиции, который будет мимо ее рассмотрен и внесен в Государственный совет [...] Еще также Готовцев заявил, что не должно расширять прав земства в ущерб власти министерства»⁴.

Гр. Толстой, пришедший на смену Игнатьеву, с первых своих шагов относится к Кахановской комиссии враждебно. В разговоре с тем же Половцовым в ноябре 1883 г. Толстой, объясняя ему причины, почему он не закрыл Кахановскую комиссию сразу же после своего назначения, сказал: «Я не хотел ее закрывать для того, чтобы против меня не возникло обвинение в том, что я помешал совершаться великому делу, но теперь я намерен свести результаты ее деятельности к нулю, как скоро мне будут представлены окончательные результаты ее трудов»⁵. Нам представляется, что дело было не только в этом. Толстой, придя к власти, просто боялся закрыть Комиссию, так как обстановка была ему неясна.

В состав Комиссии на первом этапе ее работы были введены сенаторы, ревизовавшие в 1880—1881 гг. ряд губерний⁶, — С. А. Мордвинов, А. А. Половцов, И. М. Шамшин, а также представители различных ведомств.

Для составления первоначального проекта реформы местного управления тотчас же в апреле 1882 г. было создано из числа членов Комиссии Совещание под председательством М. С. Каханова⁷. В состав этого Совещания помимо ревизовавших сенаторов вошло несколько сенаторов как Общего собрания, так и Первого депар-

³ Товарищ министра внутренних дел.

⁴ ЦГАОР, ф. Половцова, д. 20, л. 42.

⁵ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 148.

⁶ См. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 238—244.

⁷ Первоначально Особая комиссия состояла из 14 человек: М. С. Каханова, М. Е. Ковалевского, С. А. Мордвинова, А. А. Половцова, И. И. Шамшина, Д. В. Готовцева, Э. В. Фриша и др.

тамента Сената (М. Н. Любошинский, Э. В. Фриш, А. Д. Шумахер), товарищ министра внутренних дел И. Н. Дурново, несколько руководящих чиновников Министерства внутренних дел (Ф. Л. Барыков, П. П. Ссменов) и ряд других лиц. В заседаниях Совещания, рассматривавших разработанный проект, как правило, принимало участие 8—10 человек⁸. Совещание закончило составление и обсуждение проекта к ноябрю 1883 г.⁹

С ноября 1884 г. состав Особой комиссии был значительно увеличен как за счет представителей различных ведомств, так и приглашения местных деятелей — экспертов, преимущественно губернаторов и предводителей дворянства¹⁰.

Говоря об этих представителях «местной общестственности», И. И. Петрункевич в своих воспоминаниях писал: «Пятнадцать экспертов из числа не примирившихся с освобождением крестьян и с земством губернаторов и помещиков, кричавших, что в деревне нет житья помещику от крестьян, а в земстве хозяйничает революция: можно ли придумать экспертизу менее способную внушить доверие обществу»¹¹. Лидером этой «когорты» дворянских экспертов был Пазухин.

Рассмотрение Комиссией составленного Совещанием проекта реформы местных учреждений продолжалось с октября 1884 г. и закончилось 6 апреля 1885 г. Такова фактическая сторона истории деятельности Комиссии.

Разработанный Совещанием проект реформы состоял из VII отделов: I — сельское общество; II — волостное управление; III — городское управление; IV — полиция; V — уездное управление; VI — губернское управление; VII — порядок надзора и рассмотрения пререканий.

⁸ М. С. Каханов, М. Е. Ковалевский, С. А. Мордвинов, А. А. Половцов, И. Н. Дурново, П. П. Семенов, Ф. Л. Барыков, И. Е. Андреевский, Г. П. Галагин, Н. А. Ваганов.

⁹ ЦГИА, ф. Кахановской комиссии, д. 71. Общее число заседаний Комиссии составляло 60.

¹⁰ Всего число членов Комиссии составляло 34. Из них: а) по особому назначению и соглашению с надлежащими ведомствами — 19 и б) по приглашению из числа местных деятелей — 15. Среди экспертов были губернаторы пермский — А. К. Анастасьев, воронежский — А. В. Богданович, ковенский — С. Н. Гудим-Левкович; губернские и уездные предводители дворянства — Г. В. Кондонди, А. Е. Зарин, А. Д. Пазухин, С. С. Бехтсев и др.

¹¹ И. И. Петрункевич. Из записок общественного деятеля, под редакцией А. А. Кизеветтера. Прага, 1934, стр. 257.

В этом же порядке и осветим составленный Совещанием проект. Рассматривая существующую организацию сельского общества, Совещание пришло к заключению, что в его состав должны входить все лица, проживающие в нем, а также все лица, имеющие недвижимую собственность¹². Таким образом, в состав сельского общества должны были быть включены не только крестьяне, но и представители всех сословий. Делами сельского общества должен был весть сельский сход, состоящий из домохозяев и лиц мужского пола, достигших 25—30 лет. Сельский сход избирал сельского старосту, который и должен был осуществлять все его распоряжения. Функции старосты в основном оставались прежними в соответствии с Положениями 19 февраля 1861 г.

Наряду с сельским обществом проект предполагал сохранение крестьянской поземельной общины как юридического органа, а там, где не существовало общинного землевладения, должен был образоваться «поземельный союз крестьян, получивших наделы по одному акту укрепления и владеющих ими (т. е. землями.— П. З.) на наследственном участковом праве»¹³. Этот союз крестьян, принадлежавших ранее одному владельцу или принадлежащих к одной поземельной общине, образовывал сход для решения своих местных дел¹⁴.

Следовательно, Совещание проектировало создание всесословного сельского общества и вместе с тем сохранение чисто сословного поземельного союза крестьян, [принадлежавших до отмены крепостного права одному владельцу]. Таким образом, существующее сельское общество должно было сохраниться в форме поземельного союза, ограниченного лишь рассмотрением местных поземельных дел.

Обратимся к анализу второго раздела проекта — волостной организации. По мнению Совещания, существующая волость «как единица крестьянского управления упраздняется»¹⁵. Вместо нее «по делам общего

¹² ЦГИА, ф. Кахановской комиссии, оп. 1, д. 71, л. 2—3. По вопросу о составе сельской общины в Совещании сложились две точки зрения, нашедшие свое отражение в двух редакциях, однако и та и другая предполагала создание всесословного сельского общества.

¹³ Там же, л. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, л. 7.

управления образуется низшая единица такого управления, непосредственно подчиненная управлению уездному и сохраняющая прежнее наименование волости»¹⁶. В состав этой волости, представляющей собою административную территориальную единицу, должны были не только включаться те или иные сельские общества, но и посады, местечки и заштатные города, не имевшие городского общественного управления. Таким образом, создание новой административной единицы, которой бы и подчинялось все население, проживавшее на ее территории, представляло бы собою всесословную волость. Вместе с тем эта волость не являлась бы все той же «всесословной волостью» с избираемыми органами управления — волостным земством, о которой мечтали земцы. Новая волость в отличие от прежней являлась только административной единицей. Полицейские функции ей не принадлежали. Управление волостью сосредоточивалось в одном лице — волостеле, избираемом уездным земским собранием на шесть лет¹⁷ из числа жителей губернии, имеющих среднее образование¹⁸. Избранный на должность волостеля должен был утверждаться присутствием губернского управления.

По мнению Совещания, крестьянский волостной суд должен был оставаться по существу на прежних основаниях. «За крестьянами каждого сельского общества (а не всеми членами его. — П. З.) признается законом право иметь исключительно для гражданских дел свой домашний сельский суд»¹⁹, — говорилось в проекте, «в волости же должен был быть сохранен, с некоторыми только изменениями, нынешний волостной (формально крестьянский) суд»²⁰.

Следовательно, ни сельский, ни волостной суд не распространяли своей юрисдикции на все население как сельских обществ, так и волостей.

Органы городского общественного управления с внешней стороны не претерпевали существенных изме-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Во время первых выборов волостель должен был избираться на три года.

¹⁸ По мнению двух членов Совещания, волостель должен был обладать определенным имущественным цензом.

¹⁹ ЦГИА, ф. Кахановской комиссии, оп. 1, д. 71, л. 9.

²⁰ Там же, л. 10.

нений. В решении Совещания прямо отмечалось, что «устройство управления городов [...] сохраняется на существующих основаниях, установленных Городовым положением 1870 г...»²¹. Функции органов общественного управления оставались также почти прежними, однако состав как избирателей, так и гласных существенно изменялся. Как известно, в состав избирателей городских дум по Городовому положению 1870 г. входили лишь налогоплательщики, образовавшие по сумме уплачиваемых налогов три курии²² и избравшие по одинаковому числу гласных²³.

По проекту Совещания участие в выборах должны были принимать: «а) владельцы недвижимой собственности, б) торгово-промышленных заведений и в) лица, нанимавшие в нем на свое имя квартиру за годовую плату определенного размера»²⁴. Все эти три группы должны были избирать в городскую думу равное число гласных.

Организация полиции предполагала следующее устройство. По проекту Совещания уезд в полицейском отношении должен был делиться на станы, во главе которых должен был стоять становой пристав. Стан в свою очередь подразделялся на сотни во главе с сотским — низшим полицейским служителем. Каждое сельское общество в свою очередь подразделялось в полицейском отношении на десятки, и выделенный от нее десятский должен был выполнять функции полицейского в общественном порядке. Институт полицейских урядников, а также уездное полицейское управление с сословными заседателями подлежали упразднению. Полицейская власть в уезде должна была сосредоточиться в руках исправника.

По вопросу о главе полиции в губернии внутри Совещания произошли разногласия. По мнению большинства Совещания, «главным начальником полиции дол-

²¹ Там же, л. 12.

²² В состав третьей курии включались также лица, выбирающие промысловые и приказничьи свидетельства.

²³ В Москве две первые курии, избравшие $\frac{2}{3}$ гласных, составляли всего 13% общего числа избирателей (см. «История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма 1856—1894», стр. 301).

²⁴ ЦГИА, ф. Кахановской комиссии, оп. 1, д. 71, л. 12.

жен был быть признан губернатор»²⁵, а по мнению меньшинства, полиция должна была возглавляться особым лицом — начальником губернской полиции (по-видимому, не подчиненным губернатору) «при условии слияния этой должности непосредственного начальствования над полицией и обязанностей начальника губернского жандармского управления»²⁶.

Рассмотрим проект уездного управления. «Непосредственное заведование делами уездного управления, — говорилось в проекте Сопровождающего, — возлагается на установления, состоящие из лиц по назначению от правительства и [...] из лиц, избранных земством»²⁷. Таким образом, земские учреждения включались в общую систему управления, хотя сами по себе функции земства должны оставаться прежними: заведовать «в определенных законом пределах и в определенной связи с общественными и коронными органами»²⁸ народным образованием, здравоохранением, продовольствием, путями сообщения и т. д. Ряд уездных коллегиальных учреждений подлежал упразднению (Общее присутствие полицейского управления, уездное по крестьянским делам присутствие, уездное по воинским делам присутствие, распорядительный комитет, училищный совет). Вместе с тем создавался новый орган — финансовое управление (по-видимому, казенная палата в миниатюре).

Высшим органом власти в уезде должно было быть присутствие уездного управления, состоящее из трех лиц: председателя, назначаемого министром внутренних дел из числа трех кандидатов, избираемых уездным земским собранием²⁹, исправника и председателя земской управы³⁰. Помимо этого при рассмотрении тех или иных вопросов должны были участвовать в присутствии на правах членов руководители отдельных отраслей управления (как коронных, так и земских). Таким образом,

²⁵ Там же, л. 21.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 22.

²⁸ Там же, л. 25.

²⁹ Сопровождающий высказало предположение, что эта должность может замещаться и предводителем дворянства.

³⁰ Если бы в состав присутствия был включен руководитель финансового управления, то вместе с ним присутствие пополнялось бы гласным уездной земской управы.

представители земства на паритетных началах участвовали бы в уездном управлении.

Значение и роль уездного предводителя дворянства почти оставались прежними: он должен был состоять почетным попечителем различных благотворительных учреждений, а также имел «право сообщать по принадлежности о всех замеченных неустройствах по всем частям управления»³¹.

Некоторое весьма существенное изменение, по мнению Совещания, должно было быть внесено в систему земских выборов. Так, для выборов гласных предполагалось образование трех курий: а) уездных собственников (а не земельных собственников), б) городских избирателей, в) крестьян. Для первой и второй курий должен был быть установлен имущественный ценз, размер которого по сравнению с существующими предполагалось понизить. Вторая курия должна была избирать гласных в городских думах, третья (сельская) — на сходах путем прямых выборов. Расписание гласных по уездам рекомендовалось пересоставить, руководствуясь в большей мере принципом уравнительности. Все это явилось бы шагом по пути известной демократизации земства.

По вопросу о том, кто должен быть председателем уездного земского собрания, в Совещании не было достигнуто соглашения. Большинство высказалось, что эту должность нужно занимать председателю присутствия уездного управления. Принципиально новым являлось предложение о праве созыва межуездных и межгубернских земских съездов; в первом случае с разрешения присутствия губернского управления, во втором — Министерства внутренних дел³².

Органы губернского управления, так же как и уездного, должны были состоять из лиц как назначенных правительством, так и избираемых земством. «В видах объединения действий отдельных губернских установлений, как коронных, так и земских, а также с целью упрощения губернского управления [...] — говорилось в проекте Совещания, — в каждой губернии образуется смешанное по составу присутствие губернского управления,

³¹ ЦГИА, ф. Кахановской комиссии, оп. 1, д. 71, л. 35.

³² Вместе с тем разрешались съезды земских специалистов.

подчиненное Правительствующему Сенату»³³. Функции этого присутствия должны были составлять «наблюдение за ходом всех дел управления в губернии и рассмотрение важнейших дел по всем отраслям с правом разрешать таковые или представлять их [...] на разрешение центрального правительства»³⁴.

Главным начальником губернии и председателем присутствия губернского управления должен был быть губернатор³⁵. Состав присутствия губернского управления определялся следующими лицами: предводителем дворянства, вице-губернатором, прокурором окружного суда, председателем и одним из членов губернской земской управы³⁶.

Губернские коронные учреждения (установления) представляли собою следующее: а) орган финансового управления, б) управление акцизными сборами, в) государственными имуществами, г) почтами и телеграфом, д) путями сообщения, е) дирекция народных училищ, ж) врачебный инспектор, з) губернский инженер и и) инспектор тюрем. К учреждениям, избранным земствами, относились губернское земское собрание и управа. Ряд существующих учреждений подлежал упразднению (губернское правление, губернские по крестьянским, а также по городским и воинским делам присутствия, губернский статистический комитет и др.). Функции земства подлежали некоторому расширению, на него возлагалось разверстание государственных сборов, а также сбор статистических сведений.

Анализируя проект реформы местного управления, составленный Совещением, мы видим, что он являлся значительным шагом вперед по пути уменьшения феодально-крепостнических пережитков, определенным шагом по пути превращения России в буржуазную монархию. Вместо сельского и волостного устройства, носившего полуфеодальный характер, создавались всесословные сельские общества и волости.

³³ ЦГИА, ф. Кахановской комиссии, оп. 1, д. 71, л. 35.

³⁴ Там же.

³⁵ Губернатор должен был назначаться «высочайшей властью» на основе рекомендации Комитета министров, одного из трех кандидатов, представленных министром внутренних дел.

³⁶ По мнению меньшинства Совещения, в состав присутствия должен был быть включен и начальник губернской полиции.

Земство включалось в общую систему местных уездных и губернских учреждений, причем функции его несколько, правда незначительно, расширялись, а система выборов существенно улучшалась. Организация органов уездного и губернского управлений приобретала значительно большую стройность, а главное, изменялся несколько общий характер местных учреждений, имевших ярко выраженную полицейскую направленность. Главой уезда становился не исправник, а присутствие уездного управления, составленного наполовину из представителей коронных учреждений, наполовину из земских. Ликвидировалось губернское правление — высший административно-полицейский орган в губернии, и вместо него создавалось межведомственное присутствие губернского управления, подчиненное не Министерству внутренних дел, а Сенату.

Характеризуя рассмотренный выше проект, министр внутренних дел гр. Толстой писал: «Отсутствие в проекте надлежащих указаний для определения истинного значения всех этих законодательных мероприятий не лишает нас, однако, возможности из общего смысла проекта вывести заключение, что эти мероприятия являются не плодом каких-либо случайных мыслей, но служат развитием некоторых общих руководящих оснований, которые могут быть выражены следующими тремя положениями: 1) *Широкое развитие начала выборов земскими собраниями на должности по местному управлению.* 2) *Устранение от участия в делах этого управления представителей сословий.* 3) *Ослабление распорядительной деятельности большинства органов местного управления в связи с чрезмерным развитием функции одного лишь формального за их действиями наблюдения*»³⁷.

* * *

Как уже говорилось выше, проект, выработанный Совещанием, поступил в Особую комиссию, где он и обсуждался с октября 1884 по апрель 1885 г. Комиссия внесла в разработанный проект большие изменения, значительно ухудшив его. Рассмотрим последовательно

³⁷ ЦГИА, ф. Департамента законов, оп. т. XI, 1889 г., д. 44, л. 478.

те изменения, которые были внесены Комиссией в подготовленный проект.

При обсуждении вопроса об организации устройства сельского общества в Комиссии возникли серьезные разногласия по двум вопросам. Во-первых, по вопросу о целесообразности создания раздельности сельского управления: сельских обществ и крестьянских земельных союзов. 13 членов Комиссии одобрили проект Совещания, а 8 высказались против, полагая, что «раздельность управления общин и обществ будет совершенным нововведением как в законе, так и в жизни»³⁸.

Второй вопрос, вызвавший разногласия, относился к составу сельского общества. Половина членов (10) Комиссии сочла нецелесообразным создание бессословного сельского общества. Вторая же половина Комиссии (также 10 членов) высказалась за проект Совещания. Однако при обсуждении состава сельского общества большинство членов Комиссии фактически высказались против включения в его состав лиц, не принадлежащих к крестьянскому сословию³⁹. Таким образом, проектированная Совещанием «всесословность сельского общества в существеннейших своих чертах была отвергнута Особой комиссией»⁴⁰.

По вопросу волостной организации в Комиссии произошли также серьезные разногласия. Комиссия пришла к общему заключению, что, с одной стороны, существующая волостная организация не отвечает насущным потребностям, а с другой — что между уездом и селением должно существовать какое-то среднее звено — участок. Однако по поводу того, что же должен представлять собою этот участок, мнения существенно разделились. 10 членов Комиссии высказались за то, чтобы этот участок представлял собою исполнительный орган по общему уездному управлению [волость], во главе которого

³⁸ «Обзор трудов высочайше учрежденной под председательством статс-секретаря Каханова Особой комиссии», т. I. СПб., 1908, стр. 38 (далее — «Обзор трудов...»).

³⁹ Большинство членов Комиссии высказались против «привлечения посторонних лиц, не принадлежащих к составу обществ, к обложению и против предоставления не крестьянам, членам сельского общества, какого бы то ни было участия в общественных делах» (там же, л. 44).

⁴⁰ Там же.

должен стоять волостель⁴¹. По мнению четырех других членов Комиссии [представителей поместного дворянства], участок должен был быть органом, специально наблюдающим за крестьянским управлением. «Первейшая обязанность» этого органа, по мнению этих членов, должна заключаться «не в исполнении земских или правительственных поручений, но в наблюдении за тем специальным управлением, которое касается 80% населения России: в руках такого органа должен сосредоточиваться весь надзор за крестьянским управлением, и орган этот если не исключительно, то преимущественно должен заботиться о нуждах крестьян»⁴². Во главе этого участка должен был стоять участковый начальник, должность которого «приобрела бы приблизительно то же значение, какое имел первое время мировой посредник»⁴³. Помощниками участкового начальника должны были бы быть волостные старшины.

Не трудно понять, что предложение четырех членов, во главе которых был, естественно, Пазухин, предусматривало создание такого участкового начальника, который был бы прообразом будущего земского начальника. При этом один из членов Комиссии, елецкий уездный предводитель дворянства С. С. Бехтеев, предложил объединить в руках участкового начальника не только административные функции, но и судебные, возложив на них обязанности, лежащие на мировом судье⁴⁴. Большинство же членов Комиссии (23) это предложение было отвергнуто.

Однако в целом вопрос о необходимости учреждения должности участкового начальника был решен положительно. «Комиссия пришла к единогласному заключению, что участковый должен иметь значение двоякого рода — органа исполнительного по общеадминистративным делам правительственных и земских установлений, поставленного в надлежащую подчиненность к уездно-

⁴¹ При этом 7 членов настаивали на необходимости создания всесословной «волости как самостоятельной земской единицы». Однако остальные 23 члена во главе с Кахановым высказались против (ЦГИА, ф. Кахановской комиссии, оп. 1, д. 65. Журнал заседания № 5).

⁴² «Обзор трудов...». т. I, стр. 63.

⁴³ Там же, стр. 64.

⁴⁴ К этому мнению присоединились еще девять человек.

му управлению и к власти губернской, и органа, наблюдающего за крестьянским управлением и снабженного надлежащими для сего полномочиями из числа атрибутов власти б. мировых посредников»⁴⁵.

По вопросу о порядке определения на должность заведующего участком Комиссия также не пришла к определенному решению. 11 членов ее настаивали на выборности участкового на уездном земском собрании (в соответствии с решением Совещания о порядке выбора волостеля). Большинство же (21) признало целесообразным назначение заведующего участком правительственной властью.

Наконец, по вопросу о ликвидации или сохранении крестьянской волости голоса также разделились. 19 членов Комиссии пришли к заключению о невозможности согласиться с решением Совещания об упразднении крестьянской волости (признавая при этом ее несовершенство и необходимость устранения этого), а 15 членов настаивали на упразднении волости.

Таким образом, в результате рассмотрения Комиссией проекта организации волостного устройства, разработанного Совещанием, последний претерпел существенные изменения, а точнее, был вовсе отвергнут. Более того, предположения о создании участка во главе с заведующим, функции которого напоминали обязанности мирового посредника, говорили о стремлении усилить власть дворянства в деревне. Что касается волостного крестьянского суда, то Комиссия сочла необходимым его сохранение, внося в организацию его некоторые изменения.

Причиной столь реакционных решений Комиссии явилось пополнение ее состава представителями губернской администрации, а главное, экспертами из числа помещичьего дворянства. Именно они и являлись авторами этих решений.

Мещерский в своем письме-дневнике, направлявшемся им императору, в октябре 1884 г., в период, когда Комиссия лишь приступила к рассмотрению проекта, составленного Совещанием, писал: «Виделся с одним из приезжих кахановцев. От него узнал, что разлад между приезжими и петербургскими кахановцами все становит-

⁴⁵ «Обзор трудов...», т. I, стр. 71.

ся сильнее и яснее. Теперь очевидно, что они сойтись не могут, ибо расходятся в главном, в основах [...] Кахановский проект толкует о всесословной волости, о равновесии власти между правительством и обществом, а кахановцы приезжие говорят на основании практики, что никакой всесословности в России нет, что это вздор, а насчет равновесия они говорят, что теперь нет равновесия, ибо правительственная власть слаба, и нужно теперь не о равновесии думать, а об усилении правительственной власти везде, в особенности в уездах, и, чем ближе к народу, тем яснее должна быть сила правит[ельственной] власти. Нужен сильный начальник уезда, а они сочинили какую-то коллегия, какое-то *присутствие*, не ведая как бы того, что народ любит единоличную власть, а ненавидит всякие коллегии»⁴⁶.

Проект Совещания в отношении городского управления был в значительной своей части также отвергнут Комиссией. Принцип одинакового представительства различных групп избирателей был отклонен. Комиссия сочла нецелесообразным, чтобы «распределение числа гласных по разрядам избирателей должно стоять в прямой зависимости от количества платимых каждым разрядом в пользу города сборов»⁴⁷. Лишь незначительным большинством в два голоса было сохранено предложение Совещания о предоставлении избирательных прав квартиронанимателям.

С решением Совещания о необходимости ликвидировать обособленность земских учреждений Комиссия согласилась, полагая целесообразным рассматривать их как «установления, исполняющие возложенные на них законом обязанности не врозь от правительственных лиц и властей, а в тесной связи с сими последними»⁴⁸. Если по вопросу о круге деятельности земства каких-либо существенных разногласий между Совещанием и Комиссией не произошло, то в отношении земского представительства был выдвинут ряд новых положений⁴⁹.

Меньшинство Комиссии (так же как и меньшинство подкомиссии) предложило заменить существующий иму-

⁴⁶ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 108, л. 79.

⁴⁷ «Обзор трудов...», т. II. СПб., 1908, стр. 48.

⁴⁸ Там же, стр. 106—107.

⁴⁹ Для обсуждения этого вопроса была создана специальная подкомиссия.

щественный принцип земского представительства (помимо крестьянской курии) сословным. Кроме того, подкомиссия предложила включать в состав земских собраний крупных собственников «в качестве непременных членов без особого избрания»⁵⁰, что было принято большинством Комиссии. Подкомиссия высказалась также против предложения Совещания о понижении размера имущественного ценза, однако большинство Комиссии не согласилось с этим, даже предложение Совещания о выдаче денежного пособия губернским гласным для поездки на сессии губернского земского собрания (что было важно для гласных от крестьян) было отвергнуто большинством Комиссии.

Таким образом, Комиссия не только не приняла наиболее важных предложений Совещания, но выдвинула ряд новых контрпредложений. Важно отметить, что предложения меньшинства содержали в себе основные черты будущей земской контрреформы.

Остановимся на проекте полицейского управления. Комиссия одобрила ряд положений, выдвинутых Совещанием, в отношении организации полиции. Так, она признала целесообразным предложение об изменении организации институтов сотских, о превращении их в полицейских служителей, об уничтожении коллегиальности в уездном полицейском управлении. Вместе с тем Комиссия высказалась против уничтожения института урядников. Вопрос об объединении общей и жандармской полиции остался открытым, имея в виду, что эта мера вызвала бы значительное увеличение расходов.

Комиссия в целом одобрила предложение в отношении реформы уездного управления, подчеркнув необходимость объединения отдельных отраслей его в виде создания присутствия уездного управления. Однако большинство Комиссии сочло нужным поставить во главе присутствия не избираемое уездным земским собранием лицо, а предводителя дворянства.

По-видимому, по поводу споров в Комиссии в связи с составом уездного присутствия Мещерский в статье «По выбору или по назначению» в конце января 1885 г. писал: «И в эти-то тяжелые, безвыходные минуты жизни для русского народа, разоряемого выборным началом в

⁵⁰ «Обзор трудов...», т. II, стр. 114—115.

земстве [...] господа сановники, правительством обремененные и властью и доверием, правительством оплачиваемые, тешатся рассуждениями: кому отдать русский народ под власть или опеку — выборному ли началу или русскому правительству?»⁵¹

Комиссия единогласно пришла к заключению «о том, что в губернии надлежит создать объединяющее все губернское управление присутствие [...] непосредственно подчиненное Правительствующему Сенату»⁵².

Анализируя решения Комиссии, мы видим, что основные положения проекта, касавшиеся создания всесословной волости, а также расширения прав земства, были не только отвергнуты, но, более того, часть членов Комиссии выдвинули предложения диаметрально противоположные, направленные на усиление роли поместного дворянства в сфере как крестьянского управления, так и земства. Однако в области уездного и губернского управления проект, разработанный Совещанием, в целом был одобрен.

Даже в столь урезанном виде проект, впрочем как и само существование Комиссии, вызвал недовольство министра внутренних дел.

В начале 1885 г. Толстой представил Александру III всеподданнейший доклад о деятельности Комиссии, по поводу которой последовала следующая резолюция: «Мне все кажется, что Кахановская комиссия работает безрезультатно. Все эти вопросы должны исходить от Мин[истерства] внутренних дел и слишком важны, чтобы предоставлять рассуждать об них такой громадной Комиссии. Не пора ли подумать, каким образом прекратить ее деятельность»⁵³. Было решено предоставить Комиссии двухмесячный срок для завершения ее работы.

⁵¹ «Гражданин», 31 января 1885 г.

⁵² ЦГИА, ф. Кахановской комиссии, оп. 1, д. 65, л. 198.

⁵³ ЦГИА, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 1190, л. 228. В этом докладе Толстой не без умысла подчеркивал то, что могло вызвать недовольство Александра III, в частности отношение к земским учреждениям. «Комиссия выразила убеждение, — писал Толстой, — что установления эти (т. е. земские. — П. З.) должны быть признаваемы за такие, кои наравне с правительственными обязаны исполнять в указанных законом пределах возложенные на них высочайшей властью дела по различным отраслям управления» (там же, л. 23). Едва ли такое представление о роли земства могло соответствовать воззрениям Александра III.

В апреле 1885 г. она была закрыта, просуществовав немногим более трех лет.

Характеризуя работу Комиссии, гр. Толстой в одном из всеподданнейших докладов так резюмировал ее деятельность: «Комиссия с самого начала своих работ усвоила себе не вполне правильную точку зрения на выполнение высочайше возложенной на нее задачи, и [...] обстоятельство это отразилось крайне неблагоприятно на общих результатах трудов Комиссии. Задавшись целью пересмотреть одновременно все действующее законодательство о местном управлении, а затем и пересоздать сие последнее на основании известных принципиальных начал, Комиссия пришла к выводам чисто теоретическим, нередко односторонним и по большей части обещающим мало пользы в практическом применении»⁵⁴.

Мещерский, говоря о решении Александра III закрыть Комиссию, писал в одном из своих дневников царю: «Надо сказать, что это распоряжение пришло как раз *вовремя*. Трудно исчислить, как много эта злосчастная Комиссия наделала вреда внутри России, заволновав умы и возбудив тревожные вопросы щекотливого политического свойства в среде помещиков, только что начинающих успокаиваться [...] Но нет худа без добра,— замечает он.— Существование и дебаты Кахановской комиссии дали, несомненно, мерило того, что может правительство ожидать от так называемых деятелей и своих сановных и общественных в либеральной сфере»⁵⁵.

⁵⁴ ЦГИА, ф. Кахановской комиссии, д. 119, л. 13—14. Цит. по проекту всеподданнейшего доклада. Список неполный. Окончание отсутствует.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 114, л. 84.

ГЛАВА V

СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. являлись наиболее последовательными из всех реформ того времени, что и вызывало со стороны сильных мира сего, начиная от самого императора, стремление сузить их действие, умалить их значение, внося в них те или иные поправки. Наибольшую ненависть реакции вызывал принцип независимости — несменяемости судей, гласность судебного производства, а также существование суда присяжных.

Александр III и его реакционное окружение видели чуть ли не основу всех зол в существовании судебных уставов и ставили своей задачей их отменить¹. Император по поводу одной из газетных статей, указывая на «ненормальность» деятельности судов, писал Толстому: «Именно на это и надо обратить внимание и стараться направить их на правильный путь и чтобы больше было

¹ Александр III стремился не столько нарушить существующие законы (что, однако, нередко имело место), сколько изменить их в соответствующем реакционном духе. По-видимому, он все же представлял себе разницу между деспотом и самодержцем, предпочитая быть последним. Различие между этими понятиями, по словам одного из государственных деятелей николаевского и александровского царствований, гр. Д. Н. Блудова, заключалось в том, «что самодержец может по своему произволу изменять законы, но до изменения или отмены их должен им сам повиноваться» («Дневник П. А. Валуева», т. I. М., 1961, стр. 77). Деспот же может ни с чем не считаться. Нам известен даже один случай, когда Александр III принужден был отменить свое решение (по поводу дела пастора Гримма, см. стр. 128 настоящей книги) в связи с тем, что оно находилось в прямом противоречии с существующим законом (см. А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 290—295).

в них здравого смысла»². В другой записке Толстому царь пишет: «Вот еще образчик безобразия наших судов. Мне кажется, что по этому поводу можно было бы дать сильный нагоняй виновным в подобном ведении дел. Правительство не должно, а *преступно* оставлять подобные безобразия безнаказанно»³. Если отбросить несуразность стиля некоторых фраз, то становится ясным, какую лютую ненависть питал Александр III к существовавшему суду и его порядкам. Следует обратить внимание, что жалобы на судебные порядки царь «изливает» не министру юстиции, а главе административно-полицейской власти в империи — министру внутренних дел.

Тот же взгляд на судебные уставы мы встречаем и у ближайшего советника императора — кн. В. П. Мещерского. Его орган «Гражданин» буквально заполнен различными ругательствами по отношению к судебным порядкам. И больше всего донимает Мещерский суд присяжных, несменяемость судей. «Правительство, давая суд присяжных, поставляя несменяемость судей, неприкосновенность приговоров и, наконец, установив гласность,— пишет он,— отдает все свои исторические святыне крепкие и здоровые прерогативы царской власти в распоряжение расстроенного, разнузданного и само в себе разделившегося общества»⁴.

Мещерский совершенно ясно представляет себе содержание будущей судебной реформы, излагая его в передовой статье новогоднего номера за 1884 г. Программа Мещерского достаточно лаконична, но вместе с тем кардинальна. Она состоит из четырех пунктов.

«1. Не следует ли,— пишет он,— немедленно прекратить на время суд присяжных, поручив обязанность суда исключительно коронным судьям?

2. Не следует ли,— продолжает Мещерский,— отменить статью судебных уставов о несменяемости членов судебного ведомства?

3. Не следует ли,— спрашивает он,— на время отменить вовсе гласность судопроизводства по уголовным делам?»⁵

² ЦГИА, ф. Канцелярии министра вн. д., оп. 2, д. 253, л. 1.

³ Там же, л. 2.

⁴ «Гражданин», 1882, № 94.

⁵ «Гражданин», 1884, № 1.

В четвертом пункте Мещерский ставил вопрос о необходимости «одновременно» приступить к пересмотру судебных уставов⁶. Программа эта, таким образом, ставила вопрос о ликвидации всех принципиальных основ судебных уставов 1864 г.

Катков также выступает против судебных уставов, хотя в свое время он был сторонником их. Он полагает, что принцип несменяемости судей в России неприменим. В одной из передовых статей «Московских ведомостей» Катков пытается доказать, что если во Франции, «где правительство только партия, не соответствующая целой нации»⁷, где верховная власть переходила от одной династии к другой, суд присяжных еще понятен. «Какой же смысл,— задает вопрос Катков,— может иметь нелепый догмат принципиальной независимости судебных чинов от государственной власти в России, которая, слава богу, не имеет никаких претендентов и в которой не было иного государственного права, кроме ныне действующего?»⁸

Катков выступает и против суда присяжных, полагая, что суд этот имеет положительное значение лишь тогда, когда решения его, как в Англии, единогласны.

Наиболее полно программа судебных преобразований изложена К. П. Победоносцевым в его записке-докладе, датированной 30 октября 1885 г.⁹ «Опыт достаточно доказал несоответствие нынешних судеб[ных] учреждений и судебных порядков,— говорит Победоносцев в преамбуле,— с потребностями народа и с условиями его быта, равно как и с общим строем государственных учреждений в России»¹⁰. Далее Победоносцев указывает на не-

⁶ «Гражданин», 1882, № 94.

⁷ М. Н. Катков. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1884 год, стр. 49 (статья от 26 января).

⁸ Там же.

⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4399/3. Черновой автограф, чернила. Датирован его же рукою синим карандашом. Стоит из 11 пунктов. Надо заметить, что это было единственной позитивной программой, написанной Победоносцевым. Эта записка-доклад получила определенное распространение. Так, в фонде министра юстиции Н. В. Муравьева (ЦГИА, ф. 995, оп. 3, д. 15, л. 19—25) хранится ее печатный экземпляр без подписи и даты. Опубликована без даты и подписи в кн.: «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом II, стр. 508—514.

¹⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4399/3, л. 1.

обходимость исправления этих недостатков «с удержанием по возможности того, что составляет существенное улучшение» в новом суде по сравнению с прежним. По мнению автора доклада, все эти исправления не могут быть произведены сразу, а должны быть исправлены постепенно «по плану, заранее обдуманному».

В первом пункте доклада Победоносцев говорит о необходимости «ввести судебные установления в общий строй государственных учреждений», считая недопустимым то положение, при котором суд является как бы независимым от власти. «В Российском государстве,— подчеркивается в записке,— не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной»¹¹. Победоносцев выделяет четыре наиболее важных вопроса, на которых и сосредоточивает основное внимание, а именно: принцип несменяемости судей, публичность судебных заседаний, состояние адвокатуры и суд присяжных. «Возведенная в принцип абсолютная несменяемость судебных чинов, — говорит Победоносцев,— представляется в России аномалией странной и ничем не оправданной»¹².

Выступая против публичности судебных заседаний, он полагает «как можно скорее пресечь деморализацию, которую распространяет в обществе *публичность* всех судебных заседаний»¹³, считает необходимым предоставить председателю суда «безусловное» право закрывать двери судебных заседаний, а также установить разряды тех дел, которые всегда должны слушаться в закрытом порядке¹⁴. Автор предлагает принять решительные меры «для обуздания и ограничения адвокатского произвола»¹⁵. Касаясь института присяжных заседателей, Победоносцев писал: «Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось для России совершенно ложным, совершенно несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов [...] От этого учреждения необходимо нам отделаться, дабы восстановить значение су-

¹¹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4394/3, л. 1.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 2.

¹⁴ См. там же, д. 4394/3, л. 3. В свое время Победоносцев был ярким сторонником гласности судопроизводства (см. стр. 55—56).

¹⁵ Там же.

да в России»¹⁶. При этом он добавляет, что ликвидировать суд присяжных сразу трудно, необходимо постепенно изымать те или иные категории дел из его ведения.

Итак, во-первых, ликвидация независимости суда, (включение его в общий строй государственных учреждений) и несменяемость судей; во-вторых, отмена публичности судебных заседаний, ограничение состязательности процесса (как следствие борьбы с «адвокатским произволом») и, наконец, ликвидация суда присяжных — таковы главные положения, выдвинутые в докладе обер-прокурора Синода, в прошлом одного из лиц, подготовлявших судебные уставы 1864 г. Не трудно увидеть, что предложения Победоносцева были направлены фактически к восстановлению основных принципов дореформенного судопроизводства. Вместе с тем в докладе ставился вопрос о реорганизации мирового суда. По мнению обер-прокурора, выборность мировых судей «создает им положение непрочное, подвергая их назначение всем случайностям выбора [...] побуждая таким образом *судью* к угождению и заискиванию перед избирателями в случайной игре местных интересов и выборных партий. Очевидно, что от такого судьи,— заключает Победоносцев,— нельзя ожидать ни независимости и твердости, ни знания и опыта, необходимых для служебного дела»¹⁷.

В записке ставится также вопрос о том, что новые судебные уставы сильно стеснили действия исполнительной власти, что привело к отрицательным результатам: вместо быстрых мер, кои должна принимать исполнительная власть, дело передается судебным органам, действующим «медленными, размеренными шагами посредством приговора». Казалось бы, на первый взгляд точка зрения Победоносцева не лишена основания, однако в действительности «стеснение действий исполнительной власти в пользу судебной», бесспорно, способствовало уменьшению административного произвола.

По мнению Победоносцева, следовало бы усилить значение Канцелярии в составе суда, совершенно уничтоженное судебными уставами. По его мнению, это было «великой ошибкой», так как Канцелярия суда являлась

¹⁶ Там же, л. 5.

¹⁷ Там же, л. 8.

«важной школой», подготовлявшей «отличных судебных деятелей». Хотел ли Победоносцев или не хотел, но это последнее также было направлено на уменьшение роли и значения судебного процесса и переносило центр тяжести на подготовку его, что означало возвращение к дореформенным порядкам, когда в Канцелярии суда составлялся на основании следственных материалов экстракт дела, который и являлся основанием для суждения судей.

Наконец, Победоносцев ставил в своей записке еще один вопрос: он полагал необходимым ликвидировать разобщенность кассационных и апелляционных обжалований. Вместе с тем он говорил о необходимости пересмотра подсудности, прежде всего подсудности у мировых судей.

Мысли, развивавшиеся Победоносцевым¹⁸ в его записке, полностью разделялись царем.

Несмотря на это, ни судебные установления, ни процесс судопроизводства не были коренным образом реформированы. Что же явилось причиной этого? Ведь объективная обстановка в России вполне способствовала реорганизации суда. В конце 80-х — начале 90-х годов был проведен ряд контрреформ в области местного управления: земства и Городового положения. Что же мешало осуществить такую же реформу в области суда? Нам представляется, причиной этого было то обстоятельство, что данная мера, затрагивая широкие слои общества, главным образом буржуазные круги, имела сво-

¹⁸ Говоря о своем отношении к судебным уставам вообще, Победоносцев в письме к А. Н. Шахову, председателю Московской судебной палаты, от 10 марта 1884 г. писал: «Своих мыслей об уставах я не изменил, и, когда сидел в Комиссии (по подготовке судебных уставов.— П. З.), протестовал против безрассудного заимствования из французского кодекса форм, не свойственных России, и, наконец, с отвращением бежал из Петербурга в Москву, видя, что не урезонишь людей. С тех пор я более и более убеждался в основательности своих опасений, а ныне для меня совершенно ясно, что это чужое платье, на нас надетое, совсем нас стеснило. Скоро правосудие станет достоянием одних лишь богатых людей благодаря великому множеству адвокатов, всякого рода исполнительных чинов, стригущих всякого без милосердия, а что такое новая судебная волокита, это я испытал, сидя в кассац[ионном] деп[артаменте] Сената, против учреждения коего протестовал всеми силами в Комиссии. («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, II полутом, стр. 485—486).

их противников и в правительстве. К ним принадлежала довольно обширная плеяда чиновников судебного ведомства во главе с министром юстиции Д. Н. Набоковым¹⁹.

Единственной мерой, предпринятой Набоковым в деле изменения судебного устройства, явилось его представление в конце 1883 г. в Государственный совет «О порядке издания общего наказа и об изменении некоторых статей учреждения судебного устройства, касающихся надзора и дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства»²⁰. В этом представлении, направленном против несменяемости судей, Набоков писал: «...судьи за дисциплинарные поступки подлежат только предостережениям. Эти предостережения, как сие показывает прямой смысл этого слова, не составляют собственно взыскания и заключают в себе как бы один совет — воздержаться на будущее время от упущений. Таким образом, судьи за неправильные свои действия или за явную небрежность в исполнении своих обязанностей, если только не было с их стороны умысла или корыстного побуждения, не подлежат, можно сказать, никакому взысканию»²¹. Руководствуясь этим, он полагал необходимым усилить меры наказания за дисциплинарные поступки увольнением или перемещением на другую судебную должность. Набоков рекомендовал новую редакцию ст. 295 Учреждения судебных установлений, в которой говорилось, что «когда судья за преступление или поступок, не относящиеся к службе, будет в уголовном порядке *привлечен к ответственности* или подвергнут какому-либо взысканию или наказанию, хотя бы и не соединенному с потерей права на службу, то *министр юстиции может предложить об этом обстоятельстве на обсуждение Высшего дисциплинарного суда для принятия одной из мер, указанных в п. п. 7 и 8 ст. 262*»²² (т. е. увольнение или перемещение на другую должность). Рассмотрение дисциплинарных поступков, предусматривающих увольнение или перемещение, предлагалось производить не в Общем собрании Кассационных

¹⁹ Подробнее об отношении Набокова к судебным уставам см. главу II, стр. 85—87.

²⁰ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 26.

²¹ Там же, л. 122.

²² Там же, л. 127—128.

департаментов, а в специально учрежденном Высшем дисциплинарном суде.

Необходимость создания дисциплинарного суда мотивировалась Набоковым тем, что, с одной стороны, обсуждение дисциплинарных дел в Общем собрании Кассационных департаментов вызывает вследствие его многочисленности ²³ «немаловажные затруднения и служит к значительному замедлению производства дел сего рода» ²⁴. С другой стороны, передача этих дел на обсуждение Соединенного присутствия Первого и Кассационных департаментов составляла бы также существенное неудобство ввиду того, что «состав сего присутствия представляет другую крайность по своей малочисленности (7 сенаторов, считая первоприсутствовавшего), тогда как большее число судей для разрешения столь важного вопроса, как удаление от должности, несомненно, служило бы обеспечением более тщательного и всестороннего обсуждения дела» ²⁵.

По мнению Набокова, Высший дисциплинарный суд должен был быть образован в составе Соединенного присутствия Кассационных департаментов и Первого департамента Сената, дополнив его первоприсутствующими Кассационных департаментов и четырьмя сенаторами этих департаментов, назначаемых ежегодно «высочайшей властью».

Таким образом, вопрос об увольнении судьи за дисциплинарные поступки должен был решаться фактически не административным порядком, а Высшей судебной коллегией, состоящей из 13 сенаторов. Представление Набокова о создании Высшего дисциплинарного суда было вызвано давлением на него представителей реакции во главе с Катковым. Половцов заносит в свой дневник 12 мая 1884 г. (в день обсуждения проекта Набокова в Государственном совете) следующую фразу: «В этот день докладывается [...] проект Набокова о дисциплинарном уставе или, правильнее, ответ его на приказание Каткова уничтожить несменяемость судей» ²⁶.

²³ Общее число сенаторов в Кассационных департаментах составляло 50.

²⁴ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 26, л. 123.

²⁵ Там же.

²⁶ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 217.

12 и 15 мая 1884 г. представление Набокова рассматривалось в Соединенном присутствии Департаментов законов гражданских и духовных дел.

«Убеждаясь,— говорилось в проекте журнала,— изъясненными в представлении доводами в неудобствах существующего порядка, в силу которого рассмотрение важнейших дисциплинарных дел о лицах судебного ведомства принадлежит обширной коллегии, состоящей более чем из пятидесяти членов, и признавая возможным образовать для означенных дел особое дисциплинарное присутствие [...] Департаменты сомневаются в необходимости предположений, клонящихся к усилению дисциплинарных взысканий для судей, а также некоторых изменений в существующем порядке дисциплинарного суда»²⁷. По мнению членов Департамента, меры, предлагаемые министром юстиции, посягают на независимость суда. «Очевидно поэтому,— говорилось в проекте журнала,— что принятие означенного предложения, затрагивающего одно из коренных начал, на котором у нас зиждется здание нового суда, требует особой осторожности и что к осуществлению его может быть приступлено не иначе как при наличности вполне убедительных к этому поводов. Между тем в обсуждаемом представлении не содержится таких данных, которые не оставляли бы сомнение в необходимости упомянутого весьма существенного изменения»²⁸.

Таким образом, члены Государственного совета отнюдь не с восторгом приняли представление Набокова. Более того, новая редакция ст. 295, предложенная министром юстиции, была существенно изменена. Если Набоков, как указывалось уже выше, считал возможным передавать вопрос на обсуждение Высшего дисциплинарного суда в тех случаях, «когда судья за преступление или проступок, не относящийся к службе, будет *привлечен* к ответственности или подвергнут какому-либо взысканию или наказанию, хотя бы и не соединенному с потерей права на службу»²⁹, то Соединенные департаменты существенно изменили эту редакцию. Новая редакция гласила: «Когда судья за совершенные им пре-

²⁷ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 26, л. 256.

²⁸ Там же, л. 256—257.

²⁹ Там же, л. 127—128.

ступления или проступки, не относящиеся к службе, будет в уголовном порядке присужден к взысканию или наказанию, хотя бы не соединенному с потерей права на службу, или в уголовном или в дисциплинарном порядке подвергнется взысканию за служебные упущения, хотя и не влекущие за собой удаление от должности, но по своему значению и многократности обнаруживающие явное пренебрежение обвиняемого к своим обязанностям, то обстоятельства эти передаются министром юстиции на обсуждение Высшего дисциплинарного присутствия»³⁰.

Мы видим, что функции высшего дисциплинарного органа были по сравнению с представлением Набокова сужены. Естественно, что это решение не могло удовлетворить представителей реакции. По-видимому, Александр III под влиянием Победоносцева или Каткова предложил пересмотреть мнение Соединенных департаментов.

Подтверждением этого является вторичное обсуждение данного вопроса в той же инстанции 11 и 18 марта 1885 г.³¹

Решение Департаментов в отношении сфер деятельности Высшего дисциплинарного присутствия было иным — категория проступков, подлежащих обсуждению присутствия, значительно расширялась. «Если министром юстиции,— говорилось в решении по этому вопросу,— будет усмотрено: а) что судья совершил такое служебное упущение, которое хотя и не влечет удаление его от должности по суду, но по своему значению или многократности свидетельствует о несоответствии виновного в них судьи занимаемому им положению или о явном с его стороны пренебрежении к своим обязанностям, или

³⁰ Там же, л. 263. Соединенные департаменты утвердили представление Набокова в части состава высшего дисциплинарного органа, наименовав его Высшим дисциплинарным присутствием.

³¹ При этом был составлен новый общий для всех заседаний журнал, резко отличавшийся от предыдущего журнала заседаний 12 и 15 мая 1884 г. В новом варианте журнала мы не находим уже рассуждений членов Государственного совета о необходимости сохранения принципа несменяемости судей (см. выше, стр. 242). На печатном экземпляре журнала заседаний 12 и 15 мая 1884 г. приписано слово «проект». Таким образом, журнал был фальсифицирован. К сожалению, Половцов ничего не говорит об этом в своем дневнике. Естественно, что подобная замена журнала не могла быть произведена без его ведома.

б) что судья дозволил себе вне службы такие сделавшиеся гласными поступки, которые хотя и не имели последствием привлечение к уголовной ответственности, но представляются несовместимыми с достоинством судейского звания, или же в) что судья, поставив себя образом своих действий в месте служения в такое положение, которое подает основательный повод сомневаться в дальнейшем спокойном и беспристрастном исполнении им своих обязанностей, тем не менее уклоняется от предлагаемого ему перевода в другую местность на равную должность, то обстоятельства эти министр юстиции передает на обсуждение Высшего дисциплинарного присутствия»³².

Таким образом, это решение в отличие от первого в известной мере расширяло права высшего дисциплинарного органа. Однако и это решение Соединенных департаментов не удовлетворило реакционеров. 6 мая, накануне обсуждения этого вопроса в Общем собрании Государственного совета, к гр. П. А. Шувалову явился Катков, заявивший, «что по прочтении присланного ему в Москву журнала (заседаний Соединенных департаментов. — П. З.) о дисциплинарном присутствии он нашел, что предположения Набокова не улучшают, а ухудшают дело»³³. В силу этого он и направился в Гатчину к царю.

Мы не располагаем источниками, свидетельствующими о результатах переговоров Каткова с императором, но, бесспорно, следствием его приезда в Петербург было бурное заседание Общего собрания Государственного совета, обсуждавшего представление Набокова.

Как рассказывает Половцов, ближайший единомышленник Каткова Островский незадолго до заседания заявил, что намерен внести предложение по поводу обсуждаемого проекта. Это предложение состояло из двух пунктов. Первый ставил вопрос о том, что в Высшем дисциплинарном присутствии должны рассматриваться «проступки, противные нравственности, хотя бы и не подходящие под кару, установленную уголовными законами»³⁴. В разряд таких проступков против нравствен-

³² ЦГИА, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 26, л. 351.

³³ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 322.

³⁴ Там же, стр. 321.

ности можно было бы при желании включить все, что будет угодно начальству. Второй, но вместе с тем самый важный пункт возражений Островского касался состава Дисциплинарного присутствия. В отличие от проекта Набокова он полагал целесообразным включить в его состав не сенаторов, «а совершенно посторонних судебному ведомству лиц»³⁵. Именно тогда принцип несменяемости судей был бы полностью ликвидирован. И к этому именно, как известно, стремился Катков. «Немедленно,— рассказывает в дневнике Половцов,— приглашаю Набокова и Островского объяснить вопрос председателю [...] Объяснение это в кабинете председателя производит очень бурную сцену. Мысль Островского встречена категорическим отказом Набокова допустить что-либо подобное как оскорбительное для Сената и для всей судебной корпорации. «Все это идет из редакции «Московских ведомостей», бросающих грязью и в судебное ведомство, и в Государственный совет!» — воскликнул Набоков. «Вы оскорбляете меня»,— отвечает Островский [...] Спор делается до того горячим, что Островский говорит великому князю: «Вы оскорбляете государя императора, намереваясь ограничить его право выбора лиц в это присутствие»»³⁶. Обвинение в стремлении посягнуть на нерушимость самодержавного начала — таков был обычный прием Каткова и его друзей, знавших, как болезненно реагирует на это недалекий император. Споры продолжались и во время заседания Общего собрания.

20 мая Александр III утвердил решение Общего собрания Государственного совета³⁷, хотя и после его заседания Островский делал попытки представить царю дело таким образом, что создание Высшего дисциплинарного присутствия в какой-то степени задевает прерогативы самодержавия, коль скоро ему дается право увольнения от должности лиц, назначаемых «высочайшей властью»³⁸.

³⁵ Там же, стр. 321.

³⁶ Там же, стр. 322.

³⁷ ПСЗ, 3 собр., т. V, № 2959.

³⁸ Как рассказывает Половцов, он был принужден переделать журнал Общего собрания Государственного совета. «Согласно наговору Островского,— пишет Половцов в дневнике за 10 мая 1885 г.,— включаю (в журнал.— П. З.), что само собой разумеется,

В какой же степени этот закон ликвидировал принцип несменяемости судей?

Нам представляется, что этого по существу не произошло. Этот закон, правда, предоставлял право увольнения или перемещения лиц, пользующихся несменяемостью не только по решению суда, явившегося результатом привлечения этого лица к уголовной ответственности, но и за дисциплинарные проступки. Однако решение данного вопроса предоставлялось не отдельному лицу, а судебной коллегии, состоящей из 13 сенаторов.

Для изучаемого нами периода деятельность Высшего дисциплинарного присутствия не имела какого-либо существенного значения. Анализ журналов этого присутствия за девять лет (с 1886 по 1894 г.) показывает, что за данный период было отстранено от должности за предосудительный образ действий всего два человека ³⁹.

По мнению А. Ф. Кони, закон 20 мая 1885 г. отнюдь не посягнул на принцип несменяемости судей. «Уступкою, сделанною Набоковым,— писал Кони,— дано было удовлетворение всему, что было приемлемого, хотя и с грустью в предпринятом против судебного ведомства походе, а все неразумное и ослепленное оставлено как тщетное пожелание. Ею было куплено сохранение начала несменяемости в его точно определенном очерта-нии» ⁴⁰.

Говоря о роли Набокова, отстаивавшего в чрезвычай-но тяжелых условиях неприкосновенность судебных уставов 1864 г., Кони пишет: «Будущий историк русского судебного дела увидит яснее, чем современники, как трудна была задача, выпавшая на долю третьего «министра по Судебным уставам», сколько тяжелых нравственных испытаний должен он был пережить — и воздаст ему справедливое...» ⁴¹

Таким образом, несмотря на ярые нападки на судебные уставы в первой половине 80-х годов, основные

что лица, назначенные высочайшей властью, не могут быть уволены иной властью» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 324).

³⁹ ЦГИА, ф. Высшего дисциплинарного присутствия, д. 517—526.

⁴⁰ А. Ф. Кони. Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетнюю судебных уставов). М., 1914, стр. 169.

⁴¹ Там же, стр. 172.

принципы их не подверглись каким-либо серьезным изменениям.

* * *

Назначенный министром юстиции Манасеин, так же как и Набоков, не был сторонником ликвидации судебных уставов, но вместе с тем был человеком более податливым и более консервативным. В силу этого Манасеин, не посягая на существующее судопроизводство в целом, делает ряд представлений об изменении тех или иных сторон его. 3 мая 1886 г. министр юстиции внес в Государственный совет представление об изменении ст. 620—622 и 624 уголовного судопроизводства⁴². Статьи эти касались публичности, т. е. гласности, судебных заседаний⁴³. Так, ст. 620 в представлении Манасеина дополнялась рядом пунктов, ограничивающих этот принцип.

Помимо категории дел, требовавших рассмотрения при закрытых дверях, о чем уже говорилось в прежней редакции указанной статьи, и упоминавшихся ныне

⁴² ЦГИА, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1886 г., д. 113.

⁴³ В судебных уставах указанные статьи излагались следующим образом: ст. 620: «Судебные заседания по делам о преступлениях происходят публично. Из сего правила изъеются только дела: 1) о богохулении, оскорблении святыни и порицании веры; 2) о преступлениях против прав семейственных; 3) о преступлениях против чести и целомудрия женщин; 4) о развратном поведении, противонародных пороках и сводничестве»;

ст. 621: «Закрытие для публики дверей судебного заседания как мера чрезвычайная должно быть допускаемо и в случаях, указанных в предшествующей статье, только при явной в том необходимости с точным означением в определении суда, какие именно действия должны происходить при закрытых дверях и по каким причинам»;

ст. 622: «По объявлению определения судов о закрытии дверей заседания посторонние люди немедленно удаляются, но по желанию подсудимого и потерпевшего в зале заседаний могут быть оставлены родственники и их знакомые, не более, впрочем, как по три лица с каждой стороны»;

ст. 624: «Во всяком случае при объявлении председателем суда прений законченными двери заседаний раскрываются. Все дальнейшие судебные действия, начиная с объяснений председателя по делу, рассматриваемым с участием присяжных, всегда происходят публично» (ПСЗ, 2 собр., т. XXXIX). Можно видеть, что судебные уставы должным образом охраняли гласность судопроизводства.

во втором ее пункте⁴⁴, Манасеин рекомендовал ввести два новых: первый и третий.

«По распоряжению председателя суда,— говорилось в первом пункте,— доступ в судебное заседание может быть воспрещен: 1) несовершеннолетним; 2) ученикам, воспитанникам, студентам и служителям учебных заведений; 3) лицам женского пола, когда это требует свойство рассматриваемого дела»⁴⁵. Таким образом, этот пункт давал возможность председателю суда лишать права присутствия в судебном заседании лиц моложе 21 года (имея в виду, что полное совершеннолетие наступило в этот срок), а также всех учащихся, включая и студентов.

Третий пункт значительно расширял возможности закрытия дверей судебных заседаний по сравнению с содержанием пункта второго. «Сверх случаев, упомянутых в предшествующей 620 статье, пункт 2, двери судебного заседания могут быть закрываемы для публики и по всякому другому делу на время отдельных судебных действий или на все время разбирательства: 1) когда публичное исследование того или другого подлежащего судебному рассмотрению обстоятельства нарушает требование нравственности или оскорбляет религиозное чувство и 2) когда недопущение публики в залу заседания представляется необходимым в видах обеспечения спокойного рассмотрения дела и постановления беспристрастного приговора»⁴⁶. Этот пункт по смыслу статьи давал возможность закрывать двери судебных заседаний председателю суда.

Ст. 621 также претерпевала некоторые изменения. Если в прежней редакции указывалось, что закрытие дверей судебных заседаний «как мера чрезвычайная» должно применяться «только при явной в том необходимости», то в новой редакции это отсутствовало.

Наибольшее значение имело предложение Манасеи-

⁴⁴ Во втором пункте предусматривалось закрытие дверей судебных заседаний при рассмотрении дел по обвинению в богохульстве, нарушении семейной верности и преступлений, направленных против чести и целомудрия женщин, а также противоестественных пороков.

⁴⁵ ЦГИА, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1886 г., д. 113, л. 48.

⁴⁶ Там же.

на о включении нового пункта в ст. 621. «Если министр юстиции,—говорилось в этом пункте,—из представления председателя судебного места, донесения членов прокурорского надзора или иных дошедших до него сведений усмотрит, что публичное рассмотрение дела может повести к соблазну или возбуждению умов или же не должно быть допущено в интересах ограждения общественного порядка, достоинства государственной власти или беспристрастия судебного приговора, то делает распоряжение о закрытии дверей заседания на все время рассмотрения дела или только на время совершения отдельных судебных действий посредством сообщения о сем к исполнению председателя подлежащего судебного места»⁴⁷.

Ст. 622 претерпевала лишь редакционные изменения. Ст. 624 видоизменялась по существу. Если в старой редакции говорилось, что при слушании дела при закрытых дверях после окончания прений «двери заседаний открываются», то в новой редакции имелось в виду раскрытие дверей лишь во время оглашения приговора. Такого содержание представления Манасеина, дававшее широкие возможности для закрытия дверей судебных заседаний не только министру юстиции, но и председателю суда.

Представление Манасеина рассматривалось в Соединенных департаментах гражданских и духовных дел и законов 1 и 29 ноября 1886 г., где вызвало оживленные прения. Главным действующим лицом здесь был обер-прокурор Синода. Характеризуя заседания департаментов, Половцов в дневнике за 29 ноября пишет: «Манасеин молчит, а Победоносцев отстаивает проект как свое собственное измышление, доказывая превосходство негласного суда перед гласным»⁴⁸. Собственно, споры велись вокруг того, кому должно принадлежать право издания распоряжения о запрещении публичности заседания, согласно первому пункту ст. 621: министру юстиции или Сенату.

Половина членов присутствия (пять) во главе с Победоносцевым и Манасеиным полагали, что «предостав-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 458.

ление министру юстиции права закрывать двери судебного заседания представляется мерой настоятельно необходимой»⁴⁹.

Другая же половина, также пять членов (во главе со Стояновским и Любоцинским), высказалась решительно против. В журнале указывалось, что «при всей готовности идти навстречу предложениям управляющего Министерством юстиции по сему делу [они] не могут согласиться с мыслью его о том, чтобы единоличной власти министра юстиции было предоставлено делать распоряжения о закрытии дверей судебных заседаний [...] Состоя в действиях своих по определению правосудия лишь под указом императорского величества, судебное место ни в одном из сих действий не может быть подчинено чьим-либо предписаниям, кроме исходящих в силу уполномочия Верховной самодержавной власти от высшего в инстанционном порядке судебного места»⁵⁰.

Вследствие этого они полагали «предоставить министру юстиции [...] предлагать о закрытии дверей Соединенному присутствию Первого и Кассационного департаментов Правительствующего Сената»⁵¹.

По настоянию Победоносцева Соединенное присутствие дополнило пункт второй ст. 620, перечисляющий категории дел, которые слушаются при закрытых дверях, делами «об отступлении от веры и о ересь и расколах». Вместе с тем был внесен и ряд редакционных изменений в отдельные статьи проекта. Ст. 621, трактовавшая об определении суда о закрытии дверей зала судебных заседаний, была изменена в более осторожной форме. В ней говорилось, что закрытие дверей судебного заседания «как мера чрезвычайная должна быть допускаема [...] только при необходимости в сем»⁵².

Таким образом, при обсуждении представления Манасеина в Соединенных департаментах обозначились две точки зрения: одна, настаивавшая на том, чтобы вопрос о закрытии судебных заседаний помимо определенной категории дел решался министром юстиции, другая — Соединенным присутствием Первого и Кассационных департаментов Сената.

⁴⁹ ЦГИА, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1886 г., д. 113, л. 52.

⁵⁰ Там же, л. 54.

⁵¹ Там же, л. 56.

⁵² Там же, л. 58.

В Общем собрании Государственного совета, где этот вопрос рассматривался 19 января 1887 г., прения носили еще более бурный характер. Говоря об этом заседании, Половцов пишет: «В Государственном совете горячие прения по представлению Манасеина об ограничении публичности судебных заседаний. Стояновский говорит не талантливо, а искренне и горячо отстаивая то, что написано в судебных уставах. [...] Дервиз настаивает на том, что по основным нашим законам Россия управляется на твердом основании законов, а что предлагаемая мера вносит не существовавшее в нашем законодательстве начало личного произвола. Гр. Пален, как бывший десять лет министром юстиции, утверждает, что в случае принятия предлагаемой меры министр юстиции сделается невольным покровителем всяких безнравственных поступков, совершители коих найдут всегда пути к ходатайствам о закрытии дверей суда, призванных судить их [...] Против всего этого Победоносцев очень убедительно говорит о недостатках нового суда, недостатки эти он выставляет с тою простотою, ясностью, убедительностью, кои отличают его речь, но заключение его не вытекает из изложения. Манасеин только повторяет «Non possumus», оглядываясь на Победоносцева, который запрещает ему делать какие-либо уступки»⁵³.

В результате обсуждения в Общем собрании члены разделились: 20 членов во главе с вел. кн. Владимиром Александровичем, Победоносцевым, Островским, Вышнеградским, Дурново, Плеве, Манасеиным высказались за предложение министра юстиции; 31 же член (вел. кн. Михаил Николаевич, Перетц, Каханов, Пален, Бунге, Шестаков и др.) — за то, чтобы вопрос о закрытии дверей на время совершения отдельных судебных действий рассматривался Соединенным присутствием Первого и Кассационных департаментов Сената. По всем остальным пунктам Общее собрание утвердило журнал Соединенных департаментов.

После заседания Общего собрания делались неоднократные попытки воздействия на Александра III в смысле утверждения им мнения либо большинства, либо меньшинства. Однако мнение императора, по-видимому,

⁵³ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 12—13.

под влиянием Победоносцева и Манасеина было определенным. На предложение вел. кн. Михаила Николаевича, проявлявшего, как ни странно, инициативу созвать специальное совещание для всестороннего обсуждения этого вопроса, царь ответил «что это лишнее, потому что его мнение непоколебимо»⁵⁴.

Делает попытку воздействия на Александра III и Половцов, направляя императору письмо, в котором предлагает компромиссное решение: утвердить мнение меньшинства, с тем чтобы каждое решение министра юстиции о закрытии дверей судебных заседаний санкционировалось «высочайшей» властью. «Как я докладывал Вашему величеству,— писал Половцов,— министр юстиции засвидетельствовал перед Государственным советом, что таких дел не будет более одного или двух в год; следовательно, Вас, государь, [...] эти два дела обеспокоить не могут; министра юстиции и подавно этот ограниченный доклад не стеснит: боящиеся света ходатайства умолкнут, опасаясь сделаться Вам известными, а серьезные государственные побуждения к закрытию дверей суда и без того должны доходить до Вас; журнальная пресса, провинция, говоруны всякого сорта увидят, что мера эта сохраняет характер исключительный и не угрожает, как толкуют ныне, полным уничтожением гласного суда»⁵⁵. Однако и это предложение было отвергнуто царем.

⁵⁴ Там же, стр. 16.

⁵⁵ Там же, стр. 23—24. Подлинный текст письма в фонде Александра III (ЦГАОР) отсутствует.

Попытку добиться утверждения царем мнения большинства сделал и Гирс. Как сообщает тот же Половцов в записи за 20 января, «в Государственном совете при чтении журнала по происшедшему в прошлый понедельник разногласию Гирс встает и просит позволения прочитать записку, поданную ему советником посольства Мартенсом в ту самую минуту, как он, Гирс, сидел в карету, почему он не успел составить себе еще мнение. В записке Мартенс выставляет, что многие иностранные державы согласились заключить с Россией конвенцию о выдаче преступников только потому, что имели уверенность, что выданные преступники будут судиться гласно, а что предполагаемое ныне уничтожение гласности по произволу министра юстиции может иметь последствием требование об уничтожении таких конвенций» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 14). Однако и это не имело никакого значения. Александр III страшно рассердился, а Гирс ужасно испугался своей храбрости.

Окончательное решение Александра III по этому вопросу было принято только 12 февраля, в котором он согласился с «мнением меньшинства».

* * *

В 1887 и 1889 гг. были изданы законы, направленные против суда присяжных.

25 февраля 1887 г., тотчас же после утверждения Александром III представления Манасеина «Об ограничении публичности судебных заседаний», Манасеин внес в Государственный совет представление «Об изменении правил составления списков присяжных заседателей». В этом представлении он писал, что «с самых первых лет введения в действие судебного преобразования по уставам императора Александра II процессуальная практика по делам, решаемым с участием присяжных заседателей, показала, что в состав присутствий последних нередко входят далеко не лучшие элементы общества, не те его представители, которых закон желал видеть в рядах деятелей уголовного правосудия»⁵⁶. Это непосредственно отражается на существе приговоров, на что еще в 1884 г. Министерство юстиции обратило свое внимание. Для изучения данного вопроса было образовано «из высших чинов судебного ведомства» Особое совещание, которое на основе присланных с мест отзывов пришло к заключению, что причиной неудовлетворительно-го состава присяжных являются два обстоятельства: «1) несовершенство законодательных норм, определяющих категории лиц, кои могут быть привлекаемы к выполнению повинностей содействия правосудию, и 2) недостаточность узаконений об устройстве и делопроизводстве учреждений по заведованию общей регистрацией лиц, подлежащих этой повинности, и назначением из числа сих лиц потребных комплектов на отдельные периоды судебных заседаний»⁵⁷.

По мнению Манасеина, в целях улучшения качества присяжных заседателей необходимо повысить ценз для

⁵⁶ ЦГИА, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1887 г., д. 24, л. 2.

⁵⁷ Там же. По-видимому, в связи с выводами Особого совещания были изданы «Временные правила» 12 июня 1884 г. (ПСЗ, 3 собр., т. IV, № 2314).

них от дохода с капитала, занятия ремеслами и промыслами или вообще вознаграждения за труд. При этом он рекомендовал установить следующий ценз: в столицах — не менее 1 тыс. руб., в городах с населением более 100 тыс. человек — 600 руб., в прочих местах — не менее 400 руб.⁵⁸

Одновременно с этим он полагал целесообразным увеличить служебный стаж крестьян, состоящих как на выборных должностях, так и в должности земских гласных. Вместе с тем Манасеин указывал на необходимость внесения также и некоторых других изменений. 16 марта 1887 г. это представление министра юстиции рассматривалось в Соединенных департаментах законов и гражданских и духовных дел, 13 апреля — в Общем собрании Государственного совета и 28 апреля утверждено Александром III. В целом предложения Манасеина были приняты.

Какие же изменения были внесены в составление списков присяжных? Во-первых, было включено требование для присяжных не только говорить, но и читать по-русски; во-вторых, ценз для наиболее демократических элементов (лиц, получающих «жалованье или доход от своего капитала, занятия, ремесла или промысла») был увеличен вдвое и более. Так, для лиц, проживающих в столицах, вместо 500 — 1 тыс. руб., в городах с населением не менее 100 тыс. человек⁵⁹ вместо 200 —

⁵⁸ По судебным уставам 1864 г. присяжными заседателями могли быть: 1) состоящие в русском подданстве; 2) имеющие не менее 25 и не более 70 лет от роду; 3) жительствовавшие не менее двух лет в той местности, где производятся выборы присяжных заседателей. Для избрания присяжным необходимо было еще знание русского языка. Ценз для выбора присяжных устанавливался пунктом 5 ст. 84. Он определялся земельным цензом в 100 десятин, «или другим недвижимым имуществом ценою: в столицах не менее двух тысяч рублей, в губернских городах и градоначальных не менее тысячи, а в прочих местах пятисот рублей, или же получающие жалованье или доход от своего капитала, занятия, ремесла или промысла: в столицах не менее пятисот, а в прочих местах не менее двухсот рублей в год». Включение крестьян в списки присяжных заседателей определялось пунктом 4 той же 84-й ст. По этому пункту в список присяжных заседателей включались крестьяне, состоявшие не менее трех лет на выборных должностях, а также и церковные старосты (ПСЗ, 2 собр., т. XXXIX, отд. второе, № 41475, ст. 81—84).

⁵⁹ В судебных уставах 1864 г. эта градация не существовала.

600, в прочих местностях вместо 200 — 400. Вместе с тем значительно снижался ценз для собственников земли со 100 до 10—20 десятин. В отношении крестьян вводились также некоторые ограничения. Трехлетний стаж требовался не только для волостных старшин, сельских старост, но и судей волостных судов, для которых ранее стаж не требовался⁶⁰.

Таким образом, требование умения читать на русском языке значительно сокращало возможности участвовать в качестве присяжных заседателей для демократических слоев нерусского населения, а увеличение вдвое и более ценза для городского населения значительно сокращало возможность участия в институте присяжных наиболее демократических элементов. Понижение же земельного ценза для собственников земли, наоборот, расширяло возможности для включения в состав присяжных кулачества, являвшегося в политическом отношении слоем весьма консервативным.

В начале 1889 г. Манасеин внес в Государственный совет представление «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащих ведению судебных мест с участием присяжных заседателей», где сообщал, что присяжные заседатели выносят оправдательные приговоры по преступлениям, направленным против порядка управления. «Цифра эта за последние девять лет (1877—1885), — писал министр юстиции, — представляла 42—61% всех приговоров по сим делам, а средним числом составила 56%. Между тем, — продолжал он, — в Варшавском судебном округе, где суд присяжных не введен, по делам упомянутого рода было постановлено лишь 27% оправдательных приговоров»⁶¹.

Манасеин предлагал изъять из ведения суда присяжных дела о преступлениях против порядка управления, по должности и некоторые другие, «правильное разрешение которых требует от судей специальных знаний или служебной опытности»⁶², а также дела «о преступ-

⁶⁰ ПСЗ, 3 собр., т. VII, № 4396.

⁶¹ ЦГИА, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1889 г., д. 54, л. 6.

⁶² Там же, л. 170.

ных деяниях, за которые высшее по закону наказание соединено с утратой лишь некоторых особенных прав и преимуществ»⁶³, и, наконец, дела, связанные с преступлениями совершеннолетних.

Дела против порядка управления и по должностным преступлениям Манасеин рекомендовал перенести на рассмотрение Особого состава окружных судов с участием сословных заседателей, а другие упомянутые дела рассматривать в обычном составе суда без участия присяжных заседателей.

Соединенные департаменты законов и гражданских и духовных дел одобрили предложенные меры, однако отметили, что предполагаемый особый состав суда с участием сословных заседателей лучше заменить судебной палатой как более квалифицированной и беспристрастной. Департаменты считали, что вопрос о суде над совершеннолетними необходимо подвергнуть всестороннему обсуждению. Департаменты обсудили также предложение Победоносцева об изъятии из ведения суда присяжных дел о многобрачии. По этому вопросу они сочли целесообразным сохранить прежний порядок и рассматривать эти дела после обсуждения их в духовном суде. 30 мая Общее собрание Государственного совета утвердило решение Соединенных департаментов, не согласившись лишь с вопросом по делам о многобрачии. Общее собрание предложило изъять эти дела из ведения суда присяжных и передать их судебным палатам для рассмотрения с участием сословных представителей. 7 июля решение Общего собрания было утверждено Александром III⁶⁴.

Итак, значительная категория дел исключалась из ведения суда присяжных⁶⁵.

Таким образом, в области суда присяжных во второй половине 80-х годов были сделаны серьезные шаги по ограничению его деятельности, с одной стороны, и повышению ценза присяжных — с другой. Однако суд присяжных продолжал существовать.

⁶³ Там же.

⁶⁴ В ПСЗ этот закон не помещен.

⁶⁵ По данным журнала Соединенных департаментов, общее число дел, которые предполагалось изъять из ведения суда присяжных, должно было составить до 2500 в год (ЦГИА, Департамент духовных и гражданских дел, 1889 г., д. 54, л. 171).

Серьезный удар по судебным уставам 1864 г. был нанесен законом 14 июля 1889 г.—законом, введшим институт земских начальников. Именно этот закон ликвидировал мировой суд⁶⁶, заменив его, с одной стороны, земскими начальниками, соединявшими в своих руках и административную и судебную власть, а с другой стороны, в городах—городскими судьями, назначаемыми правительством⁶⁷.

Удар был нанесен не только судебным уставам, но и министру юстиции. Хорошо знавший Манасеина Половцов так характеризует его самого и его поражение: «В душе своей он был ревностным приверженцем судебной реформы, но при назначении ему объявили о необходимости уничтожить судебные уставы. Он стал лавировать между этими двумя течениями и, как всегда в таких случаях бывает, заслужил нерасположение обоих лагерей. Ярым его противником восстал гр. Толстой, который в генеральном сражении по поводу земских начальников разбил его наголову, продиктовав государю резолюцию об уничтожении мировых судей, которая была объявлена Государственному совету без малейших с министром юстиции предварительных переговоров и [...] совершенным для него сюрпризом. После такой для него пощечины Манасеин должен был немедленно оставить место»⁶⁸.

Однако меры, предпринимавшиеся против судебных уставов на протяжении 80-х годов, в период министерства Набокова и Манасеина, носили частный характер и хотя в некоторых отношениях значительно ухудшили их, но не посягали на полную ликвидацию основных положений этих уставов: несменяемость судей, гласность и суд присяжных.

⁶⁶ За исключением городов С.-Петербурга, Москвы и Одессы.

⁶⁷ Подробнее см. главу «Контрреформы», стр. 366—401.

⁶⁸ ЦГАОР, ф. Половцова, д. 46, л. 63—64. Запись за 18 сентября 1895 г. Однако Манасеин этого не сделал и ушел с поста министра только через четыре с лишним года. В записи за то же 18 сентября Половцов, объясняя причину нежелания Манасеина подать в отставку, пишет: «...когда я уговаривал его это сделать, то он ответил мне: «А ты мне ручаешься, что меня назначат членом Государственного совета и сохранят не менее 15-ти тысяч рублей жалованья?»» (там же).

Назначенный министром юстиции в 1894 г. Н. В. Муравьев, беспринципный карьерист, с места в карьер взялся за пересмотр судебных уставов в целом. С этой целью весной 1894 г. была создана Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части под председательством министра юстиции. Состав ее был довольно обширен, равняясь 23 человекам. Среди членов были государственный секретарь В. К. Плеве, товарищи министра: П. М. Бутовский, внутренних дел — И. Л. Горемыкин, сенаторы С. И. Лукьянов, Н. С. Таганцев, Н. Н. Шрейбер, А. Ф. Кони, управляющий Земским отделом Министерства внутренних дел А. С. Стишинский, директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел Н. П. Долгово-Сабуров и др.

Комиссия приступила к работе 30 апреля 1894 г. При этом было образовано четыре подкомиссии: 1) месгных судебных установлений под председательством Горемыкина; 2) судопроизводства вообще — Шрейбера; 3) гражданского судопроизводства — Лукьянова; 4) уголовного судопроизводства — Таганцева.

Для участия в работе Комиссии было привлечено около 50 человек различных чинов судебного ведомства, а также присяжных поверенных, среди них прокурор С.-Петербургского окружного суда И. Г. Щегловитов, присяжные поверенные В. Д. Спасович, Ф. Н. Плевако и др.⁶⁹

Для уяснения позиции Муравьева в отношении пересмотра судебных уставов большой интерес представляет его записка, датированная 6 апреля 1894 г. В начале ее автор касается судебной реформы, отмечая, с одной стороны, ее своевременность и полезность, а с другой — несогласованность ее с государственным строем, «неудобно — одежда не по мерке»⁷⁰. Вместе с тем он подчеркивает ее отвлеченность и теоретичность, а также либеральную направленность.

Далее Муравьев отрицательно характеризует систему частных исправлений. В результате существовавшее положение судебных учреждений представляется Муравьеву неудовлетворительным. «Изменения между собой

⁶⁹ Дело Комиссии (ЦГИА, ф. Министерства юстиции, оп. 515).

⁷⁰ Записка представляет собою автограф (ЦГИА, ф. Н. В. Муравьева, оп. 3, д. 15).

несогласованы, а пробелы между ними не восполнены. Нет ни одного начала или учреждения в целостности неизменного или поколебленного или не обставленного ограничениями и изъятиями»⁷¹. Задача заключается, по мнению Муравьева, в том, чтобы подвести под существующее судебное здание «фундамент и перестроить [его], воспользовавшись всеми годными материалами»⁷². Для этого Муравьев считает необходимым осуществить реформу судебных уставов путем «полного, цельного, одновременного [пересмотра] по общему плану и одним руководящим началом»⁷³.

По его мнению, основные вопросы, требовавшие пересмотра, составляли следующие: «1) несменяемость, 2) суд присяжных, 3) судебно-административные учреждения, 4) Сенат и кассация, 5) следственная часть, 6) прокурорский надзор, 7) адвокатура, 8) гражданский суд и формализм (совестный суд), 9) материальное положение лиц судебного ведомства, 10) поднятие нравственного и умственного уровня судебных деятелей, 11) упрощение, ускорение, удешевление суда»⁷⁴.

Как мы видим, на первое место Муравьев ставит вопрос о несменяемости судей, а также суд присяжных.

Обратимся к материалам Комиссии. Полное представление о характере предполагаемой реформы дает записка «Главные основания предполагаемого объединения судебного устройства», находящаяся в делах Комиссии.

Указанная записка состоит из трех разделов: 1) «Общие начала», 2) «Состав судебных установлений и служебные преимущества судей и чинов прокурорского надзора», 3) «Круг деятельности судебных установлений, а также взаимная их подчиненность».

Остановимся на характеристике первого раздела, дающего наиболее полное представление о предполагаемой реформе. «Власть судебная принадлежит,— говорится в первом параграфе «Общих начал»,— участковым судьям, уездным членам судов губернских, губернским судам, судебным палатам и судебным департаментам

⁷¹ Там же, л. 1.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, л. 2.

Сената»⁷⁵. При этом указывалось, что участковые судьи и уездные члены власти единоличные, а остальные судебные установления — учреждения коллегиальные.

Далее говорилось, что производство следствия «возлагается на участковых судей, или же на уездных членов, либо членов губернского суда»⁷⁶.

Параграфы пятый и шестой посвящались суду присяжных. В пятом говорилось, что для определения вины или невиновности лиц, обвиняемых в преступлениях, влекущих лишение всех или всех особенных прав и преимуществ⁷⁷ в уездных и губернских судах, призываются присяжные заседатели, однако в следующем параграфе указывалось, что «для разрешения тех уголовных дел [...] которые будет признано нужным изъять из ведения суда присяжных, к составу губернских судов и судебных палат присоединяются заседатели от сословий»⁷⁸. Седьмой параграф «Общих начал» касался порядка назначения судей: «Все должностные лица судебного ведомства, за исключением почетных мировых судей, определяются от правительства»⁷⁹.

Таково содержание «Общих начал». Попытаемся сделать выводы. Во-первых, принцип несменяемости судей, столь ненавистный бюрократии, должен был быть ликвидирован полностью. Создание губернского суда вместо окружного определяло бы большую зависимость судебных учреждений от администрации. Во-вторых, если суд присяжных сохранялся, то, по-видимому, предполагалось значительно ограничить его деятельность путем изъятия определенных категорий дел.

Институт судебных следователей подлежал ликвидации, так как следственным судьям должно было поручаться ведение следствия в исключительных случаях.

⁷⁵ ЦГИА, ф. Министерства юстиции, оп. 515, д. 2, л. 224. Сфера деятельности участкового судьи распространялась на определенную часть уезда или города, члена уездного отделения губернского суда — на уезд, губернского суда — на губернию, судебной палаты — на несколько губерний или областей, судебных департаментов Сената — на всю империю.

⁷⁶ В примечании к параграфу четвертому указывалось, что в столицах, крупных городах в отдельных случаях следствие может поручаться и особым следственным судьям.

⁷⁷ ЦГИА, ф. Министерства юстиции, оп. 515, д. 2, л. 224.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

Неясным оставался вопрос о сохранении судебных функций земских начальников. Казалось бы, что суд в уезде должен был бы перейти к участковым судьям, а земские начальники должны были сохранить только административные обязанности. Однако член Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части А. Ф. Кони в своих воспоминаниях утверждает обратное. «Несмотря на то что Горемыкин вовсе не стоял за судебную власть земских начальников, а его представитель Неклюдов даже прямо заявил Комиссии, что Министерство внутренних дел охотно уступает всю судебную деятельность этих излюбленных детей произвола,— пишет Кони,— Муравьев категорически заявил, что не допустит даже обсуждения этого вопроса, так как это противоречит знаменитым «видам правительства»»⁸⁰.

Оставляя в стороне этот вопрос, необходимо сказать, что проект Муравьева должен был ликвидировать в основном судебные уставы 1864 г., значительно ослабив буржуазные принципы судопроизводства и усилив, наоборот, феодальные.

Только общественный подъем, начавшийся примерно с 1892—1893 гг., рост массового рабочего движения и соединение его с социал-демократией не дали возможности осуществить правительству свои планы. Об этом прямо говорит А. Ф. Кони в своих воспоминаниях «Триумвиры», о чем мы говорили уже выше.

⁸⁰ А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 2, стр. 321—322.

ГЛАВА VI

ПРЕССА И АДМИНИСТРАЦИЯ

Цензурные репрессии в рассматриваемый период достигают больших размеров, особенно в отношении периодической печати. Преследования печати ставили своей целью уничтожить всякое инакомыслие, хотя бы в самой умеренной форме. Эта политика была направлена на установление в России политического единомыслия, о котором мечтал всегда Катков, полагая, что его взгляды являются истиной в последней инстанции, а всякое иное представление о том или ином событии казалось крамолой¹.

¹ Как известно, еще Козьма Прутков составил проект «О введении единомыслия в России», в котором он ставил вопрос о необходимости «установления единообразной точки зрения на все общественные потребности и мероприятия правительства». С этой целью он рекомендовал «учреждение такого официального повременного издания, которое давало бы руководительные взгляды на каждый предмет. Этот правительственный орган, будучи поддержан достаточным полицейским и административным содействием властей, был бы для общественного мнения необходимою и надежною звездою, «маяком, вехою». Редактором этого почтенного органа, по мнению Пруткова, должен был быть человек, «достойный во всех отношениях, известный своим усердием и преданностью, пользующийся славою литератора, несмотря на свое нахождение на правительственной службе, и готовый для пользы правительства пренебречь общественным мнением и уважением вследствие твердого убеждения в их полной несостоятельности» (Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1955, стр. 154). Все эти мысли полностью разделялись Катковым, а портрет редактора как бы списан с Михаила Никифоровича.

Первым шагом, облегчившим правительству преследования прессы, явились «Временные правила о печати», проект которых был составлен в бытность министром внутренних дел Н. П. Игнатьева².

Увольнение Игнатьева не приостановило движение проекта, и в августе 1882 г. Толстой представил его в Комитет министров за своей подписью с некоторыми поправками³.

Обсуждение «Временных правил о печати» происходило в Комитете министров 17 и 24 августа, а 27-го они были утверждены Александром III⁴.

Правила эти состояли из трех пунктов. Первый из них гласил, что «редакции выходящих в свет не реже одного раза в неделю повременных изданий и вызвавших третье предупреждение обязываются по истечении срока приостановки [...] по возобновлении представлять номера их для просмотра в Цензурный комитет не позже 11 часов вечера накануне дня выпуска в свет»⁵. Цензурным органам предоставлялось право «в случаях усматриваемого ими значительного вреда от распространения такого повременного издания приостанавливать выход его в свет, не возбуждая судебного преследования против виновных»⁶.

Этот пункт, во-первых, ставил газеты, получившие три предупреждения, в невыносимые условия, так как не позднее 10 часов вечера они должны были заканчивать работу над номером, в то время как другие газеты имели возможность включать в выпускаемые номера известия, полученные ими значительно позже. Во-вторых, приостановление той или иной газеты осуществлялось чисто административным путем, без всякого вмешательства судебной власти, что, естественно, значительно расширяло возможности ведомственного произвола.

Второй пункт обязывал редакции газет и журналов, выходящих без предварительной цензуры, сообщать по

² Вообще Игнатьев под влиянием Победоносцева занимал чрезвычайно агрессивную позицию по отношению к печати. Подробнее см. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 410—413.

³ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4251, ст. 375.

⁴ ПСЗ, 3 собр., т. II, № 1072.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

требованию Министерства внутренних дел фамилии авторов тех или иных статей.

Наконец, третий пункт гласил о создании Совещания (Верховной комиссии по печати) из министров: внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода, а также руководителя ведомства, возбуждавшего рассматриваемый вопрос. Это Совещание должно было решать вопрос о совершенном прекращении или о приостановке повременных изданий «[...] без определения срока ее с воспрещением редакторам и издателям оных быть впоследствии редакторами или издателями каких-либо других периодических изданий»⁷.

Таким образом, Совещание четырех министров получило чрезвычайно обширные права. Новые «Временные правила» передавали административному решению вопрос об ограничении личных прав, что являлось прерогативой судебных органов. Под этим имелось в виду решение вопроса о воспрещении издателям и редакторам запрещенных периодических органов заниматься в дальнейшем журналистской деятельностью. «Временные правила» 27 августа значительно усиливали, выражаясь официальной терминологией, «административное воздействие на печать», что по существу означало установление системы самого неприкрытого административного произвола. Говоря о сущности «Временных правил», К. К. Арсеньев отмечал, что «они останавливают мысль в самом ее зародыше, искажают, обрезают или совершенно подавляют ее выражение, понижают общий уровень печати [...] усиливают влияние мнений, процветающих во мраке, опирающихся на молчание»⁸.

* * *

1 января 1883 г. на пост начальника Главного управления по делам печати⁹ назначается Е. М. Феоктистов.

⁷ Там же. Четвертый пункт «Временных правил» указывал, что этот закон распространяется на все повременные издания, в том числе и на арендуемые у правительственных и учебных учреждений.

⁸ «Вестник Европы», 1882 г., кн. 10, стр. 792.

⁹ По данным отчета Главного управления по делам печати, в 1882 г. число чиновников в нем составляло 26, в цензурных комитетах в провинциях — 75, всего 101, к 1892 г. общая численность лиц, служивших в этом ведомстве, увеличилась до 114 (ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 90, д. 1441, л. 1). Кроме того,

В 50-х годах Феокистов наряду с педагогической деятельностью сотрудничал в либеральном «Русском вестнике», затем редактировал газету «Русская речь»; он был в тот период одним из близких лиц к московскому кругу западников — И. С. Тургеневу и В. П. Боткину. В начале 60-х годов он сближается с группой либеральной бюрократии А. В. Головинным и Д. А. Милютиным и поступает на службу в Министерство народного просвещения, принимая непосредственное участие в составлении нового устава о книгопечатании. В это время он активный сотрудник умеренно либеральной газеты «Русский инвалид», органа Военного министерства, а точнее, его главы — военного министра.

С середины 60-х годов Феокистов по примеру своего друга Каткова эволюционирует вправо, становясь уже с начала 70-х годов весьма близким к Толстому лицом, занимая пост редактора журнала Министерства народного просвещения. Феокистов сближается с сильными мира сего — с гр. Воронцовым-Дашковым, М. Н. Островским, Победоносцевым и др.¹⁰

Назначение Феокистова на пост начальника Главного управления по делам печати было воспринято общественностью как усиление реакции в области цензурной политики¹¹.

в тех городах, где отсутствовали цензурные комитеты, цензорские функции по отношению к местной прессе по закону 30 сентября 1881 г. выполняли вице-губернаторы. Главное управление по делам печати состояло из трех делопроизводств. Первое ведало всеми делами, относящимися к периодической печати. Второе делопроизводство сосредоточивало в себе все дела по счетной и инспекторской части, по иностранной цензуре и неперiodической печати, а также дела по наблюдению за типографиями, книжной торговлей, библиотеками и читальнями. Наконец, третье делопроизводство заведовало делами драматической цензуры.

¹⁰ Жена Феокистова Софья Александровна — Феокистиха, как ее неуважительно называл И. С. Тургенев, — пользовалась большим успехом в свете, обеспечивая тем самым карьеру своему мужу.

¹¹ Поэт Д. Д. Минаев откликнулся на это событие экспромтом, в котором вспомнил и успехи Феокистихи, находившейся в более чем дружеских отношениях с министром государственных имуществ М. Н. Островским:

Островский Феокистову
На то рога и дал,
Чтоб ими он неистово
Писателей бодал.

Д. Минаев. Стихотворения (М., 1948, стр. 299).

И действительно, оно знаменовало собою новый этап цензурной политики, характеризовавшийся значительным усилением как цензурных ограничений, так и репрессий. Огромная роль в этом принадлежала Победоносцеву. «Этот бледный, физически истощенный, крайне болезненный фанатик, враг всякого движения вперед,— пишет в своих записках о Победоносцеве М. И. Семевский,— начинает каждый свой день чтением массы ныне крайне бледных русских газет. Ему мерещатся разные призраки в статьях этих газет, и он шлет свои вопли, отмечая многие из статей, министру внутренних дел»¹². Со вступлением в должность Феоктистова Победоносцев апеллирует непосредственно к нему. В первый же день назначения Феоктистова на пост начальника Главного управления по делам печати Победоносцев направляет ему записку, в которой, говоря о газете «Русский курьер», пишет: ««Курьер» достаточно уже выказал себя. Зачем церемониться с этой мерзостью. Я того мнения, что следовало бы немедленно вовсе закрыть эту лавочку»¹³. Через неделю с лишком Победоносцев обращает внимание на сей раз на сообщение в газете «Голос» о «Московском телеграфе», в котором будет опубликован новый «философский труд» Л. Н. Толстого¹⁴. «Эти философские труды полоумного гр. Толстого известно к чему клонятся,— замечает Победоносцев.— Посему не лишним почитаю обратить Ваше внимание на означенное заявление»¹⁵.

Некоторые записки, так же как и приведенная выше о Л. Н. Толстом, написаны в пренебрежительно-оскорби-

¹² ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Семевского, д. 16, л. 509.

¹³ «Литературное наследство» № 22—24. М., 1935, стр. 502. Тот факт, что уже в первый день пребывания на посту начальника Главного управления по делам печати Феоктистов получает указания от Победоносцева, свидетельствует, что назначение на этот пост произошло не помимо обер-прокурора Синода. Об этом косвенно сообщает Феоктистову Т. Филиппов. В своем письме от 11 декабря он пишет: «К[онстантин] П[етрович] мне сказал, что кн. Вяземский уходит [...] говорил он еще прежде и о Вас с гр. Т[олстым]; тот ответил: «Представьте, и у меня самого он на уме»» (ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, д. 9087, ЛII б. 100, л. 21).

¹⁴ По мнению комментатора писем Победоносцева к Феоктистову И. Я. Айзенштока, речь шла, очевидно, о статье «В чем моя вера» (см. «Литературное наследство» № 22—24, стр. 503).

¹⁵ Там же.

тельных тонах¹⁶. Из сохранившихся в архиве Феокистова 79 писем, точнее, записок Победоносцева едва ли не все касаются вопросов прессы. Победоносцев уделял опомное внимание печати. Феокистов в своих воспоминаниях по этому поводу писал: «Я всегда изумлялся, как у него хватало времени читать не только наиболее распространенные, но и самые ничтожные газеты, следить в них не только за передовыми статьями или корреспонденциями, но даже (говорю без преувеличения) за объявлениями, подмечать такие мелочи, которые не заслуживали бы ни малейшего внимания. Непрерывно я получал от него указания на распушенность нашей прессы, жалобы, что не принимается против нее достаточно энергичных мер»¹⁷.

Влиял на Феокистова не только Победоносцев, но и Катков. При этом начальник Главного управления по делам печати держал себя по отношению к редактору «Московских ведомостей» как услужливый приказчик. Он сообщает ему о том, что происходит в правительственных сферах, об обсуждении тех или иных вопросов в Государственном совете, Комитете министров, достает ему различного рода служебные документы; доводит до его сведения содержание различных кулуарных разговоров и т. д. «Очень сожалею, что не застал Вас в Москве,—пишет Феокистов Каткову в 1884 г.—Я нарочно приезжал, чтобы видетъся с Вами и сообщить кое-какие известия»¹⁸. В том же 1884 г. он пространно оправдывается перед Катковым в том, что не смог достать документы по делу об элеваторах¹⁹, рассматривавшемуся в Государственном совете²⁰.

¹⁶ См. там же, стр. 544.

¹⁷ Воспоминания Е. М. Феокистова «За кулисами политики и литературы», стр. 221—222.

¹⁸ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова 12/27. Письмо датировано: «Воскресенье 10-го». Датируется 1884 г. по упоминанию в нем об обсуждении университетского устава.

¹⁹ Речь шла об учреждении Русско-американского общества товарных складов с зерноподъемниками (элеваторами). Обсуждение этого вопроса в Государственном совете вызвало серьезные споры. Александр III отклонил это предложение, полагая, что «оно опасно для России». Подробнее см. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 121, 130, 131, 179, 180, 192, 195—197, 495.

²⁰ «Я старался достать необходимые для Вас документы,—пишет Феокистов Каткову,—обращался к Михаилу Николаевичу [Остров-

Совершенно прав М. Е. Салтыков-Щедрин, называя Феоктистова «холопом Каткова»²¹. Однако было бы неверным возлагать ответственность за гонения литературы только на Победоносцева, Каткова и других начальственных лиц. Сам Феоктистов был лицом определенной системы взглядов, и проводимая им политика вовсе не противоречила его собственным воззрениям на задачи цензурного ведомства. К тому же министр внутренних дел отнюдь не противодействовал Феоктистову в его деятельности. «Лично я,—писал он в своих воспоминаниях,—не могу жаловаться на графа Толстого. Он предоставлял мне полную свободу, одобряя все меры, которые я считал необходимыми, во всем соглашался со мною; он был, видимо, доволен, что нашелся человек, который поставил себе задачей действовать твердо и последовательно»²². В некоторых же случаях Феоктистову приходилось оказывать давление на министра для того, чтобы «вырвать у него согласие на решительную меру»²³.

* * *

Борьбу правительства с литературой, и в первую очередь с периодической печатью, можно подразделить на два ее вида: ограничение круга вопросов, о которых разрешается писать, и непосредственные преследования тех или иных органов печати.

Рассмотрим первое. Распоряжения, касавшиеся запрещения освещать в печати те или иные стороны жизни, касались в первую очередь наиболее важных сторон ее: вопросов, связанных с деятельностью государственных учреждений и суда, органов земского и городского общественных управлений, крестьянского вопроса, поло-

скому], но он препроводил все бумаги Вешнякову, который вместо него отправляется в Государственный совет [...] документы нужны ему самому, неловко у него взять их. Затем просил у Тертия Ивановича [Филиппова], но и тут неудача...» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова 12/27. Письмо от 8 февраля 1884 г.). Таким образом, Феоктистов очень старался.

²¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XX. Письма. Книга третья (1884—1885). М., 1937, стр. 163. Письмо к В. М. Соболевскому от 8 апреля 1885 г.

²² См. воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 239.

²³ Там же, стр. 241.

жения дел в учебных заведениях. При этом циркуляры, запрещавшие освещение в прессе тех или иных вопросов, начинают издаваться вскоре после издания манифеста об укреплении самодержавия.

Уже 28 мая 1881 г. Главное управление по делам печати издает циркуляр, предлагающий редакторам «воздерживаться от сообщения каких бы то ни было сведений, касающихся земских и думских постановлений, приговоров, адресов, а равно и отчетов о заседаниях оных и без предварительного разрешения подлежащей власти»²⁴.

Таким образом, освещение в печати деятельности земских и городских общественных органов было запрещено. Больше того, в 1885 г. в связи с предстоящим избранием петербургского городского головы предлагалось «не допускать печатания разных статей о лицах, кои будут предложены кандидатами, ибо это может только обострить отношения между избирателями и напрасно волновать общество».

Особенно сильно ограничивалось освещение в печати правительственной деятельности. 14 августа 1882 г. издается циркуляр, указывавший редакторам, что публикация «статей против правительственных учреждений может вызвать применение к виновным изданиям строжайших административных карательных мер»²⁵. В марте 1884 г. Главное управление по делам печати сообщает редакторам и издателям, что им предоставляется право «сообщать в печати лишь те сведения о мероприятиях правительства, которые уже были обнародованы подлежащим ведомством в официальных органах»²⁶. Даже официальные «правительственные документы всякого рода на основании действующих постановлений,— как указывалось в циркуляре Главного управления, изданного в апреле 1885 г.,—должны появляться впервые в офи-

²⁴ ЦГИА, ф. С.-Петербургского цензурного комитета, оп. 3, 1882 г., д. 26, л. 46. 2 января 1883 г., т. е. буквально в первый день пребывания Феоктистова на посту начальника Главного управления по делам печати, он приглашает редакторов периодических изданий для указания «не печатать никаких сведений и отчетов по земским делам без разрешения подлежащих губернаторов» (там же, д. 3 за 1883 г., л. 11).

²⁵ Там же, оп. 3, 1882 г., д. 26, л. 54.

²⁶ Там же, оп. 3, 1884 г., д. 35, л. 9.

циальных органах правительства»²⁷. Помимо этих общих положений издавалось большое число циркуляров, относящихся к отдельным частным вопросам (запрещение освещения в печати тех или иных судебных процессов, касавшихся должностных преступлений различных событий, в частности убийства Судейкина, покушения 1 марта 1887 г. и т. д.).

Наконец, ограничивалась возможность критики не только отдельных правительственных действий, но и лиц. В апреле 1885 г. Главное управление рассылает циркулярное письмо, в котором отмечалось, что «в подцензурной печати, и особенно в сатирических и юмористических журналах, нередко появляются заметки о разных лицах, общественная деятельность которых подвергается не спокойному и серьезному обсуждению, а сопровождается неприличными, резкими и даже бранными выражениями с приведением фамилий описываемых лиц»²⁸. В силу этого предписывалось не разрешать «оскорбительных выражений и отзывов о частных лицах, тем более с приведением фамилий»²⁹.

Не менее серьезные ограничения были установлены для наиболее важного в тогдашних условиях жизни вопроса — аграрного. Обсуждение его должно было почти исчезнуть со страниц периодической печати.

Уже в 1882 г. было издано два циркуляра, касающихся обсуждения в печати аграрного вопроса. Первый из них запрещал проникновение в печать всяких «тенденциозных или агитационных сведений о неприязненных отношениях крестьян к землевладельцам»³⁰. Второй — категорически воспрещал «появление в печати всяких известий о переделах, равнении земли, слушном часе и т. п., а равно и статей, в которых проводится мысль о пользе или справедливости изменения поземельного положения крестьян»³¹.

В июле 1883 г. Феоктистов издает циркуляр, касавшийся запрещения освещать в прессе вопрос о крестьянских переселениях «ввиду усилившихся в последнее время толков в печати о переселенческом движении, весьма

²⁷ Там же, оп. 3, 1885 г., д. 6, л. 26.

²⁸ Там же, л. 21.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, оп. 3, 1882 г., д. 26, л. 37.

³¹ Там же, л. 14.

вредно отражающихся на настроении сельского населения»³².

Эти три циркуляра фактически делали невозможным обсуждение в печати аграрного вопроса. К этому вопросу не разрешалось обращаться даже ретроспективно. Так было не только воспрещено празднование двадцатипятилетия со дня отмены крепостного права, но даже категорически запрещалось упоминать об этой дате в газетах и журналах. 18 сентября 1885 г. был издан циркуляр, в котором отмечалось, что нарушение этого запрета «не может быть терпимо и виновное издание [...] подвергнется карательным мерам»³³. Некоторые газеты пытались все же сказать об этой годовщине. Однако «в ночь на 19 февраля [1886 г.] редакции газет получили ультиматум: ни одной статьи, ни одного слова о крестьянской реформе...—рассказывает в своих воспоминаниях Вл. А. Розенберг [...] Требование было исполнено: некоторые из газет появились со статьями о джутовых мешках и тому подобных злобах дня, а «Русские ведомости» совсем не вышли [...] Гостивший в то время в Москве Кеннан спрашивал: «Почему сегодня нет «Русских ведомостей»? Ему отвечали: «Сегодня газета молчанием чествует двадцатипятилетие освобождения крестьян»³⁴.

Запрещение освещать на страницах печати касалось и рабочего вопроса. Когда в начале 90-х годов усилились стачки, Главное управление по делам печати в конфиденциальном циркуляре отмечало, что в последнее время «некоторые периодические издания занимались обсуждением состояния наших фабрик и заводов, касались при этом вопроса об отношениях рабочих к хозяе-

³² Там же, оп. 3, 1883 г., д. 3, л. 43.

³³ Там же, оп. 3, 1885 г., д. 6, л. 44.

³⁴ *Владимир Розенберг*. Из истории русской печати. Прага, 1924, стр. 119. В конфиденциальном циркулярном письме управляющего Министерством внутренних дел губернаторам, запрещавшем празднование 25-летнего юбилея освобождения крестьян, говорилось: «Громадная важность законоположений 19 февраля 1861 года, соотношение этой реформы к живым интересам двух сословий, значение всего последующего периода времени в смысле развития и упрочения доброжелательной сословной связи требует особой осторожности в проявлении исторических воспоминаний, а такую осторожность весьма трудно соблюсти при всеобщем возбуждении, неизбежно соединяющемся с предназначенным празднованием» (ЦГА г. Москвы, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 75, д. 23, л. 167).

вам»³⁵. Категорически предлагалось прекратить вовсе печатание «подобных статей, ибо, отличаясь тенденциозным направлением или сообщая неверные сведения, они могут причинить существенный вред»³⁶.

Освещение жизни учебных заведений, а особенно высших, подвергалось также запрету. В 1882 г. последовало по этому поводу четыре циркуляра. Так, 19 марта было запрещено печатание «ложных или тенденциозных известий, касающихся внутренней жизни учебных заведений, как светских, так и духовных»³⁷. Вполне естественно, что под «ложными и тенденциозными» подразумевалось освещение на страницах печати происходивших студенческих волнений, так как само собою разумеется, что преднамеренную ложь ни одна уважающая себя газета и без указанного циркуляра не печатала. В октябре того же года Главное управление по делам печати категорически воспретило печатать какие-либо известия, касающиеся «беспорядков» в Казанском университете, впредь «до официальных о том сообщений»³⁸.

В середине декабря 1882 г. был издан циркуляр, запрещающий печатать материалы судебного отчета по делу студента Казанского университета Семенова, нанесшего оскорбление попечителю учебного округа³⁹. Через несколько дней было разослано новое циркулярное распоряжение, запрещающее публиковать в прессе какие-либо сведения как по данному делу, «так равно и по другим подобным делам, которые могут возникнуть»⁴⁰.

Следовательно, освещение на страницах печати вопросов, связанных с общественной жизнью учебных заведений, главным образом высших, было также запрещено. Мы привели лишь незначительное число циркуляров, представляющихся нам наиболее важными, общее же число их было огромно; сотни этих циркуляров фабриковались в Главном управлении по делам печати, обрушивались на головы редакторов и издателей, ограничи-

³⁵ ЦГА г. Москвы, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 83, д. 26, ч. I, л. 129.

³⁶ Там же.

³⁷ ЦГИА, ф. С.-Петербургского цензурного комитета, оп. 3, 1882 г., д. 26, л. 11.

³⁸ Там же, л. 74.

³⁹ Там же, л. 86.

⁴⁰ Там же, л. 87.

вали возможности, а то и просто подвергали запрету освещение на страницах прессы тех или иных важных сторон и явлений жизни. Вместе с тем эти циркуляры служили основанием для расправы с неудобными правительству газетами и журналами⁴¹.

* * *

Единственным выразителем общественного мнения, рупором политической мысли являлась периодическая печать: газеты и толстые журналы. Несмотря на все препоны цензуры, на страницах этой печати, хотя бы и в завуалированной форме, обсуждались те вопросы, которые волновали русское общество. Именно здесь ставился вопрос и о парламентаризме. В период диктатуры Лорис-Меликова, когда были сделаны известные цензурные послабления, на страницах печати нередко прямо говорилось о конституции. Газета «Страна» в связи с убийством Александра II писала: «Надо, чтобы основные черты внутренних политических мер внушались представителями русской земли, а потому и лежали на их ответственности. А личность русского царя пусть служит впредь только светлым, всем сочувственным символом нашего национального единства, могущества и дальнейшего преуспеяния России»⁴².

Вполне естественно, что в условиях наступившей реакции правительство прежде всего решило расправиться с печатью, пресечь всякое инакомыслие. Об этом прямо говорит Феохтистов в отчете Главного управления по делам печати за период с 1882 по 1891 г. «Печальное положение нашей печати,—пишет он,—к которому она пришла в конце 70-х годов благодаря предоставленной

⁴¹ По данным отчета Главного управления по делам печати за 10 лет, с 1882 по 1891 г., о деятельности Канцелярии Главного управления, «из года в год все увеличивалось как по числу исходящих, так и по количеству входящих бумаг. За первую половину отчетного десятилетия 1882—1886 гг. входящих бумаг было 27 819, а исходящих — 26 050, тогда как за время с 1886 по 1891 г. общая сумма первых достигла 30 596, а вторых — 30 101» (ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 20, д. 1441, л. 6). Среди них немалое место занимали различные циркулярные распоряжения.

⁴² «Страна», 3 марта 1881 г.

первоначально ей свободе и снисходительному отношению к ней власти, вызвало необходимость ограничения этой свободы и иного, более строгого отношения к ней со стороны правительства. С этой целью,—продолжал он,—27 августа 1882 г. были высочайше утверждены новые правила относительно периодической прессы, значительно суживающие свободу ее и вместе с тем увеличивающие цензурные полномочия»⁴³.

Не ставя своей задачей освещать состояние периодической печати, так как это является темой специальной работы, вкратце лишь остановимся на характеристике легальных органов прессы, имевших наибольшее общественное звучание.

Властителем дум, выразителем передовых настроений общества являлся демократический журнал «Отечественные записки», редактировавшийся М. Е. Салтыковым-Щедриным. «В течение 80-х годов популярность Салтыкова,—пишет А. А. Кизеветтер,—достигла своего апогея. Его общественные сатиры читались с упоением. Каждая книжка журнала с его новым «Письмом к тетеньке» составляла своего рода событие»⁴⁴.

Действительно, сатиры Щедрина «Письма к тетеньке», «Современная идиллия» имели огромный общественный резонанс. Значительную роль играл в журнале Н. К. Михайловский, перу которого принадлежало большинство литературных рецензий и обзоров новых книг. В числе сотрудников журнала были С. Н. Кривенко, Н. Николадзе, А. И. Эртель и ряд других прогрессивных писателей и публицистов.

Представители реакционного лагеря прекрасно понимали идейную направленность «Отечественных записок». Болеслав Маркевич в одном из своих писем Каткову (от 26 сентября 1881 г.) писал, что журнал «прямо, не стесняясь нисколько, подбивает своих читателей на смуту, признает героями Желябовых и К⁰. Целые книжки журналов подбираются статья к статье в этом смысле»⁴⁵.

⁴³ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 20, д. 1441, л. 13.

⁴⁴ А. А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий (воспоминания 1881—1914), стр. 153.

⁴⁵ Цит. по кн.: М. В. Теплинский. «Отечественные записки» (1868—1884). Южно-Сахалинск, 1966, стр. 329.

Здесь есть известное преувеличение, но в основном тенденция журнала определена правильно. «Отечественные записки» являлись наиболее влиятельным органом демократической мысли.

Вторым органом демократической печати был журнал «Дело», редактировавшийся Н. В. Шелгуновым и К. М. Станюковичем. В нем с публицистическими статьями под разными псевдонимами выступал П. Н. Ткачев. «Дело» являлось фактическим продолжением закрытого еще в середине 60-х годов журнала «Русское слово». Во второй половине 80-х годов, после ареста и высылки Станюковича, журнал теряет свой демократический характер и с переходом издания к И. С. Дурново превращается в реакционный орган.

После «Отечественных записок» по силе своего влияния из толстых журналов надо назвать редактируемый М. М. Стасюлевичем «Вестник Европы». В нем большой общественный интерес представляло «Внутреннее обозрение», которое вел талантливый публицист и крупный ученый К. К. Арсеньев.

По мнению Министерства внутренних дел, общее направление «Вестника Европы» на протяжении 80-х годов было «проникнуто систематическим непримиримым недоброжелательством ко всем мероприятиям правительства, имеющим целью упрочение коренных основ нашего государственного устройства, водворения законного порядка в стране и отрезвление умов от ложных и вредных учений. «Вестник Европы»,—говорилось во всеподданнейшем докладе по поводу предупреждения журналу в 1889 г.,—постоянно называет настоящее время «временем контрреформ» и ко всем реформам, ко всем наиболее важным административным распоряжениям находится в явной оппозиции»⁴⁶.

Известное общественное звучание, особенно во второй половине 80-х годов, имел журнал «Русская мысль», издававшийся с 1880 г. В. М. Лавровым. С 1884 г., с приходом в журнал В. А. Гольцева, являвшегося фактическим его редактором, здесь печатались статьи Н. К. Михайловского, В. П. Воронцова и ряда других либеральных народников.

⁴⁶ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 25, л. 35.

Из газет наиболее влиятельной из числа изданий либерального направления были «Русские ведомости». В рассматриваемый нами период «Русские ведомости» редактировались В. М. Соболевским, который привлек к сотрудничеству в газете ряд демократических писателей и общественных деятелей демократического направления: М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, П. Л. Лаврова, П. Г. Зайчневского, Н. К. Михайловского и др. Салтыков-Щедрин в одном из своих писем к Соболевскому, говоря о своем сотрудничестве, писал: «Я желал бы этого сотрудничества именно потому, что считаю «Р[усские] В[едомости]» единственным в настоящее время порядочным печатным органом, и сожалею лишь о том, что это газета, а не журнал»⁴⁷. «Русские ведомости» не пользовались симпатией цензурного ведомства, и, по словам В. А. Розенберга, Феоктистов однажды сказал: «Скверная газета: скверно говорит, скверно и молчит»⁴⁸.

Характеризуя «Русские ведомости», Дурново в одном из своих всеподданнейших докладов указывал, что эта газета «принадлежит, несомненно, к разряду наиболее вредных органов нашей периодической печати. Предосудительное направление ее,— продолжал Дурново,— выражается преимущественно в пассивной оппозиции правительству, т. е., соблюдая большую осторожность, она не решается явно порицать его распоряжения, но на страницах ее никогда не выражается ничего, что свидетельствовало бы о сочувствии ее к его деятельности»⁴⁹.

Наряду с «Русскими ведомостями» к либеральному направлению принадлежали следующие газеты: «Рус-

⁴⁷ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XX. Письма. Книга третья, стр. 129. Письмо от 13 января 1885 г. В другом письме к Н. А. Белоголовому (от 31 августа 1884 г.) он, характеризуя «Русские ведомости», писал: «Это единственный порядочный орган и притом со смыслом издающийся. Очень умеренный, но честный» (там же, стр. 89).

⁴⁸ Владимир Розенберг. Указ. соч., стр. 120. Эта фраза была сказана Феоктистовым в 1887 г. одному из представителей газет. Последние слова относились к тому, что в «Русских ведомостях» ничего не было сказано о смерти Каткова, за исключением краткой заметки об этом событии.

⁴⁹ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 27, л. 27.

ский «курьер», редактируемый В. Н. Селезевым; «Московский телеграф» — редактор-издатель И. Родзевич; «Страна» — редактор-издатель Л. Полонский; «Порядок», представлявший собою своеобразный газетный орган «Вестника Европы» и редактируемый также М. М. Стасюлевичем. Наиболее распространенной из газет либерального направления был «Голос», издававшийся с 1863 г. А. А. Краевским, а с 1871 г. совместно с историком В. А. Бильбасовым. «Голос» стоял на довольно умеренной позиции, выражая взгляды либеральной бюрократии. Это обстоятельство определяло большую осведомленность газеты. Тираж «Голоса» в начале 80-х годов составлял около 25 тыс. экземпляров. На более радикальных позициях стояла газета «Страна», начавшая издаваться в 1880 г., в период диктатуры Лорис-Меликова, под редакцией Л. Полонского. Политическим идеалом «Страны» была конституционная монархия.

Все эти газеты в той или иной форме выступали с оппозиционными статьями, подвергая критике те или иные вопросы государственной жизни, ратуя за расширение прав земства и дальнейшее продолжение буржуазных преобразований, а порой поднимали вопрос о представительстве. Вместе с тем на страницах этих газет печатались материалы о тяжелом положении крестьянства, недостаточности наделов, тяжести податей и т. д.

Лидером реакционного лагеря являлись «Московские ведомости», редактируемые М. Н. Катковым. Катков и его газета пользовались исключительным положением, представляя собою своеобразный правительственный официоз. Именно своеобразный, так как «Московские ведомости», всячески поддерживая правительственный курс, вместе с тем разрешали себе критиковать в весьма резкой форме отдельные стороны правительственной политики, а также и отдельных, стоящих у кормила власти лиц. Можно без преувеличения сказать, что за подобную критику редактор любой другой газеты (за исключением, впрочем, «Гражданина») был бы в 24 часа выслан из Петербурга в места «не столь отдаленные», а редактируемый им орган немедленно закрыт.

Катков на страницах «Московских ведомостей» организуя буквальную травлю ряда министров и других

представителей правительственной власти: Николай, Бунге, Гирса, Набокова, Абазу. В области внешней политики «Московские ведомости» занимали отличную от Министерства иностранных дел позицию. Катков порой сам чувствовал себя почти руководителем внешней политики. В 1886 г. он посылает для неофициальных переговоров с французским правительством свою креатуру, в полном смысле этого слова проходимца генерала Е. В. Богдановича, состоявшего при министре внутренних дел в качестве члена Совета. Справедливость требует, однако, сказать, что внешнеполитическая программа Каткова, провозглашавшая необходимость союза с Францией, в большей степени отражала национальные интересы России, нежели традиционная прогерманская политика.

Катков чувствовал себя вне всяких правил и законов, существующих для других органов прессы. В июле 1884 г. он в своем письме к Феоктистову по поводу сделанного ему, по-видимому, замечания в связи с тем, что он не поместил в своей газете «правительственного сообщения», писал: «Я полагаю, что правительство не должно смотреть на себя как на слепую машину и руководствоваться формальностью. Точно так же правительство не может одинаково относиться к порядочным людям и жуликам. Я имею слабость относить себя не к жуликам»⁵⁰. По-видимому, Катков относил лишь себя да, пожалуй, Мещерского к порядочным людям. Все остальные представители печати, по его мнению, были жуликами различных калибров.

После смерти Каткова исключительное положение «Московских ведомостей» было утрачено, причем они подвергались даже цензурным преследованиям, получив в рассматриваемый нами период два предупреждения.

Вторым официозным органом являлся «Гражданин» Мещерского, занявший после смерти Каткова в 1887 г. место «Московских ведомостей» по своему значению в лагере реакции. Однако как по уму, так и по образованию редактор «Гражданина» значительно уступал Каткову. «Гражданин» полностью солидаризировался с реакционным правительственным курсом, и к газете часто

⁵⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, к-45, л. 289—290.

прислушивался и сам император. Мещерский, как уже говорилось выше, неоднократно получал субсидии от Александра III. Так, Половцов в своем дневнике сообщает, что в 1887 г. Мещерский запросил у императора 300 тыс. руб. Когда Дурново заявил царю, что эти притязания чрезмерны, последний сказал: «У нас хотят консервативные журналы за двугривенный. Смотрите, что Бисмарк тратит на прессу»⁵¹.

«Гражданину», несмотря на расположение к нему императора, разрешалось значительно меньше вольностей, чем «Московским ведомостям», и наказывался он, несмотря на это, значительно чаще⁵². Однако все взыскания как «Московским ведомостям», так и «Гражданину» имели по существу формальный характер.

К газетам реакционного лагеря относилось и «Новое время», издававшееся А. С. Сувориным, проделавшим успешную эволюцию от либерала к реакционеру. Это была газета, не обладавшая, так же как и ее редактор, никакими определенными политическими воззрениями. Что касается нравственных качеств Суворина, то он во всяком случае стоял не выше Мещерского. Недаром Салтыков-Щедрин характеризовал Суворина гадиной и подлецом. В этот период появляется новый вид прессы, так называемой желтой, бульварной, рассчитанной на удовлетворение низменных вкусов мелкобуржуазных слоев города, т. е. мещанства (различные занимательные сообщения, нередко просто выдуманные, уголовная хроника, рассказы на сексуальные темы и т. д.). Представителем такой прессы была газета «Московский листок», которую редактировал Н. И. Пастухов⁵³, человек, лишенный всякого представления о честности.

⁵¹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 140.

⁵² За рассматриваемый период «Московские ведомости» получили всего три взыскания, и то все после смерти Каткова. «Гражданин» — семь взысканий (см. *Вл. Розенберг и В. Якушкин. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем*. М., 1905, стр. 199, 205).

⁵³ Для характеристики приемов этого дельца достаточно привести рассказ о нем А. А. Кизеветтера. Однажды, это происходило в 80-х годах, Пастухов пришел в цирк, находившийся на Воздвиженке, и пожелал посмотреть представление. Однако все места были заняты, и он принужден был уйти, заявив в ярости, что хотя он не был на представлении, но рецензию напишет. Действительно, в «Московском листке» появилось лаконичное сообщение о том, что

Усиленные гонения на прессу начинаются уже с 1881 г. Число административных взысканий, наложенных за отдельные годы на органы периодической печати, составляют следующие цифры ⁵⁴:

1881 — 20	1888 — 15
1882 — 26	1889 — 13
1883 — 13	1890 — 8
1884 — 19	1891 — 13
1885 — 13	1892 — 9
1886 — 5	1893 — 7
1887 — 8	1894 — 5

Таким образом, общее число наложенных за 14 лет взысканий составляет 174. За первые 7 лет — 104, за последующие — 70. Следовательно, налицо постепенное снижение числа налагаемых взысканий. Однако это отнюдь не говорит о смягчении цензурного режима. Это свидетельствует о другом: в первые годы реакции наиболее «вредные», с точки зрения правительства, органы печати были прекращены, а другие приведены в полное повиновение. Вместе с тем общее число наложенных взысканий без анализа их также не дает еще полной картины. Надо сказать, что наиболее тяжелым взысканием являлось, естественно, прекращение издания периодического органа либо подчинение его предварительной цензуре. Общее число запрещенных изданий, согласно решению четырех министров, составляло семь ⁵⁵ и восемь ⁵⁶ прекратило свое существование вследствие цензурных преследований, главным образом в результате

«в цирке на Воздвиженке треснула крыша и грозит обвалиться» (А. А. Кизеветтер. Указ. соч., стр. 21). Уже на следующий день после этого сообщения в кассе цирка не было продано ни одного билета. Так продолжалось до тех пор, пока владелец цирка не внес немалую сумму в кассу «Московского листка», после чего появилось снова небольшое сообщение, в котором говорилось, что крыша заново исправлена и «все обстоит благополучно» (там же). Подробнее о Пастухове см. В. Гиляровский. Москва газетная. Избранное в трех томах, т. 2. М., 1960, стр. 95—149.

⁵⁴ См. Вл. Розенберг и В. Якушкин. Указ. соч., стр. 199—226.

⁵⁵ Газеты «Дрозда», «Здоровье», «Московский телеграф», «Заря», «Сибирская газета», «Светоч» и журнал «Отечественные записки».

⁵⁶ Газеты «Газета Гатцука», «Голос», «Восток», «Русский курьер», «Русское дело», «Порядок», «Страна», «Эхо».

подчинения предварительной цензуре. Итак, общее число прекратившихся изданий составляло 15⁵⁷. По отдельным годам это представляется следующим образом⁵⁸:

1882 — 0/1	1888 —
1883 — 1/2	1889 — 1/2
1884 — 1/1	1890 — —
1885 — 3/1	1891 — —
1886 — 1/0	1892 — —
1887 — 0/1	1893 — —

Большинство из прекративших свое существование газет и журналов были запрещены или вынуждены были ликвидировать издание в первые пять лет, т. е. до 1887 г. Следовательно, наиболее тяжелые кары постигли печать в первую половину 80-х годов. Надо сказать, что отрицательное отношение правительства к периодической печати заключалось не только во взысканиях, налагаемых цензурным ведомством. Оно выражалось и в стремлении задержать развитие периодической печати.

«Перемена в отношении цензуры к периодической прессе выразилась, с другой стороны,— писал Феоктистов в отчете за десятилетнюю деятельность Главного управления по делам печати,—и в том, что сравнительно с прежним временем разрешения новых повременных изданий за отчетные десять лет выдавались с большой осмотрительностью лишь лицам, на благонадежность которых можно было более или менее положиться. Данные [...]— продолжал он,—ясно указывают на уменьшение с каждым годом процента вновь разрешаемых изданий. Так, в 1882 г. количество периодических изданий сравнительно с предыдущим годом увеличилось на 7,9%. Затем с каждым годом процент числа разрешенных вновь газет и журналов сравнительно с количеством, выходившим в предыдущем году, все уменьшается, а в 1891 г. не превышает $5\frac{1}{2}$ »⁵⁹. Таким образом, во-

⁵⁷ Все данные заимствованы из таблицы, приводимой в указ. книге Вл. Розенберга и В. Якушкина, стр. 193—226. По тем же данным, за период с 1865 по 1880 г. было запрещено восемь изданий.

⁵⁸ В числителе — число запрещенных изданий, в знаменателе — число изданий, прекратившихся вследствие цензурных гонений.

⁵⁹ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 20, д. 1441, л. 13—14.

преки естественной тенденции ежегодного возрастания процента прироста газет и журналов Главное управление по делам печати искусственно достигало уменьшения вновь возникавших периодических изданий.

Анализируя приведенные выше цифровые данные, видно, что наиболее решительная расправа с прессой начинается с приходом к власти Феофтистова⁶⁰. Уже в 1883 г. было прекращено издание трех либеральных газет: «Московского телеграфа», «Голоса» и «Страны», в 1884 г. — «Русского курьера».

Обратимся к «Московскому телеграфу». На «Московский телеграф» нападки начинаются еще в 1881 г., т. е. в год его основания. В том же году ему на определенный срок воспрещается розничная продажа, в 1882 г. на него обрушивается поток взысканий: четыре предостережения, воспрещение розничной продажи, а также временная приостановка⁶¹. Запрещение розничной продажи, по мнению министра внутренних дел, должно было привести к закрытию газеты. «...«Телеграфу» («Московский телеграф». — П. 3.), — пишет Толстой Победоносцеву 15 декабря 1882 г., — запрещена розничная продажа, что для него почти равносильно уничтожению»⁶². Однако газета продолжала существовать.

13 января 1883 г. во всеподданнейшем докладе Толстой указывал, что «Московский телеграф» «продолжает держаться вредного направления»⁶³.

На скорейшем закрытии «Московского телеграфа» особенно настаивал Победоносцев. «Пора бы уже приняться за «Московский телеграф», — пишет он Феофтистову 12 марта 1883 г. — От графа Толстого я слышал,

⁶⁰ В 1882 г. прекратила свое существование лишь газета «Порядок». После временной приостановки выход ее не возобновился. Приостановление газеты мотивировалось тем, что она опубликовала отчет о заседании Московской городской думы без надлежащего на то разрешения.

⁶¹ См. *Вл. Розенберг и В. Якушкин*. Указ. соч., стр. 205.

⁶² «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом I, стр. 265.

⁶³ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, 1883 г., д. 19, л. 3. В передовой статье от 5 января 1883 г. говорилось, что необходимо «развитие просвещения и изменение системы его, облегчение доступа в средние и высшие учебные заведения, свобода печати и, наконец, гарантии прав личности» («Московский телеграф», 5 января 1883 г.). За эту статью «Московский телеграф» получил новое предупреждение.

что будет на первой неделе. А вот и вторая кончается»⁶⁴. Феокистов на следующий же день сообщил Победоносцеву о том, что «в настоящее время составляется записка о «Московском телеграфе». Послезавтра,— продолжал он далее,— она будет послана к графу Толстому, который на основании ее возбудит вопрос об означенной газете»⁶⁵.

Через несколько дней после ответа Феокистова Победоносцеву Толстой представил Александру III всеподданнейший доклад, в котором отмечалось, что «Московский телеграф» «принадлежит к числу наиболее вредных изданий»⁶⁶. Тут же подчеркивалось, что «этот орган [...] изображал в самом ненавистном свете теперешнее положение дел»⁶⁷. 19 марта 1883 г. решением Совещания четырех министров «Московский телеграф» был запрещен.

Характеризуя «Московский телеграф», Феокистов в официальной записке писал: «Если вообще, за весьма немногими исключениями, печать наша отнюдь не отличается благонамеренностью и старалась лишь создавать затруднения правительству среди тревожных обстоятельств последнего времени, то два ее органа преимущественно перед всеми другими обращали на себя внимание своими вредными тенденциями и дерзостью своего тона. Оба они — «Московский телеграф» и «Русский курьер» — издаются в Москве»⁶⁸.

«Русский курьер», редактируемый В. Н. Селезневим, причинял властям также много беспокойства, и не столько властям, сколько Каткову, с которым он непрерывно полемизировал. Как уже указывалось выше, Победоносцев в первый же день назначения Феокистова указал ему на необходимость закрытия «Русского курьера»⁶⁹. «Русский курьер» выступал со статьями о земстве и городском общественном управлении, о положении крестьянства, всячески отстаивая реформы 60-х годов. «В течение двух лет г. Катков с упорством и усердием,

⁶⁴ «Литературное наследство» № 22—24, стр. 504. Имеется в виду первая и вторая недели великого поста.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, 1883 г., д. 19, л. 12.

⁶⁷ Там же, л. 13.

⁶⁸ Там же, л. 17.

⁶⁹ См. стр. 266.

достойным лучших целей,—писал «Русский курьер» в одной из своих статей в 1883 г.,—занимался в «Московских ведомостях» обругиванием преобразований прошлого царствования [...] наиболее злостным его нападкам подвергались новые суды, а за ними земское и городское самоуправление»⁷⁰.

В 1882 г. «Русский курьер» был приостановлен на три месяца, в 1883 г. получил предупреждение. Причиной этого предупреждения было, по мнению цензурного ведомства, «вредное направление, выражающееся в суждениях о существующем государственном строе, и в подборе и неверном освещении фактов о быте крестьян, направление это рассчитано на то, чтобы возбуждать смуту в умах»⁷¹. В начале 1884 г. «Русский курьер» получил второе предупреждение за статьи по национальному вопросу. «Принцип национальности,—говорилось в номере за 24 декабря,—это в сущности не что иное, как принцип *равноправности и братства людей*»⁷². В номере за 28 декабря, снова касаясь этого вопроса, газета писала: «Ради счастья русского народа мы являемся в России сторонниками искреннего, последовательного, разумно целесообразного проведения в жизни населения Русского государства принципа национальностей»⁷³. Ознакомившись с всеподданнейшим по этому поводу докладом, Александр III изрек: «Возмутительно читать подобные статьи. И это пишут русские люди»⁷⁴. Получив второе предупреждение, «Русский курьер» занял более осторожную позицию, и закрыть его удалось не сразу.

В 1883 г. произошла расправа с «Голосом». За время своего существования газета подвергалась непрерывно различного рода взысканиям, общее число которых с 1865 г. составляло 46, из них за последние два с небольшим года она получила 12⁷⁵. Благодаря своим широким связям в правительственных сферах газета располагала обширной информацией и приносила много не-

⁷⁰ «Русский курьер», 10 июля 1883 г.

⁷¹ Вл. Розенберг и В. Якушкин. Указ. соч., стр. 243.

⁷² «Русский курьер», 24 декабря 1883 г.

⁷³ «Русский курьер», 28 декабря 1883 г.

⁷⁴ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, 1884 г., д. 20, л. 1.

⁷⁵ Данные заимствованы из указ. книги Вл. Розенберга и В. Якушкина, стр. 199.

приятностей представителям власти, несмотря на то что в целом она стояла на весьма умеренных либеральных позициях. Особенно нетерпимо относились к «Голосу» Толстой и Победоносцев. По словам Феоктистова, Толстой не мог спокойно говорить о «Голосе»⁷⁶, «ему все казалось, что «Голос» служит органом какой-то чрезвычайно сильной партии и что если нанести ему удар, то чуть ли не произойдет бунт»⁷⁷. Таким образом, министр внутренних дел остерегался решительной расправы с этой газетой. Как рассказывает тот же Феоктистов, Толстой якобы боялся принимать радикальные меры против «Голоса» и потому, что «враги его будут утверждать, что он руководился чувством личной мести»⁷⁸. Как бы то ни было, инициатива в деле репрессий против «Голоса» принадлежала лично Феоктистову.

В феврале 1883 г. «Голосу» было объявлено третье предупреждение. Во всеподданнейшем докладе по поводу предупреждения о направлении «Голоса» говорилось, что газета, «неоднократно подвергавшаяся карательным мерам, продолжала и до последнего времени держаться вредного направления, выражавшегося как в суждениях ее о существующем государственном строе, так и в подборе и неверном освещении фактов [...] очевидно рассчитывая породить смуту в умах»⁷⁹. Прочтя доклад, Александр III с присущей ему грубостью написал: «И поделом этому скоту»⁸⁰. Вообще о состоянии печати, о лицах, стоящих во главе того или иного органа, император имел довольно смутное представление. Только через восемь лет после прекращения издания «Голоса» Александр III узнал, что историк Бильбасов был редактором «Голоса». Как рассказывает в своем дневнике Феоктистов, император в начале 90-х годов на докладе о запрещении книги Бильбасова об Екатерине II начертал

⁷⁶ В начале 80-х годов «Голос» организовал специальную подписку в пользу бывших крепостных гр. Толстого, которые им всячески утеснялись (см. воспоминания Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 241).

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. Нам представляется, что подобным заявлением Толстой просто пытался прикрыть свою боязнь предпринять решительные меры против «Голоса», опасаясь за свою особу.

⁷⁹ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, 1883 г., д. 19, л. 7.

⁸⁰ Там же.

следующую фразу: «К сожалению, я не знал, что Бильбасов тот самый скот, который вместе с Краевским издавал «Голос»»⁸¹.

Наряду с получением третьего предупреждения «Голос» был приостановлен на шесть месяцев и подчинен предварительной цензуре согласно «Временным правилам» 27 августа 1882 г. Собственно, впервые эти правила были применены в данном отношении к «Голосу», который тем самым был поставлен в невыносимые условия. В начале августа, к концу срока запрещения «Голоса», Главное управление по делам печати сообщило редакции, что «каждый номер газеты независимо от экземпляров, доставляемых в Цензурный комитет, должен быть представлен цензору в четырех экземплярах не позже 11 часов вечера накануне выпуска в свет»⁸². Дальнейшее издание газеты становилось невозможным. Вследствие того что газета не возобновилась после истечения срока запрещения, в августе 1884 г. было официально объявлено о ее прекращении.

Понимая, что в условиях подчинения «Голоса» предварительной цензуре она продолжать свое издание не сможет, Катков пытается приобрести газету, сделать ее филиалом «Московских ведомостей». «При всей гнусности своей благодаря интригам «Голос» стал большой силой, и было бы, конечно, хорошо,—писал Катков Феокистову,—овладеть этой силой и направить ее иначе»⁸³. По-видимому, согласился с этой комбинацией и Толстой. В августе 1883 г. он писал Феокистову: «Я вполне разделяю Ваш взгляд, что в случае благонамеренности новой редакции этой газеты («Голоса».—П. З.) следует быть к ней снисходительным и не держаться строго правил»⁸⁴.

В том же 1883 г. прекратила свое существование газета «Страна». В начале этого года газета получила третье предупреждение и была приостановлена на четыре месяца. «Газета «Страна»,—писал в докладе Алек-

⁸¹ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феокистова, 9120, ЛII б. 14, л. 24. Запись за 8 января 1891 г.

⁸² ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 3, 1883 г., д. 101, л. 332.

⁸³ Воспоминания Е. М. Феокистова «За кулисами политики и литературы». Примечания Ю. Г. Оксмана, стр. 281.

⁸⁴ Там же.

сандру III Толстой,—несмотря на объявленные ей два предостережения и воспрещение розничной продажи [...] продолжала упорно держаться усвоенного ею вредного направления, выражающегося в систематическом стремлении безусловно осуждать все действия и распоряжения правительства и представлять общее положение дел в нашем отечестве в самом безотрадном виде»⁸⁵. Это направление, по словам Толстого, особенно наглядно выразилось в передовой статье новогоднего номера за 1883 г., «в которой с непозволительной дерзостью заявляется об отсутствии в сферах управляющих «искренности» и «сколько-нибудь рациональных, приведенных в систему идей». В результате подчинения газеты карательной цензуре издание ее не возобновилось.

Таким образом, Феокистов в первый год своего пребывания на посту начальника Главного управления по делам печати расправился с тремя наиболее влиятельными газетами либерального направления. Цензурные гонения достигли огромных размеров. В одном из перлюстрированных писем, относящемся к концу 1883 г., мы находим следующую оценку положения периодической печати: «Цензура также свирепствует. Феокистов недавно писал Юрьеву⁸⁶, просил быть, елико возможно, осторожным, потому что «щадить не будут». «Отечественные записки» на краю гибели, озились там очень на Щедрина [...] Все газеты и журналы трепещут»⁸⁷.

Такую же оценку бурной деятельности Феокистова в 1883 г. дает в своих записках и М. И. Семевский. «И вот в короткое время, шесть недель,—пишет он,—запрещены газеты «Страна», «Голос», «Московский телеграф». Объявлены угрозы литературным журналам, каковы: «Отечественные записки», «Наблюдатель». Косвенно послана угроза «Вестнику Европы», короче сказать, над литературою русскою нависла мрачная туча, напоминающая время 1848 и 1849 гг.»⁸⁸

⁸⁵ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. I, д. 19, л. 1. Помета Александра III: «Отвратительная статья».

⁸⁶ По-видимому, имеется в виду редактор журнала «Русская мысль» С. А. Юрьев.

⁸⁷ ЦГАОР, ф. Департамента полиции. Перлюстрация, оп. 265, 1883 г., д. 8, л. 68. Письмо за подписью «Добр[овольский]», адресованное в Харьков студенту Успенскому.

⁸⁸ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Семевского, д. 16, л. 510.

В следующем, 1884 г. произошла расправа с «Отечественными записками». Особую активность в борьбе с «Отечественными записками» проявлял сам руководитель цензурного ведомства⁸⁹. Как указывает Феокистов, Толстой, как и в вопросе о закрытии «Голоса», обнаруживал нерешительность, «главным образом опять-таки из опасения возбудить неудовольствие в обществе»⁹⁰.

18 января 1884 г. Совет Главного управления вынес решение о необходимости объявить журналу второе предупреждение. В докладе, представленном по этому поводу Толстым императору, говорилось: «Принимая в соображение, что журнал «Отечественные записки» обнаруживает вредное направление, предавая осмеянию и стараясь выставить в ненавистном свете существующий общественный, гражданский и экономический строй как у нас, так и в других европейских государствах, что наряду с этим редакция журнала не скрывает своих симпатий к крайним социалистическим доктринам и что, между прочим, в январской книжке этого журнала за текущий год помещена статья за подписью Николадзе под заглавием «Гамбетта и Луи Блан», содержащая восхваление одного из французских коммунаров — Рошфора, я, согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, признал необходимым объявить журналу «Отечественные записки» второе предупреждение»⁹¹. Представление Толстого было утверждено Александром III.

⁸⁹ Жена Феокистова, С. А. Феокистова, якобы даже заявляла, что «ее Евгеша занял пост начальника по делам печати единственно с той целью, чтобы раздавить такую гадину, как «Отечественные записки»» (А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 333). Подобное утверждение в полном смысле этого слова едва ли верно, однако оно свидетельствует об отношении Феокистова к «Отечественным запискам».

⁹⁰ Воспоминания Е. М. Феокистова «За кулисами политики и литературы», стр. 242. Упоминание Феокистова, что одной из причин нерешительности Толстого по отношению к «Отечественным запискам» было нежелание последнего открыто выступать против своего лицейского товарища Салтыкова, едва ли могло иметь существенное значение. Об этом Феокистов также говорил редактору «Отечественных записок», о чем последний сообщал А. А. Краевскому в письме от 9 марта 1884 г. (см. Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX. Письма. Книга вторая. М., 1937, стр. 395—396).

⁹¹ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, 1883 г., д. 19, л. 5—6.

Мотивировка предупреждения была настолько серьезна, что участь журнала была ею предрешена. Салтыков-Щедрин в своем письме к А. Л. Боровиковскому по поводу положения дел в журнале писал: «Судя по сильной мотивировке, вероятно, вслед за сим последует и третье предостережение, хотя бы мы и белую бумагу выдали. Очевидно, что тут есть уже предвзятое намерение. А может быть, и совсем закроют журнал. Как бы то ни было, но я пишу к Вам, так сказать, накануне умертвления»⁹².

Пытаясь все же каким-либо образом спасти журнал, Щедрин летом 1883 г. пишет Н. К. Михайловскому, советуясь с ним об этом: «Не имеете ли Вы какую-нибудь комбинацию в виду насчет «Отеч[ественных] Зап[исок]», которую мог бы Краевский⁹³ принять? Я же тогда только могу остаться, если совершится какое-нибудь чудо, т. е. по крайней мере сместят Феокистова или Каткова ошельмуют»⁹⁴.

Наряду с Феокистовым, Катковым и Победоносцевым большую, пожалуй наиболее значительную, роль в окончательной расправе с «Отечественными записками» сыграл Департамент полиции в лице его директора Плеве. В августе 1883 г. Плеве представил Толстому обширную записку, которая была посвящена по существу в значительной мере «Отечественным запискам».

В этой записке Плеве подробно говорит о связи революционного движения с журналистикой. Характеризуя близость пропагандистской деятельности революционных народников с периодической печатью, он писал: «...журналистика, конечно, не замедлила отозваться на этот ею же подготовленный порыв молодежи. В повременных изданиях появился ряд произведений народнической беллетристики, в которых ими популяризировался западноевропейский социализм или же путем измышленных, а иногда лишь искусно подобранных или ложно освещенных явлений народного быта доказывалось бедственное положение народа[...] Подобные произведения на первое

⁹² Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX. Письма. Книга вторая, стр. 321.

⁹³ Краевский являлся издателем «Отечественных записок».

⁹⁴ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX. Письма. Книга вторая, стр. 344.

время и служили орудием пропаганды, стремившейся привить народу чувство недовольства его положением и познакомить его с основаниями учения, признаваемого фанатиками социализма средством исцеления от всех общественных зол»⁹⁵. Далее Плеве отмечал то «гибельное влияние», которое оказывало на молодежь творчество и деятельность Н. А. Некрасова.

Переходя к существовавшему положению дел и задачам Главного управления по делам печати, Плеве отмечал, что цензурному ведомству едва ли будет «под силу сломить окончательно враждебное существующему порядку настроение прессы до тех пор по крайней мере, пока состав литературного кружка, руководящего журналами и газетами, не изменится. В настоящее время кружок этот состоит почти исключительно из людей, вся литературная деятельность которых составляет непрерывный протест против законного порядка [...] «Отечественные записки», издаваемые Краевским, редактируются Салтыковым[Щедриным] при деятельном участии Григория Елисеева и Михайловского в сотрудничестве с некоторыми ссыльными и поднадзорными [...] Все изложенное,—заключал Плеве,—приводит к заключению, что в данный исторический момент правительство находится в борьбе не только с кучкой извергов, которые могут быть переловлены при усиленных действиях полиции, но с врагом великой крепости и силы, с врагом, не имеющим плоти и крови, то есть с миром известного рода идей и понятий, с которыми борьба должна иметь особый характер»⁹⁶.

Получив эту записку, Толстой писал Плеве: «Очень благодарю Вас [...] и за составленную записку об отношениях известной части нашей журналистики к революционной партии [...] Я посылаю ее государю»⁹⁷.

Из числа сотрудников «Отечественных записок» ряд лиц был арестован либо выслан из столицы. В январе 1883 г. из Петербурга был выслан Н. К. Михайловский. В начале 1884 г. были арестованы С. Н. Кривенко,

⁹⁵ ЦГАОР, ф. Царскосельского дворца, д. 227, л. 13. Экземпляр этой записки, хранящейся в указанном фонде, впервые введен в научный оборот М. В. Теплинским.

⁹⁶ Там же, л. 19—20.

⁹⁷ ЦГАОР, ф. Плеве, д. 1156, л. 19.

А. И. Эртель, М. А. Протопопов. Все это давало повод для непосредственного обвинения «Отечественных записок» в прямой крамоле.

В своих воспоминаниях Феоктистов рассказывает, что инициатива закрытия журнала принадлежала Департаменту полиции. «Однажды граф Толстой,— пишет Феоктистов,— пригласил меня на совещание с Оржевским и Плеве, которые сообщили, что редакция «Отечественных записок» служит притоном отъявленных нигилистов, что против некоторых из сотрудников этого журнала существуют сильные улики, что один из них уже выслан административным порядком из Петербурга и что необходимо разорить это гнездо»⁹⁸. Это совещание, как справедливо утверждает М. В. Теплинский, произошло, по-видимому, в самом начале апреля⁹⁹ или, возможно, в конце марта. По крайней мере уже 5 апреля профессор Н. А. Любимов сообщал Каткову о том, что участь «Отечественных записок» уже решена и доклад по этому поводу уже заготовлен¹⁰⁰.

Проект «Правительственного сообщения» о закрытии «Отечественных записок» подготавливался Феоктистовым вкупе с Плеве и Победоносцевым. Как видно из письма Феоктистова Плеве, проект «Правительственного сообщения» редактировался Победоносцевым¹⁰¹.

13 апреля 1884 г. состоялось решение Совещания четырех министров о закрытии «Отечественных записок» «с обнародованием в «Правительственном вестнике» изложенных в журнале совещания соображений, послуживших поводом к принятию означенной меры»¹⁰².

19 апреля решение Совещания было утверждено им-

⁹⁸ Воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 242.

⁹⁹ См. М. В. Теплинский. Указ. соч., стр. 123.

¹⁰⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, к-19, л. 118.

¹⁰¹ См. М. В. Теплинский. Указ. соч., стр. 124. Как утверждает Феоктистов, инициатива подобной экстраординарной меры исходила от самого Толстого. «Граф Дмитрий Андреевич,— пишет он,— счел необходимым подробно объяснить мотивы, которыми руководствовалось правительство, прибегнув к этой мере, чего в подобных случаях никогда не делалось прежде и в чем не было ни малейшей необходимости» (воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 242).

¹⁰² ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 20, л. 25. Цит. по указ. книге М. В. Теплинского, стр. 124.

ператором, а 20-го было опубликовано «Правительственное сообщение». «Некоторые органы нашей периодической печати,— говорилось в нем,— несут на себе тяжкую ответственность за удручающие общество события последних лет [...] Независимо от привлечения к законной ответственности виновных правительство не может допустить дальнейшее существование органа печати, который не только открывает свои страницы распространению вредных идей, но и имеет ближайшими своими сотрудниками лиц, принадлежащих к составу тайных обществ»¹⁰³.

Так расправилось правительство с передовым демократическим журналом того времени.

Закрытие «Отечественных записок» вызвало широкую общественную реакцию. «Еще один удар по голове, нанесенный русскому обществу Толстым,— писал в бесцензурной либеральной газете «Общее дело» друг Салтыкова-Щедрина Н. А. Белоголовый,— удар, давно подготовленный и о котором мы не раз предупреждали. «Отечественные записки» закрыты навсегда, и закрыты они без всяких *«formes de procès»* и указаний и ссылок на их печатные преступления, а просто за вредное направление [...] В этом журнале еще веял дух великих идеалов 60-х годов, в нем жила и развивалась та любовь к народу и родине, которая внушает русскому человеку ненависть к его угнетателям»¹⁰⁴.

По поводу закрытия «Отечественных записок» писал и Н. К. Михайловский в «Народной воле»: «Это был почти единственный орган русской печати, в котором сквозь дым и копоть цензуры светила искра понимания задач русской жизни во всем их объеме. За это он должен был погибнуть — и погиб»¹⁰⁵.

В том же 1884 г. была подвергнута цензурным гонениям, по настоянию Победоносцева, чрезвычайно безобидная с точки зрения правительственных кругов, газета «Восток», издававшаяся Н. И. Дурново и стоявшая на весьма шовинистических позициях. Однако эта газета выступала с критикой ведомства Победоносцева. В 1882 г. она получила «за вредное направление» первое

¹⁰³ «Правительственный вестник», 20 апреля 1884 г.

¹⁰⁴ «Общее дело», 1884 г., № 61.

¹⁰⁵ «Народная воля», сентябрь 1884 г., № 10.

и второе предупреждения, а в 1884 г. третье и была временно приостановлена за то, что продолжала держаться усвоенного ею вредного направления, «выражавшегося в крайне резких нападках на наше церковное управление вообще и на некоторых лиц высшей духовной иерархии»¹⁰⁶. Будучи подчинена предварительной цензуре, газета принуждена была прекратить свое существование.

В январе 1885 г. решением Совещания четырех министров была прекращена московская газета «Светоч»¹⁰⁷, издававшаяся фактически бывшим редактором и издателем «Московского телеграфа» И. А. Родзевичем. Газета заняла резко отрицательную позицию в отношении правительства. «С первых же номеров своих,— говорилось во всеподданнейшем докладе,— газета «Светоч» усвоила такой тон, от которого наша печать значительно отвыкла в последнее время. Она поспешила подробно и ясно определить свою программу, заключающуюся главным образом в том, чтобы выставить современное положение России в самом мрачном и ненавистном свете. «Наше общество,— говорит газета,— начиная с руководящих сфер его, так сбилось и спуталось в понятиях, так оскудело материально и нравственно, так утомлено окружающей его неправдой и произволом, так убито повседневной мелкой борьбой, что не только не останавливается над глубокими вопросами об осуществлении жизненной правды, но даже начинает терять способность различать добро и зло и, махнув рукой, живет только настоящим днем, лишь бы прожить»¹⁰⁸. При этом подчеркивалось, что все устои «расшатаны реакцией»¹⁰⁹. Император отнесся к решению Совещания четырех министров положительно, наложив резолюцию: «Совершенно одобряю»¹¹⁰.

¹⁰⁶ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 20, л. 18.

¹⁰⁷ Газета «Светоч» издавалась в 1883 г. в Петербурге в течение нескольких месяцев В. Ярмонкиным и вскоре прекратила свое существование вследствие отсутствия подписчиков. В 1884 г. Ярмонкин перенес издание газеты в Москву, являясь лишь номинально ее редактором.

¹⁰⁸ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 21, л. 3.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же, л. 2.

Совещанием четырех министров были закрыты в сентябре того же 1885 г. еще две газеты: петербургская «Здоровье» и тифлисская «Дрозба». Во всеподданнейшем докладе, представленном Дурново, указывалось, что газета «Здоровье» совершенно изменила свое назначение после прихода нового редактора — политически неблагонадежного Подмигайлова. «На первых же порах, — говорится в докладе, — Подмигайлов не задумался доказывать необходимость увеличения земельных наделов крестьянского сословия как единственного средства вывести это сословие из стесненного положения»¹¹¹. «Дрозба», редактируемая князем Мачабели, обвинялась в сепаратистских стремлениях.

В том же докладе говорилось: «Статьи, представляемые им (т. е. редактором. — П. З.) в цензуру, проникнуты сепаратическими тенденциями, которые он не считает даже нужным выражать намеками или в иносказательной форме, а излагает с поразительной откровенностью»¹².

Наконец, в феврале 1885 г. после двух взысканий (задержание розничной продажи и печатание частных объявлений) прекратила свое существование либеральная газета «Эхо», издававшаяся В. П. Макшеевым, А. В. Старчевским и Ф. В. Трозинером.

Таким образом, за три года (1883—1885) были запрещены либо прекратили свое существование вследствие цензурных гонений 9 периодических изданий из 14 за весь рассматриваемый период. Это говорит о том, что задачу борьбы с прессой правительство разрешило в основном в первые годы реакции. В 1886 г. была запрещена решением Совещания четырех министров киевская либеральная газета «Заря», издававшаяся и редактируемая до 1885 г. П. А. Андреевским. Как указывалось во всеподданнейшем докладе гр. Толстого, Андреевский был лишь номинальным редактором, а фактически она редактировалась различными политически неблагонадежными людьми, а в последнее время бывшим редактором запрещенной в 1880 г. одесской газеты «Правда» Кулишером. В журнале Совещания четырех министров говорилось, что она надлежит запрещению за «обнаружен-

¹¹¹ Там же, л. 19.

¹¹² Там же, л. 13.

ное со стороны ее редакции злоупотребление доверием правительства»¹¹³.

В 1887 г. постановлением министра внутренних дел была приостановлена на восемь месяцев издаваемая в Москве иллюстрированная «Газета А. Гатцука», принадлежавшая к либеральному направлению. Еще в 1884 г. «Газета А. Гатцука» получила три предупреждения и была приостановлена на один месяц, будучи подчинена предварительной цензуре. Первое предупреждение было дано за публикацию статьи Н. С. Лескова «Заметка неизвестного», в которой автор «глумится над православным духовенством, как черным, так и белым, представляя его развитие, жизнь и деятельность в самом неприглядном виде»¹¹⁴. Второе предупреждение газета получила через месяц за продолжение публикации «Заметок неизвестного», а также «за резкий отзыв о сделанном предостережении»¹¹⁵. Наконец, третье предостережение было дано за статью против «Московских ведомостей». Как указывалось в докладе Толстого, газета в номере 32 «из ненависти к принципам, органом коих служит это издание (т. е. «Московские ведомости». — П. 3.), она утверждает, что сотрудниками его могут быть лишь авантюристы, разные двусмысленные личности и даже явные мошенники»¹¹⁶. Естественно, что столь резкая оценка ведомства М. Н. Каткова не могла пройти даром¹¹⁷.

В 1889 г. цензурные преследования снова усилились. В этом году была запрещена Совещанием четырех министров «Сибирская газета». Характеризуя эту газету, Дурново во всеподданнейшем докладе писал, что ее направление можно определить следующим образом: «Явное сочувствие ко всяким самым прискорбным явлениям, порождаемым демократическими тенденциями некоторой части нашего общества, старания укоренить мысль, что Сибирь должна заботиться об ослаблении своей связи с Россией, и попытки при всяком удобном случае дискредитировать распоряжения правительства и действия

¹¹³ Там же, д. 22, л. 13.

¹¹⁴ Там же, д. 20, л. 16.

¹¹⁵ Там же, л. 33.

¹¹⁶ Там же, л. 44—45.

¹¹⁷ В октябре 1888 г. издание газеты было возобновлено, она просуществовала до 1890 г.

местной администрации»¹¹⁸. По словам Дурново, фактически этой газетой управляли политические ссыльные. Непосредственной причиной закрытия газеты явилось основание в Томске университета. В силу этого, как указывал министр внутренних дел, «правительство обязано особенно заботиться об ограждении учащейся молодежи от вредных на нее влияний»¹¹⁹.

Прекратили свое существование благодаря цензурным репрессиям «Русский курьер» и «Русское дело». В сентябре 1889 г. «Русский курьер» получил третье предостережение и был подчинен предварительной цензуре за статью «Дворянские вопли и аргументы для вымаливания подаяния», посвященную задолженности помещиков Дворянскому банку. В этой статье, по утверждению Дурново, «выразилась вся злоба упомянутой газеты против дворянского сословия»¹²⁰. На всеподданнейшем докладе по поводу вынесенных предупреждений «Русскому курьеру» Александр III наложил следующую резолюцию: «Совершенно одобряю. Желательно было бы совершенно прекратить издание этой поганой газеты»¹²¹. После подчинения предварительной цензуре «Русский курьер» принужден был прекратить свое существование.

«Русское дело», еженедельная московская газета, издававшаяся и редактировавшаяся С. Ф. Шаратовым, получило в 1888 г. два предупреждения¹²², а в 1889 г. — третье за «вредное направление». «Русское дело» стояло на либерально-славянофильских позициях. Характеризуя это направление, Толстой указывал, что оно обнаруживает, «во-первых, крайне враждебное отношение к нашей дипломатии, которую постоянно и в весьма грубой форме упрекает [...] в пренебрежении к русским интересам; во-вторых, старается доказать, что Россия жила правильной жизнью только во времена земских соборов...»¹²³. Непосредственной причиной третьего предуп-

¹¹⁸ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 25, л. 1.

¹¹⁹ Там же, л. 5.

¹²⁰ Там же, л. 31.

¹²¹ Там же, л. 28.

¹²² Первое — за статью «Грамотность простая и распространения» и второе — за статью «Трудолюбие или торжество земледелия» (см. Вл. Розенберг и В. Якушкин. Указ. соч., стр. 244).

¹²³ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 25, л. 7.

реждения и приостановки издания на шесть месяцев явилась статья-памфлет, представлявшая собою очерк судеб русского дворянства, написанная с антидворянских позиций, что «служит лишь одним из образцов явно демократических тенденций этой газеты»¹²⁴.

Получив третье предупреждение, газета одновременно с этим была приостановлена на шесть месяцев, а затем прекратила свое существование. В своей резолюции на докладе Толстого Александр III написал: «Действительно дрянная газета»¹²⁵. Таков мартиролог русской периодической печати.

Запретительные циркуляры и различного рода взыскания, обрушиваемые на периодическую печать, создавали невыносимые условия для русской публицистики. Активное выражение общественного мнения в этой обстановке было почти невозможно, и всякая критика правительственной политики не допускалась. Однако, несмотря на какие бы то ни было цензурные гонения, человеческая мысль не может быть заключена в прокрустово ложе официозных представлений. Именно в силу этого общественное мнение находило различные пути для своего выражения.

С одной стороны, эту функцию выполняли заграничные органы прессы «Вестник народной воли», «Социал-демократ», «Общее дело», нелегально распространявшиеся в России, с другой, — пускай эзоповским языком, и в легальной печати слышалась хотя и приглушенная, но все же критика тех или иных правительственных действий.

Несмотря на всевозможные благоприятные условия¹²⁶, создавшиеся для официозной прессы, она не приобрела того влияния, на которое рассчитывало правительство.

Один из современников, А. А. Кизеветтер, в своих воспоминаниях по этому поводу писал: «Свидетельствую совершенно категорически, что круг искренних почита-

¹²⁴ Там же, л. 11.

¹²⁵ Там же, л. 7.

¹²⁶ Не говоря уже о крупных субсидиях «Гражданину» (см. стр. 78, 279), на подкуп прессы расходовались крупные средства. Как рассказывает в своих воспоминаниях Феокистов со слов Толстого, «с целью привлечь на свою сторону газеты правительство намеревалось тем или другим из них выдавать субсидию, т. е., сказать

телей «Московских ведомостей» и «Гражданина» был тогда вовсе не велик [...] А если нужно назвать органы печати, голос которых находил себе тогда действительно широкий резонанс в массе читателей, то, конечно, придется назвать «Отечественные записки» с сатирами Салтыкова-Щедрина, «Вестник Европы» с «внутренними обозрениями» Арсеньева и «Русские ведомости», ставшие органом прогрессивных московских профессоров.

«Отечественные записки» были подрезаны под корень победоносцевско-толстовской косою в самом начале периода «контрреформ», и их голос смолкнул. «Русские ведомости» и «Вестник Европы» пронесли свой светоч неугасимо через мглу всего этого периода. И нужно сказать, что авторитет этих органов в широких кругах общества стоял на чрезвычайной высоте»¹²⁷.

Несмотря на все цензурные преследования, которым подвергалась русская литература, развитие ее не могло быть приостановлено, равно как и развитие человеческой мысли вообще. Здесь всякая цензура оказывалась бессильной.

«Маковы, Игнатьевы, Тимашевы проходят,— писал Салтыков-Щедрин в одном из писем к Н. А. Белоголову,— а литература все живет»¹²⁸.

попросту, подкупать их; Толстой уже докладывал об этом государю, и государь вполне одобрил его мысль; сумма для означенной цели могла простираться до 20 000 рублей» (воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», стр. 214). Этот разговор Толстой вел с Феоктистовым еще до назначения последнего на должность начальника цензурного ведомства. Министр внутренних дел хотел поручить эту деликатную операцию именно ему, Феоктистову. «С изумлением,— пишет Феоктистов,— слушал я эту чепуху [...] Мне оставалось только объяснить графу Толстому, что едва ли издатели газет продадут себя за 20 000 рублей; что если даже и обнаружат столь умеренный аппетит, то для меня совсем непонятно, каким же образом буду я, стоя в стороне, действовать на них подкупами» (там же). Рассказ Феоктистова в части подкупа прессы подтверждается и непосредственно самим Толстым. Так, во всеподданнейшем докладе от 5 февраля 1883 г. он писал о необходимости «иметь в своем распоряжении ежегодно сумму в 6000 руб. на совершенно секретные расходы по делам периодической прессы» (ЦГИА, ф. Главного комитета по делам печати, оп. 1, 1883 г., д. 19, л. 9).

¹²⁷ А. А. Кизеветтер. Указ. соч., стр. 160.

¹²⁸ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX. Письма. Книга вторая, стр. 277.

Рассмотрим цензурную политику по отношению к непериодической печати.

По данным Л. М. Добровольского, автора «Запрещенной книги в России. 1825—1904», за рассматриваемый нами период (с 1881 по 1894 г.) было запрещено 72 книги¹²⁹. Среди них произведения Л. Н. Толстого. «В чем моя вера?», «Народные рассказы», «О жизни» (религиозно-философские этюды); Эрнеста Ренана «Философские опыты», запрещенная как книга «крайне материалистического и атеистического направления»; «История новейшей русской литературы» С. А. Венгера¹³⁰; анонимная книга «Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения»¹³¹; «Трущобные люди» Вл. Гиляровского¹³²; «История Екатерины II», т. II, В. А. Бильбасова¹³³. Среди запрещенных книг находился и VI том Сочинений Н. С. Лескова. Как указывалось в донесении Цензурного комитета, «вся шестая

¹²⁹ За предшествующие 14 лет, с 1867 по 1880 г., по тем же данным, было запрещено 86 книг.

¹³⁰ Управляющий Министерством внутренних дел Дурново в своем представлении в Комитет министров писал: «Автор не щадит красок, чтобы выставить в самом ненавистном свете направление, которому следовало правительство в своей внутренней политике [...] Составляя историю русской литературы, [автор] имел в виду исключительно восхваление тех писателей [...] которых называет он «носителями демократических идей» (Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России. 1825—1904. М., 1962, стр. 155).

¹³¹ В книге, по утверждению цензора, доказывалось, что Пушкин был близок к декабристам и позднее, после поражения их движения, стал пропагандировать их идеи «мирным путем, несмотря на цензуру, ни на меры, принимаемые шефом жандармов, ни на реакционную печать» (Там же, стр. 162).

¹³² Комитет министров отмечал, что «автор не скрывает своих симпатий к жертвам порока и разврата и усиливается показывать, что они дошли до падения отнюдь не по своей воле» (Там же, стр. 164).

¹³³ В представлении в Комитет министров И. Н. Дурново писал, что автор пытался «развенчать Екатерину II, выставить ее в неблагоприятном свете» (Там же, стр. 180). Когда Александр III узнал о содержании этого тома Бильбасова, он решил, как рассказывает Феоктистов, «отобрать у него через полицию эти материалы, по крайней мере те из них, которые он заимствовал из Гос[ударствен-ного] архива. Недоставало бы только этого,—воскликает Феоктистов.—К счастью, И. Дурново восстал против подобной меры» (ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, ЛП б. 14, л. 25. Дневниковая запись за 11 января 1891 г.).

книга сочинений Лескова, несмотря на неоспоримую общую благонамеренность автора, оказывается, к сожалению, дерзким памфлетом на церковное управление в России и на растленные нравы низшего духовенства»¹³⁴.

Запрещаются роман Гюго «Отверженные», драмы Ибсена. Нередко сам император вмешивался непосредственно в цензурные дела. Он, например, полагал невозможным печатать философские произведения Влад. Соловьева¹³⁵. В некоторых случаях он поддерживал Л. Н. Толстого, по-видимому, симпатизируя ему как автору «Войны и мира», в других выступал против него с присущей ему грубостью. Бывало, что по поводу того или иного произведения он высказывал совершенно противоположные суждения. Так, Александр III первоначально запретил издание «Крейцеровой сонаты». 14 февраля 1890 г. Феокистов заносит в дневник следующее: «Министр внутренних дел согласился с мнением Победоносцева и моим, но так как ему стало известно, что государь читал повесть Толстого, то он счел необходимым узнать его мнение о ней. «Разумеется, — сказал государь, — не следует ее печатать, написана она на совершенно фальшивую тему и с большим цинизмом, обрадуются ей, пожалуй, только скопцы»»¹³⁶. Однако после посещения Александра III графиней Софьей Андреевной Толстой он разрешил включить повесть в Собрание сочинений, заявив, «что он сам будет просматривать сочинения ее мужа»¹³⁷, по-видимому пытаясь копировать своего любимого деда Николая I, цензуравшего рукописи Пушкина.

По данным отчета Главного управления по делам печати за 10 лет, в Петербургском, Московском и Варшав-

¹³⁴ Л. М. Добровольский. Указ. соч., стр. 174.

¹³⁵ Как утверждает Феокистов, Александр III наложил на письме Соловьева, в котором он писал о травле и запрещении издания его работ, следующую резолюцию: «Сочинения его возмутительны и для русских унижительны и обидны» (ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феокистова, 9120, ЛII б. 14, л. 21).

¹³⁶ Там же, л. 10. Однако, как утверждает тот же Феокистов со слов мужа сестры С. А. Толстой Кузьминского, Александр III несколько ранее говорил, что прочел это произведение «с большим интересом, что есть в нем кое-какие сальности. но что вообще это очень талантливое произведение» (там же, л. 11).

¹³⁷ Там же, л. 41.

ском цензурных комитетах было просмотрено и подготовлено к печати рукописей общим числом 65 237, из них 1561 рукопись была запрещена к изданию, что составляло 2 с небольшим процента ¹³⁸. Наибольший процент запрещенных к изданию рукописей составляли рукописи, написанные на украинском языке,— 32,7 ¹³⁹.

Весьма интенсивно действовала иностранная цензура. Как указывается в цитированном выше отчете Главного управления по делам печати, за десятилетний период было ввезено 93 565 260 книг и журнальных номеров. По этим произведениям состоялось 117 527 цензурных постановлений, из числа которых 9386 были запретительными ¹⁴⁰. «Следовательно,— резюмировалось в отчете,— из каждых 25 рассмотренных книг и журналов подверглись запретительным резолюциям 2» ¹⁴¹.

Циркуляры Главного управления по делам печати дают дополнительное представление о деятельности цензуры по запрещению тех или иных произведений. Ряд циркуляров предусматривает запрещение ввоза в Россию ряда книг и журналов, как-то: периодических изданий на украинском языке, издаваемых во Львове ¹⁴², произведений русских писателей, изданных за границей, в частности брошюры Л. Н. Толстого «Царство божье внутри нас» ¹⁴³. Воспрещается переиздание изданных ранее произведений, в частности «Капитала» К. Маркса ¹⁴⁴,

¹³⁸ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 20, д. 1441, л. 21—22.

¹³⁹ Там же, л. 22.

¹⁴⁰ Там же, л. 23.

¹⁴¹ Там же. Цензуре не подлежали лишь литература и периодическая печать, получаемые из-за границы библиотеками высших учебных заведений и тех или иных научных учреждений (см. циркуляр от 3 мая 1888 г. об освобождении Русского исторического музея от цензурного просмотра и циркуляр от 16 февраля 1893 г. о получении духовными академиями без цензуры иностранных книг, газет и журналов оп. 34, д. 16, л. 11; д. 15, л. 34)

¹⁴² Там же, д. 16, л. 74.

¹⁴³ Там же, л. 86. Некоторые не в меру ретивые цензоры обращались к местному прокурорскому надзору с ходатайством о привлечении к ответственности лиц «за тайное водворение заграничных запрещенных изданий». По этому поводу Феоктистовым был издан циркуляр, указывающий, что «одно хранение каких-либо недозволенных к обращению книг, не с целью их распространения, а лишь для собственного употребления, не влечет за собой по существующим законам какой-либо судебной ответственности» (там же, л. 58).

¹⁴⁴ Там же, л. 59.

отдельного издания поэмы Т. Г. Шевченко «Гайдамаки»¹⁴⁵ и т. д.

Анализируя цензурную политику в области непериодических изданий, надо отметить, что она не была столь беспощадной, как в отношении периодической печати. Наряду с запрещением ряда произведений выходили в свет сатирические произведения Салтыкова-Щедрина, повести В. Г. Короленко и ряда других прогрессивных писателей.

Обратимся к драматической цензуре. За период с 1882 по 1891 г. на рассмотрении цензуры находилось пьес: русских — 3947, немецких — 869 и французских — 339. Из числа этих пьес было запрещено к представлениям: русских — 1314, т. е. 33%, немецких — 38, т. е. 4,5%, французских — 16, около 1/2 %¹⁴⁶. «Это обстоятельство обуславливалось,— писал Феоктистов,— крайне вредной тенденциозностью их, отсутствием литературных достоинств и весьма часто неприличным содержанием»¹⁴⁷.

Вполне естественно, что столь огромный процент запрещенных драматических произведений определялся их тенденциозностью, а отнюдь не их низкими литературными достоинствами, определение чего, как известно, не входило в компетенцию цензурного ведомства. Надо сказать, что разрешение к постановке тех или иных драматических произведений отнюдь не означало права ставить их на сценах народных театров. Для них существовала особая цензура.

С этой целью 14 февраля 1888 г. был издан циркуляр, представляющий большой интерес. В нем говорилось, что «государь император» по докладу министра внутренних дел «соизволил установить в виде временной меры следующее правило: на сценах народных театров или театров, посещаемых вследствие низкой платы за места преимущественно простолюдинами, могут быть исполняемы только те из разрешенных цензурой драматических пьес, которые для сего одобрены Главным управлением по делам печати по особым ходатайствам держателей театров или авторов и переводчиков»¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Там же, л. 7.

¹⁴⁶ Там же, оп. 20, д. 1441, л. 7.

¹⁴⁷ Там же.

Это, по мнению цензурного ведомства, вызывалось тем, что «по уровню своего умственного развития, по своим воззрениям и понятиям простолюдин способен нередко истолковать в совершенно превратном смысле то, что не представляет соблазна для сколько-нибудь образованного человека, а потому пьеса, не содержащая ничего предосудительного с общей точки зрения, может оказаться для него непригодной и даже вредной»¹⁴⁹.

* * *

Особое внимание уделяло цензурное ведомство наблюдению за библиотеками, усматривая в них очаг распространения «крамольных идей». Именно в 80-х — начале 90-х годов наблюдается большое развитие библиотек, а также книжной торговли. По данным отчета Главного управления по делам печати, к 1 января 1882 г. библиотек и кабинетов для чтения, находившихся под наблюдением Министерства внутренних дел, было 640, а к 1 января 1892 г. число их возросло до 850, т. е. увеличилось на 32,8%. Численность книжных магазинов за этот же срок увеличилась с 1204 до 1684, т. е. почти на 40%¹⁵⁰.

5 января 1884 г. были изданы специальные правила, касавшиеся организации библиотек¹⁵¹. Согласно этим правилам, министру внутренних дел предоставлялось право выдавать разрешение на открытие библиотек, утверждение же лиц, ответственных за работу библиотеки, возлагалось на губернатора. Губернатору же предоставлялось право устранять от работы в библиотеке любое из служащих в ней лиц. Министерство внутренних дел получило право закрывать своей властью библиотеки, если оно находило это нужным.

Согласно этим правилам, министру внутренних дел предоставлялось также право контроля за книжными

¹⁴⁸ ЦГА г. Москвы, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 78, д. 46, л. 16.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 20, д. 1441, л. 32.

¹⁵¹ Они были включены в новое издание цензурного устава 1886 г. в виде примечания к ст. 175.

фондами этих библиотек, и с этой целью Главным управлением по делам печати и Департаментом полиции составлялся список произведений, которые должны были изыматься из этих библиотек¹⁵².

Таким образом, в 1884 г. впервые была произведена чистка библиотек. Согласно «Алфавитному списку произведений печати, которые на основании высочайшего повеления 5 января 1884 г. не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях», изданному в том же году, из библиотек и читален изымалось 133 названия отдельных книг, собраний сочинений и периодических изданий, разрешенных в свое время цензурой. Среди них комплекты восьми журналов: «Русского слова» с 1857 по 1866 г., «Современника» с 1856 по 1866 г., «Отечественных записок» с 1867 по 1884 г., «Дела» с 1867 по 1884 г., «Устоев» за 1881 и 1882 гг., «Знамени» за все годы издания, «Слова» за 1878—1881 гг. и, наконец, «Русской мысли» с начала издания до 1884 г.¹⁵³ Среди неперiodических изданий изымались сочинения Н. А. Добролюбова, Н. К. Михайловского, Д. И. Писарева, Решетникова, второй том Сочинений Помяловского, а также «Капитал» К. Маркса.

Это высочайшее повеление положило начало систематическим чисткам библиотек. На 1 января 1894 г. был опубликован новый список книг, подлежащих изъятию, — «Алфавитный список произведений печати, которые на основании пункта третьего примечания к ст. 175 устава о цензуре и печати воспрещены министром внутренних дел к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях». Новый список включал в себя уже 165 названий книг и собраний сочинений и те же 8 журналов. Среди книг, подлежащих изъятию, мы находим очерки и рассказы В. Г. Короленко, изданные в Москве в 1892 г. («Сон Макара», «Лес шумит», «В ночь под святой праздник», «В подследственном отделении» и др.), рассказ Гаршина «Четыре дня», книгу известного либерального публициста Г. Джаншиева «Из эпохи великих реформ», написанную в духе панегирика Алексан-

¹⁵² ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 20, д. 1441, л. 34—35.

¹⁵³ В списке 1894 г. подлежали изъятию комплекты журнала по 1891 г. включительно.

дру II и другим деятелям реформ 60-х годов. Наконец, подлежали изъятию и отдельные тома Сочинений Л. Н. Толстого (XII и XIII), содержавшие в себе народные рассказы и легенды, а также «Крейцерову сонату» и «Плоды просвещения».

Одновременно с изданием правил 5 января 1884 г. Департамент полиции направил специальный конфиденциальный циркуляр, в котором указывалось на необходимость особенно тщательно придерживаться всех его пунктов. При этом подчеркивалось, что ходатайство об открытии библиотеки должно удовлетворяться «только в случае несомненного убеждения в совершенной политической благонадежности просителя и что при малейшем в этом отношении сомнении подобные ходатайства должны быть отклоняемы»¹⁵⁴. В другом циркуляре, от 1 июля того же года, указывалось, что заведующий публичной библиотекой или кабинетом народного чтения обязан был дать подписку, что им не будут выдаваться книги, не разрешенные Главным управлением по делам печати и Департаментом полиции¹⁵⁵.

Департамент полиции вел неустанное наблюдение за библиотеками. 10 марта 1883 г. издается специальный циркуляр, в котором указывалось, что в связи с открытием в последнее время в Петербурге и Москве бесплатных читален, посещаемых преимущественно рабочими и учениками низших и средних учебных заведений, необходимо «установить тщательный надзор за выбором произведений печати», и в силу этого признано целесообразным, чтобы в эти читальни «допускались только книги и периодические издания, одобренные [...] для низших учебных заведений и для народного чтения»¹⁵⁶.

В начале 1894 г. Главное управление по делам печати в особом циркуляре напоминает цензурным учреждениям о необходимости «строжайшего отбора книг для на-

¹⁵⁴ ЦГА г. Москвы, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 74, д. 24, л. 11.

¹⁵⁵ Там же, л. 185. В случае нарушения подписки не рекомендовалось «возбуждать против виновных судебного преследования у мировых судей (в силу незаконности отобрания самой подписки.— П. З.), а предлагалось устранять указанных лиц от работы в библиотеке, а при повторном нарушении закрывать сами библиотеки.

¹⁵⁶ ЦГА г. Москвы, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 78, д. 46, л. 70.

родного чтения, относясь к подобным изданиям с особым вниманием и строгостью, не ограничиваясь лишь применением к ним общих цензурных правил»¹⁵⁷. Таким образом, здесь допускался самый широкий произвол.

15 мая 1890 г. были изданы специальные правила о порядке работы бесплатных читален¹⁵⁸.

Итак, цензурное ведомство уделяло особое внимание публичным библиотекам и читальням. В этом отношении большой интерес представляет конфиденциальное письмо министра внутренних дел Дурново министру народного просвещения Делянову, относящееся к февралю 1894 г. «В ряду общественных явлений, особенно выдвинувшихся в минувшем году, — пишет Дурново, — следует отметить резко проявившееся в различных слоях интеллигентных классов стремление содействовать поднятию уровня народного образования путем организации народных чтений, открытия библиотек и читален для фабричного и сельского населения и, наконец, безвозмездного распространения в народе дешевых изданий, книг и брошюр научного, нравственного и литературного содержания»¹⁵⁹.

Далее Дурново указывал, что контроль за всякого рода библиотеками и читальнями для народа явно недостаточен, не говоря уже о том, что бесплатная раздача книг различного рода частными обществами находится вне всякого надзора. К тому же и сельские библиотеки, если они находятся не при школах, также лишены какого-либо контроля.

«Из имеющихся в Министерстве внутренних дел сведений можно заключить, — продолжал Дурново, — что это движение, охватывающее молодежь, развивается последовательно и носит в себе характер не случайного временного явления, а как бы систематического осуществления программы и представляется одним из средств борьбы с правительством на легальной почве противоправительственных элементов»¹⁶⁰.

Это движение, указывалось в письме, вызвало усиле-

¹⁵⁷ ЦГИА, ф. Главного управления по делам печати, оп. 34, д. 16, л. 65.

¹⁵⁸ Включенные в цензурный устав в качестве примечания к ст. 175.

¹⁵⁹ ЦГИА, ф. Делянова, д. 782, л. 1.

¹⁶⁰ Там же.

ние деятельности издательств, а также различных просветительных организаций. При этом Дурново с сожалением отмечал, что «цензура, поставленная в определенные законом рамки, не всегда может противодействовать искусно маскированной пропаганде известных идей и за отсутствием формального основания к запрещению книги пропускает в народное обращение сочинения, не всегда соответствующие народному пониманию и мировоззрению и несогласные с духом православия и русской государственной жизни»¹⁶¹.

В связи со всем этим министр внутренних дел и обращался к Делянову с просьбой поставить вопрос о подчинении Министерству народного просвещения Петербургского комитета грамотности и его отделений и об установлении контроля ведомства народного просвещения над различными частными обществами, «преследующими цели народного образования»¹⁶². Новый общественный подъем начала 90-х годов создавал большие трудности для цензурного ведомства.

Наряду с рассмотренными нами формами цензуры существовали еще две: духовная и почтовая. Эти вопросы не являются предметом нашего рассмотрения, в силу чего мы упоминаем лишь об их существовании. Духовная цензура в рассматриваемый нами период действовала весьма активно. Так, из 72 запрещенных изданий книг, учтенных Л. М. Добровольским, 15 были представлены духовной цензурой. Среди этих книг «Народные рассказы» Л. Н. Толстого, его же брошюра «В чем моя вера?», книги по истории старообрядчества и т. д. Почтовая цензура действовала также достаточно широко. К сожалению, нам не удалось обнаружить какие-либо обобщающие данные о ее деятельности. В фонде Департамента полиции сохранились лишь выписки из перлюстрированных писем за 1883 и 1884 гг., составляющие 16 обширных фолиантов¹⁶³, что свидетельствует о широком объеме работы «Черного кабинета».

¹⁶¹ Там же, л. 1—2.

¹⁶² Там же, л. 3.

¹⁶³ ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 265, д. 1—16. Круг лиц, чьи письма подлежали перлюстрации, был обширен и, по-видимому, недостаточно определен. Так, в 1891 г., по словам Дурново, было перлюстрировано письмо члена Государственного совета Анастасьева (см. стр. 103 настоящей книги).

«Правление г. Феоктистова,—говорилось в «Фельетонном словаре современника»,—ознаменовалось важными и решительными мерами в охранительном духе: известная часть журналистики так называемого «либерального направления» потерпела крушение; контрабандная *междустрочная* словестность, с успехом провозившаяся прежде через цензурную таможню, ныне подвергнутая тщательному досмотру, пресечена; столь процветавший еще недавно эзоповский язык вовсе изъят из обращения на печатных листах. Вообще, нужно отдать справедливость, никогда еще наша цензура не стояла в такой степени на высоте своего призвания, никогда она не была так проницательна, столь бдительна и строга, как под руководством г. Феоктистова»¹⁶⁴. Действительно, цензурное ведомство в 80-е и в начале 90-х годов достигло многого.

¹⁶⁴ В. Михневич. Наши знакомые. Фельетонный словарь современника. 1000 характеристик государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и др. СПб., 1884, стр. 261.

ГЛАВА VII

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Наиболее последовательно реализовывались реакционные начала правительственной политики в области просвещения. Уже в манифесте 29 апреля 1881 г. достаточно четко были определены задачи, стоящие перед правительством, в отношении образования. Эти задачи можно свести к реализации уваровской триединой формулы «самодержавия, православия и народности».

Стоявший во главе Министерства народного просвещения бар. Николай не мог обеспечить в полной мере осуществление этих задач. Весной 1882 г. вместо него был назначен И. Д. Делянов. Назначение Делянова, как уже говорилось выше, произошло при участии Победоносцева и Каткова. За три дня до этого назначения обер-прокурор Синода в письме к Александру III писал: «Делянова я видел сегодня и встретил в нем совершенную готовность исполнить волю Вашего величества. И я думаю, что в настоящую минуту невозможно найти другого на это место кандидата. Притом,— продолжал он,— имя его сразу может показать, какому направлению правительство намерено следовать»¹. Действительно, политические взгляды Делянова полностью соответствовали стоящим перед ним задачам. В одном из своих писем Каткову он, говоря о сохранении самодержавия, писал: «В настоящее время это главное и только в этом заключается спасение России, какие бы ошибки ни делало по

¹ «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. I, стр. 376.

временам правительство»². Делянов не отличался большим умом и не пользовался уважением даже со стороны своих коллег и единомышленников. Большинство их отзывалось о нем без малейшего уважения. Феоктистов именовал его «шутлом гороховым»³, Толстой, по словам Феоктистова, говоря о своем бывшем помощнике, выражался порой «далеко не цензурными словами»⁴. Попечитель Петербургского учебного округа А. Д. Дмитриев называл своего министра, по свидетельству Половцова, «армянским нолем»⁵. Б. Н. Чичерин именовал Делянова «раболопным и ничтожным», «отребьем человеческого рода»⁶.

Узнав о назначении Делянова министром, Милютин заносит в свой дневник следующее: «Это почти то же, что если б назначен был Катков; это восстановление ненавистного для всей России министерства гр. Толстого. Между прежним режимом и будущим будет различие только в подкладке: у Толстого подкладка была желчь; у Делянова будет идиотизм. Бедная Россия»⁷. Таким образом, все современники относились к Делянову без тени уважения. Самостоятельностью действий Делянов не отличался, пребывая обычно в полной зависимости от Победоносцева и Каткова. И с тем и с другим он постоянно советуется. Большинство различных проектов направлялись в Москву к Каткову на просмотр и утверждение⁸.

При Делянове, впрочем как и при Толстом в бытность его министром народного просвещения, состоял клевет

² Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, картон 2, д. 40 б, л. 54.

³ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, LI б, 12. Дневник, запись за 4 февраля 1886 г., л. 5.

⁴ Там же.

⁵ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 191.

⁶ Воспоминания Б. Н. Чичерина «Земство и Московская дума», стр. 106, 261.

⁷ «Дневник Д. А. Милютина», т. IV, стр. 130.

⁸ «Я поручил Н. А. Любимову составить циркуляр в указанном Вами смысле...» — пишет Делянов Каткову 13 февраля 1886 г. (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, к-20, л. 142). «Покорнейше прошу Вас, глубокоуважаемый Михаил Никифорович, рассмотреть прилагаемую бумагу, исправить и возратить мне», — говорит Делянов в письме от 21 февраля того же года (там же, к-2, д. 40-б, л. 12). Подобные примеры можно было бы значительно умножить.

Каткова А. И. Георгиевский, занимавший пост члена Совета министра и представителя Ученого комитета. Георгиевский сообщал Каткову буквально о каждом шаге Делянова⁹. «Vous êtes une âme damnée de Kalthow»¹⁰, — говорил Толстой Георгиевскому¹¹. И это было действительно так. Вскоре после назначения Делянова министром он произвел ряд перемен в своем ведомстве. Вместо товарища министра П. А. Маркова, занявшего этот пост в 1880 г., во время либеральных веяний, был назначен бывший при Толстом попечитель Петербургского учебного округа кн. М. С. Волконский (сын декабриста Сергея Волконского), человек весьма реакционных воззрений, по прозвищу «грязный»¹².

Программа действий Делянова в области народного просвещения полностью соответствовала общему правительственному курсу и целиком совпадала со взглядами Толстого. В области высшей школы Делянов ставил своей целью ликвидацию университетской автономии, а также «улучшение» состава студенчества за счет уменьшения выходцев из числа «умственного пролетариата». Вместе с тем он стремился к ликвидации высшего женского образования.

В средней школе, по мнению Делянова, должен был быть наведен «порядок и дисциплина», сохранена клас-

⁹ Катков благодаря Георгиевскому был в курсе всех дел министерства вплоть до того, что о нем говорил Делянов. Так, в одном из своих писем Георгиевский, сообщая Каткову по поводу его разногласий с Деляновым по вопросу экзаменационных требований на историко-филологическом факультете, писал: «С Ив[аном] Дав[ыдовичем] имел опять длинный разговор, старался всячески его убедить, но безуспешно, указал даже на то, что Вы собираетесь объявить нам войну, и это не подействовало. «Что же, — ответил он, — в союзе со мною будут 100 миллионов, а на стороне Мих[аила] Ник[ифоровича] никого» (Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, к-20, л. 54. Из письма от 29 марта 1885 г.). Впрочем, это была только бравада.

¹⁰ «Вы слепо преданы Каткову».

¹¹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, к-20, л. 58. Из письма Георгиевского Каткову от 19/IV 1885 г.

¹² «Кличка его «грязный Волконский», — рассказывает Половцов, — потому что он не совсем чисто нажил деньги на Грязе-Царицынской железной дороге, где обманул земство, от которого имел поручение добыть концессию» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 255). См. также воспоминания Б. Н. Чичерина «Земство и Московская дума», стр. 46 и 47.

сическая система образования, причем гимназии являлись единственным типом средней школы, из которых мог быть открыт доступ в высшие учебные заведения. Состав учащихся в гимназиях должен быть также улучшен за счет освобождения от детей необеспеченных слоев населения.

В области низшей и начальной школы особенных перемен Делянов, по-видимому, не предполагал, имея в виду воспитание в них в духе «самодержавия, православия и народности». Вместе с тем предполагалось улучшение промышленных и профессиональных школ, определявшееся потребностями экономического развития. Создание этих школ, по мнению Делянова, должно было иметь и другое положительное значение — затруднить «доступ в мужские и женские гимназии детям лиц низших сословий»¹³. Это он отмечал в своем всеподданнейшем отчете за 1884 г.

Такова в общих чертах программа действий нового министра народного просвещения. Осуществление ее было начато с наведения порядка в средней школе.

20 ноября 1882 г. Делянов издает циркуляр, в котором говорилось, что «в последнее время в 13 гимназиях и одной прогимназии и в 10 реальных училищах обнаружались на отдельных учениках более или менее заметные следы пагубного влияния преступной пропаганды и что, сверх того, за то же самое время в 14-ти гимназиях и 4-х реальных училищах имели место крупные коллективные беспорядки или же неслыханные и почти невероятные бесчинства отдельных учеников»¹⁴. Далее указывалось, что «ученики среднеучебных заведений вообще недостаточно строго исполняют установленные для них правила относительно форменной одежды, наружного благоприличия, благопристойности»¹⁵. При этом подчеркивалось, что ученики курят, ходят с палками и хлыстами, посещают клубы, маскарады, трактиры, кофейни и т. д. «Из всех этих данных и сведений, — говорилось в циркуляре, — нельзя не вывести того заключения, что надзор за учащимися значительно ослабел и что началь-

¹³ ЦГИА, ф. Департамента народного просвещения, оп. 117, д. 69 за 1884 г., л. 997.

¹⁴ Там же, оп. 194, д. 291, л. 66.

¹⁵ Там же.

ники среднеучебных заведений и прочие наставники юношества не принимали надлежащих мер к поддержанию дисциплины, вследствие чего она и пришла в большой упадок»¹⁶.

В связи с этим предлагалась целая система мер «для поддержания порядка и дисциплины» в среднеучебных заведениях, в которой предусматривалось «в точности» руководствоваться правилами 4 мая 1874 г. (определявшими поведение учащихся), правилами о взысканиях и дисциплинарной власти начальственных лиц, т. е. всеми теми инструкциями, которые были разработаны в период министерства Толстого и в начале 80-х годов отвергнуты¹⁷.

В циркуляре подчеркивалось, что на директорах среднеучебных заведений «лежит полная ответственность по всем частям благоустройства, причем часть воспитательная и дисциплинарная не может не быть признана по меньшей мере столь же важной, как и часть учебная»¹⁸. Делянов обращал внимание попечителей округов, что те руководители среднеучебных заведений, которые не смогут осуществлять преподаваемую программу, должны быть увольняемы.

В том же году Делянов обнаруживает «заботу» о лицах, окончивших народную школу. В циркуляре от 28 декабря отмечалось, что учащиеся начальных народных училищ принадлежат преимущественно к сословию крестьян, которые не дают им возможности «поддерживать в себе знания, приобретенные в школе, вследствие чего крайне затрудняется выполнение задачи народной школы»¹⁹. Министр отмечал, что «в ряду других условий, неблагоприятно влияющих на дальнейшее развитие молодого поколения, прошедшего курс народной школы, весьма важным, бесспорно, следует признать то обстоятельство, что ученики и ученицы народных учи-

¹⁶ Там же.

¹⁷ В частности, предполагалось в соответствии с циркуляром Толстого от 14 июля 1879 г. снабдить всех учащихся «выходными билетами», которые ученики обязаны были предъявлять «по требованию как чинов полиции, так и всех лиц, которые будут снабжены особыми билетами от учебного начальства для надзора за учащимися» (там же, л. 70—71).

¹⁸ Там же, л. 68.

¹⁹ Там же, л. 85.

лищ по выходе из оных остаются большей частью без всяких книг, при помощи которых они могли бы поддерживать школьные знания»²⁰. В силу этого министр, «озабочиваясь изысканием мер, могущих содействовать более успешному достижению задачи народного образования путем школ, и имея в виду, что задача эта состоит главнейше в утверждении религиозных и нравственных понятий в народе»²¹, предлагал снабжать оканчивающих народные школы небольшой библиотечкой. «Примерный набор» такого рода библиотечки должен был состоять из следующих пяти книг: а) молитвенника с объяснениями, б) псалтыря, в) священной истории Ветхого и Нового завета, г) Евангелия и д) книги, объясняющей богослужения. «Такой дар,— указывалось в заключении,— будучи самым благим напутствием школы выходящим из нее ученикам и ученицам, доставит им вместе с тем возможность поддерживать в себе наиболее необходимые в жизни знания из школьного образования, каковы знания по закону божью и умение читать»²².

Этот циркуляр достаточно ясно характеризовал взгляд министра народного просвещения на задачи начальной школы, усматривая в ней лишь клерикальную направленность.

Одним из первых шагов на ниве просвещения, принятым новым министром в отношении высшей школы, была разработка мер «к устранению беспорядков в высших учебных заведениях».

С этой целью в 1882 г. была создана Комиссия под председательством товарища министра кн. Волконского, которая пришла к заключению о необходимости отдавать непокорных студентов в солдаты. При этом предполагалось следующее: «1) чтобы за дерзкое поведение и грубое неповиновение начальству в чрезвычайных случаях, когда поступок выходит из ряда обыкновенных, назначаема была для исключенных из высших учебных заведений отдача в дисциплинарные батальоны и 2) чтобы остальные молодые люди, подвергшиеся исключению из тех же заведений за различ-

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же, л. 86.

ные проступки, были обращаемы к принудительному отбыванию воинской повинности»²³.

Решение Комиссии Александр III предложил обсудить в Особом совещании в составе министров Толстого, Делянова, Набокова, Посьета, Островского, Ванновского, управляющего Морским министерством Шестакова и обер-прокурора Синода Победоносцева. Особое совещание, за исключением Ванновского и Шестакова, поддержало предложение Комиссии, однако в связи с разногласием приняло компромиссное решение, по которому исключавшиеся из высших учебных заведений должны были привлекаться к военной службе по жребии²⁴. Это решение было представлено Александру III, который наложил следующую резолюцию: «Я согласен на эту меру *в виде опыта*, но полагаю, что она будет *недостаточна* и не принесет той пользы, которую ожидают»²⁵. Император предложил рассмотреть еще раз указанный вопрос снова в том же Особом совещании, что и произошло в июне 1883 г. Особое совещание, опять-таки за исключением Ванновского и Шестакова, присоединилось к мнению Комиссии Волконского, лишь несколько конкретизировав его²⁶.

Ванновский и Шестаков полагали, что это решение противоречит уставу о воинской повинности, так как «составляет *карательную меру* и обращает службу в рядах армии *в наказание*»²⁷. Главное же «неудобство» этой меры они усматривали в том, что это будет способствовать распространению в войсках революционных взглядов. «Применить к армии предлагаемую Особым совещанием меру, — говорились ими, — значило бы прямо действовать в интересах революционной пропаганды,

²³ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4379, ст. 118, л. 84.

²⁴ Т. е. обычным путем.

²⁵ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4379, ст. 118, л. 161.

²⁶ Так, по первому пункту — об отдаче студентов в дисциплинарные батальоны — указывалось, что эта мера может быть применима к лицам не моложе 18 лет. По второму пункту — об отдаче на военную службу — устанавливался срок службы в 6 лет (который мог быть сокращен «в случае одобрительного их поведения»). Кроме того, в решении отмечалось, что принудительная отдача на службу касалась и тех лиц, которые либо по семейному положению, или по результатам жеребьевки были ранее освобождены от действительной военной службы.

²⁷ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4379, ст. 118, л. 177.

которая и сама направляет ныне свои усилия, чтобы проникнуть со своими идеями в армию»²⁸.

Ознакомившись с решением Особого совещания, император предложил рассмотреть этот вопрос в Комитете министров, где он обсуждался в двух заседаниях 7 и 14 февраля 1884 г. Большинство членов Комитета министров (14)²⁹ высказались против решения Особого совещания. «Это составляло бы, по глубокому убеждению 14-ти особ, — говорилось в журнале заседания, — оскорбление для каждого военного [...], привыкшего считать военную службу высшей честью»³⁰. При этом большинство членов Комитета отмечали, что «применение проектируемой меры будет находиться в прямом противоречии с правосудием, не допускающим двойного наказания за одно и то же преступное деяние»³¹, имея в виду исключение из высшего учебного заведения и насильственную отдачу в солдаты. Наконец, по мнению этих членов, рекомендуемая Совещанием мера может усилить недовольство правительством, а также способствовать распространению в войсках революционной пропаганды.

Пять членов Комитета и его председатель (Рейтерн, Толстой, Островский, Набоков, Делянов и Посьет) высказались за решение Особого совещания, предложив «допустить в виде опыта, примерно на три года, обращение некоторого числа учащихся, исключаемых из высших учебных заведений, на обязательную военную службу в видах исправительных и дисциплинарных»³². Таким образом, меньшинство членов Комитета министров не только одобрило предложение меньшинства Особого совещания, но и предложило практиковать это довольно широко и «в виде опыта».

Александр III наложил на журнале Комитета министров следующую резолюцию: «Не разделяя опасения и мнения 14-ти особ, полагаю отложить окончательное решение этого дела до утверждения нового университетского устава»³³. В уставе это не нашло своего отраже-

²⁸ Там же, л. 181.

²⁹ В том числе вел. кн. Михаил и Николай Николаевичи, Владимир и Алексей Александровичи, Бунге, Николаи, Ванновский, Шестаков и др.

³⁰ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4378, ст. 118, л. 108.

³¹ Там же, л. 112.

³² Там же, л. 152.

³³ Там же, л. 83.

ния. Однако решение Комитета министров, точнее, Особого совещания на практике начало применяться, правда, в изучаемый нами период весьма ограниченно³⁴.

Стремясь обеспечить политически благонадежный состав студентов, Делянов в секретном циркуляре 7 июля 1884 г. указывал, что гимназическое начальство не выполняет указания министерства от 12 января 1880 г. относительно представления в университет данных о поступающих в них питомцев, «хода учения в гимназии и по отношению к нравственным качествам во внеклассной жизни».

Делянов указывал, что «из судебного разбирательства и из поступающих в Министерство донесений окружных начальств о результатах дознаний касательно распространения между учащимися противоправительственной пропаганды видно, что в студенты [...] принимаются нередко молодые люди, которые еще во время пребывания в средних учебных заведениях заявляли себя дурными наклонностями и даже принадлежали к тайным кружкам [...] что происходит, между прочим, от того,— указывал министр,— что начальство разных учебных заведений по неосмотрительности или неуместной и, можно сказать, преступной снисходительности показывает иногда в увольнительных свидетельствах отличными по поведению таких, которые вовсе того не заслуживают»³⁵.

Поэтому Делянов вновь предлагал директорам гимназий сообщать в высшие учебные заведения подробные «обстоятельные» сведения о лицах, окончивших их гимназии.

Таковы первые шаги, предпринятые Министерством народного просвещения в начальный период деятельности Делянова, достаточно ясно определявшие их направленность.

* * *

Первой серьезной мерой, предпринятой Деляновым, была реформа в области высшего образования. Еще в

³⁴ В 1887 г. был направлен в дисциплинарный батальон студент Московского университета А. Синявский, давший пощечину инспектору студентов Брызгалову.

³⁵ ЦГИА, ф. Департамента народного просвещения, оп. 194, д. 843, л. 76.

середине 70-х годов, точнее, в апреле 1875 г. была создана Комиссия под председательством Делянова для разработки нового университетского устава. Проект этого устава в феврале 1880 г. был внесен в Государственный совет, но в связи с изменившейся в стране обстановкой и последовавшей вскоре отставкой Толстого был возвращен обратно.

В мае 1881 г., под председательством опять-таки Делянова, была создана Комиссия для выработки правил в отношении надзора за учащейся молодежью. В записке по поводу работы комиссии министр народного просвещения открыто выступил против существующего университетского устава, считая необходимым его немедленную замену³⁶. Уже в конце 1882 г. проект нового устава был вновь внесен в Государственный совет. Однако рассмотрение этого вопроса началось лишь в конце 1883 г. Помешала этому происходившая в мае коронация Александра III. Об этом говорит в своем дневнике Половцов: «Вследствие разговоров с членами Совета и великим князем еду к Победоносцеву заручаться его согласием на то, чтобы не рассматривать в нынешнюю сессию университетского устава [...] [он] разделяет мнение, что не время перед коронацией раздражать студентов...»³⁷

Боязнь вызвать недовольство общества помешала Делянову предпринять меры к ограничению, если не ликвидации высшего женского образования. «Из новостей,— писал Георгиевский Катков 10 июня 1882 г.,— сообщу

³⁶ Подробнее см. мою книгу «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов», стр. 437—445. На этом настаивал и Катков. Так, в своем письме к Делянову он 2 апреля 1882 г. писал: «Университетский вопрос не следовало бы откладывать. Вы только затрудните себе дело отсрочкою. Вернее и лучше теперь ударить сразу» (ЦГИА, ф. Делянова, д. 441, л. 7—8).

³⁷ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 60. Однако отсрочка обсуждения этого вопроса была достигнута с большим трудом. И Толстой и Делянов были решительно против этого. «После заседания (Государственного совета.— П. З.) совещание под председательством вел. кн. Михаила Николаевича,— заносит Половцов в дневник 14 марта 1883 г.,— Рейтерн, Старицкий, Победоносцев доказывают необходимость отложить рассмотрение университетского устава. Толстой, Делянов настаивают на том, что в теперешнее время года и студенты и профессора особенно послушны» (там же, стр. 67). По-видимому, имеется в виду приближение экзаменов и окончание учебного года.

Вам, что по настояниям М. Н. Остр[овского] и с согласия К. П. Побед[оносцева] и самого графа Д[митрия] А[ндре-евича] план Дмитриева прекратить на этот год прием на высшие женские курсы [...] не состоится на том основании, чтобы не вызывать еще больших неудовольствий, которые будто бы уже вызваны назначением графа Д. А. [...] и еще на том, что терпели зло целые годы, можно потерпеть еще один год»³⁸.

Итак, в 1882 г. правительство еще боялось предпринимать серьезные шаги по пути реакционных преобразований, шаги, которые могли вызвать большой общественный резонанс, особенно в связи с приближающейся коронацией. Внесенный в Государственный совет проект университетского устава представлял, за небольшими изменениями, тот самый проект, который в конце 70-х годов был составлен Толстым.

Основное содержание этого проекта в отличие от действующего заключалось в ликвидации университетской автономии. В этих целях проект предусматривал необходимость «усилить правительственное влияние на университетское управление»³⁹. Несмотря на то что в проекте Ученый совет университета именовался «высшей инстанцией по ученым делам», фактически права его значительно суживались.

Так, по действующему уставу замещение кафедр производилось путем баллотировки кандидатур Ученым советом с последующим утверждением министра. Назначение профессоров самостоятельно министром могло производиться только в том случае, если кафедра оставалась незамещенной⁴⁰. В проекте же нового устава говорилось, что представление университета имеет «значение рекомендации». От усмотрения министра зависит утвердить лицо, избранное Советом, назначить профессора из числа лиц, предложенных в университете, «или определить такового из посторонних лиц»⁴¹.

³⁸ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, к-20, л. 42.

³⁹ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 53, л. 35.

⁴⁰ Университетский устав 1863 г. ПСЗ, 2 собр., № 39752, § 70, 72.

⁴¹ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 50. Цит. по статье Г. И. Щегининой «Подготовка университетского устава 1884 года». — «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, 1961, № 1, стр. 46.

Таким образом, важнейший вопрос университетской жизни — замещение профессорских вакансий — не должен был зависеть от Ученого совета университета. Целый же ряд других вопросов, обсуждаемых на ученых советах, должен был также окончательно решаться либо попечителем, либо министром (§ 21, 24 проекта устава).

Попечителю учебного округа представлялись широкие права. Он мог, ««когда признает нужным», присутствовать и в заседаниях Совета, и в факультетских собраниях, занимая в тех и других первое место, не председательствуя, а в случаях особой важности может принимать и председательство на себя»⁴². В отношении некоторых категорий преподавателей, как, например, приват-доцентов, проект предоставлял попечителю лишать их права преподавания⁴³. Все это говорило о том, что проект нового университетского устава посягал на университетскую автономию.

Второй особенностью проекта являлся вопрос о государственных экзаменах, которые должны были, согласно проекту, приниматься особой комиссией, назначенной министром народного просвещения. Это была заветная мечта Каткова, дающая возможность установления самого широкого контроля над всей системой университетского преподавания, и не только контроля, но и влияния министерства на содержание читаемых курсов.

Еще в 1879 г. Катков в одном из своих писем к Александру II, касаясь проекта университетского устава, писал: «Самая важная часть предполагаемой реформы заключается в положении об экзаменах, которые по проекту должны производиться не преподавателями из лекций, ими читанных, а особыми комиссиями по установленным общим программам, так что экзамены будут служить не только проверкой познаний студентов, но и регулятором лекций их профессоров. Программа государственных экзаменов определяет содержание и размеры университетских курсов»⁴⁴.

Таким образом, введение государственных экзаменов

⁴² Г. И. Щетинина. Указ. статья, стр. 47.

⁴³ См. там же.

⁴⁴ «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 10.

должно было ликвидировать самостоятельность университетского преподавания.

Третьей особенностью проекта являлось усиление надзора за студентами. Это вверялось инспекторам и правлению университета, роль которых значительно возрасла.

Характеризуя представленный проект, А. В. Головин писал Милютину: «В сущности весь смысл, вся цель реформы состоит в том, чтобы учащихся и учащихся вполне во всех действиях подчинить произволу административной власти: попечителю и вместе с ним министру которого сделает самодержавным [...] Неужели нынешние верховники, между которыми есть люди умные, образованные, ученые, действительно думают, что рабы профессоров, рабы учащиеся (как в иезуитских школах) могут быть полезны для государства, для правительства, а не понимают, что такое устройство поведет к разложению нравственности, к разложению государства?»⁴⁵

Проект устава вызывал весьма различное к себе отношение среди членов Государственного совета, вследствие чего и решено было его обсудить предварительно. С этой целью 10 октября на квартире Толстого происходит совещание, участники которого не пришли к единому мнению. По вопросу о лишении самостоятельности университетов, точнее ученых советов, все присутствовавшие согласились. «Гр. Толстой,— рассказывает Половцов,— привел многочисленные свидетельства тому, как ошибочны были ожидания тех, кто в 1863 г. возложили на ученых коллегии университетских профессоров обязанность нести заботы администрации. Ученые, по его словам, не лучше детей, неспособных к управительской деятельности, столь отличной от трудов ученых»⁴⁶.

Если вопрос об уничтожении автономии был принят всеми присутствовавшими, то предложение об установлении государственных экзаменов вызвало горячие споры. Против установления государственных экзаменов вне стен университетов особенно ополчились Стояновский, Бунге и Победоносцев.

⁴⁵ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, папка 61, д. 40. Письмо от 14 декабря 1883 г.

⁴⁶ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 127.

11 октября снова происходило совещание, на сей раз в Государственном совете, под председательством вел. кн. Михаила Николаевича. Споры велись опять-таки вокруг государственных экзаменов. «Под конец свыше трехчасового совещания, — пишет Половцов, — Делянов соглашается на то, чтобы экзаменационные комиссии заседали в университетских стенах, но признает необходимым сохранить за министром право устранять от этих комиссий профессора, читавшего курс. В этом сосредоточивается разногласие между Деляновым и всеми остальными присутствующими»⁴⁷.

Следовательно, предварительные совещания не привели членов Государственного совета к единомыслию лишь по вопросу об экзаменах. Надо отметить, что в дальнейшем при детальном обсуждении проекта устава в Соединенных департаментах и Общем собрании Государственного совета разногласия не только не уменьшились, но и увеличились, коснувшись еще ряда вопросов. Это объяснялось тем, что в процессе обсуждения проекта в Соединенных департаментах Делянов вносил различные дополнения по тем или иным пунктам устава.

Обсуждение проекта устава в Государственном совете, точнее, в Соединенных департаментах законов и государственной экономии началось 22 октября. Если по вопросу об усилении административной власти все согласились с целесообразностью этой меры, то наиболее горячие прения снова возникли вокруг экзаменов. «Все присутствовавшие, — рассказывает Половцов, — восстали против подобной меры. Николай доказывал, что в ней высказывается оскорбительное для университетов недоверие. Исаков утверждал, что она имеет целью затруднить получение прав, даваемых университетами, и пресечь вступление в него тех масс юношества, кои правительство доселе в него привлекало, что эти массы будут по справедливости недовольны, что нет надобности умножать число недовольных и надлежит прежде открыть им другие пути образования и труда развитием реального и технического образования. Ковалевский указывал на невозможность найти достаточный экзаменаторский персонал вне университетских стен. Бунге настаивал на участии в экзаменах профессора, читавшего курс. Побе-

⁴⁷ Там же, стр. 130.

доносцев весьма гибкою, подчас ироническою, но и в общем тоне согласительно речью настаивал на опасности ограничиться карательными мероприятиями, отбрасывая, как это слишком часто делалось в последнее время, меры предупредительного характера»⁴⁸. После многочасовых прений Делянов в конце концов согласился с тем, чтобы эти экзамены проводились не в канцелярии попечителя, а в стенах университета. На это он уже раз дал согласие в предварительном неофициальном заседании 11 октября.

На следующем заседании, 29 октября, Делянову пришлось уступить и в вопросе о назначении ректора. По предложению Ковалевского и Победоносцева ректор должен назначаться из числа двух кандидатов, избранных профессурой⁴⁹. Надо сказать, что Победоносцев не только выступал против проекта устава, но и непосредственно пытался воздействовать на Делянова. Как рассказывает Половцов в записи за 14 ноября, Победоносцев говорил ему, что «виделся с Деляновым и спрашивал его в случае дальнейшего со стороны его упорства, если бы государь и согласился с его проектом, то последует такой в деле народного просвещения крах, что сам виновник реформы Делянов не переживет его»⁵⁰.

Поведение Победоносцева, точнее, его несогласие с проектом университетского устава крайне раздражало Каткова. 27 ноября он пишет Победоносцеву большое письмо, в котором пытается воздействовать на последнего. При этом Катков, не говоря ничего конкретного о значении обсуждаемого устава, достоинства его видит лишь в том, что авторами этого произведения являются Толстой и Делянов. «Неужели гр. Толстой,— пишет он,— которому вверена сама безопасность государства, так легкомысленен, что, управляя Министерством народного просвещения и просидев десять лет над университетским вопросом, поддался навеянному с ветра фантазиям и внес в Государственный совет проект закона, исполненный таких чудовищных несообразностей, что Вы нашлись вынужденным вступить в коалицию даже с заклятыми противниками Вашего образа мыслей, лишь бы из-

⁴⁸ Там же, стр. 133—134.

⁴⁹ См. там же, стр. 137.

⁵⁰ Там же, стр. 144—145.

бавить Россию от пагубы, задуманной гр. Толстым?»⁵¹ — не без ехидства спрашивает Катков. Далее он в том же письме говорит о Делянове, бывшем при Толстом председателем всех комиссий по университетскому вопросу⁵², и в заключение останавливается на политической значимости университетской реформы.

«Усилия партии разложения (т. е. сторонников умеренно либерального курса.— П. З.), следующей девизу: *чем хуже, тем лучше*, клонятся к тому,— замечает Катков,— чтобы не допустить ни одной меры, ни одного закона, которые свидетельствовали бы о состоятельности нашего правительства, о возможности хорошего законодательства при нашем образе правления. Реформа университетов была бы первой органической мерой нынешнего царствования, за которою должны были бы неукоснительно последовать другие: по судебному ведомству, по местному управлению и пр. [...] Неудача этой законодательной меры отзовется не на одних университетских, но и на всем нашем государственном деле»⁵³.

Обсуждение университетского устава продолжалось в Соединенных департаментах с конца 1883 г. вплоть до начала мая 1884 г. Особенно горячие споры происходили при детальном обсуждении вопроса об экзаменах в конце ноября 1883 г. Здесь Делянов под влиянием Каткова снова пытается переходить в наступление. По мнению Каткова, главное в уставе — это мысль об отделении экзаменов от преподавания. «Ничто существенное не изменится, если экзамены не будут отделены от преподавания»⁵⁴, — писал Катков Александру III летом 1884 г. Это, естественно, давало бы возможность правительству держать в узде как профессию, так и студенчество. Свою точку зрения на экзамены Делянов изложил в начале 1884 г. в особой записке «Дополнительные

⁵¹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева. М., 4392, д. 21, л. 5.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, л. 6.

⁵⁴ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 822, л. 72. Об этом же говорил и Делянов. Так, 23 января 1884 г. в Соединенных департаментах министр народного просвещения, по словам Половцова, заявил, «что экзаменационные требования вне университетского преподавания составляют альфу и омегу их проекта университетского устава» («Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 171).

соображения по вопросу об университетских испытаниях»⁵⁵. В этой записке говорилось, что устав не предполагает стеснять министра в выборе членов экзаменационной комиссии. Делянов полагал, что члены этих комиссий отнюдь не обязаны иметь непременно высшие ученые степени⁵⁶. Следовательно, экзаменационные комиссии могли состояться из удобных министру чиновников, готовых беспрекословно выполнять волю начальства.

Соединенные департаменты не согласились с вопросом об экзаменах, и в этой части проект был отвергнут почти единогласно. В защиту Делянова выступали лишь государственный контролер Филиппов и товарищ Толстого Дурново⁵⁷. Таким образом, большинство членов Соединенных департаментов не согласилось с некоторыми положениями обсуждаемого проекта, в который был внесен ряд поправок.

Реакционное меньшинство Совета усиленно готовилось к обсуждению вопроса на Общем собрании, мобилизуя для этого все свои силы. Так, Георгиевский в своем письме от 11 апреля 1884 г. писал Каткову: «Я прошу Ив[ана] Д[авыдовича], чтобы он потребовал один экземпляр (по-видимому, проекта, составленного согласно заключениям Соединенных департаментов.— П. З.) для Вас и тотчас же препроводил его к Вам, но еще лучше было бы, если бы Вы сами могли к тому времени приехать в Петербург, чтобы спасти то, что может быть спасено, а именно назначение ректоров и деканов с их секретарями от правительства и сохранение гонорара⁵⁸, без чего все пойдет вверх дном и произойдет невообразимая путаница и чепуха. Ив[ан] Дав[ыдович] не произвел разногласия вопреки всем моим убеждениям и настояниям»⁵⁹,— заключает Георгиевский.

25 мая, за четыре дня до Общего собрания, министр

⁵⁵ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 53.

⁵⁶ Содержание «Дополнительных соображений...» излагается по указанной статье Г. И. Шетининой.

⁵⁷ В начале января 1884 г. Филиппов представил записку «Новое изменение главы об университетских испытаниях», в которой излагал компромиссную точку зрения.

⁵⁸ Речь шла о гонораре, уплачиваемом студентами преподавателям за слушание лекционных курсов.

⁵⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, к-20, л. 48.

внутренних дел собирает у себя своих единомышленников для выработки плана действий. Об этом подробно сообщал Каткову на другой день Любимов: «Гр. Толстой собрал вчера у себя Ив[ана] Дав[ыдовича], Островского, Филиппова, гр. Шувалова, Грейга, и были приглашены Георгиевский и я. Гр. Шувалов будет говорить в собрании о ректоре и деканах. Островский о программах, Филиппов об экзаменах, гр. Толстой о гонораре»⁶⁰. Таким образом, роли были распределены.

В Общем собрании споры велись по вопросам назначения ректоров, деканов и секретарей факультетов и Совета. 19 членов Совета высказались за ликвидацию выборности их, 25 — против. Кроме того, разногласия возникли по вопросам о составе экзаменационных комиссий, оплате гонораров и ряду других.

Рассказывая в дневнике о ходе обсуждения проекта устава в Общем собрании, Половцов пишет: «Говорит по вопросу назначения правительственного ректора гр. Шувалов, ему возражают Николай и Головин, а поддерживает гр. Толстой; по вопросу о программах и порядке преподавания — Островский [...] по вопросу об экзаменационных комиссиях долго, вяло и бездарно говорит Филиппов, его поддерживает Толстой, а с неожиданным, можно сказать, блеском отвечает Николай. Делянов возбуждает еще несколько пустых замечаний, бессмысленно и неумело передавая то, что ему вдолбили Катков и Георгиевский. В итоге, — замечает Половцов, — заседание проходит довольно успешно, т. е. без скандала для Государственного совета»⁶¹.

Результат обсуждения проекта в Общем собрании был тот же, что и в Соединенных департаментах. Сторонники Каткова, Толстого и Делянова получили меньшинство. Разногласия произошли по следующим основным вопросам: о системе экзаменов, о программах, о порядке назначения ректоров, деканов, секретарей факультетов и Совета, о замещении вакантных кафедр, об условиях объявления читаемых курсов, распределения преподавания отдельных предметов по курсам и семестрам, а также об оплате гонораров⁶².

⁶⁰ Там же, папка 6, д. 31, л. 80.

⁶¹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 227.

⁶² См. Г. П. Щетинина. Указ. статья, стр. 54.

В июне memoria Общего собрания была представлена Александру III на утверждение. Император колебался. Представители меньшинства, и прежде всего Катков, пытались, и безуспешно, оказывать на царя воздействие. 8 июля Катков пишет Александру III обширное письмо, в котором настаивает на утверждении им мнения меньшинства и особенно подчеркивает необходимость отделения государственных экзаменов от преподавания. По мнению Каткова, лучше отсрочить издание устава, «но не издавать закона недостаточного и бессильного»⁶³.

12 августа в Ропше, под Петербургом, Александр III собрал совещание по университетскому вопросу. На этом совещании кроме Победоносцева, придерживавшегося мнения большинства, присутствовали лишь представители меньшинства. Не было на совещании и председателя Государственного совета вел. кн. Михаила Николаевича. Как рассказывает Половцов со слов Победоносцева, «Делянов, Толстой и Островский яро отстаивали мнение меньшинства, государю предстояло или принять их мнение, или заменить их, что было бы для него весьма затруднительно»⁶⁴.

На другой день, 13 августа, Любимов, по-видимому со слов Делянова, подробно информирует Каткова о происшедшем совещании. Из этого письма становится известным, что Победоносцев первоначально отстаивал мнение большинства, но в конце концов заявил, «что, если два министра, и бывший и нынешний, так решительно ручаются за успех, надлежит, конечно, с ними согласиться»⁶⁵. Оценивая результаты совещания, Любимов писал, что «слава богу, дело, кажется, приводится к концу благополучно и без всяких условий»⁶⁶. Однако в окончательной победе они все же уверены не были, в силу чего участвующие в совещании положили никому пока не говорить о его результатах, кроме близких к делу, чтобы не распространилось пока»⁶⁷. Но опасения

⁶³ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 822, л. 72.

⁶⁴ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I, стр. 247—248.

⁶⁵ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, к-20, папка 6, д. 31, л. 94.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

оказались напрасными: 15 августа 1884 г. Александр III утвердил по всем пунктам мнение меньшинства.

Утвержденный проект в самом главном, по мнению Каткова, — в пункте о государственных экзаменах — существенно отличался от первоначального проекта. Рассмотрим основные положения утвержденного устава, сопоставив его с предыдущим. Новый устав значительно увеличивал власть и права попечителя. В § 8 прямо указывалось, что «на попечителе лежит обязанность высшего руководства во всех распоряжениях по охранению порядка и дисциплины в университете»⁶⁸. Ректор и декан, избиравшиеся ранее Ученым советом и лишь утверждавшиеся административными властями, по уставу 1884 г. избирались первым министром, а второй попечителями учебных округов. Замещение профессорских вакансий осуществлялось также министром. В § 100 устава говорилось, что «при открывшейся вакансии профессора министр народного просвещения или замещает ее по собственному усмотрению [...] или предоставляет университету избрать кандидата на вакантную должность и представить на его утверждение».

Значительно сокращался круг вопросов, которые решались Советом самостоятельно. Они сводились лишь к трем: а) установление ежегодно «общего числа медалей, присуждаемых студентам и посторонним слушателям за сочинения на предложенные задачи»⁶⁹, б) утверждение лиц в ученых степенях и в) утверждение по ходатайствам факультетов магистрантов в ученой степени доктора. Все же остальные вопросы, решенные Советом университета, подлежали утверждению попечителя или министра. Даже такой вопрос, как «распределение сумм, назначенных по штату на учебные пособия по факультетам», подлежащий по уставу 1863 г. самостоятельной компетенции Совета⁷⁰, по новому уставу утверждался министром. Ряд вопросов, рассматривавшихся ранее Советом, передавался для обсуждения в правление университета, в состав которого в качестве полноправного члена включался инспектор студентов⁷¹.

⁶⁸ ПСЗ, 3 собр., т. IV, № 2404.

⁶⁹ Там же, § 30, п. 1.

⁷⁰ ПСЗ, 2 собр., т. XXXVIII, № 39752, § 42.

⁷¹ По уставу 1863 г. инспектор участвовал в заседаниях правления лишь в тех университетах, где он заменял проректора, имея голос «только по делам студенческим» (там же, § 50).

Университетский суд вовсе ликвидировался. Значительно увеличивалась власть инспектора, соединявшая в себе и административную и судебную. Надо к тому же сказать, что инспектор ведал распределением стипендий, что еще в большей степени увеличивало его власть над студентами.

По уставу 1863 г. инспектор избирался Советом университета либо из среды своих членов⁷², или из среды чиновников, окончивших университет, и утверждался министром. Инспектор подчинялся Совету и ректору. По уставу же 1884 г. инспектор назначался министром и не находился в подчинении университетских властей. «Состоя под начальством попечителя инспектор,—говорилось в уставе,—подчиняется в действиях своим ректору и исполняет его законные требования»⁷³. Таким образом, новый устав, ликвидируя университетскую автономию, значительно усиливал власть попечителя и инспектора студентов, делая последнюю по существу независимой от университета.

Устав 1884 г. вводил два вида экзаменов: факультетские и университетские (государственные). Состав университетской комиссии назначался министром народного просвещения⁷⁴. Вводились также семестровые зачеты вместо существовавших ранее экзаменов⁷⁵. Собственно, сдача семестровых зачетов не предполагала проверки усвоенных знаний. Это фиксировало лишь формальное выполнение студентом учебного плана (посещаемость лекций, работа в практикумах). По новому

⁷² В таком случае он носил звание проректора.

⁷³ ПСЗ, 3 собр., т. IV, № 2404, § 47. Точно так же и по уставу 1835 г. инспектор студентов находился под началом попечителя учебного округа.

⁷⁴ Однако комиссии эти были вовсе не теми, какие мыслились Каткову и Делянову. Они состояли из профессуры данного факультета, председателем же ее назначался профессор другого университета. Согласно отчету Московского университета за 1894 г., из семи членов комиссии историко-филологического факультета все семь являлись профессорами данного факультета; все члены комиссии медицинского факультета также являлись таковыми. Только один член комиссии физико-математического факультета не числился в списке профессоров университета и, по-видимому, не являлся таковым (см. «Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета» за 1894 год. М., 1896, стр. 63).

⁷⁵ В 1889 г. система сдачи семестровых зачетов была отменена и восстановлены курсовые экзамены.

уставу вводилась оплата студентами за право посещения лекций и практических занятий. Сумма эта не должна была превышать 50 руб. за учебный год. При этом в пользу университета взималось по 5 руб. в полугодие, в пользу преподавателей—по 1 руб. за недельный час⁷⁶.

Расширялся институт приват-доцентуры⁷⁷. Предоставлялось право читать приват-доцентам параллельные с профессорами курсы. Это являлось, бесспорно, положительным фактом, способствовавшим подготовке профессорских кадров, и вместе с тем эта мера оказывала влияние на повышение качества читаемого профессорами курса.

Анализируя устав в целом, мы видим, что в результате обсуждения проекта его в Государственном совете Делянову—Толстому пришлось все же многим поступиться. В первую очередь это касалось государственных экзаменов, характер которых по сравнению с первоначальным проектом значительно изменился. Несмотря на то что реакции не удалось достигнуть всего, к чему она стремилась, новый университетский устав рассматривался Катковым и его единомышленниками как крупная победа, означавшая начальный шаг по пути утверждения принципов самодержавия. «Новый университетский устав,— писал Катков в «Московских ведомостях»,— важен не для одного учебного дела, он важен еще потому, что полагает собою начало новому движению в нашем законодательстве; как устав 1863 года был началом системы упразднения государственной власти, так устав 1884 года представляет собою возобновление правительства, возвращение властей к их обязанностям [...] Итак, господа,— заключил Катков,— встаньте — правительство идет, правительство возвращается...»⁷⁸.

⁷⁶ См. С. В. Рождественский. Исторический образ деятельности Министерства народного просвещения — 1802—1902. СПб., 1902, стр. 619.

⁷⁷ При этом штатная доцентура уничтожалась. Число приват-доцентов за 10 лет после утверждения нового устава значительно возросло. Так, в Московском университете на 1 января 1884 г. был 31 доцент и приват-доцент, а на 1 января 1895 г. приват-доцентов было 120, в то время как число профессоров увеличилось немногим менее чем вдвое (см. «Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета» за 1884 и 1894 годы. М., 1886 и 1896).

⁷⁸ М. Н. Катков. Сборник передовых статей «Московских ведомостей» за 1884 год, стр. 511—512.

Дальнейшая политика Министерства народного просвещения по отношению к университетам определилась новым уставом и целым рядом казарменно-полицейских мер, принимавшихся властями в развитие этого закона.

Однако все это не привело к умиротворению студенчества. Уже осенью 1884 г. происходят волнения в Киевском университете, в результате которых по распоряжению Делянова университет был закрыт до 1 января 1885 г.⁷⁹

События в Киеве нашли отклик и в других университетах. Наиболее широкие размеры они приобрели в Москве. 20 октября группа студентов Московского университета организовала демонстрацию-протест по поводу закрытия Киевского университета на Страстном бульваре перед домом типографии катковской газеты «Московские ведомости». В результате демонстрации было арестовано свыше 100 человек, в том числе 75 студентов университета⁸⁰.

В мае 1885 г. по всеподданнейшему докладу Делянова была введена форма для студентов⁸¹, отмененная в 1861 г.; 16 мая того же года были изданы «Правила для студентов», регламентировавшие поведение учащихся как в университете, так и вне его. В них прежде всего подчеркивалась мысль об отсутствии корпоративности среди студенчества. Стремясь предотвратить какие-либо корпоративные действия, в правилах говорилось, что «студенты признаются отдельными посетителями университета»⁸², причем указывалось на недопустимость создания каких-либо общественных организаций, не имеющих научного характера.

В том же 1885 г. были изданы правила об экзаменационных требованиях при сдаче выпускных (государст-

⁷⁹ Студенческие волнения в Киеве возникли в связи с празднованием 50-летнего юбилея университета. Поводом для них послужило бестактное поведение ректора профессора Ренненкампа (см. «Каторга и ссылка», 1930, кн. 5, стр. 91—103).

⁸⁰ См. П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. М., 1958, стр. 154—156.

⁸¹ ПСЗ, 3 собр., т. V, № 2927.

⁸² С. В. Рождественский. Указ соч., стр. 619.

Венных) экзаменов, ставивших своей задачей «дать известное направление обязательным занятиям учащихся»⁸³. Правила эти определяли общую направленность преподавания — учебные планы факультетов. Так, «основанием филологического образования как в материальном и методологическом отношении,— говорилось в них,— составляют оба классические языка с их литературами и относящимися к ним дисциплинами и реальными сведениями»⁸⁴. Таким образом, основными обязательными предметами на историко-филологическом факультете являлись классическая филология и древняя философия, изучавшиеся на протяжении всех восьми семестров⁸⁵. На юридическом факультете основным предметом объявлялось римское право, «предмет столь же всеобщий и обязательный для всякого просвещенного юриста, к какой бы ни принадлежал он стране и какому бы ни служил государству»⁸⁶.

Опека над университетами со стороны министерства значительно усилилась. Министерство утверждало помимо общих учебных планов семестровые планы факультетов с распределением лекций и практических занятий по дням недели и часам⁸⁷.

В марте 1886 г. Делянов обращается с циркулярным письмом к попечителям учебных округов. Это письмо было посвящено состоянию высших учебных заведений и касалось тех правил, которые предоставлялись новым уставом администрации. В начале этого письма министр обращал внимание попечителей на те обширные полномочия, которые предоставлял новый устав как попечителю, так и университетской администрации. «Пользуясь сими полномочиями,— говорилось в письме,— Вы [...] конечно, не замедлите обратить особенное внимание ректора университета на необходимость направить все усилия к объединению деятельности правления, собраний факультетов, инспекции и всех входящих в состав их лиц

⁸³ Там же, стр. 621.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Столь нелепая организация преподавания на историко-филологических факультетах просуществовала недолго. В 1889 г. она была отменена и восстановлены прежние учебные планы.

⁸⁶ С. В. Рождественский. Указ, соч., стр. 621.

⁸⁷ Как утверждает Рождественский, правила 1885 г. имели и положительное значение, способствуя развитию практических занятий, работы семинаров, т. е. самостоятельной работы студентов.

в видах обеспечения порядка и спокойствия в университете, на которые ныне вновь дерзает посягать крамола». Далее излагалась подробная программа действий, рекомендуемая для инспекции. В первом пункте этой программы рекомендовалось «бдительно следить в университете и по возможности вне оного за всякими проявлениями и признаками производимой между студентами агитации». Предлагалось «иметь под особым надзором тех молодых людей, которые обнаружили какое-либо участие в оной или склонность поддаться ее влиянию». Делянов предлагал «усугубить наблюдение» за посещением студентами лекций «и исполнением всех обязанностей, возлагаемых на них правилами о зачете полугодий...».

При этом министр выражал надежду, что преподаватели не откажут администрации в полном содействии «в видах обеспечения правильного хода научных занятий в университете и предохранения молодых людей от гибельных для них последствий». Рекомендовалось также не оставлять без внимания и мелких студенческих проступков.

В заключение указывалось на необходимость «в надлежащих случаях входить в сношение с полицией, пользуясь ее содействием и со своей стороны всячески ей содействуя [...] Со своей стороны,— резюмировал Делянов,— частыми личными сношениями с представителями гражданской власти в университетском городе Вы, милостивый государь, не премините употребить все усилия для достижения полного единства в действиях как университетской инспекции, так и полиции...»⁸⁸.

В начале 1887 г. Делянов издает циркуляр, обязывающий в целях предупреждения «увлечения легкомысленной молодежи политическими агитаторами» во всех высших учебных заведениях организовать «отобрание» подписок у всех студентов и вольнослушателей «о неприятии ими участия ни в каких сообществах, как, например, землячествах и т. п., а равно и о невступлении даже в дозволенные законом общества без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства с предуведомлением каждого учащегося, что в случае об-

⁸⁸ ЦГИА, ф. Департамента народного просвещения, оп. 194, д. 737, л. 32.

наружения участия их в каком-либо обществе они будут немедленно уволены из заведения»⁸⁹.

Вместе с тем Делянов стремится военизировать высшие учебные заведения. В мае 1887 г. он издает циркуляр, предлагавший «в целях соблюдения вежливости» студентам отвечать на экзаменах не сидя, а стоя, руководствуясь тем, «что такой порядок производства экзаменов существует в военных академиях для офицеров и для студентов Военно-медицинской академии»⁹⁰.

После события 1 марта 1887 г., обнаружившего участие студентов Петербургского университета в террористической деятельности, в июне того же года в Комитете министров рассматривалось представление Делянова «О мерах к упорядочению состава учащихся в высших и средних учебных заведениях Министерства народного просвещения». Комитет министров одобрил предложение Делянова о повышении платы за слушание лекций⁹¹ (с 10 до 50 руб. помимо оплаты профессорского гонорара). Вместе с тем министр народного просвещения 26 июля 1887 г. в секретном циркуляре предлагал ректорам университетов и других высших учебных заведений, чтобы в число студентов принимались лишь лица, «о которых доставлены необходимые сведения от директоров учебных заведений, в которых они обучались и держали испытания зрелости или окончательные экзамены»⁹².

Однако все это не приводило к прекращению студенческих выступлений. Наиболее крупные волнения произошли в конце 1887 г. в Московском университете, получив наименование «брызгаловская история». Инспектор Брызгалов, установивший в Московском университете систему провокаций и жестоких репрессий, пользовался огромной любовью Каткова. «Виделся с Брызгаловым, глубокоуважаемый Иван Давыдович, — писал Катков Делянову 24 января 1885 г., — и из разговора с ним еще более оценил сокровище, какое Вы в нем имеете»⁹³. Волнения, принявшие массовый характер,

⁸⁹ Там же, д. 843, л. 4—5.

⁹⁰ Там же, л. 66.

⁹¹ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4592, ст. 444, л. 440—441.

⁹² ЦГИА, ф. Департамента народного просвещения, оп. 194, д. 843, л. 111.

⁹³ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, папка 49, д. 14, л. 1, черновой экземпляр.

начались 22 ноября, когда один из студентов юридического факультета, А. Синявский, дал публично Брызгалову пощечину. В этих волнениях приняли участие сотни студентов, в результате чего 30 ноября университет был закрыт⁹⁴. Однако Делянову пришлось распрощаться с Брызгаловым. В результате ноябрьских событий из университета было исключено 97 человек⁹⁵.

Непосредственным результатом событий в Московском университете явились студенческие волнения в Казани, Петербурге, Харькове и Одессе. В конце года были временно закрыты помимо Московского еще четыре университета: Петербургский, Казанский, Харьковский и Новороссийский, а также Харьковский технологический и Казанский ветеринарный институты⁹⁶.

Таким образом, несмотря на новый университетский устав и ряд других мер, правительству не удалось справиться со студенческим движением.

В начале 90-х годов Министерство народного просвещения намечало новые шаги для наведения «порядка» в университетах. В этом отношении большой интерес представляет записка председателя Ученого комитета министерства клеврета Каткова А. И. Георгиевского, озаглавленная «Меры для упорядочения университетов, а через то и всех других высших учебных заведений и для предотвращения на будущее время студенческих беспорядков или же для низведения их и вредных для них последствий до наименьших размеров»⁹⁷.

В первую очередь Георгиевский полагал необходимым усиление власти администрации. С этой целью он считал нужным назначить ректоров, деканов и секретарей факультетов не на срок в четыре года, а бессрочно, а также «разъяснить попечителям в особой инструкции все их обширные и многосложные обязанности и полномочия по начальствованию университетом...»⁹⁸. Следовательно, предполагалось значительное усиление попечительской власти. Серьезные меры предполагалось осуществить в отношении профессуры и вообще преподавательского состава высших учебных заведений. В пунк-

⁹⁴ См. П. С. Ткаченко. Указ. соч., стр. 160—168.

⁹⁵ См. там же, стр. 167.

⁹⁶ См. там же, стр. 168—172.

⁹⁷ ЦГИА, ф. Делянова, д. 194, л. 1—14.

⁹⁸ Там же, л. 1.

те 6 этой записки указывалось на необходимость «принимать все меры к изменению в правительственном духе личного состава профессорских коллегий»⁹⁹. При этом указывалась очередность этой операции, начиная с Петербургского университета, затем Московского и кончая Новороссийским. «Все усилия,— писал Георгиевский,— направить к тому, чтобы профессорских должностей достигали люди, не только стоящие на высоте своей науки и даровитые, но вместе с тем искренно преданные престолу и отечеству и всем заветам его истории, вполне патриотически настроенные. Это должно быть *conditio sine qua non*»¹⁰⁰. При назначении стипендии во время курса и профессорских»¹⁰¹. Таким образом, непременным условием должна быть преданность престолу и отечеству в реакционном, шовинистическом понятии этого слова.

В силу этого Георгиевский считал необходимым, «начиная с допущения к приват-доцентуре, при всяком повышении в звании и в чине, при всякой почетной или денежной награде и вообще при всяком удобном случае внушать преподавателям и профессорам, что они должны быть не только людьми науки, но и наставниками юношества и от добросовестного исполнения наставнических обязанностей в истинно патриотическом духе поставить в строгую зависимость всю их служебную карьеру»¹⁰². Тех же, которые обнаруживали «явную неблагонадежность» или «дурное влияние на студентов», рекомендовалось либо вовсе увольнять, либо переводить в провинциальные университеты. Генеральную расправу Георгиевский рекомендовал проводить, когда «по причине беспорядков» университет временно закрывался. В этих случаях необходимо было уволить всех профессоров «и сделать разом все необходимые перемещения»¹⁰³.

Следующий раздел записки был посвящен студентам. Во-первых, Георгиевский считал необходимым резко ограничить контингент учащихся в университетах, сократив его за пять лет более чем вдвое — с 9252 человек до 4100 человек¹⁰⁴. «Для приведения числа студентов

⁹⁹ Там же, л. 2.

¹⁰⁰ Непременным условием.

¹⁰¹ ЦГИА, ф. Делянова, д. 194, л. 2.

¹⁰² Там же, л. 3.

¹⁰³ Там же, л. 2.

¹⁰⁴ Там же, л. 4.

в соответствие с наличными силами и средствами как для правильного их обучения, так и для неослабного над ними наблюдения»¹⁰⁵. С этой целью рекомендовалось принимать в университеты лишь тех, у коих экзаменационные отметки по русскому сочинению, латинскому и греческому языкам и математике составляли не менее $3\frac{3}{4}$ балла.

В целях обеспечения «должного», т. е. реакционно-го, состава студентов Георгиевский настаивал на сохранении «во всей силе» правил о предоставлении в университеты характеристик, выданных директорами гимназий, характеристик «правдивых и обстоятельных». Георгиевский настаивал также на сохранении «в нынешних размерах» платы за обучение, что должно было ограничивать возможность поступления в университеты лиц, принадлежащих к необеспеченным слоям населения.

Георгиевский считал необходимым всемерно усилить контроль за работой студентов. В целях этого он рекомендовал ряд мер: «Восстановить во всей силе правила 1885 г. о зачете полугодий (на основании исправного посещения лекций, деятельного участия в научно-практических занятиях под руководством преподавателей, определенных домашних работ и поверочных испытаний) [...] восстановленные же в 1889 г. в противность уставу 1884 г. годовые курсовые экзамены, как оказавшиеся вполне непригодными еще при действии устава 1863 г., вовсе отменить»¹⁰⁶. Таким образом, по мнению Георгиевского, главным являлись не знания студентов, обнаруживаемые на экзаменах, а строгое выполнение ими существующих университетских порядков¹⁰⁷. В целях усиления контроля за студентами рекомендовалось увеличить число служителей инспекции с таким расчетом, чтобы на каждого из них приходилось не более 75 студентов.

Георгиевский предлагал «установить согласные дей-

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же, л. 5.

¹⁰⁷ Вполне естественно, что работы студентов в практикумах и семинарах имели огромное значение для подготовки того или иного специалиста. Однако Георгиевского интересовала не эта сторона вопроса, а повседневная занятость студента, не дающая ему возможности заниматься посторонними делами.

ствия полиции и инспекции по отношению к студентам и взаимные друг другу сообщения о проступках и затеях студентов»¹⁰⁸. Далее рекомендовались меры борьбы с нарушителями университетских порядков, включая и тактику, которую должно применять в отношении участников сходов. Первое, что рекомендовалось делать, — «это перепись всех участников сходы с обозначением наиболее деятельных между ними»¹⁰⁹. В случае безуспешности «увещания и вразумления» со стороны последовательно инспектора, ректора, приглашение попечителя, который должен предложить немедленно разойтись. В случае же ослушания «призыв полиции, которая без всякого разглагольствования озабочивается тем, чтобы арестовать ослушников своего начальства всех до единого»¹¹⁰ с последующим заключением в одиночные камеры «гражданских и военных тюрем». Далее подробно излагались меры наказания за участие в стачке в зависимости от активности поведения. Наивысшее наказание полагалось «за оскорбление какого-либо из чинов учебного или полицейского ведомства действием»¹¹¹. Виновный в этом подлежал одиночному тюремному заключению в течение одного года или отдаче в дисциплинарный батальон сроком до двух лет.

В конце своей записки Георгиевский говорил о том, что необходимо в видах предупреждения самой возможности таких безобразных явлений, как студенческие беспорядки, провести ряд мероприятий, ставивших своей задачей «улучшить и усилить дисциплинарно-воспитательную часть в гимназии». К этим мерам относились руководство классного наставника домашним чтением учеников, беседы по вопросам литературы и т. д. В каждом классе предполагалось создание под председательством директора гимназии, особого воспитательно-го комитета в составе инспектора, законоучителя, т. е. священника, и классного наставника. Этот комитет получал широкие права, вплоть до наказания розгами лиц, не достигших 18 лет, «в случае чрезвычайных поступков, требующих примерного наказания»¹¹².

¹⁰⁸ ЦГИА, ф. Делянова, д. 194, л. 7.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же, л. 9.

¹¹² Там же, л. 13.

Таково содержание записки Георгиевского, представлявшей собою шаг вперед по сравнению с уставом 1884 г. Однако меры, рекомендованные Георгиевским, в жизнь претворены не были.

Итак, на протяжении 80-х — начала 90-х годов правительство пытается всеми средствами умиротворить университеты, подчинить всю систему университетского образования одной цели: готовить специалистов в различных областях знаний, прежде всего преданных престолу, т. е. идее самодержавия, причем научная сторона университетской жизни отодвигается на второй план. Кое-чего правительству удалось достигнуть. Однако коренным образом изменить университетское образование, превратить профессуру в послушных чиновников, изменить состав студенчества и умиротворить его, ликвидировав волнения в университетах, — все это оказалось недостижимым. Студенческие волнения не прекращались.

Социальный состав студенчества, несмотря на значительное повышение платы за обучение, почти не изменился.

Приведем данные о социальном составе студенчества по университетам — Московскому, Харьковскому и частично по Петербургскому. Так, согласно отчетам Московского университета, состав студенчества в 1884 и 1894 гг. представлял:

Детей	1884 г.	1894 г.
Дворян и чиновников	46,27	48,18
Духовенства	9,29	6,40
Почетных граждан и купеческого звания	13,05	—
Почетных граждан и купцов I гильдии	—	11,80
Мещан и разночинцев	25,65	—
Мещан, разночинцев и купцов II гильдии	—	24,07
Крестьян	4,21	5,33
Казakov	—	1,97
Иностранных подданных	1,53	2,25
	100,0	100,0

Итак, при некоторой несопоставимости данных все же можно сделать следующий вывод: мы наблюдаем некоторое, хотя и незначительное, увеличение процента детей дворян и чиновников — на 1,91, уменьшение, не устанавливаемое точно, детей разночинцев и мещан. Вместе с тем наблюдается увеличение детей крестьян. Если соединить их с казаками (что, бесспорно, имело место в отчете за 1884 г.), то увеличение это будет составлять 3%. Таким образом, состав студенчества изменился мало ¹¹³.

По Петербургскому университету в 1884 г. процент детей чиновников составлял 58,64, а в 1894 г.—65,32 ¹¹⁴. Надо при этом заметить, что в числе детей дворян и чиновников было немало фактически разночинцев.

По Харьковскому университету приведем данные за 1885 и 1895 гг. ¹¹⁵:

Детей	1885 г.	1895 г.
Дворян и чиновников	41,24	37,02
Духовенства	8,14	4,39
Казаков	3,31	3,92
Купцов	12,71	13,33
Мещан и разночинцев	27,69	35,14
Крестьян	3,34	4,16
Иностранцев	0,98	2,04
Прочих	2,59	—
	100,0	100,0

* * *

Обратимся к состоянию высшего женского образования. Еще в 1881 г. Комиссия по вопросу об усилении надзора за учащейся молодежью под председательством Деянова пришла к заключению, что Высшие жен-

¹¹³ См. «Отчеты о состоянии и действиях императорского Московского университета» за 1884 и 1894 годы, стр. 116—117, 182—183.

¹¹⁴ См. «Годичный акт императорского С.-Петербургского университета за 8 февраля 1885 года». СПб., 1885, стр. 10, и «Годичный акт С.-Петербургского университета за 8 февраля 1895 года». СПб., 1895, стр. 11.

¹¹⁵ См. М. И. Носалевич. Летопись Харьковского университета. — «Записки императорского Харьковского университета», 1907, кн. 1, стр. 43; кн. 2, стр. 14—15.

ские курсы должны быть немедленно закрыты или «переустроены на новых основаниях». Однако в силу политических соображений, как об этом говорилось выше, в ближайшие годы ничего сделано не было. Только в 1882 г., после ухода с поста военного министра Д. А. Милютин, были упразднены женские врачебные курсы при петербургском Николаевском военном госпитале¹¹⁶.

В середине 80-х годов вопрос о закрытии Высших женских курсов снова был поставлен на повестку дня. Инициатива в этом принадлежала, по-видимому, кн. Мещерскому. В своем дневнике, представлявшемся им Александру III, в записи за 16 ноября он высказывается за закрытие Высших женских курсов. «Был у Грессера (петербургского градоначальника.— Л. З.) [...] В разговоре он мне интересные наблюдения сообщил насчет Высших женских курсов. По его словам, эти курсы — это настоящая клоака анархической заразы»¹¹⁷. Через день, 18 ноября, он пишет: «Обсудил вчера у Делянова и сообщил ему мысль насчет Высших женских курсов. Делянов разделяет совершенно недоверие и нелюбовь к этим курсам и намерен возбудить вопрос о закрытии этих курсов, но не разом, а посредством прекращения нового в них приема. Славу богу!»¹¹⁸

В 1886 г. было образовано Особое совещание из представителей министерств внутренних дел и народного просвещения под председательством Делянова, которое пришло к заключению, «что, пока не будетработан устав, программы и правила, необходимо пресечь дальнейшее скопление в больших городах девиц, ищущих не столько знаний, сколько превратно понимаемой

¹¹⁶ После ликвидации врачебных курсов в начале 1883 г. в Министерстве народного просвещения был образован под председательством кн. Волконского Комитет для составления проекта положения об «Институте ученых акушеров». Однако этот проект вызвал резко отрицательное отношение со стороны Министерства внутренних дел. Так, товарищ министра, по-видимому Плева, заявил «что все приводимые доводы о практическом значении и необходимости проектируемого института основываются не на действительной потребности государства в таком учреждении, а лишь на теоретических соображениях в стремлениях отдельных лиц к так называемой эмансипации женщин» (С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 629). Высшее женское медицинское учебное заведение было открыто только в 1897 г.

¹¹⁷ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 111, л. 6.

¹¹⁸ Там же, л. 5.

ими свободы»¹¹⁹. С этой целью Делянов представил Александру III доклад о прекращении приема на Высшие женские курсы вплоть до выработки Положения об этих учебных заведениях. 12 мая 1886 г. Александр III утвердил предложения министра народного просвещения¹²⁰.

В фонде Делянова сохранился черновой экземпляр (его автограф), по-видимому, конфиденциального письма по поводу прекращения приема на Высшие женские курсы. В нем он писал: «Данные, доставленные генералами Оржевским и Грессером, начальником Киевского жандармского управления Новицким, попечителями учебных округов, а равно двумя профессорами Киевского университета, ревизовавшими Высшие женские курсы в Киеве, представляются в самом прискорбном виде [...] Для предотвращения дальнейшего зла [...] М[инистерство] нар[одного] пр[освещения] впредь до составления новых правил о Высших женских курсах отдало распоряжение о прекращении нового приема слушательниц на существующие в Петербурге, Москве, Киеве и Казани Высшие женские курсы»¹²¹. Итак, причина, вызвавшая прекращение приема, имела чисто жандармские соображения.

В начале 1888 г. председательница Общества для доставления средств Петербургским высшим женским курсам обратилась к Александру III с ходатайством о возобновлении приема на курсы, на что и последовало согласие. В Министерстве народного просвещения были разработаны специальные правила. Согласно этим правилам, Высшие женские курсы восстанавливались как частное учебное заведение, не дававшее никаких прав по его окончании. Контингент учащихся определялся в 400 человек. Курсы подразделялись на два отделения: историко-филологическое и физико-математическое. Слушательницы курсов должны были жить либо у родных и родственников, либо в интернате¹²². 13 и 20 июня 1889 г. Комитет министров рассматривал эти правила и вынес положительное решение, разрешив прием с ав-

¹¹⁹ С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 627—628.

¹²⁰ См. там же, стр. 628.

¹²¹ ЦГИА, ф. Делянова, д. 165, л. 2—3.

¹²² См. С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 629.

густа 1889 г. «временно», «впредь до издания в законодательном порядке общих постановлений по вопросу об устройстве и содержании Высших женских курсов»¹²³. В других городах на Высшие женские курсы прием был возобновлен только в 1890 г.

* * *

В области средней школы перед правительством никаких кардинальных задач не стояло. Классическая система утвердилась еще в 70-е годы, в бытность министром народного просвещения Толстого. Система эта, вызывавшая ненависть и учащихся, и учащихся, и их родителей, была сознательно рассчитана на оглушение русского юношества. «Все внимание,— пишет в своих мемуарах профессор Б. Н. Чичерин,—сосредоточивалось на бесплодном зубрении грамматических форм, которое не только не сообщало молодым умам живого духа классических писателей, но и не давало даже порядочного знания языка. Профессор классической литературы в Московском университете Ф. Е. Корш, который в этом деле мог быть лучшим судьей, удивлялся, как с удвоением числа часов вступающие в университет студенты хуже знают по латыни, нежели прежде [...] А рядом с этим одуряющим налеганием на грамматику,—продолжает Чичерин,—самые важные предметы гимназического преподавания: история, русский язык и русская литература — оставались в полном пренебрежении. Молодое поколение разучилось даже писать»¹²⁴. Эта оценка полностью соответствует действительности, и подобных высказываний можно привести немало.

Положительное значение классической системы с точки зрения правительства заключалось не только в оглушении русского юношества, отвлечении его от общественных вопросов, но и в создании искусственного барьера для поступления в университеты демократических слоев населения. Об этом Делянов прямо писал в одном из своих всеподданнейших докладов в 1890 г. «... Не должно упускать из виду,— писал он,— что при

¹²³ ЦГИА, ф. Комитета министров, д. 4721, л. 295.

¹²⁴ Воспоминания Б. Н. Чичерина «Земство и Московская дума», стр. 102.

настоящем строе общества нет возможности установить правила, по которому в университет принимались бы одни дворяне и вообще только лица, принадлежащие к высшим сословиям, а потому, чем более облегчился бы курс средних школ, тем и наплыв лиц всех сословий в университет сделался бы сильнее»¹²⁵. Однако и в этом смысле классическая система не приносила больших результатов.

Уровень успеваемости как в гимназиях и прогимназиях, так и в реальных училищах был крайне низок. На основе данных всеподданнейшего отчета Делянова за 1884 г., он составлял: в гимназиях в 1883 г.—68,2%, в 1884 г.—68,8%, в прогимназиях—соответственно 65,3 и 65,5%, в реальных училищах—66,9 и 69,1%¹²⁶. Кроме того, чрезвычайно велик был и «добровольный» отсев. «С 1882 г.,—писал Делянов в цитируемом нами отчете за 1884 г.,—число добровольно оставляющих среднеучебное заведение до окончания срока увеличивается с каждым годом. В 1882 г. в Виленском учебном округе таковых учеников было 15,2%, в 1883 г.—19,2, в 1884 г.—20,6%»¹²⁷. Все это говорило о ненормальном положении дел в среднеучебных заведениях. Однако, по мнению Министерства народного просвещения, данное положение вовсе не свидетельствовало о ненормальности постановки образования в средней школе. Именно в силу этого основную задачу в данной области Делянов видит в сохранении в неизменном виде классической системы образования. Вместе с тем он считал необходимым «наведение порядка» в средней школе, потрясенного его предшественниками Сабуровым и Николаи. Начало этому было положено, как говорилось уже выше, циркуляром от 20 ноября 1882 г.¹²⁸

Дальнейшие шаги в этой области заключались в уси-

¹²⁵ ЦГИА, ф. Департамента народного просвещения, оп. 165, д. 711, л. 10 (проект).

¹²⁶ Там же, оп. 117, д. 69 за 1884 г., стр. 203—204.

¹²⁷ Там же, стр. 191. При этом Делянов отмечал, что «наиболее сокращается число учеников, принадлежащих семействам недостаточных и малообразованных родителей, которые по своей бедности и неразвитости не в состоянии поставить своих детей в такие условия, которые могли бы обеспечить им прохождение гимназического курса» (там же, стр. 193).

¹²⁸ См. выше, стр. 312—313.

лении «дисциплины и порядка», а также в стремлении изменить состав учащихся в гимназиях за счет приема в них лишь детей обеспеченных слоев населения. Следовательно, николаевская гимназия образца 1828 г.— таков был идеал Делянова.

Министерство народного просвещения в рассматриваемый период широко использует методы полицейско-шпионского наблюдения за учащимися. И в первую очередь это возлагалось на классовых наставников.

В циркуляре от 26 июня 1884 г., посвященном усилению роли классных наставников, прямо говорилось, что, «посещая учеников, классный наставник старается, между прочим, удостовериться, какие лица бывают на квартире учеников, с кем он входит в сношения и какие книги составляют предмет его чтения в свободное от занятий время». Тут же говорилось, что попечители учебных округов при подборе кандидатов на пост директора и инспекторов средних учебных заведений, а также при представлении учителей к наградам должны «прежде всего иметь в виду тех классных наставников, которые неуклонно и с большим успехом следили бы за воспитанием и нравственным развитием учеников, вникая во все стороны их жизни...». Какие «стороны жизни» должны были интересоваться классные наставники, становится ясным из заключительного абзаца этого циркуляра, в котором говорилось, «что классные наставники наравне с директорами и инспекторами будут подлежать ответственности, если во вверенном им классе обнаружится на учениках пагубное влияние превратных идей, внушенных злонамеренными людьми, или даже сами молодые люди примут участие в каких-либо преступных деяниях и таковые поступки их не будут своевременно обнаружены заведением»¹²⁹. Таким образом, на администрацию учебных заведений и классных наставников в самом прямом смысле этого слова возлагались жандармские функции.

Воспитание учащихся мыслилось, естественно, в духе утверждения самодержавно-феодалных идей. В этом отношении представляет интерес специальный циркуляр Делянова, указывающий на недопустимость пропуска в

¹²⁹ ЦГИА, ф. Департамента народного просвещения, оп. 194, д. 521, л. 168—169.

гимназических списках, по-видимому классных журна-
лах, титулов учащихся. «Находя,— указывалось в цир-
куляре,— что учебное заведение не имеет права не при-
знавать за учащимся титула, принадлежащего роду, и
тем изглаживает из памяти ученика достоинства его
предков, которые и ему должны служить назиданием и
нравственным идеалом в жизни. Я прошу [...] сделать
распоряжение по учебному округу об устранении озна-
ченных неправильностей»¹³⁰.

Еще в 1879 г. Министерство народного просвещения,
в бытность министром его Толстого, установило так на-
зываемые волчьи билеты. Тот или иной учащийся средне-
учебного заведения, уличенный «в предосудительных
действиях» в плане политическом, изгонялся из учебно-
го заведения без права поступления в другое, о чем со-
общалось для сведения циркуляром министра. Подо-
бный порядок был восстановлен Деляновым¹³¹, и не толь-
ко восстановлен но и значительно расширен.

В делах Департамента народного просвещения
встречаются неоднократно циркуляры, в которых сооб-
щается, что тот или иной учащийся уволен «за упорное
и неоднократное нежелание подчиняться распоряжению
начальства гимназии» или «за крайне дерзкое обращение
к начальству гимназии». Правда, в этих циркулярах не
сообщалось о запрещении приема данного лица в дру-
гое учебное заведение, однако сам факт подобного из-
вещения говорил сам за себя. В качестве примера при-
веден секретный циркуляр от 13 декабря 1883 г., в ко-
тором сообщалось, что «директор Херсонской прогимна-
зии и помощник классного наставника Одесской 2-й
прогимназии встретили на улице — первый окончившего
курс Елизаветградской прогимназии Ратнера в парти-
кулярном платье, с тростью в руках и сигарой во рту,
но в гимназической с гербом фуражке, а последний быв-
шего ученика Одесского реального училища св. Павла,
уволенного по пункту 17-ому правил о взысканиях,
Алексея Васильковского, одетого в гимназическое паль-
то в накидку». Далее сообщалось, что эти молодые лю-
ди были остановлены указанными «должностными ли-

¹³⁰ Там же, д. 843, л. 33.

¹³¹ Там же (циркуляры министра народного просвещения),
оп. 194, д. 291, 381, 521, 652, 737, 843, 930, 1587.

цами», потребовавшими у них билеты. При этом один из них грубо ответил, а другой, «сверх того, нанес помощнику классного наставника оскорбление словом».

Циркуляр заканчивался стереотипной фразой: «О вышеизложенном имею честь уведомить Ваше Превосходительство для сведения на случай ходатайства [...] о приеме их для продолжения образования в одно из учебных заведений вверенного Вам округа»¹³².

Подобный циркуляр, естественно, означал запрещение приема, ибо иначе само издание его не имело бы смысла¹³³. Соблюдение форменной одежды являлось буквально «пунктиком» Министерства народного просвещения. Недаром Деляновым издается специальный циркуляр по ходатайству одного из попечителей, разрешающий право носить «поверх форменной одежды» во время дождливой погоды гуттаперчивый плащ с капюшоном¹³⁴, ибо в противном случае ученик приходил в гимназию мокрым.

Так укреплялась Министерством народного просвещения дисциплина и порядок в средних учебных заведениях.

* * *

Следующей задачей, поставленной Деляновым, явилось стремление изменить социальный состав гимназий, превратив их в полупривилегированные учебные заведения.

Это стремление обнаруживается уже в первые годы его министерства, однако к решающим действиям в этой области он переходит в 1887 г. Первый шаг в деле ограничения приема детей определенных категорий родителей был сделан в начале 1887 г. и имел под собой определенные основания. Речь идет о циркуляре от 19 февраля 1887 г., запрещавшем принимать в гимназии детей проституток, содержателей публичных домов и кабаков¹³⁵. Прием этих детей разрешался «в исключительных случаях» с санкции министерства при условии на-

¹³² Там же, д. 381, л. 138.

¹³³ Там же, д. 930, л. 36; д. 381, л. 142.

¹³⁴ Там же, д. 1587. Циркуляр от 4 июня 1894 г. за № 11118.

¹³⁵ Там же, д. 843, л. 10. Этому циркуляру предшествовал другой, от 19 июля 1886 г., в котором этот вопрос рекомендовалось обсуждать в попечительских советах (там же, д. 737, л. 74).

хождения детей «вне влияния порочной среды», т. е. жительства в интернате, на ученических квартирах.

Все же последующие шаги имели под собой совершенно иное основание — мотивы политического характера. 11 апреля 1887 г. Делянов представил Александру III доклад «О прекращении с 1887/88 учебного года приема в приготовительные классы гимназий и прогимназий». В начале доклада подчеркивалось, что открытие в свое время приготовительных классов имело положительное значение, так как «даже более образованные и достаточные семейства затруднялись в доставлении своим детям сколько-нибудь правильной начальной подготовки для поступления в гимназии»¹³⁶. В результате открытия приготовительных классов, указывал Делянов, в них, естественно, стали поступать дети «из семейств всех званий и состояний»¹³⁷, а это затруднило доступ в первый класс гимназий детям, «получившим лучшее воспитание по семейным их условиям и хорошую домашнюю подготовку. Таким образом, — продолжал он, — приготовительные классы, облегчая всем и каждому подготовку к гимназическому образованию, послужили привлечением в гимназии и прогимназии детей из таких классов общества, которые могли бы довольствоваться образованием в низших училищах, и, напротив, стали мешать поступлению в гимназии детей из более образованных семейств»¹³⁸.

В связи с этим Делянов рекомендовал прекратить прием в приготовительные классы в текущем 1887/88 учебном году, с тем чтобы в следующем учебном году приготовительные классы были окончательно упразднены. Предлагаемая мера была утверждена царем¹³⁹.

5 июня того же 1887 г. Делянов представил Александру III доклад по вопросу «О сокращении числа

¹³⁶ «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения», т. X. СПб., 1894, стр. 801.

¹³⁷ По приводимым в этом докладе данным, из 9386 учеников приготовительных классов 3122 были «из низших податных сословий» (там же, стр. 803).

¹³⁸ Там же, стр. 802.

¹³⁹ По этому поводу 11 июня был издан Деляновым специальный циркуляр (ЦГИА, ф. Департамента народного просвещения, оп. 194, д. 843, л. 80). Приготовительные классы были сохранены в тех местностях, где разговорный язык большинства населения не был русским. Кроме того, эти классы были сохранены в Витеб-

учеников в гимназиях и прогимназиях и изменении состава оных». В этом докладе излагалась история данного вопроса, из которой мы узнаем, что Совещание министров народного просвещения, внутренних дел, государственных имуществ, финансов и оберпрокурора Синода пришло к заключению о необходимости ограничить поступление в гимназии и прогимназии детей необеспеченных слоев населения, разрешив лишь доступ в них детям родителей не ниже купцов II гильдии. Это предложение министр народного просвещения после предварительного одобрения царем намеревался внести на рассмотрение Комитета министров.

Однако, как видно из доклада Делянова, император, признав эту меру «несвоевременной и неудобной», счел «за лучшее достигнуть цели отвращения наплыва в гимназии и прогимназии детей, не соответствующих по домашней их обстановке среднему образованию, другими какими-либо способами»¹⁴⁰. Таким образом, даже Александр III понимал невозможность обсуждения подобной меры не только в Государственном совете, но и в послушном ему Комитете министров.

Далее Делянов писал, что, посоветовавшись по этому вопросу с членами упомянутого выше Совещания, они пришли к выводу, что помимо повышения платы за учение следовало бы «по крайней мере [...] разъяснить начальствам гимназий и прогимназий, чтобы они принимали в эти учебные заведения только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства. Таким образом,—резюмировал Делянов,—при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и

ской, Читинской, Якутской, Пятигорской, Владивостокской гимназиях (ЦГИА, ф. Департамента государственной экономии, 1889 г., д. 64).

¹⁴⁰ «Собрание постановлений по Министерству народного просвещения», т. X, стр. 880—881. Из текста доклада видно, что предыдущий, отвергнутый царем доклад был датирован 23 мая.

высшему образованию»¹⁴¹. Александр III одобрил предложение министра народного просвещения.

В соответствии с этим 18 июня был издан циркуляр, в котором были изложены те же мысли о недопустимости приема в гимназии детей указанных выше категорий. При этом несколько более подробно излагалась мысль о том вреде, который привел бы этих детей «к пренебрежению своих родителей, к недовольству своим бытом, к озлоблению против существующего и неизбежного по самой природе вещей неравенства имущественных отношений»¹⁴².

Касаясь прекращения приема детей демократических слоев населения, в циркуляре указывалось, что «если бы между принятыми уже учениками оказались такие, которые вследствие домашней обстановки своих родителей или родственников оказывают вредное влияние на своих товарищей, то таких следует увольнять из гимназии или прогимназии, не стесняясь двухлетним сроком, указанным в § 34 устава гимназий и прогимназий, или формальными правилами о взысканиях»¹⁴³. Таким образом, циркуляр рекомендовал проведение настоящей чистки гимназического состава, не считаясь при этом с существующими правилами и законами. Наконец, в циркуляре говорилось и о необходимости повышения платы за обучение в тех гимназиях, где оно не достигает определенного размера.

Циркуляр этот, получивший название «циркуляр о кухаркиных детях», приобрел широкую известность и вызвал негодование не только среди демократических слоев населения, интеллигенции, но и среди правящего класса. Адъютант вел. кн. Константина Николаевича генерал Киреев в своем дневнике за 2 сентября 1887 г. по этому поводу говорит: «Циркуляр Делянова возбуж-

¹⁴¹ Там же, стр. 881. В том же докладе ставился еще ряд вопросов, которые предполагалось внести на рассмотрение Комитета министров: установление процентной нормы при приеме в гимназии и прогимназии для детей евреев, повышение платы за слушание лекций в университетах, а также преобразование реальных и открытие промышленных училищ в связи с предполагаемым сокращением числа гимназий и прогимназий.

¹⁴² ЦГИА, ф. Департамента народного просвещения, оп. 194, д. 843, л. 86.

¹⁴³ Там же.

дает негодование и смех, он пишет, чтобы дирек[тора] не допускали в гимна[зии] детей швейцаров, кухарок, извозчик[ов] е. т. с. Не нелепо ли это? Во-первых, между ними могут быть Ломоносовы, во-вторых, можно бы достигнуть желанного результата без всякой публикации. Напр[имер], просто требуя более серьезного экзамена при вступлении, напр[имер] из француз[ского] и немец[кого] языков, или указав на хорошее воспитание или на бедность дворян, которых желательно поддерживать, а главное, самый циркуляр *незаконен*, закон не делает никаких ограничений»¹⁴⁴. Даже мракобес Мещерский и тот был шокирован циркуляром Делянова. «Не скрою от Вас,— писал он в своем письме Александру III от 4 сентября 1887 г.,— что ежедневно приезжают ко мне из провинции люди, которые с прискорбием говорят о сильно дурном впечатлении, произведенном на всех знаменитым деляновским циркуляром о кухарках. Досада и злость берет потому, что знаешь, что не Делянова бранят, а на Вас падают эти толки. Я умолял Делянова написать разъяснительный циркуляр, чтобы смягчить и изгладить впечатление, но что голос мой?..»¹⁴⁵

На страницах же своего органа «Гражданина» Мещерский пытался всячески преуменьшить значение деляновского циркуляра. «Почему-то газетному общественному мнению,— писал он,— показался этот циркуляр покушением ограничить какие-то стремления всего на-

¹⁴⁴ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, к-11, л. 15. 5 сентября Киреев снова возвращается к этому вопросу: «Несчастный циркуляр об исключении детей кухарок, е. т. с. продолжает возбуждать негодование и смех. Кто автор такой нелепости? Ведь так легко было бы дать делу благопристойный оборот! Скажи, чтобы предпочтение давать дворянам, но главное нужно было прежде всего открыть реальные школы, а потом уже стеснять вход в классические» (там же, л. 16).

¹⁴⁵ ЦГАОР, ф. Александра III, д. 95, л. 345. Циркуляр Делянова, носивший секретный характер и не предназначенный для опубликования, получил широкую известность благодаря попечителю Одесского учебного округа Хр. П. Сольскому, который опубликовал в газете «Одесский вестник» в свою очередь циркуляр директорам гимназий и прогимназий, где давал распоряжение гимназической администрации в связи с циркуляром «о кухаркиных детях». При этом, как подобает всякому ретивому администратору, он толковал его шире (см. «Вестник Европы», 1887, кн. 9. Внутреннее обозрение).

рода к высшему образованию и заграждением доступа к нему для лиц непривилегированных и неимущих сословий. Кривизна толков доходит до таких нелепостей, что будто бы в газетах сказано, что правительство решило все сословия, кроме дворянского, не допускать в гимназии»¹⁴⁶, — лицемерно замечал Мещерский.

Либеральная печать отнеслась к циркуляру, естественно, с возмущением. «Русские ведомости» в передовой статье за 27 августа 1887 г. писали: «До сих пор остается невыясненным, как согласить его (т. е. циркуляр. — П. З.) с действующим законом. Закон предоставляет обучаться в гимназиях детям всех сословий без различия звания и вероисповедания (§ 23 Устава 30 июля 1871 г.), циркуляр г. министра отменяет этот закон, который, как таковой, может быть отменен только в законодательном порядке»¹⁴⁷.

Наиболее подробно разбирает дялиновский циркуляр «Вестник Европы». В сентябрьской книжке за 1887 г. во «Внутреннем обозрении» помещается статья К. К. Арсеньева, в которой он весьма резко отзывается об этом документе. Автор аргументированно доказывает всю вздорность утверждения о том, что наименее обеспеченные дети не имеют условий для учения и к тому же нравственно испорчены. «Из среды беднейших гимназистов, — пишет Арсеньев, — пополняется многочисленный класс репетиторов, и уже это дает право утверждать, что бедность не только не составляет абсолютной помехи учению, но позволяет даже соединять школьные занятия с посторонней работой [...] Упорный добросовестный труд — лучшая гарантия против нравственной порчи, лучший суррогат недостающего домашнего надзора; вот почему мы никак не можем допустить, что худшие в нравственном отношении ученики гимназий выходили исключительно из семейств прачек, кучеров «и тому подобных людей». Если бы это было так, — язвительно замечает Арсеньев, — то и нравственность процветала бы всего больше в учебных заведениях, открытых только для высших сословий; а разве то мы видим на самом деле?»¹⁴⁸ Арсеньев показывает также демагогичность

¹⁴⁶ «Гражданин», 1887, № 65. Дневник.

¹⁴⁷ «Русские ведомости», 1887, № 235. Передовая статья.

¹⁴⁸ «Вестник Европы», 1887, кн. 9. Внутреннее обозрение.

утверждения Делянова о приеме детей, «одаренных необыкновенными способностями». «Как же удостоверить, однако, в наличии таких способностей, если отказ, основанный на исследовании «материального быта», должен предшествовать допущению к приемным испытаниям?»¹⁴⁹

Таким образом, циркуляр вызвал большое возмущение во всех слоях русского общества. В результате мероприятий, ставивших своей целью изгнать из гимназий представителей необеспеченных слоев народа (ликвидация приготовительных классов, повышение платы за обучение, прямое запрещение приема определенных групп населения), социальный состав в гимназиях и прогимназиях несколько изменился и характеризовался следующими данными¹⁵⁰:

Детей	1884 г.	1892 г.
Дворян потомственных, личных и чиновников	49,2	56,2
Духовного звания	5,0	3,9
Городских сословий	35,9	31,3
Сельских сословий	7,9	5,9
Иностранцев	2,0	1,9

Эти изменения были вызваны искусственно, о чем говорит тот факт, что социальный состав реальных училищ изменяется за этот же период в обратном направлении¹⁵¹:

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ См. «Производительные силы России». СПб., 1896. Отдел XIX. Народное образование, стр. 31. В данные за 1892 г. вкралась неточность: сумма цифр дает итог 99,2 вместо 100,0.

¹⁵¹ См. там же. Необходимо отметить, что общий процент отсева за рассматриваемый период не уменьшился, а увеличился. Так, в гимназиях и прогимназиях он составлял в 1884 г. до окончания курса 17,8, по окончании курса (по-видимому, без сдачи экзаменов на аттестат зрелости) — 3,9; в 1891 г. — соответственно 13,5 и 9,3. Таким образом, в 1891 г. 22,8% учащихся гимназии ее не заканчивали. В реальных училищах соответственно: в 1884 г. — 19,0 и 6,8%, в 1891 г. — 17,9 и 7,3% (см. там же, стр. 28).

Детей	1884 г.	1892 г.
Дворян потомственных, лич- ных и чиновников	40,7	38,0
Духовного звания	1,8	0,9
Городских сословий	41,8	43,0
Сельских сословий	10,9	12,7
Иностранцев	4,8	5,4

Надо при этом сказать, что общее количество учащихся в мужских гимназиях и прогимназиях с 1885 по 1894 г. уменьшилось с 72 592 человек до 63 004 человек ¹⁵².

* * *

Обратимся к вопросам, касавшимся среднеучебных заведений, в частности реальных училищ, рассматривавшихся в законодательном порядке.

В ноябре 1886 г. Делянов внес в Государственный совет проект устава реальных и промышленных училищ ¹⁵³. Этот проект предполагал коренную реорганизацию реальных училищ, превращение их в общеобразовательную школу для подготовки специалистов со среднетехническим образованием ¹⁵⁴. Итак, подготовка спе-

¹⁵² Там же, стр. 27. В реальных училищах и женских гимназиях, наоборот, за указанный период число учащихся увеличилось: в первых — с 20 517 до 23 555, во вторых — с 35 205 до 45 544 (там же).

¹⁵³ Проект предполагал создание следующей сети низшего и среднетехнического образования: а) ремесленные училища для подготовки квалифицированных рабочих и ремесленных подмастерьев. Для поступления в эти училища требовалась общеобразовательная подготовка в объеме церковноприходского или одноклассного сельского или городского училища; б) низших технических училищ для подготовки мастеров промышленных предприятий. Общеобразовательная подготовка — городские уездные и двухклассные сельские училища; в) среднетехнические училища для подготовки техников. Объем общеобразовательных знаний — реальное училище.

¹⁵⁴ Первоначально в «Проекте общего нормального плана промышленного образования в России», разработанном в Министерстве народного просвещения, реальные училища предполагалось сохранить в объеме шести классов. Однако позднее, под влиянием главным образом Толстого, этот вопрос был пересмотрен.

циалистов среднего звена должна была подразделяться на две ступени. Первую общеобразовательную — реальное училище с сокращенным пятиклассным сроком обучения. «Реальные училища,— говорилось в первом пункте проекта устава их,— имеют своей целью доставлять обучающемуся в них юношеству общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний средней степени»¹⁵⁵. Вторую ступень должны были составлять четырехклассные специальные технические школы, дающие познания «хотя и элементарные, но основательные и вполне приложимые на практике»¹⁵⁶. Помимо этого и при самих реальных училищах могли открываться дополнительные классы, представлявшие собой те же среднетехнические школы: коммерческие, технические, сельскохозяйственные, строительные и т. д.

Таким образом, реальные училища подлежали коренной реорганизации и доступ оканчивающих их в высшие технические учебные заведения становился невозможным. «Высшие специальные училища,— писал Делянов,— вовсе не нуждаются в том, чтобы для приготовления учащихся в них были учреждаемы особые учебные заведения с облегченным против гимназий курсом»¹⁵⁷.

Таким образом, проект Делянова в части реорганизации реальных училищ являлся логическим продолжением и завершением реформы 1871 г., сохраняя лишь один тип общеобразовательной средней школы — классическую гимназию. Характеризуя представление Делянова, Половцов писал в дневнике: «Весь проект направлен к тому, чтобы уничтожить реальное образование, допустив лишь несерьезное образование ремесленное. Реалистам пресекается даже переход в высшие технические училища, кои должны пополняться гимназистами классических гимназий»¹⁵⁸.

Обсуждение проекта в Соединенных департаментах происходило 7 февраля, 7 марта и 9 апреля 1887 г. Сое-

¹⁵⁵ ЦГИА, ф. Департамента государственной экономики, 1887 г., д. 173, л. 67.

¹⁵⁶ Там же, л. 44.

¹⁵⁷ Там же, л. 29—30.

¹⁵⁸ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 22.

диненные департаменты одобрили в целом представленный проект развития технического образования, однако по вопросу о назначении реальных училищ произошли разногласия. Пять членов (Делянов, Вышнеградский, Плеве, Вешняков и Ванновский) «приняли во внимание, что в таких реальных училищах, которые имели бы целью подготавливать своих воспитанников к поступлению в высшие специальные или технические училища, нет никакой надобности, ибо для этой цели существуют в достаточном числе гимназии»¹⁵⁹. Они отмечали, что от этого, естественно, произойдет сокращение принимаемых в высшие учебные заведения, так как ежегодно 700—800 человек поступают из реальных училищ, что в общей сложности привело бы к уменьшению числа студентов на 3—4 тыс. человек. Однако «сожалеть о нем, по мнению пяти членов, вовсе не следует, ибо в деле высшего образования важно не столько количество, сколько качество, а это качество терпело и продолжает терпеть крайний ущерб, с одной стороны, от переполнения университетов, а с другой — от понижения нравственного и умственного уровня в специальных училищах, наполняемых почти исключительно воспитанниками реальных училищ»¹⁶⁰.

Однако большинство членов Соединенных департаментов в числе 13 (в том числе Абаза, Кауфман, Каханов, Грот, Бунге) считали, что реальные училища должны быть общеобразовательными учебными заведениями, задача которых заключается в подготовке контингента для поступления в высшие специальные учебные заведения. При обсуждении этого вопроса в Общем собрании Государственного совета также не было достигнуто единой точки зрения. 8 членов Совета (Толстой, Делянов, Вышнеградский, Ванновский и др.) поддерживали мнение 5 членов, полагая, что реальные училища должны состоять из пяти классов, имея своей целью «доставить общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний средней степени»¹⁶¹.

Большинство же Общего собрания в составе 34 чле-

¹⁵⁹ ЦГИА, ф. Департамента государственной экономики, 1887 г., д. 173, л. 562.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же, л. 576.

нов его ¹⁶² поддержали мнение 13 членов Соединенного присутствия, причем аргументировали свою точку зрения довольно своеобразно. «Не нужно забывать,— говорилось в решении большинства,— что классические гимназии при всех неоспоримых их достоинствах достигают своей цели не без жертв. Для многих, даже даровитых, юношей напряженное изучение древних языков оказывается непосильным. Они сначала отстают, потом, не окончив курс, совершенно отпадают, преимущественно к шестому классу. Теперь такие юноши могут переходить в реальные училища и, довершая здесь образование, делаться полезными для общества. С закрытием нынешних реальных училищ им некуда будет деваться [...] Таким образом, из этих юношей будут выходить в полном смысле слова неудачники, которые лишь будут увеличивать собою контингент недовольных — самый опасный элемент в государстве» ¹⁶³. Следовательно, закрытие реальных училищ нанесет серьезный удар по «высшим классам общества», резюмировали свою мысль 34 члена Совета. Причем, по их мнению, этот удар будет «особенно чувствителен для той части обедневшего дворянства, которая не устояла в экономической борьбе с другими классами населения. Разбогатевшие купцы и мещане не будут затрудняться посылать своих детей в гимназии и университеты. У небогатых дворян с закрытием реальных училищ будет отнято единственное отвечающее их средствам реальное образование, позволяющее удерживать детей на службе государству в положении хотя и скромных, но все же независимых от частных лиц» ¹⁶⁴. В результате сложившегося положения, утверждало большинство Совета, «дети дворян, воспитанные в просвещенных обычаях и здравом понимании общественных и государственных обязанностей, быстро станут вытесняться детьми лиц, едва вышедших из зависимого положения и круглого невежества» ¹⁶⁵. Вместе с тем большинство выдвигало еще один аргумент. Пе-

¹⁶² Среди них были председатель Государственного совета вел. кн. Михаил Николаевич, вел. кн. Владимир Александрович и Победоносцев.

¹⁶³ ЦГИА, ф. Департамента государственной экономии, 1887 г., д. 173, л. 580.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же.

реименование существующих 104 реальных училищ, в которых обучается свыше 20 тыс. детей, приведет к тому, что родители их, принадлежа в значительной своей части к дворянам и чиновникам, не захотят оставлять их в этих учебных заведениях. «Только крайность,— указывали они,— может заставить их (т. е. родителей.— П. З.) подчиниться тягостной необходимости видеть сыновей на службе промышленных тузов или купцов и фабрикантов в подчиненном положении среднего техника, приказчика или мастерового»¹⁶⁶. В силу этого все ринутся определять своих детей в гимназии, что потребует открытия новых, так как существующие не смогут удовлетворять необходимой потребности.

Эти аргументы, естественно, не могли не повлиять на Александра III, считавшего себя «первым дворянином» в России. Просматривая журнал, он наложил следующую резолюцию: «Проект оставить без последствий. Я дал на то Мин[истру] Народного Просв[ещения] указания по этому предмету»¹⁶⁷.

В октябре 1887 г. Делянов внес в Государственный совет измененный проект «О реальных и промышленных училищах», в котором, согласно воле императора, реальные училища должны были иметь шестиклассный срок обучения. Однако во всем остальном проект оставался прежним¹⁶⁸. Реальные училища по-прежнему превращались в учебные заведения, рассчитанные на то, чтобы давать общее образование лицам, поступающим в среднетехнические училища. Проект даже не предполагал расширения программы в результате увеличения продолжительности курса с пяти до шести лет. Таким образом, Делянов, получив указания царя о сохранении шестилетнего курса в реальных училищах, всё остальное оставил по-старому в соответствии с прежним проектом. Соединенные департаменты, обсуждая это представление в ноябре 1887 и январе 1888 г. и одобрив проект организации промышленных училищ, вместе с тем усомнились в необходимости коренной реорганизации существующих реальных училищ, предложив «выделить вовсе вопрос об этих училищах из обсуждаемого дела».

¹⁶⁶ Там же, л. 579.

¹⁶⁷ Там же, л. 581.

¹⁶⁸ Там же, 1888 г., д. 50.

11 марта 1888 г. Делянов представил новый проект устава реальных училищ. На сей раз обсуждение проекта не встретило в Соединенных департаментах серьезных разногласий. Утвержденный проект устава сохранил существующую организацию реальных училищ. В решении указывалось, что помимо шести основных классов при реальных училищах «состоят приготовительные классы, где содержание их окажется возможным по имеющимся средствам»¹⁶⁹. Пятые и шестые классы «соответственно местным потребностям» могли состоять из двух отделений: основного и коммерческого (или какого-либо иного). Наконец, в четвертом пункте решения указывалось, что «в основном отделении может быть учреждаем еще один высший дополнительный класс, предназначенный преимущественно для приготовления учащихся к поступлению в высшие учебные заведения»¹⁷⁰.

Таким образом, стремление Толстого — Делянова ликвидировать реальные училища как среднеучебные заведения не увенчалось успехом.

* * *

Преклонение деятелей Министерства народного просвещения перед классической системой гимназического образования все же не исключало понимания ими отдельных, по их мнению частных, недостатков этой системы, недостатков, непрерывно критикуемых на страницах печати. «Я не могу,— писал Делянов в 1889 г. в одном из своих представлений в Государственный совет,— умолчать о некоторых обнаружившихся за эти 18 лет (1871—1889 гг.) неправильностях и некоторой односторонности в применении распоряжений Министерства народного просвещения по учебной части, что отразилось неблагоприятно на успехе преподавания отдельных предметов. Так, например, в преподавании древних языков, говоря вообще, возобладало до некоторой степени одностороннее грамматическое направление, так что прохождение подробного курса грамматики и упражнения в переводах с русского языка на древние отдельные фраз и искусственно составленных отрывков оттеснили

¹⁶⁹ Там же, д. 205, л. 60.

¹⁷⁰ Там же.

на второй план чтение и объяснение писателей и самые тексты писателей нередко служили главнейше как бы материалом для устных и письменных упражнений в этимологических формах и синтаксических оборотах»¹⁷¹.

В связи с этим весной 1889 г. была создана многочисленная комиссия под председательством Волконского, которой была поставлена задача пересмотреть существующие программы. Перед Комиссией были поставлены следующие четыре условия: «1) *сохраняя ныне действующую систему классического образования*, сократить и упростить программы без ущерба, однако, для основательности образования»¹⁷². Вторым условием было предложение сосредоточить изучение грамматики древних языков в младших классах, а в старших отвести больше времени чтению текстов античных писателей. Третьим условием являлось предложение облегчить домашние задания гимназистов, наконец четвертое — наиболее равномерно распределить недельные уроки.

В результате работы этой Комиссии Делянов в марте 1890 г. внес в Государственный совет представление «Об изменении таблицы числа недельных часов в мужских гимназиях»¹⁷³. В своём представлении Делянов предлагал несколько сократить число недельных уроков по древним языкам: с 49 до 46 по латыни и с 36 до 35 по греческому¹⁷⁴. Вместе с тем преподавание естественной истории, введенное в 1877 г., должно было быть исключено из учебных планов. «Я,—писал Делянов,—признаю безусловно необходимым исключить естествоведение из числа предметов гимназического курса [...] Хотя изучение этого предмета и признается бесполезным, ибо он знакомит учеников с окружающими нас производителями трех царств и вместе с тем развивает в учащихся ценную способность наблюдения и сравнения вещественных предметов, тем не менее содействие

¹⁷¹ С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 633.

¹⁷² Там же, стр. 634.

¹⁷³ В октябре 1889 г. Делянов внес в Государственный совет представление «Об увеличении срока летних каникул, как в средних, так и в низших учебных заведениях», которое рассматривалось вместе с первым.

¹⁷⁴ В изучении древних языков считалось, что «главнейшим предметом занятий на уроках древних языков должно быть чтение, толкование и перевод на правильный литературный русский язык древних авторов» (ЦГИА, ф. Департамента государственной экономики, 1890 г., д. 267, л. 18).

этого предмета формальному развитию учащихся может быть только весьма ограниченное»¹⁷⁵. Помимо этого Делянов указывал, что изучение естественной истории могло бы принести какие-либо плоды, если бы этому предмету было отведено 8 часов в неделю, что сделать невозможно. Сокращалось число недельных уроков по географии с 10 до 8. Вместе с тем по ряду предметов предполагалось увеличение. По закону божьему — на 2 недельных часа, по русскому языку — на 1 час, при этом рекомендовалось «заменить преподавание истории русской литературы чтением и разбором наиболее замечательных произведений русской словесности». Как известно, критерий «замечательности» может быть различным.

По истории предлагалось заменить в младших классах эпизодический курс элементарным. Рекомендовалось некоторое перераспределение часов внутри этого предмета с увеличением времени на изучение отечественной истории. Предполагалось также увеличение на два недельных часа уроков по чистописанию.

Анализируя представленный проект, надо отметить его реакционный характер. Если не считать некоторого, впрочем очень небольшого, сокращения часов по древним языкам, что, кстати говоря, было вынужденным, и некоторого ослабления внимания к латинской и греческой грамматике, все остальное преследовало ретроградно-охранительные цели: увеличение часов на изучение закона божьего, исключение из учебного плана естественной истории, ликвидацию систематического курса истории русской литературы. Все это достаточно ясно говорит о том, какими соображениями руководствовались составители представленного в Государственный совет проекта.

В апреле и середине мая 1890 г. в Соединенных департаментах законов и государственной экономики рассматривались как это представление, так и внесенный ранее проект о продлении летних каникул до двух месяцев.

Второй вопрос не вызвал каких-либо возражений, а по первому возникли серьезные разногласия, свидетельствовавшие об отрицательном отношении большинст-

¹⁷⁵ Там же, л. 22.

ва членов Государственного совета к классической системе.

Характеризуя обстановку на первом заседании Соединенных департаментов, Половцов в дневнике пишет: «Заседание Соединенных департаментов по представлению Делянова о сокращении числа уроков в гимназиях. Представление в сущности ложь, потому что занятия скорее умножаются, чем уменьшаются, но, чтобы удовлетворить общему неудовольствию, сокращается весьма небольшое число уроков по латинскому и греческому языкам. Совет переносит вопрос на сокращение классического обучения, и в том смысле говорят Редкин, Бунге, Филиппов, Вышнеградский. Кончается тем, что все присутствовавшие, за исключением Делянова, считают нужным сократить 14 еженедельных уроков греческого и латинского [...] Оставшись в одиночестве, Делянов после пятичасовых прений заявляет, что должен обдумать и сообразить этот вопрос»¹⁷⁶.

В результате трехдневного обсуждения Делянов несколько уступил в вопросе о недельных часах по латыни (с 46 до 42), но по всем остальным пунктам оставался непоколебимым. Его поддерживали Победоносцев, Островский и Плеве. Остальные 16 членов Соединенных департаментов считали, что установление 42 недельных часов по латыни слишком много. Они предлагали 36, а остальные 6 — на естествознание, полагая, что «знакомство с окружающей нас природою, — говорилось в мнении 16 членов, — составляет необходимую принадлежность общего среднего образования [...] совершенное незнание гимназистов с основанием естественных наук составляло бы чувствительный пробел в их знаниях и затрудняло бы для них, как это было до сих пор, прохождение курса высших прикладных наук»¹⁷⁷. Большинство Соединенных департаментов выступало также и против ликвидации курса истории русской литературы. Необходимость ликвидации этого курса, по мнению меньшинства, заключалась в неудовлетворительности преподавания данного предмета, «закрывающегося нередко в том, что учителя не читают самих

¹⁷⁶ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 272—273.

¹⁷⁷ ЦГИА, ф. Департамента государственной экономики, 1890 г., д. 267, л. 136.

произведений словесности, а излагают чужие, часто весьма неудовлетворительные мнения об этих произведениях, что ведет лишь к резонерству»¹⁷⁸. Подобные доводы казались большинству неубедительными.

В Общем собрании Совета, происходившем 28 мая, за предложение меньшинства выступало пять человек (из них трое, принадлежавших к меньшинству Соединенных департаментов,— Победоносцев, Делянов, Островский). Кроме того, в составе меньшинства находились министр внутренних дел Дурново и член Совета П. И. Саломон. Остальные же 34 человека были против, поддерживая мнение 16-ти. «В Совете,— пишет Половцов в записи за этот день,—слушается дело о числе уроков греческого и латинского. Абаза язвительно смеется над Деляновым, который просит прощения в том, что так легкомысленно три раза переменил мнение»¹⁷⁹.

Таким образом, большинство как Соединенных департаментов, так и Общего собрания Государственного совета высказалось против представления Делянова. Однако император утвердил мнение меньшинства. Тем самым Делянову путем незначительного сокращения преподавания латыни и греческого удалось исключить из преподаваемых предметов русскую литературу и естественную историю.

Начальная школа в рассматриваемый нами период не испытала каких-либо кардинальных изменений, за исключением большого развития школ духовного ведомства. Еще в конце 70-х годов, точнее в 1879 г., Комитет министров рассматривал вопрос «о предоставлении православному духовенству надлежащего влияния на народное образование» в связи с обсуждением мер, направленных к пресечению «противоправительственной пропаганды», т. е. революционных идей. Комитет министров «выразил единогласное убеждение, что духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству пре-

¹⁷⁸ Там же, д. 267, л. 137.

¹⁷⁹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 291.

обладающего участия в заведовании народными школами»¹⁸⁰. Однако практически этот вопрос был решен только в 1884 г. изданием 13 июня Положения о церковноприходских школах, подчиненных Синоду. По этому закону церковноприходские школы и школы грамотности должны были быть сосредоточены в ведении духовного ведомства¹⁸¹. Тем самым был сделан решительный шаг по пути клерикализации начальной школы, о чем мечтал Победоносцев.

Сама организация этой школы, руководимой приходскими священниками, вызывала серьезные опасения, имея в виду занятость священников ежедневными службами и требами, что, естественно, нарушало бы нормальный ход занятий. Это опасение высказывал даже и Катков, ярый поборник всякого рода реакционных мероприятий¹⁸². Церковноприходские школы начали расти буквально как грибы после дождя. Если к 1884 г. число их составляло 4 тыс.¹⁸³, то к середине 90-х годов, по данным Синода, число их в 1893—1894 гг. достигло огромной цифры — 31 835¹⁸⁴. При этом число учащихся в них составляло почти 1 млн. (981 076 человек)¹⁸⁵. В 1893 г. содержание этих школ обходилось в 3 079 685 руб.¹⁸⁶

В начале 90-х годов происходит новое наступление на светскую начальную школу. Деляновым в 1891 г.

¹⁸⁰ «Исторический обзор деятельности Комитета министров», т. IV, стр. 417.

¹⁸¹ В соответствии с этим еще в 1883 г. Министерство народного просвещения перечисляло ежегодно Синоду 55 500 руб., назначенных на пособия церковноприходским школам и на содержание школ, содержимых духовенством (см. *С. В. Рождественский*. Указ. соч., стр. 651).

¹⁸² См. «Московские ведомости», 14 и 15 декабря 1884 г. Передающая статья.

¹⁸³ См. *С. В. Рождественский*. Указ. соч., стр. 650. В 70-х годах число этих школ доходило до 118 тыс.

¹⁸⁴ См. «Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III», стр. 712.

¹⁸⁵ См. там же, стр. 714.

¹⁸⁶ См. там же. Согласно всеподданнейшему отчету обер-прокурора Синода, с 1894—1895 гг. на устройство и организацию школ церковноприходских и грамоты отпускалось только из средств казначейства 3 279 645 руб. помимо единовременных выдач, а также других сумм, в частности земских. Из 228 земств субсидии церковноприходским школам в 1885 г., выдавали 51, в 1890 г. — 96, в 1895 г. — 144 (см. *Б. Веселовский*. История земства за сорок лет, т. I. СПб., 1909, стр. 491).

издается циркуляр, предписывающий при открытии школ, подведомственных Министерству народного просвещения, «входить в предварительное сношение с епархиальным начальством»; однако, согласно разъяснению Сената, органы народного просвещения не обязаны были принимать «сообщенный отзыв епархиального ведомства к неперемennomу исполнению и ставить открытие новых светских школ в зависимость от согласия духовного начальства»¹⁸⁷. Это все же крайне затрудняло деятельность органов народного просвещения. Нет слов, что в течение второй половины 80-х и начала 90-х годов число церковноприходских школ значительно возросло. Однако, отсутствие прочной организации их и желание местного епархиального начальства рапортовать об их усиленном росте приводили к недостаточно точному учету числа их. При этом естественно, что эти неточности характеризовались не преуменьшением, а преувеличением.

На этот счет мы имеем прямое довольно авторитетное свидетельство генерала Киреева, в осведомленности которого нельзя сомневаться. 5 июня 1894 г. он заносит в свой дневник следующее: «Гр. Толстой, министр [внутренних] дел, говорил Георгиевскому, что, по его совершенно точным сведениям, церковные школы существуют только на бумаге. Это подтверждает и Саша. Один предводитель дворянства говорил Георгиевскому, что в его местности, по отчетам церковного ведомства, считается 104 (или 94) школы. В действительности же есть 4 или 5. Да,— с грустью замечает Киреев,— а как радостно была встречена весть о передаче школ в ведение Святейшего Синода»¹⁸⁸.

Можно допустить здесь известное преувеличение, однако, бесспорно, в действительности этих школ было значительно меньше.

Итак, в силу целого ряда причин (условий для правильной организации церковноприходских школ, противодействия местной земской общественности и др.) правительству не удалось ликвидировать начальную светскую школу.

¹⁸⁷ С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 652.

¹⁸⁸ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Киреева, к-11, л. 338. Об этом косвенно говорится также в указанной выше передовой статье Каткова о церковноприходских школах.

ГЛАВА VIII

КОНТРРЕФОРМЫ

а) ЗАКОН О ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКАХ

В конце 1885 г. Министерство внутренних дел, а точнее, Пазухин приступил к разработке проекта контрреформ, и весной 1886 г. работа была закончена. Мы не располагаем этим первоначальным проектом, по-видимому не сохранившимся, однако имеем ряд свидетельств о нем. Это свидетельства Победоносцева, самого Пазухина и Феоктистова, переданные последнему министром государственных имуществ Островским.

Как рассказывает Феоктистов в своем дневнике, Пазухин разрабатывал проект единолично, не советуясь даже с Толстым. Этот проект предусматривал создание института земских начальников, а также реформу земства. В марте 1886 г. записка была окончена и представлена Толстому, который, по словам Феоктистова, «был в совершенном от нее удовольствии»¹. Однако Толстой все же решил познакомить с ней своих ближайших коллег, прежде чем представить проект Александру III и внести на обсуждение в Государственный совет. 2 апреля он пригласил к себе Победоносцева, Островского и министра юстиции Манасеина, которым за несколько дней до этого был разослан проект Пазухина. Присутствовал на этом совещании и последний. «Увы,— рассказывает, по-видимому со слов Островского, Феоктистов,— тотчас обнаружилось резкое несогласие. Дело в том, что никто не оспаривал коренных на-

¹ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. Феоктистова, 9120, ЛII б. 12, л. 8.

чал реформы, все соглашались в необходимости установить твердую власть в крестьянском управлении, поставить земство так, чтобы оно служило одним из органов правительства, а не находилось в какой-то бессмысленной к нему оппозиции, но вместе с тем все указывали на вопиющие недостатки и несообразности проекта. Пазухин возражал далеко не убедительно, а Толстой почти вовсе ничего не возражал. Им овладело крайнее уныние»². Далее Феоктистов сообщал, что главным оппозиционером проекту Толстой считал Манасеина и собирался жаловаться на него царю.

Однако дело было не в Манасеине, так как не только Победоносцев и Островский солидаризировались с ним, но даже ближайший сотрудник Толстого, товарищ министра внутренних дел Плеве, как рассказывает Феоктистов, ознакомившись с проектом, высказался о нем отрицательно³. Итак, проект Пазухина потерпел фиаско.

О том же сообщает Победоносцев в своем письме к Александру III от 18 апреля. В данном письме излагается и содержание этого проекта. Проект предполагал создание в уезде института земских участковых начальников. Назначаемый верховной властью земский начальник должен был соединять в своем лице и судебную и административную власть. Таким образом, мировой суд в деревне ликвидировался. Наиболее же сложные судебные дела, по мысли Пазухина, должны были поступать к городским мировым судьям. Жалобы на решения земских начальников предполагалось рассматривать в уездном съезде этих начальников. Предусматривалось также изменение системы выборов в земство, а вместо управы создание исполнительного органа — присутствия по земским делам, составленного из местной администрации с участием двух членов от земства.

Победоносцев указывал, что все лица, обсуждавшие проект, были согласны с основной его мыслью, «но, когда дело дошло до подробностей, возникло недоумение. Оказалось с первого раза крайне затруднительным соединить в лице земского начальника власть административную с судебною властью в том виде, как пред-

² Там же.

³ Запись за 10 апреля 1886 г.

положено у Пазухина»⁴. Следовательно, основное разногласие возникло в отношении судебных функций земских начальников.

Обратимся к свидетельству самого Пазухина. В письме к Каткову, написанному за несколько дней до происходившего совещания, он сообщал, что записка его произвела первоначально на Победоносцева благоприятное впечатление, однако под влиянием Манасеина он изменил свою точку зрения. По словам Пазухина, Манасеин сумел убедить Победоносцева: «1) что по отношению к крестьянскому делу реформа должна ограничиться передачей надзора за крестьянским управлением нынешним мировым судьям и 2) что следует оставить за земскими собраниями известное влияние на назначение должностных лиц, хотя бы в форме избрания кандидатов. Это,—замечает Пазухин,—довольно известная либеральная программа. Я хотел и сумел Победоносцева склонить к здравому взгляду на дело, но ручаться за него нельзя. Манас[еин] на него сильно влияет»⁵.

В другом своем письме, написанном уже после совещания, в апреле, Пазухин сообщал о положении дел следующее: «Результат бывшего совещания министров был понят праздным Петербургом в смысле победы Манасеина над Толстым, либерализма над реакцией. Нельзя быть уверенным, что Победоносцев освободится из-под влияния Манасеина. Это человек умный, с сильным характером и страшно самолюбивый; раз высказавшись против самых оснований реформы, он не отступится от этого мнения и будет держать в плену ум и слабую волю Констан[тина] Петр[овича]. На Островского тоже надеяться нельзя. Твердых принципов он не имеет»⁶. Однако Пазухин все же не терял надежды воздействовать на Победоносцева, «освободить его из-под влияния» Манасеина. Так, когда летом 1886 г. Победоносцев, направляясь на юг, должен был на несколько дней остановиться в Москве, Пазухин пишет Каткову специальное письмо с просьбой воздействовать на обер-прокурора Синода⁷.

⁴ «Письма Победоносцева к Александру III», т. II, стр. 105—106.

⁵ Отдел рукописей ГБЛ, ф. Каткова, д. 19, л. 101.

⁶ Там же, л. 102.

⁷ Там же, л. 103. Письмо от 7 июня 1886 г.

В течение 1886 г. проект контрреформ разрабатывается в Министерстве внутренних дел. Для рассмотрения его по указанию Толстого было создано при Министерстве Особое совещание. Совещание это состояло из 10 человек и возглавлялось товарищем министра кн. К. Д. Гагариным; фактически же основной фигурой в нем был Пазухин. В составе его был ряд губернаторов: симбирский — Долгово-Сабуров, владимирский — Судиненко, костромской — Калачев, вятский — Анисьин, а также губернских предводителей дворянства: псковский — Зарин, саратовский — Кривский, тамбовский — Кондоиди и харьковский — Шидловский.

Особое совещание обсуждало проект Пазухина на 17 заседаниях, происходивших в сентябре — ноябре 1886 г. Совещание по основному вопросу, вызывавшему возражения, — предоставление земскому начальнику судебной власти — высказалось положительно. Только один член Особого совещания, Шидловский, выступил решительно против этого, заявив, что «ни в отечественном, ни в иностранном законодательствах нельзя найти примера предоставления столь обширных полномочий не только отдельным должностным лицам, но даже и целым коллегиям»⁸. Особое совещание внесло в проект лишь незначительные изменения, преимущественно редакционного характера⁹.

18 декабря Толстой представил Александру III всеподданнейший доклад, в котором излагалась программа намеченных преобразований¹⁰. Она состояла из шести пунктов: «1) Для заведования крестьянскими делами и для поддержания порядка в сельской жизни должны быть учреждены административные органы управления

⁸ ЦГИА, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 2, д. 1838, л. 420.

⁹ Наиболее существенным из них было изменение ст. 3, предусматривавшей невключение в состав земских участков только тех городов, которые имели отдельную от уездной городскую полицию. Таким образом, проект Пазухина предусматривал распространение власти земского начальника по крайней мере на все уездные города.

¹⁰ ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 241, д. 51. На первом листе рукою И. Н. Дурново написано: «Этот доклад покойного гр. Толстого, как интересный исторический документ, высочайше повелено хранить в архиве Мин[истерства] внут[ренних] дел».

с единоличной властью, пределы коей должны находиться в соответствии с действительными нуждами сельского населения. Означенные органы управления должны быть введены в связь через посредство губернских учреждений с центральной правительственной властью. 2) Земские и городские учреждения должны быть введены в общий строй государственных установлений. Лежащие в основе сих учреждений начала общественного самоуправления должны быть заменены началом государственного управления через посредство и при содействии представителей местного населения. 3) Власть министра внутренних дел по надзору за земскими, городскими и крестьянскими учреждениями должна быть поставлена в условия, при коих министр мог бы оказывать большее, чем ныне, влияние на деятельность этих учреждений. 4) Начало выборов при замещении должностей по местному управлению должно быть ограничено в своем применении до пределов крайней в том необходимости и заменено системою правительственного назначения. 5) Дворянству должно быть предоставлено большее, чем ныне, участие в делах местного управления. 6) Дела по мало-важным поступкам должны быть переданы от судебных установлений в ведении учреждений, находящихся в непосредственной связи с административной властью»¹¹.

Далее Толстой указывал на необходимость реформы и в области суда с таким расчетом, чтобы несколько сузить функции судебных учреждений, передав часть их административной власти. Отмечая невозможность проведения реформы местного управления одновременно, министр полагал, что сначала следовало бы провести реформу крестьянского управления, затем земскую.

Изложив всю намеченную программу преобразований в целом, Толстой переходит к подробному рассмотрению каждой из предполагаемых реформ в отдельности. По его мнению, заведование крестьянским управлением должно быть сосредоточено в ведомстве Министерства внутренних дел и поручено земскому начальнику, которому надлежит предоставить смешанную админи-

¹¹ Там же, л. 27—29.

стративно-судебную компетенцию. Земский начальник должен заниматься следующими вопросами: 1) решением земельных вопросов в пределах компетенции существующих уездных по крестьянским делам присутствий; 2) надзором за всеми крестьянскими учреждениями, как административными, так и волостными судами; 3) разрешением маловажных гражданских и уголовных дел, возникающих в уезде.

Земские начальники должны были назначаться министром внутренних дел по представлению губернатора и предводителя дворянства из числа местных дворян, обладающих тройким цензом: должностным, имущественным и образовательным.

Второй инстанцией института земских начальников намечался коллегиальный орган — уездный съезд земских начальников под председательством уездного предводителя дворянства. При рассмотрении административных дел на заседания должен был приглашаться исправник, а судебных дел — товарищ прокурора окружного суда.

Предложения Толстого о земских начальниках мало чем отличались от первоначального варианта Пазухина. Единственное существенное различие заключалось в том, что Толстой не ставил вопроса о ликвидации института мировых судей, а также не распространял власти земского начальника на значительную часть городов. Далее в докладе излагался вопрос о состоянии земства и необходимости коренных реформ в этой области. Критикуя предложения Кахановской комиссии, Толстой отмечал, что состояние земских учреждений может улучшиться только тогда, когда будет устранен «основной недостаток сих учреждений, состоящий в том, что они не введены в общую систему государственного управления и представляются особыми общественными органами, независимыми от правительственной власти и действующими в круге вверенных им дел совершенно самостоятельно»¹². В соответствии с этим предполагалось превратить земские учреждения в учреждения государственные, подчинив их администрации Министерства внутренних дел. Так, ни одно постановление земских

¹² ЦГИА, ф. Департамента общих дел Мин. вн. д., оп. 241, д. 51, л. 124—125.

собраний не должно было проводиться в жизнь без утверждения губернатором или министром. Земские должностные лица должны были не избираться, а назначаться администрацией. Наконец, предполагалось кардинально изменить систему земских выборов, заменив имущественный ценз сословным по куриям: дворянской, городской и крестьянской. Предполагалось также предоставить льготы крупным земельным собственникам, зачисляя их в состав земских гласных без выборов.

Таково содержание всеподданнейшего доклада Толстого, представлявшего развернутую программу контрреформ. Утверждение сословного феодального принципа вместо имущественного буржуазного, предоставление ведущей роли во всей общественной жизни дворянству, полнейшая ликвидация какой бы то ни было самостоятельности земства — таковы основные положения пазухинско-толстовского плана. «Исторический документ» был одобрен Александром III.

* * *

В соответствии с последовательностью, намеченной в цитированном выше докладе, в Государственный совет был представлен проект реформы крестьянского управления, т. е. введения института земских начальников, разработанный Пазухиным. Это представление, датированное 5 февраля 1887 г., уже в начале месяца находилось в Государственном совете.

Стремясь обеспечить доброжелательное отношение к проекту наиболее влиятельных лиц, Толстой в начале января, т. е. еще до передачи проекта в Государственный совет, обсудил его с Победоносцевым, Островским и Манасеиным. Как утверждает со слов Победоносцева в своем дневнике Половцов, все они согласились с проектом Пазухина¹³. Однако Толстой попытался просто обмануть всех этих лиц, правда безуспешно. Об этом также рассказывает Половцов. «В Государственном совете, — заносит он в дневник 23 февраля, — успеваю иметь объяснение с Победоносцевым, Манасеиным и Островским о внесенном гр. Толстым проекте преобразований мест-

¹³ См. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 6—7.

ного управления, будто бы выработанном по соглашению с ними. Победоносцев говорит, что им сообщены были только общие черты (12 пунктов), но что все дело в подробностях, которые ему совершенно неизвестны, что вообще он в этом вопросе является лицом второстепенным, а главную роль должен играть Манасеин в качестве министра юстиции. Манасеин заявляет мне, что он — противник проекта от начала до конца и будет писать подробное опровержение»^{13 а}.

Таким образом, Толстой, договариваясь с Победоносцевым, Манасеиным и Островским, не познакомил их с проектом в целом, ограничиваясь лишь теми положениями, которые не вызывали, по его мнению, с их стороны возражений.

Обратимся к представлению министра внутренних дел, внесенному им в Государственный совет. Записка министра, предпосланная проекту реформы, повторяла в своих основных чертах аргументацию, изложенную во всеподданнейшем докладе 18 декабря 1886 г., лишь в более пространной форме. Так же как и во всеподданнейшем докладе, изложение дела начиналось с критики предложений Кахановской комиссии. Доказывалось, что все неурядицы в деревне объясняются отсутствием сильной власти. Довольно подробно аргументировалась невозможность одновременной реорганизации всего местного управления.

В записке отмечалась необходимость соединения в лице земских начальников как административной, так и судебной власти. «Всеми признаваемые пагубные для сельской среды последствия безвластия указывают на настоятельную необходимость восстановления административного надзора за сельским населением вообще и в особенности за крестьянским общественным управлением[...] — говорилось в записке. — Но преобразование, направленное к достижению этой цели, не может увенчаться успехом [...] если при осуществлении оного будет повторена роковая ошибка, стоившая так дорого России и состоявшая в допущении одновременного существования двух различных категорий властей: одной — для заведования административной частью крестьянского управления и другой — для разрешения возникающих в

^{13 а} Там же, стр. 26.

сельских местностях мелких судебных дел»¹⁴. При этом в записке указывалось, что передать административные функции по руководству крестьянским общественным управлением существующим мировым судьям невозможно по целому ряду причин. В числе этих доводов фигурировало то, что мировые судьи будут относиться к этим функциям как к второстепенным, к тому же они недостаточно подготовлены к данной деятельности. Кроме того, отмечался тот факт, что мировые судьи будут находиться в двояком подчинении. Наконец, отмечалось, что принцип выборности судей не представляет собою гарантии необходимого влияния правительства. «Какую гарантию,— писал Толстой,— представляет баллотировка в разносословных земских собраниях, состоящих из лиц, не ответственных за свои действия?»¹⁵ Надо сказать, что, ставя вопрос о соединении в лице земских начальников как административных, так и судебных функций, проект не посягал на существование института мировых судей. В нем лишь указывалось на необходимость известного сокращения их числа.

Говоря о роли дворянства, которое одно способно, по мнению министра внутренних дел, проявлять заботу о мужике, Толстой (точнее, Пазухин) писал: «Русское помещичье дворянство в общем строе государства всегда было и доньше осталось не столько сословною, общественною группою, сколько государственным установлением, хранителем преемственных традиций непоколебимой преданности престолу и добросовестного служения народу»¹⁶.

Рассмотрим представленный Толстым проект. Согласно ст. 10 проекта, земскими начальниками могли быть: 1) местные дворяне, прослужившие не менее трех лет предводителями дворянства; 2) состоявшие в военных или классных чинах, в возрасте не моложе 21 года, и если они сами, жена или родители обладали цензом, дающим им право на личное участие в избрании гласных в уездное земское собрание; 3) если лица, претендующие на должность земского начальника, имели высшее образование или трехлетний стаж в должности мирово-

¹⁴ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 15—16.

¹⁵ Там же, л. 14.

¹⁶ Там же, л. 17.

го посредника, мирового судьи, неперменного члена присутствия по крестьянским делам, то имущественный ценз сокращался вдвое. В следующей ст. 2 указывалось, что «при недостатке лиц, имеющих [...] право занять должность земского начальника, на должности эти могут назначаться и местные дворяне, прослужившие не менее трех лет в одной из поименованных в пункте 3 ст. 10 должностей, которые хотя и не владеют пространством земли, указанным в этом пункте, но сохранили усадьбную оседлость в пределах подлежащего уезда»¹⁷. Наконец, в ст. 17 говорилось, что если в уезде не окажется лиц, обладавших указанными выше данными, то министру внутренних дел предоставляется право назначать на вакантные должности и недворян «на основании общих правил об определении к должностям властью правительства»¹⁸.

Анализируя условия, предъявляемые к кандидатам на должность земского начальника, мы видим, что круг этих лиц был довольно обширен, а требования к ним весьма невелики. Чтобы занять должность земского начальника, не требовалось никакого образовательного ценза. Следовательно, любой дворянский митрофанушка, к тому же еще оскудевший и сохранивший после своих родителей одну лишь усадьбу, мог претендовать на этот пост. Необходимо также отметить, что служба по дворянским выборам рассматривалась авторами проекта лучшей школой для «добросовестного служения народу».

Функции земского начальника предполагались весьма разносторонние. Так, по ст. 25 проекта на него возлагалось: «1) заведование крестьянским общественным управлением и ответственность за правильный ход сего управления, 2) производство дел по земельному устройству сельских обывателей различных наименований, 3) разрешение судебных дел...»¹⁹

Наиболее широкие обязанности земского начальника должны были быть в области руководства крестьянским общественным управлением. Ему поручался надзор за всеми учреждениями и должностными лицами

¹⁷ Там же, л. 67.

¹⁸ Там же, л. 68.

¹⁹ Там же, л. 69.

сельского и волостного управлений. Он должен был назначать собрания волостных сходов, утверждать повестку дня их, наблюдать за производством выборов должностных лиц и утверждать избранных, приостанавливать решения волостных судов. Земскому начальнику предоставлялось право удаления неблагонадежных волостных и сельских писарей, а также предания суду представителей волостной и сельской администрации²⁰. В области земельных вопросов ему передавались в основном обязанности мировых посредников. Наконец, судебные функции земского начальника должны были заключаться в рассмотрении значительного ряда дел, возлагавшихся ранее на мировых судей. Рассмотрение гражданских исков земским начальником, так же как и мировым судьей, ограничивалось суммой не свыше 300 руб. Однако по ряду дел, как о потравах и «других повреждениях угодий», а также по всем гражданским делам, возникавшим из договоров о найме на сельские работы, земским начальникам предоставлялись права разбора их «на какую бы то ни было сумму»²¹.

Проект представлял земскому начальнику широкие права и в области наказания представителей сельской администрации. Он мог налагать на должностных лиц административные взыскания, а также подвергать их аресту до 7 дней, либо штрафу в размере 5 руб.²² Согласно ст. 39, земский начальник получал право налагать подобные наказания на крестьян и мещан, а первых даже предавать суду той волости, где совершен проступок²³. На практике это означало бы для земского начальника возможность приговаривать крестьян к телесным наказаниям, так как волостной суд, имевший право пороть их, находился бы в полном его подчинении. К тому же надо отметить, что, согласно ст. 46 проекта, ряд решений земских начальников являлся окончательным и не подлежащим обжалованию. К этим делам относились иски не свыше 30 руб., а также приговоры по уголовным делам, предусматривавшие наказание в виде штрафа в сумме не более 15 руб.

²⁰ Там же, л. 69—70.

²¹ Там же, ст. 29—30, л. 70—72.

²² Там же, л. 73.

²³ Там же.

Второй инстанцией как в административном, так и в судебном отношении, рассматривавшей жалобы на земских начальников, должен был быть уездный съезд земских начальников под председательством уездного предводителя дворянства. Уездный съезд составлялся из всех земских начальников и председателя местной уездной земской управы. На заседаниях съезда на правах членов должны были присутствовать уездный исправник и товарищ прокурора местного окружного суда.

Наконец, третьей инстанцией предполагалось губернское по сельским делам присутствие. В составе этого присутствия, возглавляемого губернатором, должны были находиться губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющие казенной палатой и палатой государственных имуществ, прокурор окружного суда, председатель губернской земской управы и один непременный член. Эти присутствия должны были осуществлять общий надзор «за успешным исполнением земскими начальниками и съездами сих начальников возложенных на них обязанностей»²⁴, а также окончательно разрешать ряд представлений земских начальников, в частности о предании суду должностных лиц сельского и волостного общественных управлений. Несмотря на проектируемые инстанции, долженствующие осуществлять общий надзор за деятельностью земских начальников, вопрос о непосредственном административном подчинении их в проекте оставался по существу открытым. Согласно ст. 48, земские начальники подчинялись «надзору и руководству местных губернатора и губернского по сельским делам присутствия»²⁵, губернатору предоставлялось право при объезде губернии ревизовать делопроизводство земских начальников, но все они в прямом смысле слова губернатору не подчинялись.

Право ревизии деятельности земского начальника предоставлялось уездному предводителю дворянства, однако это являлось «правом», а не «обязанностью».

Проект определил размеры жалованья земского начальника в сумме 2500 руб. в год, включая деньги на разъезды и канцелярские расходы.

²⁴ Там же, ст. 84, л. 79.

²⁵ Там же, ст. 48, л. 74.

Такова вкратце характеристика проекта, намечавшего передачу всей власти в деревне в руки помещного дворянства.

Этот проект был разослан для заключения в ряд министерств и ведомств. Уже с начала марта того же 1887 г. стали поступать в Государственный совет замечания на представление министра внутренних дел.

Наиболее серьезные возражения содержались в отзыве Манасеина. Он отмечал, что, хотя и согласен с Толстым о невозможности «совокупного и одновременного законодательного преобразования всего строя местного управления», тем не менее полагает, что «вполне самостоятельное рассмотрение предложенных преобразований [...] возможно лишь в том случае, если преобразования эти не выходят за пределы частных исправлений существующих органов...»²⁶. Однако предполагаемая реформа не является, по его мнению, таковой, затрагивая весьма существенно институт мировых судей. Далее Манасеин указывает, что создание новых органов надзора за крестьянскими учреждениями по мысли проекта представляет лишь первый шаг в общем плане преобразований. «Между тем,— писал он,— в представлении не содержится данных, намечающих, хотя бы в самых общих чертах, тот путь, коему предполагается следовать в дальнейших преобразованиях по сему предмету»²⁷. В силу этого он считал, что практически невозможно судить о подготавливаемой реформе «без соображения сего проекта, хотя бы с главными основаниями предположенной тем же министерством реформы земских учреждений и уездного управления, а также вызываемым этим проектом коренным преобразованием мировых судебных установлений»²⁸.

Далее министр юстиции переходит к отдельным замечаниям по существу проекта. Во-первых, он останавливается на разборе тезиса о том, что все неурядицы в крестьянском управлении коренятся «единственно или по крайней мере главнейшим образом в слабости и отдаленности органов, надзирающих за сим управлением, и что устранение этой причины поведет к существен-

²⁶ Там же, л. 140.

²⁷ Там же, л. 141.

²⁸ Там же.

ному упорядочению крестьянского дела»²⁹. По мнению Манасеина, это положение остается вовсе не доказанным.

Обращаясь затем к вопросу о соединении в крестьянском управлении административных и судебных функций, Манасеин возражал против утверждения о том, что представителем этой администрации не может быть участковый мировой судья. Он указывал, что некоторые из приводимых в проекте аргументов против такого тезиса, «взятые лишь в обратном смысле, одинаково применимы и против предположенного Министерством внутренних дел способа соединения административной и судебной власти в лице земских начальников»³⁰.

Манасеин останавливается на анализе прав, предоставлявшихся проектом земским начальникам, приходя при этом к заключению, что власть эта будет чрезвычайно велика в отношении как к должностным лицам крестьянского управления, так и к жителям его участка. Министр юстиции убедительно доказывал, что предоставление земскому начальнику права предавать волостному суду лиц, виновных в неисполнении законных требований, в случае если он «найдет недостаточными карательные меры», означало по существу предоставление земскому начальнику фактического права приговаривать к телесным наказаниям³¹, так как «волостной суд в данном случае может явиться только исполнительной инстанцией, не имеющей права входить в обсуждение законности распоряжений земского начальника и обязанного в свою очередь подчиниться его указаниям»³², особенно если иметь в виду, что последний мог налагать на судей дисциплинарные взыскания. Власть земского начальника, указывал Манасеин, представлялась особенно значительной в силу того, что «на большинство постановлений и распоряжений помянутого должностного лица не допускается жалоб по существу»³³. К тому же он отмечает, что деятельность земского начальника будет фактически почти бесконтрольна, так как

²⁹ Там же, л. 141.

³⁰ Там же, л. 142.

³¹ Волостному суду предоставлялось право приговаривать виновных к розгам в количестве до 21 удара.

³² ЦГИА, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 144.

³³ Там же.

право ее ревизии, как указывалось выше, присваивалось только уездным предводителям дворянства.

Манасеин останавливается также на требованиях, предъявляемых к кандидатам на должность земского начальника. Соглашаясь с проектом в части необходимости установления сословного и имущественного ценза, он вместе с тем указывал на существенный пробел, имеющийся в проекте, в отношении игнорирования различия между потомственными и личными дворянами. По его мнению, для личных дворян необходимо было установить двойной имущественный ценз. Существенным недостатком проекта Манасеин считал также отсутствие ценза по образованию. По его мнению, это совершенно не соответствовало предположенной цели реформы «создать в лице лучших людей из поместного дворянства сильную и пользующуюся авторитетом в глазах правительства и местного населения власть, долженствующую упорядочить крестьянское управление»³⁴.

В конце отзыва Манасеин подвергал проект критике с точки зрения организации судебного процесса по «особо упрощенным процессуальным правилам», как именовал гр. Толстой принципы судопроизводства, долженствующие осуществляться в камерах земских начальников. Эти принципы предполагали отмену состязательности процесса, устранение поверенных и отмену формальной силы доказательств.

Министр государственных имуществ Островский в своем кратком отзыве выражал полное сочувствие представленному проекту. Он указывал, что частные замечания будут им сделаны в устной форме на заседании Государственного совета. В своем разговоре с Половцовым он несколько иначе интерпретирует свою позицию. «Островский,— заносит Половцов в дневник 23 февраля,— сообщает, что уведомил Толстого о невозможности в назначенный ему краткий срок написать подробное заключение, что выражает сочувствие общему, лежащему в основе началу, но сохраняет за собой полную свободу обсуждения в Государственном совете»³⁵.

Министр финансов Вышнеградский весьма сочувст-

³⁴ Там же, л. 146.

³⁵ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 28—29.

венно отнесся к проекту Толстого, указывая в своем отзыве, что «предполагаемая реформа действительно необходима для установления прочного порядка в сельских местностях империи и что в главных чертах своих составленный проект соответствует своему назначению»³⁶. «Сердечно желая его полного успеха», Вышнеградский выражал несогласие лишь с отдельными положениями. Наиболее существенным из них был вопрос о судебных функциях земских начальников, что приведет, по его мнению, к тому, что в сельских местностях будут одновременно действовать четыре различных суда: волостной, мировой, окружной и земского начальника. Вышнеградский предлагал либо предоставить земскому начальнику разбор лишь тех судебных дел, которые в свое время были возложены на мировых посредников, либо вовсе ликвидировать мировой суд и все его обязанности возложить на вновь создаваемый институт земских начальников. Вместе с тем он рекомендовал усилить надзор за деятельностью земских начальников. Далее министр финансов предлагал разрешить земским начальникам налагать такие взыскания, какие предоставлены волостным судам, т. е. дать им право применять телесные наказания. Наконец, Вышнеградский указывал на необходимость повысить возрастной ценз до 25 лет, а также уменьшить размер жалованья до 1500 руб. в год.

Государственный контролер Сольский, не давая в своем отзыве общей оценки проекта, также обращал внимание на судебные функции земских начальников. Не возражая против передачи им ведения некоторых судебных дел, он выражал вместе с тем сомнение в правильности распределения этих дел между земскими начальниками и мировыми судьями. Он высказывал опасение, как бы передача земским начальникам некоторых судебных функций не поставила под угрозу существование института мировых судей. Таким образом, Сольский в весьма осторожной форме по существу высказывался против проекта.

Обстоятельный отзыв был представлен Кахановым. Характеризуя существующую систему местных учреждений, он указывал, что они в силу разновременности возникновения их и отсутствия единства во взгляде на

³⁶ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 249.

систему управления представляют собою конгломерат различных наслоений. Поэтому он считал невозможным преобразование отдельных отраслей управления вне их общей связи. Переходя к критике проекта по существу, Каханов писал: «Вновь предположенные органы [...] не предназначены делать ни одного из дел общего управления. Дела эти независимо от задач полиции безопасности сводятся, как известно на практике, в существе к следующим семи отраслям: 1) народное здравие и ветеринарная часть, 2) народное продовольствие, 3) общественное призрение, 4) пожарная и строительная часть, 5) средства сношения и сообщений, 6) народное образование, 7) развитие торговли и промышленности. В этих именно отраслях вся сущность вопроса о местном управлении». Проект не возлагает на земских начальников ни одного из дел по этим отраслям управления, и, следовательно, удовлетворение потребностей по всем этим предметам и после учреждения таковых органов будет производиться «в пределах территории уездов точно так же, как оно производилось до сих пор». Особенно резко Каханов выступил против передачи судебных функций земским начальникам. По мнению Каханова, создание особых судов, подчиненных Министерству внутренних дел и не имеющих никакого отношения к Министерству юстиции и Кассационным департаментам Сената, никоим образом недопустимо, так как процесс судопроизводства будет резко отличаться от основных положений судебных уставов.

Серьезные возражения содержались в отзыве и по отношению к проектируемому цензу. Каханов указывал, что сословному цензу в проекте «не только подчинены, но и принесены в жертву» все остальные требования, как образование и имущественный ценз. По его мнению, сама по себе принадлежность к дворянству не может еще служить залогом «более или менее широкого умственного кругозора, достаточно устойчивого для занятия столь трудной должности...». Он подчеркивал, что условия жизни, и в частности отсутствие материальной обеспеченности, «нередко переламывают не только традиции, но даже убеждения, выработавшиеся в течение долгих лет»³⁷. В заключение Каханов решительно про-

³⁷ Там же, л. 170—175.

тестовал против намечавшегося в проекте порядка обжалования решений земских начальников, исключавшего возможность обращения в Сенат.

Анализируя рассмотренные выше замечания, мы видим, что все они в той или иной форме критиковали представленный Толстым проект. При этом основные возражения касались как критики создаваемого института в целом, так и отдельных сторон его, а именно судебных функций земских начальников, а также устанавливаемого для них ценза.

На все рассмотренные выше отзывы министр внутренних дел, а точнее, опять-таки Пазухин, представил свои возражения, в которых отстаивал представленный проект, не делая никаких уступок, даже и в том случае, если эти уступки вполне согласовались с точкой зрения Министерства внутренних дел. Возражая Вышнеградскому, который в альтернативной форме допускал ликвидацию института мировых судей, Толстой настаивал на его сохранении. Толстой возражал, правда в весьма неубедительной форме, и против предложения Вышнеградского по поводу предоставления земским начальникам права применять телесные наказания. При этом в отношении министра внутренних дел содержался весьма типичный для гоголевских героев взгляд на телесные наказания. «Опыт свидетельствует,— писал гр. Толстой,— что в деле крестьянского управления телесные наказания составляют часто весьма полезный, а в некоторых случаях единственно целесообразный способ воздействия на народ. Местные власти, хотя и не уполномочены к тому существующими узаконениями, нередко прибегают к этой мере, привлекая через посредство волостного начальства крестьян, виновных в неповиновении и дерзости, к расправе волостного суда [...]. При крайне низком нравственном и умственном уровне крестьянского населения,— заключал он,— управление ими невозможно без применения в иных случаях телесных наказаний»³⁸. Смысл этого положения заключается в том, что целесообразнее предоставить земским начальникам возможность наказывать крестьян непосредственно, а через волостной суд. В этом случае земский

³⁸ Там же, л. 232.

начальник оставался в стороне, а крестьян приговаривали бы к порке сами крестьяне.

Возражая на замечания Манасеина относительно бесконтрольности земского начальника, Толстой доказывал, что существо должности земского начальника заключается «в живом, чуждом всякого формализма воздействии на народ», вследствие чего подчинять его обычному контролю невозможно. Касаясь этого же вопроса, он писал: «Неумышленные ошибки и формальные упущения этого должностного лица могут подлежать снисходительной оценке; но тем более строгое осуждение должны вызывать отступления его от требований нравственного долга, хотя бы с формальной стороны такие действия были вполне правильны»³⁹. Так «теоретически» обосновывалась необходимость полнейшей бесконтрольности деятельности земского начальника. На замечание Манасеина о дворянском характере реформы в ответе министра содержалось довольно пространное объяснение в пазухинском духе «об отсутствии антагонизма между дворянством и крестьянством» и утверждение, что предполагаемая реформа будет содействовать «скреплению нравственной между этими классами связи»⁴⁰.

* * *

В силу того что проект реформы, представленный гр. Толстым, вызвал отрицательное к себе отношение со стороны ряда лиц, необходимо было достигнуть предварительного соглашения хотя бы между некоторыми, наиболее заинтересованными министрами и должностными лицами. Как уже говорилось выше, попытки такого соглашения до внесения проекта реформы в Государственный совет потерпели неудачу.

В своем дневнике Половцов рассказывает, что еще в ноябре 1887 г. председатель Государственного совета вел. кн. Михаил Николаевич передал ему, что Александр III обязал Толстого до внесения в Государственный совет своего ответа на замечания Манасеина собрать заинтересованных министров и прийти к предваритель-

³⁹ Там же, л. 316.

⁴⁰ Там же, л. 333.

ному соглашению, дабы при обсуждении они были еди-
нодушны⁴¹.

Толстой всячески оттягивал созыв этого «согласитель-
ного» совещания. По свидетельству Половцова, это со-
вещание состоялось только 17 января 1888 г., да и то
без особых результатов⁴².

Дальнейшие «согласительные» совещания происходи-
ли уже без участия Толстого. Представителями Минис-
терства внутренних дел выступали на них Плеве,
кн. Голицын и Пазухин. Эти совещания не увенчались
большим успехом, и единомыслия достигнуто не было.
Ни к чему не привело и совещание в Государственном
совете, созванное по инициативе его председателя. На
этом совещании, происходившем 28 марта 1888 г., по-
мимо Островского, Манасеина и Победоносцева присут-
ствовали вел. кн. Михаил Николаевич, министр финан-
сов Вышнеградский, председатель Департамента зако-
нов бар. Николай, председатель Департамента государ-
ственной экономии Абаза и Половцов. «Вел. князь,—
пишет Половцов в дневнике,— после комплиментов Тол-
стому ставит прочим министрам вопрос о том, во всем
ли они согласны с проектом [...] Островский принимает
на себя роль лидера и отвечает, что согласны в общих
линиях, но не в мелких подробностях, о коих сохра-
няет за собой свободу слова в Совете. Манасеин указы-
вает на то, что до сих пор не разграничена компетент-
ность между участковыми [начальниками] и мировыми
судьями, а Вышнеградский настаивает на том, что ни-
когда не согласится на высокий оклад (2500 руб.),
присваиваемый новым должностям. По последнему по-
воду возбуждается общий финансовый вопрос, о коем
Толстой не заботится. Тягость эту Толстой оценивает в
два с половиной миллиона, а Николай в четыре, что муд-
рено возложить на земство, уже и теперь обремененное
земскими налогами»⁴³. В заключение совещания бар.
Николай заявил, что обсуждение проекта закона невоз-
можно будет закончить до весенних каникул, а Абаза
предложил перенести его на осень, что и было принято

⁴¹ См. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова»,
т. II, стр. 47.

⁴² См. там же, стр. 74.

⁴³ Там же, стр. 96.

всеми присутствовавшими⁴⁴. Подобное решение устраивало всех противников проекта, заинтересованных в том, чтобы возможно дольше затянуть обсуждение его в надежде на весьма быстро прогрессирующую болезнь министра внутренних дел.

Несмотря на непримиримую позицию, занятую как Толстым так и его сподвижниками, критика представленного проекта большинством влиятельных членов Государственного совета возымела свое действие. Если второй вариант проекта, представленный министром внутренних дел в ноябре 1887 г., не содержал в себе каких-либо существенных изменений по сравнению с первым, то третий отличался от первых двух. Последний вариант, датированный 8 марта 1888 г., содержал в себе новую формулировку судебных функций земских начальников⁴⁵. Так, ст. 29, определявшая эти функции, гласила, что ведению земского начальника «в порядке судебно-полицейского разбирательства» подлежат дела по спорам не свыше 500 руб., возникающие по вопросам о найме земельных угодий, найме на сельскохозяйственные работы, по делам о восстановлении нарушенного владения, о потравах и других повреждениях угодий. Дела о порубке леса также подлежали рассмотрению земского начальника, если сумма иска не превышала 300 руб. Таким образом, проект предусматривал известное сокращение судебных функций. Кроме того, по-новому формулировалась ст. 39, пункт 1, трактовавшая о праве земского начальника подвергать наказанию за поступки «против порядка управления, общественного благоустройства и благочиния». Если ранее земскому начальнику предоставлялось право подвергать наказанию и мещан, то в этом варианте проекта о мещанах вовсе не упоминалось. Был изменен также пункт, предусматривавший право земского начальника предавать крестьян волостному суду, т. е. подвергать их телесному наказанию. В новой редакции этот пункт означал, что в

⁴⁴ О результатах этого совещания Половцовым была составлена особая записка, представленная 30 марта царю (ЦГИА, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 552а—552в). Описание совещания целиком совпадает с записью в дневнике.

⁴⁵ Там же, л. 532—549. Это явилось результатом соглашения Толстого с Манасеиным.

случае, если крестьянин заслуживает более строгого наказания (нежели мера взыскания, представлявшаяся земскому начальнику), то земскому начальнику дается право сделать распоряжение «о направлении дела в установленном судебном порядке»⁴⁶. Правда, эта редакция не исключала, по-видимому, возможности передачи дела и волостному суду.

* * *

В течение 1888 г. в Государственный совет продолжали поступать отзывы на проект реформы. В начале года весьма резкий отзыв был представлен председателем Департамента законов бар. Николаи. Автор отзыва концентрировал внимание на двух основных вопросах: дворянском характере реформы, а также судебно-полицейских функциях, предоставлявшихся по проекту земским начальником. По первому вопросу Николаи отмечал откровенно дворянско-сословный характер института земских начальников. «Весьма нетрудно будет внушить крестьянину, — писал он, — что новое учреждение есть не что иное, как косвенное восстановление вотчинной полиции, что крестьянское население вновь отдается в полную власть помещиков, которые стремятся к восстановлению крепостного права»⁴⁷. Николаи считал целесообразным предоставить правительственным органам назначать на должность земских начальников тех, кого они сочтут нужным, независимо от сословной принадлежности. По второму вопросу он доказывал нецелесообразность восстановления на расширенной основе административно-полицейских судов, ликвидированных в начале 60-х годов. «В отношении дел уголовных, — писал он, — суд этот имеет более вид расправы, нежели правильного суда, ибо единоличный судья есть вместе с тем и полицейский исполнитель своих решений»⁴⁸.

Осенью того же года в Государственный совет поступило два отзыва на проект, содержащих также резкую критику предполагаемой реформы. Первый принадлежал члену Государственного совета статс-секретарю

⁴⁶ Там же, л. 538—540.

⁴⁷ Там же, л. 512.

⁴⁸ Там же, л. 515.

Б. П. Мансурову, второй — министру императорского двора гр. Воронцову-Дашкову.

По мнению Мансурова, реформа местного управления должна была заключаться в усилении как полицейских, так и судебных органов, а не в создании какого-то промежуточного института, объединявшего и те и другие функции. «Отделение власти административной от власти судебной,— писал он,— есть краеугольный камень всякого благоустроенного государства, и это верно не только по теории, но еще гораздо более на практике...» Мансуров считал, что «объединение и усиление административной власти в уезде должно быть отыскиваемо вовсе не путем передачи администраторам каких-либо судебных функций, а, совершенно наоборот, посредством возврата им всего того, что из их ведомства было изъято вследствие разных или случайных, или преходящих обстоятельств». Касаясь явно выраженного дворянского характера реформ, Мансуров писал: «Даже при полном сочувствии к мысли Министерства, да позволено будет сказать, что предположение это принадлежит к числу таких вещей, которые делаются, но не провозглашаются в законодательном акте»⁴⁹.

Второй отзыв — министра императорского двора гр. Воронцова-Дашкова — существенно отличался от всех поступивших ранее. Он не только содержал серьезную критику представленного проекта, но и заключал в себе позитивное решение вопроса, разработанного отнюдь не в либеральном плане. Это предложение могло послужить исходным пунктом для составления иного проекта реформы местного управления, о чем многие мечтали.

В дневнике Половцова содержится ряд записей о беседах его по поводу необходимости подобного контрпроекта. Так, в записи за 10 ноября он передает свой разговор с бар. Николаи о невозможности ограничиваться только критикой проекта Толстого. «Ба[рон] Николай, — пишет Половцов, — считает необходимым выработать нечто похожее на контрпроект, приведя оппозицию Толстого к соглашению»⁵⁰. Такой же разговор он

⁴⁹ Там же, л. 571—575.

⁵⁰ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 98.

ведет и с Победоносцевым на другой день, причем обер-прокурор Синода соглашается с Половцовым о необходимости подобного контрпроекта⁵¹.

Обратимся к отзыву Воронцова-Дашкова. В начале своего весьма пространного по объему отзыва министр Двора указывал на невозможность рассмотрения проектов, затрагивающих отдельные отрасли местного управления, имея в виду намечающееся преобразование всей системы в целом. В силу этого он считал невозможным отдельное обсуждение проекта закона о земских начальниках.

Основной недостаток предполагаемой реформы Воронцов усматривал в том, что она не только не устранил имеющегося порока в системе местного управления, но и, наоборот, усилит его. «Главнейший недостаток нынешней системы уездного управления, — писал он, — заключается в чрезвычайном обилии отдельных уездных властей и мест, вследствие чего образовалось в уезде многоначалие при фактическом безвластии [...] При осуществлении же представленного проекта еще более увеличится многоначалие учреждением в уезде взамен одного коллегиального крестьянского присутствия нескольких самостоятельных, обладающих обширной властью и никому не подчиняющихся, кроме губернатора, земских начальников»⁵².

Далее в отзыве содержалась подробная критика проекта, в том числе с финансовой точки зрения. Воронцов указывал, что возлагать на земство новое бремя расходов невозможно, так как многие земские учреждения не в силах выплачивать жалованье фельдшерам, учителям и другим служащим.

Позитивная точка зрения, представлявшая собой, собственно, иной проект этой реформы, заключалась в предложении создать институт уездных начальников, объединяющий в своих руках все функции административной власти. «Объединяя собой все отдельные части местного уездного управления и направляя деятельность их согласно с видами правительства, он должен был быть ответственным за благоустройство, безопас-

⁵¹ См. там же, стр. 102.

⁵² ЦГИА, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 580.

ность и порядок в уезде»⁵³. Уездный начальник, назначаемый из местных дворян-помещиков, должен был сосредоточить в своих руках всю административную власть вплоть до председательства в земском собрании и городской думе. Судебная власть оставалась от него независимой. Непосредственными помощниками уездного начальника должны были являться участковые начальники, назначаемые также из числа местных дворян. Власть участкового начальника распространялась на все население, проживающее в данной волости. Проект этот, весьма близкий по общей идее толстовско-пазухинскому, имел две весьма существенные особенности. Во-первых, уездный начальник в отличие от земского возглавлял все отрасли уездного управления, и, во-вторых, он концентрировал в своих руках административно-полицейскую власть над всеми сословиями, не обладая судебными функциями. Таким образом, институт мирового суда оставался неприкосновенным.

Проект Воронцова был принят весьма положительно. По словам Половцова, одобрительно отнесся к проекту Воронцова даже один из наиболее радикальных членов Государственного совета, Каханов, настаивая лишь на сохранении выборного начала.

Итак, осенью 1888 г., накануне обсуждения проекта в Государственном совете, члены его почти единодушно были настроены против подготовленной Толстым реформы. При этом председатель Государственного совета и государственный секретарь весьма активно действовали, чтобы отвергнуть этот проект при обсуждении в Соединенных департаментах путем замены его предложением Воронцова. Как рассказывает в своих воспоминаниях Феоктистов, вел. кн. Михаил Николаевич обратился к Победоносцеву и Островскому с просьбой принять на себя труд объяснить Александру III несовершенство проекта Толстого. «Сам я ничего не могу сделать, — наивно признался великий князь, — сколько раз убеждал я государя устроить у себя совещание, выслушать обе стороны, но он не хочет слышать об этом»⁵⁴. Однако ни Островский, ни Победоносцев на это не пошли.

⁵³ Там же, л. 612.

⁵⁴ Воспоминания Е. М. Феоктистова. «За кулисами политики и литературы», стр. 275.

Половцов рассказывает, что накануне обсуждения проекта в Соединенных департаментах он развивает весьма активную деятельность, чтобы обеспечить его провал. 1 декабря Половцов посещает бар. Николай и убеждает его «произвести разногласие по вопросу о том, рассматривать ли проект о земских начальниках, или признать необходимым поставить шире задачу и признать необходимым учреждение [...] уездного начальника. Разногласие это нести чрез Общее собрание к государю и после разрешения им сомнения или возвратиться к обсуждению проекта, или возложить на гр. Толстого полную его переделку»⁵⁵. В тот же день Половцов посещает Мансурова и Победоносцева. Мансурову он советует, как выступать в прениях, у Победоносцева стремится заручиться обещанием выступить против проекта. Обер-прокурор Синода отвечает весьма уклончиво, заявив, что «по первому впечатлению он будет против Толстого, но что не сможет связать себя категорическим обещанием по невозможности предвидеть заранее ход прений»⁵⁶. 2 декабря, т. е. накануне обсуждения проекта, Половцов развивает особенно бурную деятельность. В его дневнике содержится следующая запись: «Визиты: а) Каханову, который немедленно входит в мои виды, тут же Стояновский, который обещает и свое содействие, б) Перетцу, который добивается узнать одно: на чьей стороне более шансов, чтобы поступить сообразно [...] в) Абазе, которого уговариваю не приезжать, чтобы не дать Толстому права говорить, что он, Абаза, увлек Совет»⁵⁷.

3 декабря в Соединенных департаментах (законов, государственной экономики и духовных и гражданских дел) началось обсуждение проекта Толстого. Для изучения этого вопроса мы располагаем протоколами заседаний⁵⁸, дневниковыми записями Половцова и запиской Победоносцева, поданной им Александру III, излагающей весьма подробно «сущность происходивших разногласий».

В течение трех заседаний — 3, 10 и 17 декабря все спо-

⁵⁵ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 117.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 119.

⁵⁸ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, приложение.

ры происходили вокруг одного вопроса: должен ли быть проектируемый институт земских начальников органом, ведающим исключительно крестьянским управлением, либо он должен представлять собой орган общедминистративный. Собственно, вопрос шел о том, чему отдать предпочтение: проекту Толстого или предложению Воронцова-Дашкова. Председатель заседания бар. Николай, а также присутствовавшие Воронцов-Дашков, Каханов, Стояновский, Грот, Мансуров 1-й и другие выступали за превращение института земских начальников в общедминистративный орган. Как рассказывает Половцов, первое заседание окончилось решением создать нечто вроде «согласительной комиссии», дабы попытаться установить возможность примирения противоречий. Эта группа возглавлялась Перетцем и состояла из членов Государственного совета Мансурова, Стояновского, Дервиза, Фриша. Со стороны Министерства внутренних дел в качестве уполномоченного Толстого был Плеве. Однако и на этот раз после ряда совещаний на квартире у Перетца ни к какому соглашению прийти не удалось. Толстой не шел ни на какие уступки, чувствуя поддержку царя.

Победоносцев в особой записке, приложенной к письму императору от 29 декабря, следующим образом излагает сущность споров, возникших при обсуждении проекта. «Все возражали, хотя и с разных точек зрения, против проекта в том виде, как он был представлен. Но в сущности все возражения сводились к одному: гр. Толстой хочет устроить власть для крестьянского мира. Таковую власть невозможно обособить и поставить правильно без связи со всеми прочими властями. Необходимо по крайней мере поставить земского начальника так, чтобы он был властью в целом территориальном участке и в прямой зависимости от общих губернских властей. Иначе выйдет путаница»⁵⁹.

Несмотря на подобный взгляд, Победоносцев на заседании 17 декабря по соглашению с Островским и Манасеиным предложил не создавать по этому вопросу разногласия, а приступить к конкретному обсуждению проекта. В упомянутой выше записке, в которой подроб-

⁵⁹ «Письма Победоносцева к Александру III», т. II, стр. 204. Записка эта носила оправдательный характер.

но излагается его речь, он мотивировал свою точку зрения тем, что в настоящее время необходимо как можно скорее закончить этот вопрос. «В деревне,— указывает он,— неурядица усиливается, и вопрос о водворении там порядка самый настоятельный [...] Нельзя не согласиться в этом с министром внутренних дел, и потому необходимо остановиться на его проекте и принять его к обсуждению»⁶⁰. Далее Победоносцев в своей речи довольно подробно останавливался на характеристике крестьянских учреждений, требующих, по его мнению, серьезной реорганизации. В заключение он предлагал не делать разногласия, а, признав институт земских начальников преимущественно крестьянским, начать рассмотрение проекта по отдельным статьям.

Однако, выступая за обсуждение проекта, Победоносцев был согласен далеко не со всеми.

В результате произведенного разногласия было принято два решения: одно меньшинством, другое большинством. Меньшинство членов, заседавших в Соединенных департаментах,— Толстой, Победоносцев, Островский, Вышнеградский и др.—приняли следующее решение: «Семь членов признают необходимым в основание принимаемого преобразования положить то начало, что земские начальники должны быть не органами общеадминистративными, а органами, ведающими крестьянским управлением»⁶¹. Остальные 18 членов указывали, что учреждение института земских начальников необходимо создать «в виде установления, принадлежащего к составу общего в уезде административного управления»⁶². При этом большинство считало, что вместо второй инстанции — съезда земских начальников — нужно создать уездное присутствие, состоящее из должностных лиц уездной администрации, и в том числе одного земского начальника. 18 членов считали, что «образование земских начальников на почве крестьянских учреждений легко может быть объяснено в смысле меры, направленной к восстановлению, хотя бы и в измененном виде, тех прав дворянства над крестьянами, которые утрачены

⁶⁰ Там же, стр. 205.

⁶¹ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 781—782.

⁶² Там же, л. 788.

первыми с освобождением последних от крепостной зависимости и во всяком случае как закон, вредный для полноправности крестьян и их самоуправления»⁶³.

Вполне понятно, что после сложившегося положения дальнейшее обсуждение проекта было невозможно. В связи с этим Соединенные департаменты приняли решение, приостановив обсуждение проекта, представить разномыслие через Общее собрание Государственного совета на «высочайшее благоусмотрение». Однако вопрос был уже фактически решен. Александр III в разговоре с председателем Государственного совета вел. кн. Михаилом Николаевичем, по словам Половцова, решительно высказался за проект Толстого. «Доказательством необходимости возможно быстрого введения земских начальников государь приводит показание Толстого, что если это не будет сделано, то в предстоящее лето непременно вспыхнут крестьянские бунты. Словом, — заключает Половцов, — весь вопрос предрешен...»⁶⁴

16 января 1889 г. в Общем собрании Государственного совета обсуждалось поступившее из Соединенных департаментов разногласие. Обсуждение этого вопроса привело к следующим результатам. За предложение Толстого голосовало 13 членов Государственного совета, против — 39. Таким образом, большинство Общего собрания солидаризировалось с мнением большинства Соединенных департаментов.

29 января Александр III на мемории Общего собрания Государственного совета наложил следующую резолюцию: «Соглашаясь с мнением 13 членов, желаю, чтобы мировые судьи в уездах были упразднены для того, чтобы обеспечить нужное количество надежных земских начальников в уезде и облегчить уезду тяжесть платежей. Часть дел мировых судей может перейти к земским начальникам и в волостные суды, а меньшая часть, более важные дела, могли бы отойти к окружным судам. Во всяком случае непременно желаю, чтобы эти

⁶³ Там же, л. 804.

⁶⁴ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 132. Запись 12 декабря 1888 г. Заявление Д. А. Толстого о возможности крестьянского восстания летом 1889 г. было лишено каких-либо оснований. По-видимому, и сам Толстой не верил этому, используя данное заявление в качестве жупела, которым пугал Александра III.

изменения не помешали окончательному рассмотрению проекта до летних вакаций»⁶⁵. Резолюция означала не только одобрение проекта Толстого — Пазухина, но даже полностью соответствовала их сокровенным чаяниям, которые они не решались высказать, — уничтожению института мировых судей. Об этом, как указывалось выше, говорилось лишь в первом проекте, единогласно отвергнутом всеми. Данное решение Александра III явилось результатом непосредственного воздействия на него кн. Мещерского. Ровно за два дня до утверждения мемории Государственного совета, 27 января, в газете «Гражданин» была помещена статья «Голос уездного предводителя», в которой доказывалась нецелесообразность сохранения института мировых судей.

Предоставление земским начальникам судебных функций означало существеннейшее нарушение принципа отделения судебной власти от административной, провозглашенного судебными уставами 1864 г.

* * *

После резолюции Александра III на мемории Государственного совета по поводу ликвидации института мировых судей и передачи их функций земским начальникам вопрос об утверждении проекта был фактически решен. В силу этого обсуждение проекта в Соединенных департаментах, происходившее в марте — июне 1889 г., не могло изменить существа дела. К тому же некоторые важные вопросы не могли быть решены окончательно вследствие необходимости детальной разработки ряда положений проекта в связи с решением императора. «Заседание Соединенных департаментов по делу о земских начальниках, — заносит Половцов в свой дневник 4 марта 1889 г. — Подлежащие министры все еще ничего не выработали; Государственному совету приходится откладывать все существенные вопросы и лишь условно утверждать ничтожные подробности внесенного гр. Толстым законопроекта»⁶⁶.

При обсуждении проекта в Соединенных департа-

⁶⁵ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, л. 853.

⁶⁶ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 173.

ментах в него были внесены лишь частные изменения. Как Толстой, так и И. Н. Дурново отстаивали каждое положение проекта. Наиболее существенное изменение, принятое Соединенными присутствиями вопреки мнению Толстого, касалось требования образовательного ценза земских начальников⁶⁷. Были иначе сформулированы некоторые статьи, касавшиеся прав земских начальников, однако существо вопроса от этого не менялось. Попытки Половцова, Манасеина, Каханова, Перетца и Абазы добиться того, чтобы должность земского начальника не была исключительно сословной, дворянской, претерпели неудачу⁶⁸.

Обсуждение проекта в Соединенных департаментах проводилось весьма поспешно в связи с требованием Александра III закончить это дело до наступления летних каникул. Общее собрание Государственного совета фактически не рассматривало обсужденный в Соединенных департаментах проект и утвердил его в течение одного дня. «В 1 час заседание общего собрания Совета по делу о земских начальниках, — заносит в свой дневник Половцов 6 июля. — Замечания делаются пустые, и журнал департаментов остается без изменений [...] С такою поспешностью, — замечает Половцов, — решал дела Национальный Конвент, когда отечество было объявлено находящимся в опасности»⁶⁹. 12 июля 1889 г. проект закона был утвержден Александром III⁷⁰.

Рассмотрим закон о земских начальниках в той мере, в какой он отличался от изложенного нами выше проекта. Земским начальником, согласно ст. 6 и 7, мог-

⁶⁷ По мнению Д. А. Толстого, для того чтобы быть земским начальником, совершенно не требовалось иметь среднее образование. Так, в заседании Соединенных департаментов 11 февраля 1889 г. он говорил: «К чему требовать знания курса средних учебных заведений, когда лица, прошедшие только уездные училища, могут оказаться пригоднее для дела» (ЦГИА, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 44, приложение, л. 364).

⁶⁸ См. запись в дневнике Половцова за 8 июня 1889 г.

⁶⁹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 218.

⁷⁰ ПСЗ, 3 собр., т. IX, № 6196. Положение о земских начальниках не распространялось на Царство Польское, Правобережную Украину, Белоруссию, Литву, Прибалтику, Кавказ, Сибирь, т. е. на те районы, где либо вовсе отсутствовало помещичье землевладение, либо представителем его являлось дворянство нерусской национальности.

ли быть следующие лица: а) прослужившие не менее трех лет в должности предводителя дворянства (причем для этой категории не требовалось имущественного или образовательного ценза), б) местные потомственные дворяне в возрасте не менее 25 лет, имеющие высшее образование или прослужившие в течение трех лет в должности мирового посредника, мирового судьи, непременного члена присутствия по крестьянским делам, если при этом они, родители или их жены обладают $\frac{1}{2}$ ценза, необходимого для участия в выборах в уездное земское собрание по первой курии. В случае недостатка лиц с указанными данными ст. 7 закона разрешала привлечение на должности земских начальников личных дворян, окончивших курс в средних учебных заведениях либо состоявших в гражданских или военных классных чинах при условии обладания двойным против указанного выше цензом. Кроме того, разрешалось привлекать на эти должности и личных дворян, имеющих высшее образование или прослуживших не менее трех лет в указанных ст. 6 должностях при условии отсутствия у них земельного ценза и наличия лишь одной усадьбы.

Несмотря на установление образовательного ценза, закон предусматривал возможность назначения на должность земского начальника и лиц, не имеющих среднего образования. Согласно ст. 7, на эту должность, как указывалось выше, могло быть назначено лицо, имевшее чин коллежского регистратора, хотя бы оно и обладало, как говорится, «незаконченным домашним» образованием⁷¹.

Надо отметить, что даже эти весьма незначительные требования в отношении образовательного ценза вскоре были пересмотрены. «Встречаю, — записывает в своем

⁷¹ В пародии на закон 12 июля 1889 г., озаглавленной «Положение о земских участковых канальях...» (Отдел рукописей Государственной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. Бильбасова, к-175, л. 26) остроумно указывалось, что на должность земского начальника могут назначаться «местные дворяне, не окончившие курса уездного училища или равного ему по правам учебного заведения, но знающие, однако, считать до трехсот [...] если при этом они, прослужив в канцелярии предводителя дворянства в должности канцелярского служителя первого класса, удостоились производства, хотя бы при отставке, в классный чин коллежского регистратора».

дневнике Половцов 25 ноября 1889 г. — [...] товарища министра внутренних дел Плеве, который сообщает мне как крупную новость, что на докладе у государя в четверг Дурново испросил высочайшее повеление об уничтожении для земских начальников условия об обязательном цензе»⁷².

В ст. 15 закона указывалось, что в случае недостатка местных дворян министру внутренних дел разрешалось замещать должности земских начальников другими лицами, имевшими образовательный ценз не ниже среднего учебного заведения⁷³.

Кандидатуры земских начальников должны были намечаться губернатором совместно с предводителями дворянства и утверждаться министром внутренних дел.

Круг деятельности земских начальников в области административной в целом соответствовал проекту. По сравнению с ним в закон был внесен ряд изменений, преимущественно редакционного характера. Так, в законе не перечислялись наказания, которые земский начальник имел право налагать как на крестьян, так и на должностных лиц крестьянского управления, однако в ст. 22 указывалось, что «по заведованию управлением и поземельным устройством сельских обывателей на земского начальника возлагается исполнение всех обязан-

⁷² «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 236. 16 декабря 1889 г. этот вопрос рассматривался в Соединенных департаментах. Многие земские начальники не имели даже среднего образования. Так, по данным Земского отдела Министерства внутренних дел, составленным в 1903 г. по 10 губерниям — Витебской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Костромской, Новгородской, Полтавской, Самарской, Тульской и Херсонской, из 584 земских начальников у 124 не было среднего образования (см. «Список должностных лиц крестьянских учреждений в местностях, в коих введено в действие Положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г.». СПб., 1903). Земские начальники, окончившие юнкерские училища, заносились нами в число лиц, не имевших среднего образования, так как для поступления в эти училища в отличие от военных училищ не требовалось окончания среднего учебного заведения.

⁷³ Действительно, по приведенным выше данным Земского отдела, среди земских начальников указанных 10 губерний были не только дворяне других губерний, но и лица, не принадлежавшие к дворянскому сословию. Так, земских начальников недворян было: в Новгородской губернии — 1, в Костромской — 7, в Витебской — 2, в Вологодской — 12, в Воронежской — 3, в Самарской — 3 (см. указанный выше «Список должностных лиц...»).

ностей, которые, согласно действующим узаконениям, лежат на мировых посредниках...». Таким образом, эта статья предполагала предоставление земским начальникам тех административных прав, которыми пользовались мировые посредники⁷⁴.

Права земского начальника в отношении органов крестьянского общественного управления значительно расширялись по сравнению с мировыми посредниками. Так, им предоставлялись полицейские функции в отсутствие на месте чинов уездной полиции (ст. 29). Жалобы на должностных лиц волостного и сельского управлений должны были разрешаться земским начальником «собственною властью» (ст. 28). Земскому начальнику предоставлялось право увольнения от должности волостных и сельских писарей в случае их неблагонадежности (ст. 29). Значительно уменьшилась самостоятельность сельских и волостных сходов. Земские начальники имели право приостанавливать решения волостных и сельских сходов и передавать их на рассмотрение уездного съезда (ст. 30).

Особенно возрастала роль земского начальника по сравнению с мировыми посредниками в отношении волостных судов. Если по Положению 19 февраля волостной суд обладал самостоятельностью по отношению к представителям административной власти, то теперь он целиком зависел от земского начальника. Во «Временных правилах» для волостных судов, включенных в Положение об участковых земских начальниках, указывалось, что каждое сельское общество избирает кандидата в волостные судьи, из их числа земский начальник утверждает судей (при этом число кандидатов должно было превышать количество требуемых судей не менее чем в 2 раза). Председатель волостного суда утверждался по представлению земского начальника уездным съездом, причем эти функции могли быть возложены

⁷⁴ На основе Положения о губернских и уездных по крестьянским делам учреждений мировой посредник утверждал в должности волостного старшину, имел право увольнять сельских старост, а также отрешать от должности волостных старшин впредь до разрешения этого вопроса вышестоящими органами. Кроме того, ему предоставлялось право налагать на должностных лиц сельского управления штраф в размере до 5 руб., а также приговаривать их к аресту до семи дней (ст. 30).

и на представителя администрации — волостного старшину⁷⁵. Более того, если ранее решения волостного суда являлись окончательными, то по утвержденному Положению эти решения могли быть обжалованы земскому начальнику. При этом последний либо разрешал эти жалобы сам, либо в случаях, когда приговор предусматривал более серьезное наказание, передавал их на рассмотрение уездного съезда.

Необходимо отметить, что роль волостного суда, согласно рассматриваемому закону, значительно возросла, так как в связи с ликвидацией мирового суда компетенция его значительно расширилась. Гражданские дела, споры и тяжбы рассматривались волостным судом в пределах до 300 руб., а дела о наследстве — до 500 руб. Волостной суд получил право присуждать виновных к штрафу до 30 руб. и 15 дней ареста (вместо денежного штрафа до 3 руб. и ареста до 7 дней).

Судебные функции земского начальника были весьма обширны⁷⁶. За небольшим исключением, ему передавались почти все дела, рассматривавшиеся ранее мировыми судьями. В городах (за исключением Петербурга, Москвы и Одессы, где сохранялся мировой суд) создавался институт городских судей, назначавшихся министром юстиции. Помимо этого, в уездах вводились должности уездного члена окружного суда. Ему передавался ряд дел, ранее подведомственных мировым судьям, которые не относились к компетенции земских начальников, городских судей и волостных судов.

Состав уездных съездов земских начальников не претерпел существенных по сравнению с проектом изменений. В связи с ликвидацией мирового суда уездные съезды становились второй апелляционной инстанцией

⁷⁵ В ст. 104 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» прямо указывалось, что «волостной старшина и староста не должны вмешиваться в производство волостного суда и не присутствуют при обсуждении дел» (ПСЗ, 2 собр., т. XXXVI, № 36650).

⁷⁶ Эти вопросы были изложены в Положении о земских участковых начальниках в разделе «Правила об устройстве судебной части в местностях, в коих введено Положение о земских участковых начальниках», а также в «Правилах о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям», изданных 29 декабря 1889 г. (ПСЗ, 3 собр., т. IX, № 6483).

для рассмотрения судебных приговоров, вынесенных земскими начальниками, городскими и частично волостными судьями. С этой целью в уездном съезде создавалось два присутствия: административное и судебное. Таким образом, судебная власть земских начальников распространялась не только на крестьянское население, но косвенно и на городское, так как съезд земских начальников рассматривал решения городских судов.

Предусматривавшееся проектом губернское по сельским делам присутствие получило наименование «губернское присутствие», и на него помимо решения административных вопросов возлагалось «разрешение протестов и просьб об отмене окончательных приговоров и решений уездных съездов»⁷⁷.

Таково основное содержание закона 12 июля 1889 г.

Введение института земских начальников увеличивало правительственную опеку над крестьянами, усиливая роль поместного дворянства в деревне и способствуя тем самым консервации феодально-крепостнических пережитков.

б) ЗЕМСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ 12 ИЮНЯ 1890 г.⁷⁸

Осенью 1886 г., как уже говорилось выше, Пазухиным был разработан проект земской контрреформы, представленный на обсуждение Особого совещания.

Этот проект предусматривал сословный принцип избирательной системы. Уездное земское собрание должно было состоять из гласных, избираемых тремя сословиями: дворянами, лицами городских состояний и крестьянами. В силу этого и выбор гласных должен был производиться на избирательных съездах дворян, городских сословий и крестьян.

Для дворян ценз земельной собственности оставался прежним. Вместе с тем для мелких помещиков ценз повышался. Если ранее для участия в съезде уполномоченных требовалось обладание $\frac{1}{20}$ необходимого ценза,

⁷⁷ ПСЗ, 3 собр., т. IX, № 6196.

⁷⁸ Имея в виду, что этот вопрос подробно рассматривается в монографии Л. Г. Захаровой, мы освещаем его весьма лапидарно.

то проект устанавливал обладание $\frac{1}{10}$ части его. Проект предусматривал для городских избирателей значительное повышение ценза. Так, правом выбора могли пользоваться только лица, обладавшие недвижимой собственностью, оцененной для взимания земских сборов не менее 15 тыс. руб. Таким образом купцы даже I гильдии, если они не являлись крупными домовладельцами, лишались права выборов. Помимо этого полагалось также и участие в городском избирательном съезде уполномоченных от мелких владельцев недвижимой собственности, обладавших $\frac{1}{10}$ ценза.

В крестьянских избирательных съездах должны были участвовать крестьяне — собственники земли или недвижимого имущества, оцененного не ниже 15 тыс. руб., а также выборщики, избранные на волостных сходах⁷⁹.

Представители духовенства, а также арендаторы земель не получали права участия в выборах.

Таким образом, предусматривалось значительное усиление роли дворянства. Лица, избранные в гласные, не имели права отказываться от своего звания.

Уездное земское собрание должно было состояться не только из избранных съездами гласных. В него без выбора предполагалось включение, по мысли Каткова, крупных земельных собственников, представителей ведомства государственных имуществ и уделов, а также представителей духовного ведомства по назначению местного епархиального начальства и по одному депутату от городов, находящихся на территории уезда. Председателем земского собрания должен был по-прежнему быть предводитель дворянства⁸⁰.

Вместо уездных земских управ, избираемых земским собранием, предполагалось учреждение исполнительного органа — земского присутствия, возглавляемого тем же предводителем дворянства. Помимо председателя присутствие должно было состоять из трех членов, назначаемых губернатором из числа гласных (по одному от каждой сословной группы)⁸¹.

⁷⁹ ЦГИА, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 2, д. 1833, л. 3.

⁸⁰ Там же, л. 16.

⁸¹ Там же.

Губернское земское собрание должно было состояться из уездных предводителей дворянства, избранных уездными собраниями губернских гласных и крупных земельных собственников, участвовавших в уездных собраниях без выборов. Помимо этого «на правах членов» в него включались управляющие палатой государственных имуществ и удельной конторой, а также представитель духовного ведомства и два члена городской думы губернского города⁸². Следовательно, состав губернского земского собрания в значительной своей части должен был состоять из лиц не избираемых, а назначаемых.

Численность губернского земского присутствия определялась в количестве четырех человек: председателя, назначаемого «высочайшей властью» по докладу министра внутренних дел, и трех членов «из числа тех лиц, удовлетворяющих условиям, указанным в ст. 7 и 8 Положения о земских начальниках»⁸³, т. е. имеющих право занять эту должность. Они должны были назначаться губернатором из гласных губернского земского собрания по согласованию с предводителем дворянства и утверждаться министром внутренних дел.

Итак, земские присутствия — исполнительные органы земских учреждений — не избирались, а назначались административной властью. Это являлось одним из основных положений подготовленной контрреформы.

Вообще самостоятельность земских собраний сводилась по существу почти к нулю. «Земским собраниям [...] — указывалось в проекте, — принадлежит общий надзор и *совместно с губернатором* (подчеркнуто мною. — П. З.) распорядительная власть по земским делам, а земским присутствиям — как распоряжения, так и ближайшее заведование земскими делами»⁸⁴.

Еще в большей степени это относится к земским присутствиям, которые не имели права проводить в жизнь решения земских собраний «до тех пор, пока постановления сии не будут утверждены по принадлежности министром внутренних дел или губернатором»⁸⁵.

⁸² Там же, л. 17.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, л. 20.

⁸⁵ Там же, л. 21.

Земские гласные за неявку подлежали штрафу, а в случае неоднократных повторений — преданию суду. Значительно расширилась власть губернатора по отношению к земству: он получал право вмешиваться в повседневную работу земских учреждений, производить ревизию дел, налагать административные взыскания на членов уездных и губернских присутствий⁸⁶.

Проект ставил своей задачей лишить земские учреждения самостоятельности, о чем прямо указывалось в одной из статей его. В ней говорилось, что земские учреждения «действуют под высшим наблюдением министра внутренних дел и ближайшим надзором местного губернатора»⁸⁷.

Обсуждение этого проекта Особым совещанием происходило с 29 октября 1886 по 31 января 1887 г.⁸⁸ Особое совещание в целом одобрило проект, внося в него лишь некоторые изменения.

Проект полностью отражал чаяния поместного дворянства, о чем убедительно свидетельствуют многочисленные представления предводителей дворянства различных губерний, касавшиеся предполагаемой реформы в Министерстве внутренних дел⁸⁹. Правда, наиболее реакционная часть дворянства выражала стремление вообще ликвидировать земство. Некий Н. Скарятин в своем письме в Министерство внутренних дел рекомендовал вообще «упразднить земские учреждения, заменив их губернскими по земским делам присутствиями»⁹⁰, которые,

⁸⁶ Наложение дисциплинарных взысканий на председателей губернских земских присутствий должно было производиться министром внутренних дел с «высочайшего соизволения». На председателей уездных земских присутствий взыскание должен был налагать министр внутренних дел своей властью.

⁸⁷ ЦГИА, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 2, д. 1833, л. 21.

⁸⁸ Председателем Особого совещания был товарищ министра внутренних дел кн. К. Д. Гагарин; членами: правитель Канцелярии министра внутренних дел А. Д. Пазухин, губернаторы симбирский — Н. П. Долгово-Сабуров, костромской — В. В. Калачев, владимирский — И. М. Судненко, вятский — А. Ф. Анисьин; губернские предводители дворянства саратовский — П. А. Кривский, тамбовский — Г. В. Кондоиди, псковский — А. Е. Зарин, харьковский — А. Р. Шидловский.

⁸⁹ ЦГИА, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 2, д. 1834.

⁹⁰ Там же, л. 33.

кроме губернского предводителя дворянства, должны были состоять из шести чиновников.

* * *

В январе 1888 г. проект реформы был внесен Толстым в Государственный совет и разослан для обсуждения министрам, вызвав с их стороны ряд замечаний.

Анализируя эти замечания, мы можем подразделить их на три группы. Первая из них содержала отзывы министров, одобрявших в целом представленный проект и вносивших в него лишь частные изменения. К ним относились отзывы министров: народного просвещения — Делянова, путей сообщения — Посыета и императорского двора — гр. Воронцова-Дашкова⁹¹.

Ко второй группе относились отзывы, одобрявшие в принципе предполагаемую реформу, но вносившие в проект серьезные коррективы. Сюда надо отнести записку Победоносцева, содержащую в себе существенные замечания.

Победоносцев полностью соглашался с необходимостью изменить систему выборов, придавшей сословный характер, соглашался также с целесообразностью ограничить состав земских собраний. Вместе с тем по ряду вопросов он выражал иную точку зрения. Он полагал необходимым повысить ценз избирателей. «Чем теснее будет круг избирателей, тем благонадежнее будут и выборы»⁹², — замечал он. По мнению обер-прокурора, евреев необходимо *«вовсе не допускать* ни к участию в выборах, ни к избранию в гласные»⁹³. Признавая нужным включение в состав гласных определенного числа лиц не по выборам, а по назначению, Победоносцев решительно возражал против того, чтобы этими лицами были крупные землевладельцы. По его мнению, необходимо вводить таких лиц, в благонадежности которых не было бы сомнения, а «крупное землевладение *само по себе* далеко не представляет в сем отношении надежного ручательства, ибо нередко именно крупные земле-

⁹¹ Там же, д. 1836.

⁹² Там же, л. 93.

⁹³ Там же.

владельцы и люди богатые вносили в земское собрание дух беспорядка и фантастического многоглаголанья»⁹⁴. Вообще Победоносцев полагал, что целесообразнее избирать не гласных, а кандидатов к ним, с тем чтобы из этих кандидатов по жребию с утверждения губернатора назначались гласные. Победоносцев возражал против предложения об обязательности звания гласного, полагая, что тем самым деятельность его «превращается в *формальную повинность*»⁹⁵. Он полагал, что необходимо «дать как можно больше места для местных деятелей действию интереса к общественному делу, основанного на нравственном начале и на нравственной связи с местностью. Для сего необходима известная *доля свободы*, коей опасаться нечего...»⁹⁶, так как деятельность земских учреждений будет контролироваться государственною властью.

Наиболее существенное возражение было сделано Победоносцевым в отношении ограничения самостоятельности земских органов. Признавая крайне важным усиление контроля за деятельностью земских учреждений, Победоносцев решительно возражал против превращения их в полугосударственные организации. «Я не вижу ни прямой надобности, ни пользы изменять коренное начало постановки земских учреждений, вводя их в общую организацию учреждений прямо правительственных с характером служебно-чиновничьим и бюрократическим. Вот почему, — продолжал он, — не ожидаю я пользы от превращения управ в земские присутствия, коим придается по проекту, несомненно, бюрократический характер...»⁹⁷

Критиковал проект также и М. Н. Островский. Он был противником ликвидации выборности исполнительных земских органов.

Обратимся к третьей группе отзывов, содержащих в себе отрицательное отношение к проекту в целом. К ним в первую очередь относится отзыв Манасеина. В нем говорилось, что без большой подготовительной работы «едва ли возможно прийти к убеждению в неот-

⁹⁴ Там же, л. 94—95.

⁹⁵ Там же, л. 95.

⁹⁶ Там же, л. 96.

⁹⁷ Там же, л. 96—97.

ложной необходимости коренного преобразования в деле, обнимающем собой весь строй местной общественной жизни, полной отмены того порядка, плоды которого еще не выяснены, и введение нового, польза коего доказывается одними лишь теоретическими соображениями»⁹⁸. Манасеин решительно возражал против предоставления губернской администрации права вмешиваться в повседневную жизнь земства, что фактически приводило бы к ликвидации всякой самостоятельности земских учреждений. Он выступал также и против назначения правительством членов земских присутствий. «Не подлежит сомнению,— писал он,— что для успешной совместной деятельности земского собрания и исполнительного его органа управы или присутствия необходимо полное взаимное доверие и солидарность во взглядах между управой и руководящим большинством собрания»⁹⁹, а в силу этого, естественно, должен быть сохранен выборный принцип.

В некоторых частных вопросах Манасеин соглашался с проектом, как, например, в отношении включения в состав земских собраний крупных собственников. Выступая в принципе против установления сословного начала, Манасеин все же полагал, что если будет действительно установлено уменьшение влияния дворянства в земских органах, то необходимо перейти к выборам по сословиям. Наконец, он также не возражал против известного усиления опеки земств со стороны коронных органов.

Примерно также отнесся к проекту Пазухина — Толстого и государственный контролер Сольский, полагая, что соображения Толстого «не представляют ни достаточного материала, ни прочной почвы для законодательной меры»¹⁰⁰.

Итак, представленный проект не встретил единодушной поддержки, и даже такие столпы реакции, как Победоносцев и Островский, подвергали отдельные его стороны серьезной критике.

В связи со сделанными замечаниями проект подвергся переработке. При этом был внесен ряд изменений.

⁹⁸ Там же, л. 136—137.

⁹⁹ Там же, л. 139.

¹⁰⁰ Там же, л. 80.

В соответствии с замечаниями Победоносцева был исключен пункт о введении в состав земских собраний крупных земельных собственников без выборов. Вместо этого министру внутренних дел предоставлялось право «в некоторых исключительных случаях» включать в состав земских собраний гласными лиц, «пользующихся особым доверием в своей местности и имеющих право участия в избирательных собраниях». При этом количество этих гласных не должно было превышать $\frac{1}{3}$ общего числа их. Выборное начало земских исполнительных органов — управ — было сохранено. Однако правительству предоставлялось право, в случае неутверждения председателей или членов управ, назначать на эти должности лиц из числа имевших соответствующий ценз. Эти поправки не вносили существенных изменений в проект.

Исправленный проект был вторично представлен в государственный совет 4 февраля 1890 г. Обсуждение его в Соединенных департаментах началось 3 марта того же года. Проект был принят далеко не дружелюбно. «Большинство членов,— заносит в свой дневник Половцов,— говорят против господствующей в проекте мысли уничтожить теперешнее значение земских учреждений, их самостоятельность, выборное в них начало [...] Дурново чувствует себя сбитым с позиции, которую вследствие высочайшего покровительства почитает недоступною»¹⁰¹.

Избирательный принцип, содержащийся в проекте, был утвержден. Для крестьян был установлен такой порядок, по которому они избирали лишь кандидатов в гласные, из них губернская администрация и утверждала гласных земского собрания. «В таком случае для губернатора,— говорилось в решении Соединенных департаментов,— все-таки остается возможность устранить из состава избранных всех неподходящих лиц»¹⁰². Несколько понижался земельный ценз вследствие повышения ценности земли за последние десятилетия. Это соответствовало интересам оскудевавшего дворянства.

¹⁰¹ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 263.

¹⁰² ЦГИА, ф. Департамента законов, 1890 г., д. 23, приложение, л. 39; цит. по указ. книге Л. Г. Захаровой, стр. 145

Был также утвержден предполагавшийся в проекте численный состав земских собраний, который сокращался примерно на половину.

Принцип выборности земских управ был сохранен, причем утверждению подлежали не только председатели управ, но и члены ее. Назначение членов управы от правительства разрешалось только в случае двукратного неутверждения избранных лиц. Серьезные разногласия вызвал раздел проекта, касавшийся самостоятельности земства. Как уже говорилось выше, все постановления земских собраний подлежали по проекту утверждению административных властей, однако Соединенные департаменты с этим не согласились, придя к заключению, что возлагать на губернскую администрацию разрешение земских вопросов едва ли необходимо. «Земские собрания и после издания нового закона должны, как и прежде, сами решать предоставленные их заведованию дела, притом в пределах, указанных законом, самостоятельно»¹⁰³. В связи с этим было решено, что утверждению подлежат лишь постановления, касающиеся только наиболее важных вопросов.

Соединенные департаменты не согласились также и с той статьей проекта, в которой предусматривалось безусловное право губернатора приостанавливать всякое постановление земских собраний и даже принимать свои собственные решения. Об этом Половцов рассказывает в своем дневнике следующее: «После долгих прений и нападений со стороны Н. Абазы, Фриша, Дервиза, Б. Мансурова, Вышнеградского постановлено, что губернатор может останавливать постановления земства: а) когда в нем есть нарушение закона; б) когда затронут государственный интерес; в) когда нанесен явный ущерб населению. Конечно,— замечает он,— это весьма слабая узда, налагаемая на фантазирование чиновников, но все-таки подобное изменение представляет улучшение проекта»¹⁰⁴.

Однако и новая редакция этой статьи все же значительно расширяла право губернаторского протеста по сравнению с Положением 1864 г.

¹⁰³ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1890 г., д. 23, приложение, л. 1126—1127; цит. по указ. книге Л. Г. Захаровой, стр. 147.

¹⁰⁴ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 264.

Соединенные департаменты также несколько изменили статью, касающуюся губернских по земским делам присутствий, предоставив земствам право обжаловать решения этих присутствий в Сенате.

Несмотря на все эти поправки, права административных властей в отношении земских учреждений значительно увеличились. Губернаторам было предоставлено право ревизий земских управ, что ранее являлось прерогативой земских собраний.

28 мая Общее собрание одобрило решение Соединенных департаментов, а 12 июня законопроект был утвержден императором.

* * *

Земское положение 12 июня 1890 г. значительно отличалось от первоначального проекта, ставившего своей целью фактическую ликвидацию земства. Вместе с тем земская контрреформа в силу ряда условий не изменила характера земских органов. В результате установления сословного принципа процент дворян несколько увеличился. Так, по данным известного исследователя земства Б. Б. Веселовского, процент дворян в уездных земских собраниях возрос с 42,4 в 1883—1885 гг. до 55,2 в 90-х годах, в губернских собраниях — с 81,6 до 89,5¹⁰⁵. Однако это не изменило характера деятельности земств, и, даже наоборот, в 90-е годы буржуазная направленность земства приобретает больший характер. Это объяснялось тем, что процесс экономического развития страны усиливал буржуазные тенденции в известной части дворянства, и именно в той части, которая являлась наиболее политически активной. Об этом прямо говорит Веселовский, отмечая, что в 90-е годы среди земского дворянства «начинают доминировать *антисловесные тенденции*»¹⁰⁶. Итак, реформа 1890 г. не превратила земство в дворянское. Второй особенностью этой контрреформы явилось усиление правительственного контроля за земской деятельностью, что особенно про-

¹⁰⁵ См. Б. Б. Веселовский. История земства за 40 лет, т. III, СПб., 1911, стр. 680—681.

¹⁰⁶ Там же, стр. 681.

являлось в первые годы. Если ранее губернатор мог отменять постановления земства только вследствие их незаконности, то по новому Положению губернатор и земское присутствие имели право отменить то или иное постановление, руководствуясь, по их мнению, его нецелесообразностью. Однако общественный подъем, начавшийся в начале 90-х годов, не дал правительству возможности достичь многого и в этом вопросе. Следовательно, объективные условия в известной степени сводили на нет значение проведенной реформы.

в) ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ 11 ИЮНЯ 1892 г.

Состояние органов городского общественного управления не удовлетворяло ни Министерство внутренних дел в лице его руководителей Толстого и Дурново, ни самого Александра III. На отчете костромского губернатора за 1887 г., в котором говорилось о недостатках Городового положения, император написал: «И это не ново! Нелепость городского самоуправления российских городов давно признана правительством»¹⁰⁷. Вследствие этого вопрос о новом Городовом положении оказался поставленным на повестку дня.

Как только было закончено обсуждение в Государственном совете земской контрреформы, Дурново 2 июля 1890 г. направляет губернаторам циркулярное отношение, в котором сообщает о необходимости приступить к подготовке нового закона о городском общественном управлении. «По установившемуся плану работ в устройстве местного управления,— писал он,— за состоявшейся ныне земской реформой должна следовать городская, к которой и предстоит приступить неотлагательно»¹⁰⁸. Тут же говорилось о необходимости согласовать Городовое положение «с земским в новом его строе»¹⁰⁹.

¹⁰⁷ ЦГИА, ф. Хозяйственного департамента Мин. вн. д., оп. 38, д. 2496, л. 357.

¹⁰⁸ Там же, л. 80.

¹⁰⁹ Там же. Однако тут же отмечалось, что распространение введенного в систему земских учреждений сословного принципа на городское общественное управление было бы крайне затруднительным.

Дурново довольно подробно останавливался на недостатках существующего Положения, которые заключались прежде всего в преобладающем значении в избирательных собраниях представителей торгово-промышленного класса, «численность коего усиливается еще в собраниях такими избирателями, как приказчики, находящиеся в полном распоряжении своих хозяев»¹¹⁰. Далее он останавливался на численном преобладании евреев в избирательных собраниях черты оседлости, что дает им возможность «избирать в гласные [...] таких лиц христианского исповедания, которые или являются солидарными с ними по разным экономическим отношениям, или же прямо находятся от них в материальной зависимости»¹¹¹. Министр в качестве недостатков отмечал также многочисленность состава дум, недостаточность правительственных полномочий в деле утверждения в должности городских голов и их товарищей и ряд других недочетов. В связи с этим предлагалось «без замедления озаботиться составлением надлежащих [...] соображений и проекта тех изменений, которые должны быть, по Вашему мнению, сделаны в Городовом положении...»¹¹². При этом рекомендовалось с этой целью пригласить по усмотрению губернатора тех лиц, «которые могли бы принести наибольшую пользу делу по своей опытности и познаниям»¹¹³. Губернаторы обязывались представить свой ответ к октябрю того же года.

В конце 1890 г. в министерство поступили многочисленные отзывы «местных начальств». Эти отзывы представляют, по нашему мнению, большой интерес, в силу чего и остановимся на наиболее важных из них. 40 губернаторов и 2 градоначальника полагали усилить административный надзор «не только за законностью, но и за правильностью действий городских учреждений»¹¹⁴.

¹¹⁰ Там же. По данным на 1 октября 1890 г., из 772 гласных по 17 внутренним губерниям 385 принадлежали к дворянству и духовенству, 175 — к купцам и только 212 — к мещанам и другим сословиям (ЦГИА, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38, л. 406—407).

¹¹¹ ЦГИА, ф. Хозяйственного департамента Мин. вн. д., оп. 38, д. 2496, л. 80.

¹¹² Там же, л. 81.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38, л. 60.

По мнению 14 губернаторов, губернское по городским делам присутствие «должно быть не временным как бы совещательным при губернаторе, а постоянным учреждением, должно быть инстанцией не кассационной, а апелляционной»¹¹⁵.

Все губернаторы и трое градоначальников полагали, «что главным и всеобщим недостатком существующего городского общественного устройства является [...] участие в общих городских выборах [...] владельцев мелкой недвижимой собственности, мелких торговцев и содержателей промышленных заведений, а равно купеческих приказчиков»¹¹⁶, составлявших большинство избирателей¹¹⁷. По мнению «местных начальств», эти лица «не только не могут приносить какой-либо существенной пользы [...] а, напротив, скорее приносят вред при недостаточном своем развитии в общем составе и малограмотности, не говоря уже о полной зависимости приказчиков от своих хозяев [...] Вообще эти выборщики, подающие голоса по указанию других, наносят положительный вред городскому управлению, подавая голоса в пользу заинтересованных лиц, от которых они зависят, склоненные обещаниями, застрашиванием, угощением и прямыми подкупам и за самую ничтожную плату. На них влияют значительные капиталисты, направляя в своих интересах или в выгодах своей партии городские выборы...»¹¹⁸ Руководствуясь этим, указанные лица считали необходимым лишить избирательных прав приказчиков¹¹⁹, мелких торговцев и промышленников¹²⁰, а также лишить права выбора или ими по крайней мере ограничить избирательное право владельцев мелкой недвижимой собственности¹²¹. 18 губернаторов и 3 градоначальника высказались за включение в

¹¹⁵ Там же, л. 69.

¹¹⁶ Там же, л. 77.

¹¹⁷ По приводимым здесь данным, мелкие собственники, торговцы и приказчики составляли 80% всех избирателей в Псковской губернии, 1200 из 3400 избирателей в Вильно, 900 из 2950 в Ревеле, 2400 из 3400 в Минске, более 50% в Петербурге (там же).

¹¹⁸ Там же, л. 77.

¹¹⁹ За исключением четырех губернаторов, трое из которых — тамбовский, тобольский и тверской — считали необходимым увеличить состав избирателей дворянами, чиновниками и лицами, имеющими среднее образование.

¹²⁰ За исключением пяти губернаторов.

¹²¹ За исключением девяти губернаторов.

состав избирателей нанимателей отдельных квартир «известной ценности» ¹²².

13 губернаторов и 1 градоначальник считали необходимым уничтожить деление избирателей на 3 существующих разряда (курии). При этом 9 губернаторов считали необходимым подразделять избирателей по территориальным округам, а 4 — преобразовать разряды в сословные курии. Кроме того, 9 губернаторов ¹²³ и одесский градоначальник полагали выделить евреев в отдельную курию ¹²⁴, а 6 губернаторов во главе с эстляндским губернатором Шаховским считали, что «впредь до пересмотра законов, касающихся евреев, необходимо отстранить их от всякого участия в городском управлении» ¹²⁵.

По мнению 16 губернаторов и 2 градоначальников, каждое избирательное собрание должно избирать гласных из своей только среды, «дабы устранить по возможности личный характер избирательной борьбы, уменьшить действующую деморализующим образом выборную агитацию и парализовать борьбу партий» ¹²⁶.

По мнению 15 губернаторов и 1 градоначальника, председательство в думе должно быть возложено либо на уездных или губернских предводителей дворянства, либо на особых лиц по назначению министра внутренних дел ¹²⁷.

Преобладающее число «местных начальств» (27 губернаторов и 2 градоначальника) настаивали на необходимости утверждать правительственной властью всех членов городских управ, а половина их считала целесообразным распространить это и на «всех должностных лиц городского общественного управления по выборам думы» ¹²⁸.

Наконец, 20 губернаторов полагали необходимым присвоить права государственной службы городскому голове и всем членам городских управ ¹²⁹.

¹²² ЦГИА, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38, л. 80—81.

¹²³ Губерний, относящихся к черте еврейской оседлости.

¹²⁴ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38, л. 85.

¹²⁵ Там же, л. 88.

¹²⁶ Там же, л. 95.

¹²⁷ Там же, л. 103.

¹²⁸ Там же, л. 135—136.

¹²⁹ Там же, л. 140.

Таковы основные замечания, поступившие с мес^с. Как мы видим, все эти замечания ставили своей задачей всемерное усиление административной опеки над органами городского общественного управления, а также значительного сокращения числа избирателей за счет лишения прав мелких торговцев, ремесленников и приказчиков. Надо отметить, что большая часть губернаторов настаивала на предоставлении избирательных прав квартирнанимателям, т. е. чиновникам, учителям, врачам, земским служащим и т. д.

1 марта 1891 г. Дурново внес в Государственный совет проект нового Городового положения. В своем представлении министр внутренних дел отмечал имеющиеся в действующем Городовом положении недостатки, о которых он уже говорил в своем циркуляре губернаторам от 2 июля 1890 г. Касаясь отзывов «местных начальств», свод мнений которых также представлялся в Государственный совет, Дурново решительно отвергал предложение о включении в состав городских избирателей квартирнанимателей, мотивируя это довольно своеобразно. «Хотя во многих губернаторских отзывах,— писал он,— заявляется [...] что взамен исключенных из среды избирателей мелких торговцев следовало бы ввести в избирательные коллегии нанимателей квартир как людей наиболее интеллигентных и заинтересованных в делах общественного благоустройства, но это мнение, вызывавшее большие сомнения [...] еще при рассмотрении Городового положения 1870 г. и не нашедшее в себе никакого определенного выражения в течение всего двадцатилетнего периода действия сего Положения, не выходит из пределов чисто теоретических пожеланий и едва ли может иметь серьезное значение. На практике же следует опасаться,— продолжал Дурново,— что от введения квартирнанимателей в Думы, деятельность сих учреждений будет направлена на ложный путь увлечений как хозяйственного, так и политического свойства»¹³⁰.

Остальные замечания «местных начальств», по-видимому, не волновали министра, так как по поводу их он не высказывает никаких суждений. Проект нового Городового положения составлялся в Хозяйственном

¹³⁰ Там же, л. 5.

департаменте. Как указывал в своем представлении Дурново, для того чтобы проверить подготовленный проект с помощью лиц, «практически знакомых с общественным устройством городских поселений,— городских голов», он считал целесообразным подвергнуть его «всестороннему обсуждению» в Особом совещании под председательством товарища министра Плеве.

Обратимся к содержанию проекта. Прежде всего проект предусматривал значительное усиление не только контроля, но и руководства органами городского общественного управления со стороны губернатора. Если в Городовом положении 1870 г. говорилось о том, что «городское общественное управление в пределах предоставленной ему власти действует самостоятельно», а «надзор за законным его исполнением [принадлежит] губернатору»¹³¹, то в проекте о «самостоятельной деятельности» ничего не упоминалось, права же губернатора значительно расширились. В ст. 4 проекта говорилось: «Губернатор имеет надзор за правильностью и законностью действий общественного управления, направляя оные согласно государственной пользе и нуждам местного населения. Ему предоставляется давать предложения общественному управлению относительно благовременного обсуждения и решения дел, вверенных его попечению»¹³². Таким образом, опека административной власти должна была значительно увеличиться.

Значительные изменения вносил проект в избирательную систему. Если по Положению 1870 г. избирательным правом пользовались все владельцы недвижимого имущества, «подлежащим сбору в пользу города» без указания размеров его стоимости, то проект ограничивал это определенной оценкой: в столицах — не менее 3 тыс. руб., в губернских и равных им с населением свыше 100 тыс. человек — не менее 1500 руб., в прочих губернских и крупных уездных городах — не менее 1 тыс. руб., а в остальных городах — не менее 300 руб. Помимо собственников недвижимого имущества избирательное право должно было предоставляться владельцам торгово-промышленных предприятий, требующим «по свой-

¹³¹ Там же, л. 25.

¹³² Там же, л. 25—26.

ству своему выбора свидетельства по 1-ой гильдии»¹³³. Кроме того, для всех избирателей устанавливался двух-летний ценз оседлости. Следовательно, основная масса представителей торгово-промышленного сословия, за исключением купцов I гильдии, лишалась избирательных прав. Численный состав избирателей должен был значительно сократиться¹³⁴. Надо при этом сказать, что участие в выборах лиц, имевших на это право по Положению 1870 г., по данным, собранным Министерством внутренних дел, было за четырехлетие (1889—1892 гг.) чрезвычайно незначительно¹³⁵.

Проект вносил существенные изменения в систему выборов. Вместо деления избирателей на три разряда — курии — по сумме взимаемого с них налога проект предполагал образование одного избирательного собрания. «Если число избирателей более трехсот и в составе их имеется не менее $\frac{1}{5}$ части лиц, не принадлежащих к городским состояниям, то из сих последних совместно с представителями ученых, учебных и благотворительных учреждений составляют особое избирательное собрание»¹³⁶. Оба этих собрания должны были избирать причитающиеся на их долю число гласных¹³⁷.

¹³³ Там же, л. 26. Так же как и по Положению 1870 г., право выбора получали разные ведомства, научные, учебные, благотворительные заведения, учреждения, общества, компании и другие организации, владевшие в городе недвижимым имуществом.

¹³⁴ По Москве вместо 23 671 избирателя по проекту имело право участвовать в выборах 7221, по Казани — соответственно 6025 и 905, по Вильно — 2805 и 503, по Серпухову — 1012 и 387, по Подольску — 338 и 267, по Дмитрову Московской губернии — 900 и 170, по Звенигороду — 538 и 165 (там же, л. 388—393). Особенно уменьшилось число избирателей в городах, входивших в черту еврейской оседлости. Так, в Харькове вместо 6996 должно было остаться 1485, в Житомире — соответственно 2990 и 350, в Минске — 3539 и 223, в Ковно — 1955 и 97, в Витебске — 3278 и 267 (там же, л. 796—797).

¹³⁵ По Петербургу из 21 170 человек участвовало в выборах 5824, по Москве из 23 671 — соответственно 1807, по Казани из 6025 — 568, по Серпухову из 1012 — 95, по Ямбургу из 121 — 33 (там же).

¹³⁶ Там же, л. 29.

¹³⁷ Так, число избирателей, принадлежащих к негородским состояниям, совместно с представителями ученых, учебных и благотворительных учреждений было достаточно велико. В Киеве они должны были составлять около 30%, в Харькове — немногим более 50, в Тифлисе — 41% (там же, л. 796—797).

Это означало попытку образовать особое дворянское избирательное собрание, так как представителями «негородских сословий» являлись именно дворяне и чиновники, в подавляющей своей массе те же дворяне.

Согласно ст. 27 проекта, число гласных нехристиан не должно было превышать $\frac{1}{5}$ общего числа гласных. Проект вовсе лишал евреев права участия в выборах городских органов общественного управления, за исключением 9 западных губерний, где губернаторам предоставлялось право включать «достоинейших из евреев» в состав дум.

Если во время выборов, а также и повторных окажется, что избрано менее $\frac{2}{3}$ гласных, то согласно ст. 39 по указанию Министерства внутренних дел продлевался срок полномочий прежних гласных, а городской голова и члены управы просто назначались¹³⁸.

Проект жестко регламентировал обязанности гласных. В ст. 44 указывалось, что никто из гласных «без уважительных причин не должен уклоняться от присутствия в Думе»¹³⁹. А ст. 45 определяла наказания за нарушение этого. «Если гласный не явится в Думу и не пришлет извещения о законных к тому препятствиях или же объяснения его Думою будут признаны не заслуживающими уважения, то Думе предоставляется постановлением, принятым *двумя третями* присутствовавших в собрании гласных, подвергнуть неявившегося взысканиям, определенным в ст. 1440¹ Уложения о наказаниях»¹⁴⁰. В Городовом положении 1870 г. эти пункты отсутствовали.

Права городской думы по проекту значительно уまлялись, а деятельность ее подвергалась мелочной регламентации. Если в Положении 1870 г. ей предоставлялось право обращаться с ходатайствами от имени города перед высшими правительственными органами «о местных пользах и нуждах», то в проекте (ст. 47, пункт 20) говорилось о том, что дума делает «представление через губернатора высшему начальству о местных пользах и нуждах»¹⁴¹.

¹³⁸ Там же, л. 30.

¹³⁹ Там же, л. 31.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же, л. 32.

Если ранее указывалось, что заседания думы начинаются либо по усмотрению городского головы, либо по желанию не менее $\frac{1}{5}$ гласных, наконец либо по требованию губернатора, то в проекте заседания думы ограничивались четырьмя в год: в марте, мае, сентябре и ноябре. Даже, продолжительность заседания должна была определяться «по представлению головы губернаторам»¹⁴². Чрезвычайные заседания думы могли быть разрешаемы в Петербурге министром внутренних дел, в Москве — генерал-губернатором, а в прочих городах — губернаторами¹⁴³.

По Положению 1870 г. рассмотрение в думе вопросов производилось по предложениям городского головы и гласных, по требованию административных властей и, наконец, по просьбам и жалобам частных лиц. В проекте, как ни странно, отсутствовал пункт «по требованиям и заявлениям правительственных установлений», а вместо него был введен пункт «по представлениям управы»¹⁴⁴. Это полностью противоречило общей направленности проекта.

Значительно усиливались права губернаторов в отношении контроля над думскими решениями. В проект был включен ряд статей, конкретизировавших эти права. В ст. 61 и 62 подробно перечислялись те вопросы, которые подлежали утверждению губернатора и министра внутренних дел. Постановления думы, не подлежащие утверждению губернатора, могли приводиться в действие, «если губернатор в *двухнедельный* со дня получения сих постановлений срок не остановит их исполнения»¹⁴⁵. Тогда, когда губернатор не признавал возможным утвердить решение думы, то он должен был передать этот вопрос на рассмотрение губернского по земским и городским делам присутствия, решение которого считалось окончательным (ст. 63)¹⁴⁶. В других случаях окончательное решение оставалось за министром внутренних дел (ст. 69).

Городской голова, согласно проекту, как и прежде, должен был утверждаться в губернских городах минист-

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же, л. 35.

¹⁴⁶ Там же.

ром внутренних дел, а в уездных — губернатором. Новым в этом отношении являлось то, что по ст. 96 проекта министр внутренних дел или губернатор в случае неутверждения избранных лиц предлагает думе произвести новые выборы либо назначить на выборный срок указанных лиц¹⁴⁷.

Принципиально новой являлась ст. 98 проекта, предусматривавшая, что городские головы, члены управ и городовые старосты считались «состоящими на государственной службе»¹⁴⁸. Вполне естественно, что это обуславливало большую зависимость городской администрации от правительственной власти.

В заключение проекта были помещены «Правила об упрощенном городском общественном управлении» в качестве приложения к ст. 40. В правилах этих говорилось, что «в поселениях, в коих число лиц, пользующихся правом голоса, не достигает 100, учреждаются взамен городской думы собрания уполномоченных от местных домохозяев»¹⁴⁹. Уполномоченные эти должны были избираться под руководством назначенного губернатором лица в числе 10—15 человек из лиц, владевших недвижимой собственностью, стоимость которой по оценочному сбору должна была быть не менее 100 руб.

Анализируя внесенный в Государственный совет проект, мы видим, что он прежде всего ставил своей задачей как можно больше уменьшить самостоятельность органов городского общественного управления, подчинив их целиком административной власти. Помимо этого проект предусматривал значительное сокращение числа избирателей за счет лишения права выбора мелкой и части средней буржуазии, а также приказчиков. Проект создал преимущественное право выборов владельцам недвижимых имуществ, имея в виду, что ценз для этой категории избирателей был более низким, чем для представителей торгово-промышленных кругов.

Как обычно, проект Городового положения был ра-

¹⁴⁷ Там же, л. 40—41.

¹⁴⁸ Там же. По Положению 1870 г. городские головы и члены управ не являлись состоящими на государственной службе, за исключением секретаря городской управы в губернских городах, который являлся докладчиком в губернском по городским делам присутствии, а потому считался находящимся на коронной службе.

¹⁴⁹ Там же, л. 47.

зослан на отзыв ряду министров и главноуправляющих отдельными ведомствами, причем некоторые из них сделали весьма существенные замечания. Серьезные возражения были присланы государственным контролером Т. И. Филипповым. Они касались двух вопросов. Во-первых, Филиппов возражал против преимуществ, установленных для владельцев недвижимых имуществ, и, во-вторых, он выступал решительным сторонником предоставления избирательных прав квартиронанимателям. По этому вопросу он писал: «Я не могу не признать, что введение в состав городских дум представителей от других классов городских обывателей вызывается существенной необходимостью. Допущение же к участию в городских выборах именно квартиронанимателей я нахожу не только справедливым [...] но и вполне удобоприемлемым, ввиду того что стоимость занимаемых ими квартир может служить весьма подходящим мерилом для установления имущественного ценза [...] Я не вижу,— продолжал он,— никакой опасности в политическом отношении, если это участие будет обставлено некоторыми ограничительными условиями, довольно значительным имущественным цензом по стоимости квартиры, более или менее продолжительным пребыванием в городе и т. п.»¹⁵⁰

Возражая на это, Дурново отвечал: «Если двадцать лет назад при господствовавшем тогда стремлении расширять избирательное право и строить общественные учреждения на представительных началах¹⁵¹ не было признано [...] призвать нанимателей квартир к общественной деятельности без нового законодательного обсуждения, то теперь, когда руководительная мысль о представительстве получила иное, более согласное с условиями политического нашего быта направление, расширение указанного права в такую сторону, которая обнимает собою не коренные, а пришлые и более или менее случайные элементы населения городов и посадов, едва ли было бы уместно и по своим последствиям едва

¹⁵⁰ Там же, л. 555—556.

¹⁵¹ Интересно заметить, что период реакции конца 60-х — начала 70-х годов, когда готовилось и обсуждалось Городовое положение 1870 г., представлялся Дурново временем утверждения демократических принципов.

ли целесообразно»¹⁵². Таким образом, не приводя никаких конкретных возражений, Дурново руководствовался в этом вопросе лишь общими политическими соображениями.

Министр финансов Вышнеградский в своем отзыве на проект указывал, что владельцы недвижимой собственности, получившие право выбора, уплачивают в пользу города не больше, а даже несколько меньше налога, чем купцы II гильдии, которые лишаются этого права. «Помимо несправедливости по отношению к купцам II гильдии,— писал Вышнеградский,— проектированная мера может вызвать на практике существенные неудобства в тех местностях, где купцов I гильдии или вовсе нет, или число их очень незначительно»¹⁵³. В силу этого Вышнеградский настаивал на предоставлении купцам II гильдии, за исключением столиц, избирательных прав, однако Дурново в ответе на отзыв министра финансов на это не согласился.

Министр юстиции Манасеин в своем отзыве на проект в целом давал ему положительную оценку, однако ряд его положений вызывал у него возражения. Он полагал, что некоторые статьи проекта излишне ущемляют интересы городского общественного управления, как, например, ограничение дум распоряжаться городским имуществом. Ему представлялось, что «преобразование общественного управления в небольших городах на началах полного лишения его всякой самостоятельности едва ли может внести какие-либо улучшения в дело городского хозяйства»¹⁵⁴. И наконец, он, как и государственный контролер, выступал сторонником включения в состав избирателей квартиронанимателей «как лиц наиболее интеллигентных, заинтересованных в делах городского устройства»¹⁵⁵.

Наконец, министр юстиции критиковал принцип установления избирательного ценза в зависимости от владения недвижимым имуществом, а не от степени имущественной обеспеченности в целом. Однако и с этими замечаниями Дурново не согласился.

¹⁵² ЦГИА, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38, л. 596.

¹⁵³ Там же, л. 572.

¹⁵⁴ Там же, л. 666.

¹⁵⁵ Там же, л. 669.

Рассмотрение проекта Городового положения в Государственном совете началось 25 мая 1891 г., а затем было отложено до конца января 1892 г. Как рассказывает в своем дневнике Половцов, это произошло потому, что в представлении Дурново полностью отсутствовали необходимые статистические сведения, сбор которых и потребовал определенного времени¹⁵⁶. В Соединенных департаментах обсуждение проекта происходило с 25 января и продолжалось в течение всего февраля, а затем закончилось 25 апреля.

Представленный проект, впрочем так же как и другие законопроекты контрреформы, встретил в Соединенных департаментах серьезную критику. «Приступая к обсуждению сего обширного и важного труда,—говорилось в журнале,—Департаменты признают его заслуживающим полного внимания. Положенную в основу проекта мысль об устройстве городского общественного управления на тех началах, которые приняты в недавнее время для организации земских учреждений, нельзя не считать в существе правильной». При этом отмечалось, что мысль эта должна быть проведена лишь постольку, «поскольку тому не препятствует естественное различие в некоторых условиях городской и уездной жизни». Соединенные департаменты отнеслись весьма положительно к стремлению проекта улучшить состав городских общественных учреждений и «установить более точные и определительные правила их деятельности». Особого внимания и одобрения, по мнению Департаментов, заслуживали те предположения проекта, которые «имеют в виду подчинить ведение дел городского общественного управления деятельному надзору правительства»¹⁵⁷. По мнению Департаментов, отсутствие действенного правительственного контроля являлось одним из крупнейших недостатков Городового положения 1870 г.

В связи с этим Департаменты, как говорилось в журнале, «не встречают препятствий к принятию тех предположений проекта, которые имеют в виду облечь министра внутренних дел и губернское начальство по делам городского общественного управления такими же

¹⁵⁶ См. «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 375.

¹⁵⁷ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38, л. 830.

полномочиями, какие предоставлены администрации законом 12 июня 1890 г. по делам земских учреждений»¹⁵⁸.

После столь высокой оценки проекта в целом в журнале говорилось, что «вместе с тем, однако, Департаменты находят нежелательным идти далее этих пределов и подчинять деятельность [органов городского общественного управления.—П. З.] ограничениям, не установленным для земства. Не следует забывать, что в делах общественного управления излишняя правительственная опека представляется столь же вредною, как и недостаток надзора [...] Чрезмерное стеснение самостоятельности городских органов едва ли полезно. Такая мера могла бы лишь охладить интерес к общественному делу в лучших представителях местного населения и невыгодно отразиться на качестве личного состава городских дум и управ. С другой стороны, подобный порядок вещей был бы неудобен и с точки зрения правительственных интересов. В случае излишнего ограничения дум и управ они утратили бы значение ответственных органов общественного управления и весь центр тяжести сего управления перешел бы в руки губернской администрации»¹⁵⁹. Это же, по мнению Соединенных департаментов, было бы вредным, так как круг ее деятельности и без того крайне обширен.

Если учесть своеобразный характер журнальной записи, ставившей своей целью сглаживать острые углы, то становится ясным, что в Государственном совете проект Плеве — Дурново не встретил большой поддержки. Говоря об обсуждении проекта Городового положения в Государственном совете, Половцов заносит в свой дневник 8 февраля 1892 г. следующую фразу: «Решительно главная задача Совета обезвреживать вносимый к нему проект»¹⁶⁰. Особенно энергичным оппонентом, по словам Половцова, был Н. С. Абаза, неоднократно выступавший с резкой критикой тех или иных статей проекта, главным же адвокатом был Плеве¹⁶¹. Решительно критиковали проект также Каханов, Манасеин, Б. П. Мансуров, Стояновский. Так, Манасеин, настаивая

¹⁵⁸ Там же, л. 831.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 419.

¹⁶¹ См. там же.

на предоставлении избирательных прав квартиронанимателям, указывал, что привлечение этой категории населения к участию в городском общественном управлении «обещает для него большие выгоды»¹⁶².

Н. С. Абаза, Каханов, Мансуров, Фриш настаивали на предоставлении избирательных прав купцам II гильдии¹⁶³. В результате обсуждения проекта в Соединенных департаментах в него был внесен ряд существенных изменений. Избирательное право было предоставлено купцам II гильдии помимо столиц. Кроме того, ценз оседлости был установлен в один год вместо двух по проекту. Предложение проекта о создании особого избирательного собрания для лиц «негородских состояний» было отвергнуто Соединенными департаментами.

Особенно много изменений было внесено в ту часть проекта, которая была посвящена вмешательству административных органов в дела городского общественного управления. Так, ст. 4 проекта, которая предусматривала не только надзор «за правильностью и законностью действий» городских органов, но и «направление их деятельности сообразно государственной пользы и нуждам местного населения», была сокращена, а вторая ее часть опущена.

Была изменена ст. 64, ограничивавшая заседания думы четырьмя в год. В новой редакции число заседаний думы определялось не менее 4 и не более 24 в год, причем продолжительность их не регламентировалась губернатором. В новой редакции была принята ст. 39. Если гласных было выбрано недостаточно, то министр внутренних дел мог лишь дополнить недостающее число их, а не продлевать срок полномочий для всего старого состава.

Особенно бурные споры происходили при обсуждении вопроса о правах министра внутренних дел в отношении окончательного утверждения думских решений. «В Соединенных департаментах,— пишет в дневнике Половцов,— горячие прения о 69-й статье проекта о Городовом положении, по которой министру внутренних дел предоставляется право отменять всякое распоряжение

¹⁶² ЦГИА, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38, приложение, л. 90.

¹⁶³ Там же, л. 78—79.

всякой думы и заменять его своим собственным»¹⁶⁴. Соединенные департаменты признали необходимым, что в подавляющем большинстве случаев окончательное решение принадлежит либо Комитету министров, либо Государственному совету. Изменена была и редакция ст. 96, по которой разрешалось в случае неутверждения избранных на те или иные должности лиц по усмотрению губернатора или назначать новые выборы, или заменять эти должности «по назначению правительства». Соединенные департаменты признали необходимым производство вторичных выборов, а замещение этих должностей по назначению производить «лишь в исключительных случаях, как исчерпаны все средства к замещению сих должностей в общеустановленном порядке»¹⁶⁵.

Вопрос об учреждении упрощенного городского общественного управления был решен несколько иначе, нежели в проекте. Учреждение его в каждом отдельном случае должно было рассматриваться Комитетом министров. Соединенные департаменты не поддерживали предложения о предоставлении избирательных прав квартиронанимателям, хотя и отнеслись к нему в целом сочувственно. «Департаменты находят, говорилось в журнале,—что предлагаемая мера заслуживает полного внимания. Но приступить теперь же к ее рассмотрению едва ли возможно за отсутствием достаточно твердых данных, которые позволили бы правильно судить о способах к осуществлению сей меры. Вследствие сего и имея в виду, что от министра внутренних дел вполне зависит обсудить вновь означенный вопрос, когда в том явится настоятельная потребность, Департаменты признают более осторожным не предрешать его в настоящее время»¹⁶⁶.

Серьезные споры произошли на заседании 29 февраля по вопросу об участии евреев в органах городского общественного управления. «Разногласия происходят по вопросу о допущении евреев к участию в городском управлении,—пишет в дневнике Половцов.—Проект допускает лишь, что в западных губерниях губернаторы

¹⁶⁴ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 419.

¹⁶⁵ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38, л. 854.

¹⁶⁶ Там же, л. 836.

будут назначать нескольких гласных из числа благонадежных евреев. Дурново перед заседанием шепчет на ухо каждому члену, что такова воля государя»¹⁶⁷. Однако большинство членов Соединенных департаментов по инициативе Н. И. Стояновского высказалось за предоставление евреям, проживающим вне черты оседлости, права принимать участие в городском общественном управлении. За это предложение высказалось 20 человек, против — 4¹⁶⁸. Однако Александр III этому категорически воспротивился. В журнале Соединенных департаментов по этому поводу сказано, что, «выслушав изложенное объяснение о затруднительности отступить в настоящем частном случае от общего направления правительственной политики, Департаменты не сочли возможным настаивать на сохранении за евреями, постоянно проживающими вне черты оседлости, прав на участие в городском управлении»¹⁶⁹.

Итак, Соединенные департаменты внесли в проект значительные поправки, однако они не изменили существа его. Большинство поправок касалось отношения административных властей к органам городского управления. Однако опека коронных властей над органами городского управления усиливалась, были устранены лишь некоторые крайности, и ей была придана более законная форма. 13 мая решение Соединенных департаментов было одобрено Общим собранием Государственного совета без каких-либо серьезных изменений, а 11 июня законопроект был утвержден императором¹⁷⁰.

Городовое положение 11 июня 1892 г. значительно

¹⁶⁷ «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. II, стр. 429.

¹⁶⁸ ЦГИА, ф. Департамента законов, 1892 г., д. 38, приложение, л. 359. Помимо Стояновского за предоставление евреям, проживающим вне черты оседлости, права участвовать в городских выборах высказались Каханов, Н. С. Абаза, Тернер, Марков.

¹⁶⁹ Там же, л. 1129. Окончательно вопрос об участии евреев в органах городского управления решился следующим образом: «Впредь до пересмотра действующих о евреях узаконений» евреи не допускаются к участию в городских избирательных собраниях. В черте же еврейской оседлости, за исключением Киева, некоторая часть евреев назначалась гласными губернским по городским и земским делам присутствием. При этом число их не должно было превышать $\frac{1}{10}$ общего числа гласных (ПСЗ, 3 собр., т. XII, № 8708, XIV).

¹⁷⁰ ПСЗ, 3 собр., т. XII, № 8708.

уменьшало самостоятельность органов городского общественного управления, усиливая права администрации и превратив членов городских управ в лиц, состоящих на государственной службе. Вместе с тем были внесены серьезные изменения в избирательную систему. Значительная часть мелкобуржуазных слоев городского населения была лишена права выборов, и тем самым роль дворянства среди избирателей существенно возросла. Таково реакционное значение городской контрреформы.

Однако вопреки стремлениям правительства избирательная система имела и положительное значение с точки зрения состава городских дум. Увеличение удельного веса лиц негородских состояний, т. е. дворян-домовладельцев, а также представителей различного рода учреждений и обществ — владельцев городской недвижимой собственности — способствовало тому, что число гласных интеллигентских профессий — лиц со средним и высшим образованием значительно увеличилось. В условиях общественного и революционного подъема в стране это, естественно, не могло не приводить к росту оппозиционности и представителей городской общности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая реакция, возникшая тотчас же после убийства Александра II, происхождением своим обязана той обстановке, которая сложилась в России в этот период. Разгром партии «Народная воля», отсутствие каких-либо других революционных сил, слабость крестьянского движения, незначительное число рабочих выступлений, известный политический индифферентизм, охвативший широкие круги интеллигенции после событий 1 марта, — таковы объективные причины, способствовавшие утверждению реакционного курса.

Конкретные формы, в которых претворялась эта политика реакции, во многом определялись самодержцем «всей России» и его ближайшим окружением. Первую роль играли здесь Победоносцев, Толстой, Катков и Мещерский.

Правительственную политику периода реакции можно подразделить на три этапа. Первый этап (с конца апреля 1881 по лето 1882 г.) — период перехода к реакции, прикрываемого демагогическими посулами и обещаниями, время министерства Игнатьева, рассмотренный нами в предыдущем исследовании «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов».

Второй этап — 1882—1885 гг. Этот период характеризуется окончательным утверждением реакционного курса, «возвращением правительства», как говорил Катков. Однако в эти годы правительство не имело еще какой-либо цельной программы действия в смысле утверждения реакционных начал во всех сферах государ-

ственной жизни. В это время самодержавие еще не решается предпринимать какие-либо серьезные шаги. С одной стороны, этому мешает коронация — боязнь усилить недовольство широких слоев общественности, с другой — некоторая существующая еще неясность касательно враждебных правительству сил. В этот период, во-первых, происходит борьба внутри правительства против министров-«либералов» Бунге и Набокова. Во-вторых, осуществляются первые реакционные мероприятия в области просвещения, главным из которых было утверждение нового университетского устава 1884 г. И наконец, в-третьих, происходит решительная расправа с прогрессивной печатью. Собственно говоря, наибольшего успеха реакции удастся достигнуть в области цензурной политики. Занявший в 1883 г. пост начальника Главного управления по делам печати Феоктистов к 1886 г. сумел решительно расправиться почти со всеми прогрессивными органами печати.

Третий этап — 1886—1894 гг. — характеризуется дальнейшим наступлением реакции. Прежде всего в этот период начинает претворяться в жизнь программа Пазухина, рассчитанная на утверждение сословного (дворянского) начала как в деревне (закон о земских начальниках), так и в органах земского и городского общественного управления. В это время, особенно с начала 90-х годов, значительно усиливается политика национального шовинизма, характеризовавшаяся, с одной стороны, русификацией окраин, а с другой — массовыми репрессиями против евреев, «мултанским делом», насильственными крещениями бурят и другим подобным произволом.

В эти же годы огромное распространение получает административный произвол, находивший свое выражение в деятельности как высших и центральных государственных учреждений, так и представителей местной администрации — губернаторов.

Претворение в жизнь административного произвола определялось, во-первых, общей обстановкой в стране и, во-вторых, покровительством Александра III и его ближайшего окружения этому произволу.

Вместе с тем изучаемый период характеризовался все большим утверждением в правительственных декларациях и полицейско-бюрократической практике систе-

мы лжи и лицемерия. Это обуславливалось не столько личными качествами высшего чиновничества, сколько почти полным отсутствием в стране общественного мнения — полным общественным безмолвием.

Если в целом политика правительства носила явно выраженный дворянский характер, рассчитанный на сохранение в стране феодальных пережитков, то в области экономики и финансов она имела совершенно иную направленность. Отмена подушной подати, введение новых буржуазных принципов налогового обложения, непрерывное увеличение ввозных пошлин, что нашло свое окончательное выражение в таможенном тарифе 1891 г., — все это находилось в полном противоречии с общей направленностью политического курса российского самодержавия. Подобное противоречие объяснялось тем, что экономическая область правительственной политики была по существу вне власти самодержавия. Потребности государства вызывали необходимость заботы о повышении доходной части бюджета, а это требовало таких форм налогового обложения, которые обеспечивали бы наибольшую эффективность в деле наполнения государственного сундука. Феодальные принципы обложения не приносили нужных результатов. Требовался переход к новым его формам — буржуазным.

Значительную долю доходной части бюджета составляли различные сборы с торговых и промышленных предприятий, а это в свою очередь требовало развития промышленности и торговли. Отсюда покровительственные меры в отношении промышленности — протекционистские таможенные тарифы, что, естественно, способствовало развитию капитализма. Промышленный подъем второй половины 90-х годов в большей степени был подготовлен экономической политикой правительства в рассматриваемый нами период.

Вместе с тем надо отметить, что успехи в области экономической политики обуславливались тем, что она в определенной степени соответствовала стихийному процессу социально-экономического развития.

Рассмотрим основной вопрос заключительной части нашего исследования. Каковы реальные результаты рассматриваемой нами правительственной политики?

Почти полтора десятилетия правительственной реак-

ции не могли, естественно, не задержать общественно-политическое развитие России. Однако степень результативности этой политики правительства была различна.

Наибольших результатов добилась реакция в области усиления административно-полицейского гнета и произвола, а также политики воинствующего национализма — национального угнетения нерусских народов. Многое удалось сделать правительству в деле борьбы с передовой общественной мыслью. Цензурные преследования достигли в рассматриваемый нами период огромных размеров. Однако утвердить реакционное единомыслие, о котором мечтал Катков, правительству все же не удалось.

В области просвещения реакция достигла также определенных результатов. Здесь и ликвидация университетской автономии, и утверждение казарменно-полицейского режима в средней школе, и сохранение в первоизданном виде ненавистной всем классической системы образования, и определенные шаги в деле клерикализации начальной школы. Однако и здесь чаяния Толстого, Делянова и Победоносцева не были полностью реализованы. Студенчество оказалось неумиротворенным. Несмотря на все меры, социальный состав студенчества почти вовсе не изменился. Стремление Победоносцева превратить начальную школу из светской в духовную благодаря противодействию земских деятелей не удалось. Таким образом, даже в этих областях политики, не связанных непосредственно или опосредствованно с ходом социально-экономического развития, правительство не достигло всего того, к чему оно стремилось. Причины этого многообразны: здесь и различные формы общественного противодействия, и отсутствие единства внутри правительства, и некоторые другие обстоятельства.

Несмотря на ряд перемен в составе правительства, осуществленных Александром III, оно не было по своему составу однородным. Наряду с Толстым, Победоносцевым, Деляновым и, как говорится, «иже с ними» в правительстве находились Набоков, затем Манасеин, Бунге, Шестаков, отличавшиеся по своим воззрениям от первых. Они отнюдь не были сторонниками ультра-реакционных мер, утверждения административно-полицейского произвола. Помимо этого по отдельным, порой весьма существенным вопросам возникали разногласия и

между главными деятелями реакции — Победоносцевым, Толстым и Деляновым. И так было при обсуждении проекта университетского устава, закона о земских начальниках и в ряде других случаев. То же обнаруживается и в Комитете министров, когда, правда в весьма редких случаях, те или иные представления министров не получали санкции этого учреждения.

Если в Комитете министров это носило единичный характер, то в Государственном совете, где находилось значительное число сановников прошлого царствования, принадлежавших к либеральной бюрократии, отрицательное отношение к тем или иным законопроектам было явлением обычным.

Это обстоятельство — разногласия в правительственных сферах — также не могло не оказывать определенного влияния на проведение в жизнь тех или иных реакционных начал.

Наименьший успех, а порой и просто неудачу испытывало правительство в проведении тех мер, которые имели то или иное соприкосновение с социально-экономическими процессами развития. К ним в первую очередь надо отнести меры в области аграрного законодательства, ставившие своей задачей консервацию существовавших феодальных и патриархальных отношений. Здесь результативность проводимых правительством законов имела очень малое значение. Закон 1889 г. о переселениях крестьян, устанавливавший ряд ограничений этому естественному процессу, не привел по существу ни к каким результатам. То же надо сказать о законах по поводу переделов и семейных разделов. Практическое значение их было невелико. Если число переделов и семейных разделов в узаконенной форме уменьшалось, то число самовольных значительно увеличивалось. В какой-то степени это можно сказать и о контрреформах, не давших тех результатов, которые возлагались на них правительством.

Закон о земских начальниках в этом отношении дал наибольшие результаты по сравнению с другими реформами. Установив власть дворянина-помещика над крестьянским миром, сосредоточив в его руках и административные и судебные функции, правительство не достигло все же того, к чему оно стремилось. Оно не могло реализовать реакционно-утопические планы Пазухина

о сближении дворянства и крестьянства, «связанных вековыми узами», не смогло предотвратить процессы оскудения первого с точки зрения его положения и влияния в политической жизни страны, не говоря уже о его экономическом положении.

Земская контрреформа принесла еще меньшие результаты. Стремление правительства построить земские органы на сословной основе и придать им дворянский характер как будто бы увенчалось успехом. Однако процесс обуржуазивания дворянства, а отсюда и либерализации его взглядов привел к тому, что в земствах увеличивались не Пазухины и ему подобные, а земцы-либералы. Таким образом, земская контрреформа, несмотря на усиление правительственной опеки и на известное увеличение численности дворянства, не изменила оппозиционной сущности земских органов.

То же надо сказать и о городской контрреформе, уменьшившей самостоятельность городских органов общественного управления. Лишив избирательных прав представителей мелкой буржуазии (местных торговцев, приказчиков), закон 1892 г. усилил в городских думах роль владельцев недвижимой собственности, а также представителей учреждений, владевших в городах недвижимой собственностью. Тем самым увеличился в городских думах, а следовательно, и управах процент лиц со средним и высшим образованием. Это, естественно, увеличивало и процент оппозиционных элементов, т. е. представителей либеральной интеллигенции.

Таким образом, правительство оказывалось бессильным в тех областях своей политики, которые в той или иной степени были связаны с процессом социально-экономического развития.

Начало 90-х годов знаменуется ужасающим голодом 1891—1892 гг. — «всероссийским разорением», как его называли современники. Активное участие широких слоев общественности, преимущественно демократической, в борьбе с голодом, в которой правительство оказалось совершенно неспособным, послужило началом новому общественному подъему. «Неурожай 1891 года и холера 1892—3 годов, — писал министр внутренних дел Делянову, — выдвинули усиленный наплыв молодежи в деревню и в результате оживили несколько загложшее в течение 80-х годов стремление русской молодежи к поднятию по

личному почину интеллигенции умственного уровня народа»¹.

В общественном подъеме большая роль принадлежала представителям молодой русской социал-демократии. Это явление даже было понятно Департаменту полиции. В «Историческом очерке организации и деятельности Департамента полиции» по этому поводу прямо говорилось, что «особенно развитие ее (социал-демократической пропаганды.— П. З.) стало заметно с начала 1890 г., причем преступные организации, принимавшие разные наименования, наиболее рельефно проявляли свое существование с 1894 и 1895 гг., когда под именем «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса» обратили преимущественное внимание на пропаганду борьбы рабочих с капиталистами и организовали в 1896 г. обширные стачки и забастовки первоначально в С.-Петербурге, а затем в большинстве других промышленных и заводских центров»².

В этот же период наблюдается оживление и в других областях общественной жизни, что и нашло свое выражение в новом подъеме студенческих волнений.

Курс активной политической реакции, который проводился на протяжении 80-х и начала 90-х годов, становился в этих условиях уже невозможным. Непосредственным результатом нового общественного подъема явился тот факт, что проект судебной реформы, разработанный Муравьевым, не мог быть реализован. Эти же причины вызвали появление нового фабричного закона, являвшегося непосредственным результатом стачечной борьбы 1896 г.

Итак, правительство под влиянием нового общественного подъема принуждено было несколько ослабить политический курс неприкрытой реакции, однако общая направленность его оставалась прежней.

Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов, направленная на консервацию и усиление феодально-крепостнических пережитков, задержала в известной степени развитие общественной жизни в стране, вызвав появление ряда реакционных законов, массовый административно-полицейский произвол. Однако она не мог-

¹ ЦГИА, ф. Деянова, д. 782, л. 1, письмо от 5 февраля 1894 г.

² ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 302, д. 707, л. 151.

ла изменить общего процесса социально-экономического развития, не могла задержать развития русской передовой общественной мысли, несмотря на цензурные репрессии и другие реакционные меры.

Больше того, длительный период реакции, характеризовавшийся угнетением всего передового, а также массовым политическим произволом, вызвал в общественном организме такие запасы ненависти к самодержавию, которые не могли не вылиться в революционный взрыв.

К тому же период реакции обнаружил со всей очевидностью кризис системы самодержавного строя, разложение его верхушки, начиная с императорской фамилии вплоть до тех или иных представителей местных властей.

Таким образом, политическая реакция 80-х—начала 90-х годов явилась одной из причин, вызвавшей революционные события 1905—1907 гг.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза А. А. 73, 84, 88, 100, 116, 139, 213, 278, 356, 363, 385, 391, 396
 Абаза Н. С. 135, 409, 424, 425, 427
 Айзеншток И. Я. 26, 266
 Александр II 8, 9, 35, 38, 51, 58, 61, 152, 197, 252, 273, 305, 320, 429
 Александр Михайлович, вел. кн. 46
 Александр III 8, 9, 12, 14, 17, 19, 23—26, 28—30, 35—45, 48—51, 53—55, 57, 59, 60, 64, 65, 70—72, 74, 76—83, 86, 87, 89—91, 95, 97—101, 109—112, 118, 121, 125, 129, 133, 135, 139, 140, 142, 145, 147—149, 152, 153, 157, 166, 171, 178, 179, 184, 185, 190, 192, 195, 198, 201, 203, 205, 209, 211, 217, 232—235, 243, 245, 251—254, 256, 263, 267, 279, 283—285, 287, 288, 296, 297, 299, 300, 309, 315, 316, 318, 324, 327, 328, 341, 342, 348—351, 358, 366, 367, 369, 372, 384, 391, 394—396, 411, 427, 430, 432
 Алексей Александрович, вел. кн. 19, 35, 51, 75, 316
 Альбединокий П. П. 119
 Ананич Б. В. 142, 146
 Анастасьев А. К. 14, 19, 80, 102, 103, 108, 171, 174, 179, 210, 219, 307
 Андреевский И. Е. 219
 Андреевский П. А. 294
 Анишин А. Ф. 369, 404
 Апухтин А. Л. 118
 Арсеньев К. К. 27, 264, 275, 298, 352
 Бакунин М. А. 66
 Баранов Н. М. 58, 171, 179
 Бартенов (по-видимому, В. В.) 97
 Барыков Ф. Л. 184, 219
 Белинский В. Г. 66, 67
 Белов 211
 Белоголовый Н. А. 50, 276, 292, 298
 Бестужев-Рюмин К. Н. 37
 Бехтеев С. С. 219, 228
 Бильбасов В. А. 277, 285, 299
 Бисмарк 279
 Блох Иосиф 6
 Блудов Д. Н., гр. 234
 Бобринков Н. И. 122
 Бобринский А. В., гр. 102
 Бобринский В. А., гр. 109
 Богданович А. В. 23, 60, 62, 108
 Богданович А. В. 219
 Богданович Е. В. 278
 Боровиковский А. Л. 289
 Боткин В. П. 66, 67, 265
 Брусникин Е. М. 33, 188, 199
 Брызгалов А. А. 317, 334, 335
 Бунге Н. Х. 26, 27, 71, 85, 88—91, 99, 115, 134, 139—

143, 145, 190, 194, 197, 199,
202, 213, 251, 278, 316, 321,
322, 356, 362, 430, 432
Бурцев В. Л. 44
БUTOBский П. М. 258

Ваганов Н. А. 219
Валк С. Н. 31, 120
Валуев П. А., гр. 65, 92, 99,
148, 195, 197
Валь В. В. 179
Ванновский П. С. 98, 315, 316,
356
Васильковский А. 346
Васильковский А. С. 77
Венгеров С. А. 299
Веселовский А. Н. 136
Веселовский Б. Б. 31, 410
Вешняков В. И. 267, 356
Вильгельм I 38
Витте С. Ю. 28, 45, 77, 146,
147, 200, 203
Вишняков А. Г. 184
Владимир Александрович, вел.
кн. 35, 51, 75, 77, 251, 316,
357
Волконский М. С., кн. 311, 314,
315, 341
Волконский С. Г., кн. 311
Воронцов В. П. 275
Воронцов-Дашков И. И., гр.
21, 185, 197, 265, 388—390,
392, 405
Высинская 97
Вышнеградский И. А. 72, 89,
101, 102, 115, 131, 135, 142—
147, 180, 190, 251, 356, 362,
380, 383, 385, 393, 409, 422
Вяземский П. П., кн. 266

Гагарин К. Д., кн. 116, 369,
404
Гаджелло В. Д. 96, 97
Галаган Г. П. 102, 219
Ганелин Р. Ш. 142, 146
Гаршин В. М. 304
Генералов В. Д. 106
Георгиевский А. И. 25, 69, 132,
311, 325, 326, 335—339, 365
Герард Н. Н. 132
Герн О. Б. 38
Герье В. И. 136

Гилляровский В. А. 299
Гинцбург Г. О., барон 40
Гирс Н. К. 42, 45, 71, 115, 185,
252, 278
Гоголь Г. Ф. 36
Голицын А. Н., кн. 116
Голицын Б. Ф., кн. 116
Голицын В. М., кн. 136, 184
Голицын И. М., кн. 116
Голицын Н. Д., кн. 385
Головин К. Ф. 150, 152
Голонин А. В. 26, 42, 64, 87,
100, 265, 321, 326
Гольцев В. А. 275
Гончаров И. А. 52
Горемыкин А. Д. 129
Горемыкин И. Л. 258
Горчаков М. А., св. кн. 116
Готовцев Д. В. 218
Грановский Т. Н. 19
Грейг С. А. 326
Грессер П. А. 153, 341, 342
Гримм 106, 128, 234
Грот К. К. 356, 392
Грют Я. К. 42
Губонин П. И. 116
Гудим-Левкович С. Н. 219
Гурко И. В. 40, 120
Гурская З. И. 129
Гюго В. 300

Дагмара — см. Мария Федо-
ровна
Данилович Г. Г. 46
Делянов И. Д., гр. 13, 14, 17,
19, 21, 25, 59, 71, 72, 78, 80,
85, 115, 119, 133, 134, 213, 306,
307, 309—313, 315—318, 322—
327, 329—335, 340—351, 353—
356, 358, 359, 360—364, 405,
432—434
Денкер 108
Дервиз Д. Г. 251, 392, 409
Дервиз П. Г. 77
Джаншиев Г. А. 304
Дмитриев А. Д. 310, 319
Добровольский 287
Добровольский Л. М. 299, 307
Добролюбов Н. А. 304
Долгово-Сабуров Н. П. 258,
369, 404
Долпорукий С. А., кн. 116
Долпоруков В. А., кн. 172, 173

- Долпорукнов (по-видимому, Д. Н.), кн. 21
Донат, епископ 125, 126
Достоевский Ф. М. 22, 52
Дрейер П. А. 106
Дроздов 108
Дубнов С. С. 135
Дурново И. Н. 19—22, 40, 43, 65, 102, 103, 127, 130, 136, 137, 151, 152, 171, 173, 182—184, 186, 201—203, 219, 251, 276, 279, 294—296, 299, 306, 307, 325, 363, 369, 396, 398, 408, 411, 412, 415, 421—424, 427
Дурново И. С. 275
Дурново Н. И. 292
- Евгения — императрица Франции 49
Егорова Матрена, 108
Екатерина II 285, 299
Еленев Ф. П. 118
Елисеев Г. З. 290
Ермолов А. С. 188, 189, 199
- Желябов А. И. 274
Жеребков В. А. 97
Жуйкевич 118
- Зайчневский П. Г. 276
Зарин А. Е. 219, 369, 404
Захарова (Мамулова) Л. Г. 33, 401
Зейфман Н. В. 7
Зиновьев М. А. 122, 126, 127
Зиновьев Н. В. 36
- Ибсен Г. 300
Игнатьев Н. П., гр. 28, 59, 60, 84, 131, 139, 148, 187, 188, 195, 217, 218, 263, 298, 429
Иловайский Д. И. 136
Имеретинский А. К., св. кн. 97
Иоанн Кронштадтский 108
Исаков Н. В. 322
Исидор, митрополит 107
- Катков М. Н. 1, 25, 27, 33, 53, 54, 56, 65—74, 77, 83—86, 88—90, 95, 101, 118, 142, 149, 205, 207, 236, 241, 243—245, 262, 267, 268, 276—278, 283, 286, 289, 291, 295, 309—311, 318, 320, 323—330, 334, 335, 364, 368, 402, 429, 432
Кауфман М. П. 356
Каханов М. С. 83, 111, 218, 219, 228, 251, 356, 381, 382, 391, 392, 396, 424, 425, 427
Кизеветтер А. А. 23, 150, 274, 279, 297
Киреев А. А. 21, 42, 44, 51, 60, 79, 97, 111, 179, 350, 365
Клинггенберг Н. М. 179
Ковалевский М. Е. 89, 218, 219, 322, 323
Колошин Н. Н. 132
Кондоиди Г. В. 219, 369, 404
Кони А. Ф. 23, 54, 55, 57, 96, 104, 106, 128, 152, 246, 258, 261
Константин Константинович, вел. кн. 22, 42, 46, 52, 53
Константин Николаевич, вел. кн. 21, 49, 61, 62, 99, 350
Корнилов А. А. 29
Королев А. 96
Короленко В. Г. 136, 302, 304
Корш Ф. Е. 343
Краевский А. А. 277, 286, 288—290
Красмус М. 125
Кривенко С. Н. 274, 290
Кривошеин А. К. 22, 146
Кривский П. А. 196, 369, 404
Ксения Александровна, вел. кн. 46
Кузьминский А. М. 128, 300
Кулишер М. И. 294
Куломзин А. Н. 60, 78, 79, 83, 184, 188, 189
Кутузов М. И., (св. кн. 38
Лавров В. М. 275
Лавров П. Л. 276
Ламанский В. И. 179, 186
Ламсдорф В. Н. 45, 46, 97, 98, 183, 185
Лебедев П. Н. 44
Ленин В. И. 8, 9, 28
Леонтьев П. М. 67, 68
Лесков Н. С. 295, 299

Любанов-Ростовский А. Б., кн.
 III 16
 Лозино-Лозинский, см. Любич-
 Ярмолевич
 Лорис-Меликов М. Т., гр. 50,
 55, 57—59, 63, 64, 83, 84,
 88, 100, 139, 152, 158, 187,
 188, 273, 277
 Лукьянов С. И. 258
 Любимов Н. А. 291, 310, 326,
 327
 Любич-Ярмолевич, Лозино-
 Лозинский В. С. 132
 Любошинский М. Н. 219, 250
 Львов А. Н. 107, 108

Майков А. Н. 22
 Мак-Магон, М.-Э. 38
 Маков Л. С. 58, 298
 Макшеев В. П. 294
 Мамулова Л. Г. см. Захарова
 Манасеин Н. А. 17, 23, 72, 87,
 88, 95, 96, 104, 106, 115, 181,
 247—257, 366—368, 372, 373,
 378—380, 384—386, 392, 396,
 407, 422, 424, 432
 Мансуров Б. П. 196, 388, 391,
 392, 409, 424, 425
 Марков П. А. 311, 427
 Мария Павловна, вел. кн. 77
 Мария Федоровна, императри-
 ца 37, 38, 39, 75
 Мария Федоровна, императри-
 ца (жена Павла I) 109
 Маркевич Б. М. 41, 274
 Маркс К. 301, 304
 Мартенс Ф. Ф. 132, 252
 Мартынов В. Д. 104, 105
 Мачабели, кн. 294
 Мейендорф Ф. А., барон 127
 Менделеев Д. И. 144
 Мещерская, кн. 74
 Мещерский В. П., кн. 19, 23—
 25, 27, 39, 48, 53, 74—80, 81,
 83, 86—90, 95, 102, 129,
 141, 146, 171, 229, 231, 233,
 235, 236, 278, 279, 341, 351,
 352, 395, 429
 Миллюков П. Н. 136
 Милютин Д. А., гр. 24, 25, 35,
 38, 42, 58, 64, 84, 86, 87, 265,
 310, 321, 341
 Минаев Д. Д. 265

Михаил Николаевич, вел. кн.
 18, 41, 49—51, 100, 178, 251,
 252, 316, 318, 322, 327, 357,
 384, 385, 394
 Михайловский Н. К. 64, 274,
 275, 289, 290, 292, 304
 Мицкевич А. Н. 132
 Мордвинов С. А. 218, 219
 Мосолов А. Н. 14, 21, 22, 44,
 209, 210, 212, 213
 Муравьев Н. В. 23, 26, 44, 96,
 97, 106, 110, 203, 236, 258,
 259, 261, 435
 Муромцев С. А. 136

Набоков Д. Н. 85—87, 95, 115,
 240—247, 257, 278, 315, 316,
 430, 432
 Накашидзе А. Д., кн. 98, 174,
 175, 178
 Наполеон III 49
 Неклюдов Н. А. 105
 Неклюдов П. В. 19, 98, 106,
 171, 175, 177—179
 Некрасов Н. А. 290
 Непорожнев Н. И. III
 Нессельроде К. В., гр. 116
 Нечаев С. Г. 89
 Никитенко А. В. 68
 Николадзе Н. Я. 274, 288
 Николаев А. С. 129
 Николаевский Ф. 96
 Николай А. П., барон 71, 84,
 85, 100, 116, 119, 182, 213,
 278, 309, 316, 322, 326, 344,
 385, 387, 388, 392
 Николай I 42, 186, 300
 Николай II, см. вел. кн. Нико-
 лай Александрович
 Николай Александрович, вел.
 кн. (в будущем император
 Николай II) 46—48, 129
 Николай Михайлович, вел. кн.
 52, 53
 Николай Николаевич (млад-
 ший), вел. кн. 47, 316
 Николай Николаевич (стар-
 ший), вел. кн. 37, 50, 51
 Никольская Н. П. 33
 Новицкий В. Д. 342

Обнинский В. П. 47

- Оболенский (по-видимому. Н. Д.), кн. 21
- Оксман Ю. Г. 20, 61, 286
- Оржевский П. В. 65, 151, 153
- Островский А. Н. 83
- Островский М. Н. 72, 79, 83, 84, 115, 116, 133, 148, 186, 196, 203, 244, 245, 251, 265, 267, 315, 316, 319, 326, 327, 362, 363, 366—368, 372, 373, 385, 392, 393, 406, 407
- Павел Александрович, вел. кн. 35, 75
- Павлов М. Г. 66
- Пазухин А. Д. 25, 33, 65, 71, 72, 92—95, 209, 219, 366—369, 371, 372, 385, 395, 401, 404, 407, 430, 433, 434
- Пален К. И., гр. 16, 132, 134, 152, 251
- Пастухов Н. И. 279, 280
- Перетц Е. А. 251, 392, 396
- Петр Великий 98
- Петрункевич И. И. 219
- Писарев Д. И. 304
- Платон, митрополит 107, 123
- Плевако Ф. Н. 258
- Плеве В. К. 16, 17, 26, 90, 96, 134, 135, 151—153, 171, 182, 190, 291, 213, 251, 258, 289—291, 341, 356, 362, 385, 392, 398, 416, 424
- Плеханов Г. В. 28, 29
- Плещеев А. Н. 61
- Победоносцев К. П. 12, 21, 23, 24, 26, 32, 39, 46, 53, 54—60, 71, 72, 76, 79, 83, 84, 86, 87, 89, 90, 95, 100, 107, 108, 115—117, 125, 127, 130, 142, 148, 149, 151, 196, 197, 203, 213, 236—239, 243, 249—252, 256, 263, 265—268, 282, 283, 285, 289, 291, 292, 300, 309, 310, 315, 318, 319, 321—323, 327, 357, 362—364, 366—368, 372, 373, 385, 389, 391—393, 405, 406, 408, 429, 433
- Подмигайлов П. Н. 294
- Потканов 108
- Половцов А. А. 17, 18, 33, 37, 40, 41, 46, 49—51, 59, 72, 73, 83, 84, 87, 90, 95, 100, 107, 111, 112, 117, 131, 135, 136, 146, 151, 192—194, 197, 199, 202, 218, 219, 241, 243—245, 249, 251, 252, 257, 279, 310, 311, 318, 321—324, 326, 327, 355, 362, 363, 372, 380, 384—386, 388—392, 394—396, 398, 408, 423, 424, 426
- Полонский Л. А. 277
- Поляков Л. С. 73
- Поляков С. С. 116
- Помяловский Н. Г. 304
- Попов 211
- Посыет К. Н. 58, 133, 315, 316, 405
- Потоцкий Б. С., гр. 113
- Протопопов М. А. 291
- Пушкин А. А. 21
- Пушкин А. С. 21, 42, 46, 299, 300
- Пушин 175—177
- Пэбо Аду 123
- Распутин Г. Е. 146
- Ратнер 346
- Редкин П. Г. 362
- Рейтерн М. Х. 90, 99, 197, 316, 318
- Ренан Эрнест 299
- Ренненкамтф К. К. 111, 331
- Решетников Ф. М. 304
- Рихтер А. А. 89
- Родзевич И. И. 277, 293
- Рождественский С. В. 30, 332
- Розенберг В. А. 271, 276
- Рооп Х. Х. 157
- Ротшильды 131
- Румянцев Н. Ф. 211
- Сабуров А. А. 344
- Саломон П. И. 363
- Салтыков-Щедрин М. Е. 61, 62, 81, 268, 274, 276, 279, 287—290, 292, 298, 302
- Саша (по-видимому, Новиков А. И.) 365
- Святополк-Мирский Н. И., кн. 50
- Селезнев В. Н. 277, 283
- Семевский М. И. 266, 287
- Семенов 272
- Семенов П. П. 189, 219

Сергей Александрович, вел. кн.
 35, 48, 51, 52, 75, 136, 173
 Серно-Соловьевич Н. А. 89
 Сигида Н. К. 43
 Синявский А. 317, 335
 Скальковский А. А. 63, 64
 Скарятин Н. 404
 Смирнов Н. П. 89
 Соболевский В. М. 27, 276
 Соловьев В. С. 118, 135, 300
 Сольский Д. М. 115, 407
 Сольский Х. П. 351
 Спасович В. Д. 258
 Станкевич А. В. 66—68
 Станкевич Н. В. 66
 Станюкович К. М. 275
 Старицкий Е. П. 318
 Старчевский А. В. 294
 Стасов В. В. 22, 52
 Стасюлевич М. М. 275, 277
 Стечкин 103
 Стишинский А. С. 258
 Стояновский Н. И. 115, 213,
 250, 251, 321, 391, 392, 424,
 427
 Строганов С. Г., гр. 58, 60
 Струве П. Б. 28
 Суворин А. С. 51, 279
 Судейкин Г. П. 152, 270
 Судьенко И. М. 404

Таганцев Н. С. 258
 Танеев А. С. 111
 Татищев А. А. 80, 102, 103, 171
 Теплинский М. В. 290—291
 Тернер Ф. А. 427
 Тизик К. 124
 Тимашев А. Е. 92, 197
 Тихомиров Л. А. 51
 Ткачев П. Н. 275
 Токарев В. Н. 178
 Толстая С. А., гр. 128, 300
 Толстая С. Д., гр. 62
 Толстой Д. А., гр. 9, 14, 19,
 21, 23, 25, 26, 28, 53, 54, 56,
 59—65, 69—71, 79, 82, 83—85,
 88—90, 95, 96, 115, 116, 119,
 123, 127, 148, 151, 153—155,
 157, 164, 170, 179—183, 189—
 191, 196, 201, 210, 213, 218,
 226, 233, 234, 235, 257, 263,
 265, 268, 282, 283, 285, 287,
 288, 290—292, 294—298, 310,

311, 313, 315, 316, 318, 319,
 321, 323—327, 330, 343, 346,
 356, 359, 365—374, 378, 383—
 386, 388, 390—396, 405, 407,
 411, 429, 432, 433
 Толстой Л. Н., гр. 41, 136, 177,
 187, 266, 299, 300, 301, 305,
 307

Торопиль 124, 125
 Трепав Ф. Ф. 102
 Трозинер Ф. В. 294
 Трубецкой Н. Н., кн. 179
 Трубецкой С. Н., кн. 21
 Тургенев И. С. 19, 41, 265
 Тхоржевский И. И. 30

Ульянов А. И. 80, 106
 Ульянов И. Н. 105
 Унковский А. М. 62
 Успенский 287
 Успенский Г. И. 276

Феоктистов Е. М. 19, 20, 25,
 26, 37, 40, 43, 45, 48, 49, 53,
 57, 61, 63, 69, 74, 85, 88, 89,
 102—105, 118, 120, 151, 153,
 177, 264—270, 273, 276, 278,
 281—283, 285—289, 291, 297—
 301, 308, 310, 366, 367, 391,
 430

Феоктистова С. А. 265, 288
 Фет А. А. 52
 Филатов А. И. 7
 Филиппов Т. И. 25, 26, 59, 142,
 266, 268, 325, 326, 362, 421
 Фриш Э. В. 111, 218, 219, 392,
 409, 425

Хижняков В. М. 173, 174, 210

Цейтлин С. И. 31

Чайковский П. И. 23, 52
 Черевин П. А. 22, 44, 45, 148
 Чернышевский Н. Г. 41
 Чивилев А. И. 37
 Чистович И. А. 108
 Чичерин Б. Н. 24, 62, 63, 72,
 73, 310, 343

Шамшин И. И. 218
Шарапов С. Ф. 296
Шахов А. Н. 87, 239
Шаховской 39
Шаховской С. В., кн. 122
Шевченко Т. Г. 302
Шевырев П. Я. 80, 106
Шелгунов Н. В. 275
Шелымагин И. И. 6
Шереметев В. С. 39, 46
Шестаков И. А. 12, 18, 19, 43,
65, 78, 87, 153, 182, 212, 251,
315, 316, 432
Шидловский А. Р. 369, 404
Шрейбер Н. Н. 258
Шрейдер Г. И. 31
Шувалов П. А., гр. 65, 244, 326
Шумахер А. Д. 219

Щегловитов И. Г. 258
Щетинина Г. И. 33, 325

Эвенчик С. Л. 31, 32
Энгельгардт (по-видимому,
С. П.) 55
Энгельс Фридрих 6
Эртель А. И. 274, 291

Юрьев С. А. 287

Янковский Е. О. 171
Ярмонкин В. 293
Яруничев 211

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
Введение	
Глава I. АЛЕКСАНДР III И ЕГО БЛИЖАЙШЕЕ ОКРУЖЕНИЕ	
Глава II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ 80-х — НАЧАЛА 90-х ГОДОВ	
Глава III. МИНИСТЕРСТВО ТОЛСТОГО — ДУРНОВО	
Глава IV. КАХАНОВСКАЯ КОМИССИЯ	
Глава V. СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ	
Глава VI. ПРЕССА И АДМИНИСТРАЦИЯ	
Глава VII. ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ	
Глава VIII. КОНТРРЕФОРМЫ	
а) Закон о земских начальниках	
б) Земское положение 12 июня 1890 г.	
в) Городовое положение 14 июня 1892 г.	
Заключение	
Указатель имен	

Зайончковский, Петр Андреевич

**РОССИЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ
В КОНЦЕ XIX СТОЛЕТИЯ**

(политическая реакция 80-х —
начала 90-х годов)

Редактор Л. Н. Винокур

Младший редактор В. М. Кузнецова

Оформление художника В. Д. Грызлова

Художественный редактор А. А. Брантман

Технический редактор Л. К. Уланова

Корректор Л. М. Чигина

Сдано в набор 4 февраля 1970 г. Подписано в печать
9 июня 1970 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 2. Усл. печат-
ных листов 23,52. Учебно-издательских листов 24,31. Тираж
8000 экз. А02071. Заказ № 36. Цена 1 р. 65 к.

Издательство «Мысль».

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

**Московская типография № 20 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, 1-й Рижский пер., 2.**

Зайончковский П. А.

Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., «Мысль», 1970.

444 с.

Известный исследователь истории русского царизма профессор МГУ П. А. Зайончковский в своей новой книге рассматривает деятельность высших государственных учреждений и правительственного аппарата России, излагает политику в области судопроизводства, просвещения, цензуры, подготовки и проведения контрреформ. Используемый им обширный документальный материал из центральных архивов характеризует как общую социально-экономическую обстановку в стране, так и реакционную идеологию ее правителей. На страницах книги читатель найдет мастерски нарисованные образы императора Александра III, видных государственных деятелей, сановников и министров.

1-6-4

102-70

9(С)16

**В 1970 г. издательство «Мысль»
выпустит следующие книги по истории СССР:**

«История национально-государственного строительства в СССР (1938—1965 гг.)». Под ред. Д. А. Чугаева. 1970, 25 л., 1 р. 70 к.

В этой книге, которая является продолжением изданной «Истории национально-государственного строительства в СССР (1917—1937 гг.)», воссоздается картина развития Союза Советских Социалистических Республик в целом и всех его республик, автономных областей и национальных округов в отдельности, раскрываются основные закономерности и показываются особенности национально-государственного строительства в нашей стране.

Книга будет полезна лекторам, пропагандистам, научным работникам, преподавателям общественных дисциплин.

Гармиза В. В. Крах эсеровских правительств. 1970, 15 л. 1 р. 10 к.

Автор настоящей работы поставил своей целью осветить малоизученный, но очень актуальный в советской исторической науке вопрос — в рамках сравнительно небольшой книги показать политику и практику эсеров в период гражданской войны во всех районах нашей страны, где они пытались установить так называемое народовластие, — в Поволжье, Сибири, на Севере России.

В работе используются многие архивные фонды, большая часть документальных источников публикуется впервые.

Книга должна заинтересовать не только историков, но и преподавателей других общественных наук, а также пропагандистов.

Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. 1970, 16 л. с илл., 1 р. 16 к.

Эта книга о жизненном пути, революционной, государственной и научной деятельности выдающегося советского ученого М. Н. Покровского. В ней прослеживаются формирование и развитие исторических взглядов ученого, раскрывается его историческая концепция.

Всесторонне оценивая вклад, внесенный М. Н. Покровским в марксистскую историческую науку, автор дает объяснение противоречивого и ошибочного толкования ученым отдельных периодов и событий истории.

Написанная на основе изучения всего литературного наследия М. Н. Покровского и большого архивного материала, книга представит интерес не только для специалистов-историков, но и для широкого круга читателей.

Издательство «Мысль»
подготовило ряд книг к 25-летию победы
Советского Союза в Великой Отечественной войне

В 1970 г. вышли в свет следующие книги:

Г. А. Деборин, Б. С. Тельпуховский. *Итоги и уроки Великой Отечественной войны.* (345 стр., тираж 48 500 экз., цена 1 р. 48 к.).

В ней рассказывается о подвигах воинов на фронтах, партизан и подпольщиков в тылу фашистских войск, о самоотверженной работе тружеников советского тыла.

«Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.)».

В этой работе говорится о том, как под руководством партийных организаций сибиряки создавали и развивали военное производство, снабжали фронт и страну продовольствием, как решали трудную и важную проблему создания обученных кадров для промышленности и сельского хозяйства и т. д.

И. З. Захаров. *Дружба, закаленная в боях* (280 стр., тираж 8 тыс. экз., цена 1 р. 25 к.).

Автор поставил цель показать значение дружбы народов для победы советского народа в Великой Отечественной войне, роль КПСС в дальнейшем упрочении этой дружбы и в интернациональном воспитании советских граждан.

45.55K.

778-7788-0000-7788-0000